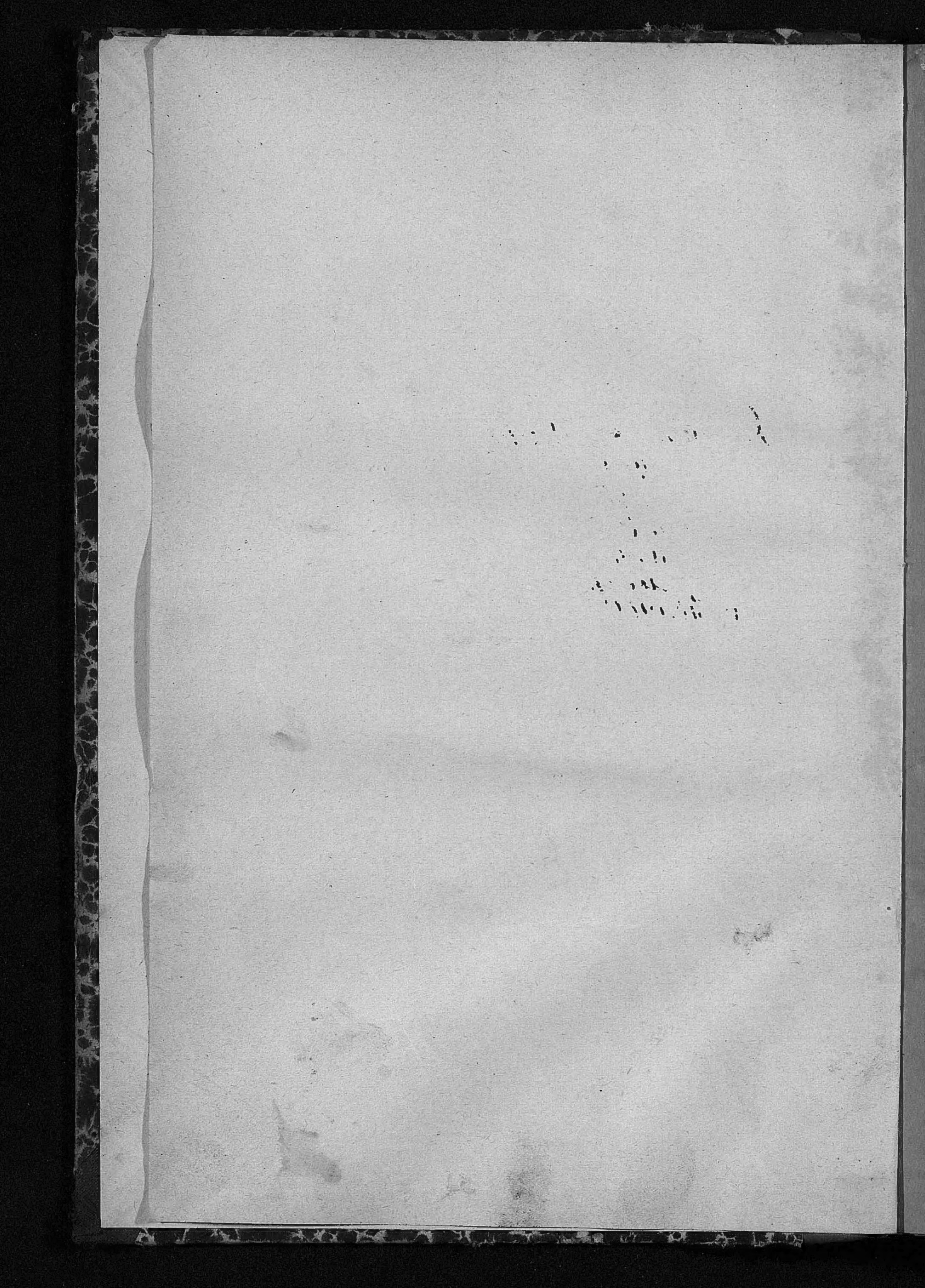

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. НОЯБРЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1901.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1901 г.

Библіографическій листокъ.

„Русскій Біографическій Словарь". Фаберъ—Цявловскій. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. С.-Пб. 1901 г., 8°, 521 стр. (цѣна 6 р. 50 к.).

Мало еще извѣстное, а потому и не вошедшее въ обиходъ грандіозное изданіе Русскаго Историческаго Общества медленно, но безостановочно подвигается впередъ: настоящій томъ, по счету четвертый (I—А—Александръ II, II—Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ, III—Ибакъ—Ключаревъ), появился въ свѣтъ въ мартѣ текущаго года, а въ началѣ наступающаго, какъ мы слышали, готовится къ выходу новый выпускъ, въ который войдутъ біографія русскихъ дѣятелей на букву П. (до Петра Великаго исключительно). Своевременно, по мѣрѣ выхода предыдущихъ томовъ, въ печати появлялись замѣтки, посвященныя предпріятію А. А. Половцова (изданіе ведется на его личныя средства), въ которыхъ, съ большимъ или меньшимъ безпристрастіемъ отмѣчались достоинства «Словаря». Къ числу достоинствъ изданія справедливо причислялись широта плана, привлеченіе въ обиходъ большаго количества архивныхъ матеріаловъ, къ которымъ сотрудники «Словаря» допускались съ бо́льшею или меньшею свободою, наконецъ, несомнѣнное достоинство многихъ статей, принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ, или начинающихъ ученыхъ. Настоящій томъ, отличаясь тѣми же качествами, что и ранѣе вышедшіе, производитъ еще болѣе благопріятное впечатлѣніе какъ со стороны полноты, такъ и въ отношеніи детальной разработки статей. Отсылая интересующихся къ самому изданію, отмѣтимъ въ новомъ томѣ статьи наиболѣе обстоятельныя: таковы біографіи Б. Хмельницкаго (проф. Маркевича), Филарета Дроздова (проф. Корсунскаго), митр. Филиппа (С. В. Рождественскаго), А. С. Хомякова (А. М. Ловягина), Д. И. Фонвизина (акад. Жданова), статьи В. В. Сиповскаго (объ А. П. Хвостовой, Е. В. и М. М. Херасковыхъ), Н. П. Павлова-Сильванскаго, В. И. и Д. А. Корсаковыхъ, Б. Л. Модзалевскаго (гр. Д. И. Хвостовъ, и др.), Я. Колубовскаго, С. Н. Кулибина, Вс. С—каго, А. Чулкова, Н. И. Веселовскаго, Б. Савинкова (кн. П. Д. Цицiановъ), В. Горскаго и др. Съ окончаніемъ всего задуманнаго изданія «Словарь» будетъ необходимъ всѣмъ изслѣдователямъ и любителямъ нашей старины, почему мы и желаемъ такому монументальному предпріятію Русскаго Историческаго Общества полнѣйшаго успѣха.

Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга первая. Варшава. 1901 г.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г.

Новый трудъ Д. В. Цвѣтаева представляетъ черновикъ собраннаго Д. В. историческаго матеріала, въ который вошли документы, планы и рисунки. На основаніи добытыхъ источниковъ Д. В. оспариваетъ распространенное мнѣніе, по которому заброшенная на заднемъ дворѣ Первой мужской въ Варшавѣ гимназіи постройка въ видѣ часовни считается усыпальницей Шуйскихъ. Доказательству этого вопроса будетъ посвященъ слѣдующій выпускъ.

Трудъ С. Ф. Либровича—тоненькая книжка, цѣликомъ посвященная тому же вопросу плѣненія, кончины и погребенія Шуйскихъ и представляетъ удачный популярный очеркъ смутнаго времени. Несмотря на скромную цѣну, въ книжкѣ до сорока прекрасно воспроизведенныхъ различныхъ иллюстрацій.

В. Л—ій.

Николай Лернеръ. «Первая одесская газета». Страничка изъ исторіи русской печати. Одесса 1901 г.

Въ небольшой брошюрѣ, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, г. Лернеръ излагаетъ исторію возникновенія и прекращенія первой одесской газеты.

Газета эта, издававшаяся на французскомъ языкѣ и носившая названіе: «Messager de la Russie Méridionale, ou feuille commerciale, publié avec l'autorisation du gouvernement» [1]), выходила въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ: съ 1-го апрѣля 1820 до октября 1823 года. Издателемъ газеты была небогатая компанія, подъ руководствомъ весьма образованнаго француза Ивана Даваллона; онъ былъ агрономъ и хозяинъ овчарнаго заведенія во Франціи; но, испытавъ разныя потери, искалъ средствъ для существованія, для чего и началъ издавать газету, которая выходила по вторникамъ и пятницамъ сперва на одномъ полулистѣ, по невозможности, какъ сказано въ программѣ, издавать ее, при недостаткѣ типографскихъ средствъ, цѣлыми листами. Газета была посвящена преимущественно торговлѣ, а потому въ ней объявлялось о прибывшихъ и отошедшихъ корабляхъ, курсѣ векселей и мо-

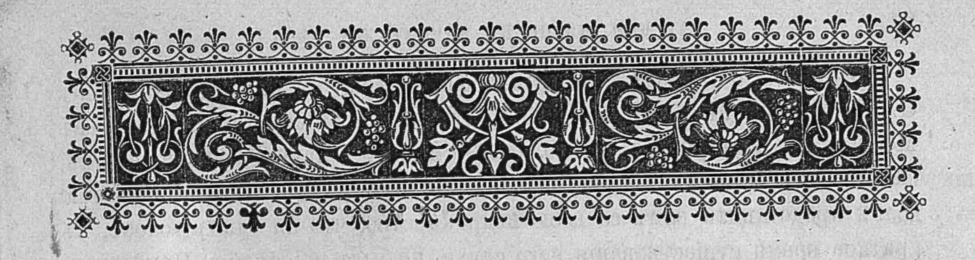
[1]). «Вѣстникъ Южной Россіи или коммерческій листокъ, издаваемый съ позволенія начальства».

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ

БЕНКЕНДОРФЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIV [1]).

Отношенія Россіи къ Франціи въ 1810 году.—Докладъ Наполеону министерства иностранныхъ дѣлъ о необходимости войны съ Россіею.—Положеніе Наполеона во Франціи. — Приготовленія Россіи къ военнымъ дѣйствіямъ. — Записка М. М. Сперанскаго. — Учрежденіе должностей военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ.—Желаніе и просьбы Барклая-де-Толли о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею.

Въ началѣ 1810 года многіе, по ходу политическихъ событій, считали войну съ Наполеономъ неизбѣжною.—«Я нашелъ въ Москвѣ, писалъ графъ Ростопчинъ [2]), множество слуховъ о близкомъ разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ упадка денегъ и возвышенія цѣнъ».

Невыгодный для Россіи Шёнбруннскій миръ съ Австріею, возбудившій продолжительную дипломатическую переписку по такъ называемому польскому вопросу, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и неудачное сватовство Наполеона положило, можно сказать, конецъ союзу его съ императоромъ Александромъ. Полное, но скрытое до времени охлажденіе началось съ того времени, когда Наполеону было заявлено, что императрица Марія Ѳеодоровна, по молодости великой княжны Анны Павловны, не можетъ согласиться на бракъ своей дочери съ императоромъ Франціи. Этотъ отказъ глубоко оскорбилъ Наполеона, но за то былъ сочувственно встрѣченъ русскими людьми.

[1]) См. „Русск. Старину" октябрь № 10, 1901 г.

[2]) Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ 24-го марта 1810 г. „Русскій Арх." 1869 г., т. I, стр. 759.

«Извѣстіе о разводѣ императора французовъ съ Жозефиною, писалъ Ѳ. П. Ключаревъ А. Д. Балашеву [1]), очень поспѣшно дошло сюда (въ Москву) изъ Петербурга. Расположеніе мыслей о нашей великой княжнѣ, ежели бы жребій палъ быть ей невѣстою императора Наполеона, имѣю долгъ представить вамъ со всею искренностію, что ни одинъ голосъ, въ краткое время существованія сего слуха, не былъ пріятнымъ. Причина— недовѣренность, далеко распространенная, къ намѣревающемуся вступить въ новый бракъ. Даже говорили, что Жозефина не неплодна, а можетъ быть самъ онъ таковъ».

Какъ бы то ни было, но Наполеонъ послѣ отказа старался при всякомъ удобномъ случаѣ выказать свою непріязнь и нерасположеніе, но дѣлалъ это скрытно, а въ разговорахъ и объясненіяхъ увѣрялъ въ противномъ. Въ 1810 году онъ болѣе чѣмъ когда-либо нуждался въ союзѣ съ Россіею. Французскіе курьеры поминутно отправлялись въ Петербургъ изъ различныхъ мѣстъ пребыванія императора; многія письма Наполеона и депеши его министра иностранныхъ дѣлъ посылались по почтѣ, конечно, съ тою цѣлью, чтобы вся Европа могла узнать ихъ содержаніе, доказывающее о тѣснѣйшемъ союзѣ Россіи съ Франціею.

Вступая во второй бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею, Наполеонъ, прежде окончательнаго объявленія о томъ австрійскому дому, сообщилъ объ этомъ русскому посланнику въ Парижѣ и своею любезностью старался во всемъ предупредить Александра. Причиною такого поведенія были запутанныя дѣла Франціи въ Испаніи, гдѣ французы по временамъ терпѣли значительную неудачу и почти не имѣли никакого успѣха. Переговоры съ Англіею тоже не подвигались впередъ, отчего увеличивалось число недовольныхъ мѣрами французскаго императора. Выдти изъ этого онъ могъ, только опираясь на союзъ съ сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, какова была въ ту эпоху Россія. Сознавая это, Наполеонъ готовъ былъ временно употребить всѣ средства, чтобы только расположить, или, лучше сказать, ввести въ заблужденіе императора Александра и отдалить все то, что могло ослабить его союзъ съ Россіею.

Въ Петербургѣ не довѣряли его любезностямъ.

«Все сіе показываетъ, писалъ между прочимъ графъ Румянцовъ графу Н. М. Каменскому [2]), что императоръ Наполеонъ, обремененный многими уже затрудненіями, старается избѣгать новыхъ. Дѣла его, особливо же въ Испаніи, въ такомъ положеніи, что, конечно, въ тече-

---

[1]) Отъ 13-го января 1810 г. „Русскій Архивъ" 1889 г. № 6, стр. 311.— Ѳ. П. Ключаревъ былъ въ то время московскимъ почтъ-директоромъ, а А. Д. Балашевъ—министромъ полиціи.

[2]) Арх. минист. иностран. дѣлъ. „Campagnes Turques".

ніе сего года не успѣетъ онъ распутать ихъ на столько, чтобы обратить вниманіе свое на другой край».

Императоръ Александръ не придавалъ особенной цѣны любезностямъ Наполеона. Онъ сознавалъ, что, въ виду затруднительности положенія, французскій императоръ готовъ сдѣлать все, чтобы сохранить необходимый для себя союзъ съ Россіею. Петербургскій кабинетъ смотрѣлъ на дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности.

«Я не скрою отъ васъ, писалъ графъ Румянцовъ тому же графу Н. М. Каменскому [1]), того, что хотя дѣйствительно императоръ Наполеонъ во всѣхъ случаяхъ тщится показать дружество и привязанность къ нашему августѣйшему монарху, но я, тѣмъ себя не ослѣпляя, почитаю сіе не столько дѣйствіемъ его личной склонности, сколько послѣдствіемъ его затруднительнаго положенія, въ каковое многія обстоятельства его поставили и въ коемъ нынѣ нужно ему болѣе, нежели когда-нибудь, сохранить доброе къ себѣ расположеніе его величества и поддержать существующій между ними союзъ».

Графъ Румянцовъ былъ болѣе чѣмъ правъ въ своемъ мнѣніи.

Въ мартѣ 1810 года, по приказанію Наполеона, былъ составленъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ докладъ [2]), въ которомъ говорилось, что, въ виду неизбѣжнаго сближенія Россіи съ Англіею, союзъ Франціи съ первою державою приходитъ къ концу и война съ нею настоятельно необходима для сохраненія первенствующаго положенія Франціи въ Европѣ.

По словамъ доклада, второй бракъ Наполеона, устанавливая новыя и близкія отношенія съ Австріею, не можетъ не привести въ недалекомъ будущемъ къ перемѣнѣ европейской политики и требуетъ немедленнаго обсужденія интересовъ французской имперіи. Пока австрійскій домъ придерживался совѣтовъ Англіи, до тѣхъ поръ Франція принуждена была смотрѣть на свои связи съ Россіей, какъ на необходимый противовѣсъ, который обезпечивалъ бы хотя н е й т р а л и т е т ъ сѣвера. «Я говорю,—сказано въ секретномъ докладѣ,—скорѣе нейтралитетъ, чѣмъ союзъ, и это не безъ основанія» потому, что, несмотря на кажущееся присоединеніе къ континентальной системѣ четырехъ державъ, господствующихъ на Балтійскомъ побережьи, не подлежитъ сомнѣнію, что «и с п о р ч е н н о с т ь и н е д о б р о с о в ѣ с т н о с т ь д в о р о в ъ съ одной

---

[1]) Отъ 4-го іюля 1810 г. Арх. минис. иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes Turques“.

[2]) Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Рус. Стар.“ 1897 г. № 3, стр. 421.

стороны и старыя привычки народовъ—съ другой» открыли англичанамъ сбытъ своихъ товаровъ [1]).

«При такомъ положеніи вещей, — спрашивалъ составитель доклада,—къ чему служитъ для Франціи мнимая коалиція сѣверныхъ государствъ противъ англичанъ? Не обладая морскими силами для дѣйствительнаго воздѣйствія на послѣднихъ, расположенныя въ тайнѣ покровительствовать обману, замѣняющему для нихъ дозволенную торговлю, они, отдавая пустыя приказанія, лишь дѣлаютъ видъ, что способствуютъ цѣлямъ вашего величества и исполняютъ свои обязательства. По этому-то и блокада, которая должна была заставить Англію умереть съ голода среди сокровищъ обѣихъ Индій, свелась къ системѣ безсвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россія, Пруссія, Данія, Швеція, подъ видомъ открытаго разрыва съ лондонскимъ дворомъ и близкихъ отношеній къ Франціи, сохраняютъ настоящій нейтралитетъ, выгодный лишь для англичанъ, такъ какъ состояніе нашего флота дѣлаетъ его совершенно призрачнымъ для насъ. И тогда преимущества, которыхъ мы ожидали отъ союза съ Россіей, съ каждымъ днемъ исчезаютъ. Россія, напротивъ того, быстро пользуется всѣми выгодами, вытекающими для нея изъ союза съ нами. Она уже мирно владѣетъ Финляндіей и, для полнаго осуществленія всѣхъ секретныхъ соглашеній тильзитскаго и эрфуртскаго, ей остается лишь обезпечить себѣ договоромъ обладаніе Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, съ давнихъ поръ покоренныхъ и занятыхъ ея войсками».

Указавъ на то, что лишь одно вліяніе Россіи можетъ противодѣйствовать видамъ Франціи относительно сѣвера и востока Европы, докладъ обращается къ характеристикѣ императора Александра. «Этотъ государь ни достаточно силенъ, чтобы облечь одного изъ своихъ министровъ исключительнымъ довѣріемъ, ни достаточно слабъ, чтобы быть управляемымъ имъ. Его политика—проявленіе личныхъ взглядовъ: его чувства, повидимому, влекутъ его къ союзу съ вашимъ величествомъ, но вліяніе императрицы-матери, хотя обусловленное скорѣе любовью, чѣмъ политикой, и различіе взглядовъ въ совѣтѣ незамѣтно, и какъ бы мимо его сознанія, дѣйствуютъ на умъ императора».

Состояніе финансовъ Россіи, паденіе торговли, по словамъ доклада, рано или поздно приведутъ ее къ сближенію съ Англіею; толчокъ, данный Россіею, заставитъ Пруссію, Швецію и Данію сдѣлать то же. При такихъ условіяхъ Англія можетъ распространить свое вліяніе на Турцію и такимъ образомъ создать коалицію противъ Франціи. «Поэтому

[1]) Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Русс. Старина" 1897 г. № 3 стр. 422—424.

пріучимъ себя смотрѣть на Россію, какъ на естественную союзницу Англіи и приготовимся бороться на континентѣ съ послѣдствіями сближенія между этими двумя державами, какъ только уже не въ нашей власти будетъ помѣшать ему».

«Прежде,—продолжаетъ докладъ,—у Франціи были три союзника, сдерживавшіе въ должныхъ границахъ колоссальную имперію, которою Петръ Великій отяготилъ Европу. Всѣ трое продолжаютъ еще существовать, несчастные, ослабленные, унылые, но могущіе воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными къ ихъ прежней политикѣ творческою рукою вашего величества». Союзники эти: турки, шведы и поляки, на которыхъ слѣдовало обратить особенное вниманіе.

«Необходимо протянуть войну турокъ съ русскими до тѣхъ поръ, пока значительная часть французскихъ войскъ, необходимая въ Испаніи и Португаліи, сохранитъ за собою посредничество въ случаѣ заключенія мира и убѣдитъ Порту уступить Франціи Морею и Кандію въ замѣнъ помощи, которую она получила бы для того, чтобы снова завладѣть Малой Татаріей и Крымомъ. Въ случаѣ, если Турція принуждена будетъ заключить миръ съ Россіею, постараться отбросить на англичанъ всю постыдную необходимость уступки (Россіи) Молдавіи и Валахіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать султану неприкосновенность остальной части его владѣній и пробудить въ немъ надежду на помощь въ другое время». Вторымъ союзникомъ были шведы, лишившіеся Финляндіи. Несомнѣнно, что союзъ Англіи съ Россіею доведетъ Швецію до крайности, и Франціи необходимо возвратить ей независимость и безопасность, такъ какъ граница ея съ Россіею ничѣмъ не обезпечена. «Было бы благоразумно возбудить въ шведахъ надежды и дать имъ субсидіи, упрочить ихъ новое правительство, поддержать озлобленіе, которое должна возбуждать потеря Финляндіи; но при всемъ томъ заключить явный союзъ съ этимъ пошатнувшимся престоломъ лишь послѣ того, какъ будетъ обезпечено спокойствіе Испаніи и будутъ приготовлены затрудненія для Россіи на сѣверѣ, востокѣ и центрѣ Европы.

«Поляки—вотъ третій изъ старинныхъ союзниковъ Франціи противъ колоссальной Русской имперіи. Въ Польшѣ Франція найдетъ постоянно самыхъ полезныхъ союзниковъ для униженія русской державы и для спасенія Турціи и Швеціи отъ ига, имъ угрожающаго. Вотъ, гдѣ долженъ быть установленъ центръ равновѣсія сѣвера, столь необходимаго для спокойствія остальной Европы и для величія Франціи».

Возсоединеніе всей прежней Польши подъ управленіемъ саксонскаго дома отбросило бы Россію къ своимъ прежнимъ границамъ. Она сохранила бы только «отъ своего полувѣковаго узурпаторства лишь Курляндію и провинціи, отнятыя отъ Оттоманской имперіи. Турки, пользуясь ослабленіемъ Россіи и всеобщимъ движеніемъ, направленнымъ противъ

нея, могли бы возстановить свои границы до Днѣстра и, можетъ быть, даже до Днѣпра, теченіе котораго отъ его верховьевъ до Очакова должно было бы составлять русскую границу».

«Успѣхъ этого предпріятія навѣки упрочилъ бы зданіе новой имперіи, а численность, храбрость, явное превосходство французской арміи, еще болѣе безспорное превосходство того, кто руководитъ ею, сокровенныя желанія, готовность, энтузіазмъ поляковъ и ничтожество Пруссіи со времени Тильзитскаго мира—не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ, если вѣнскій дворъ, соединенный съ французскимъ священными узами и его дѣйствительными интересами, пожелаетъ способствовать его осуществленію. Тогда въ дѣйствительности была бы возстановлена имперія Карла Великаго, увеличенная и укрѣпленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ; тогда Россія была бы дѣйствительно отрѣзана отъ цивилизованной Европы, а Англія—отъ континента. Этотъ планъ можетъ казаться гигантскимъ, а онъ, однако, является лишь слѣдствіемъ довѣрія, которое должны возбуждать величайшія чудеса, сотворенныя геніемъ вашего величества» [1]).

Сводя въ одно цѣлое, составитель доклада приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что союзъ Франціи съ Россіею, несмотря на личный характеръ Александра, слѣдуетъ считать союзомъ непрочнымъ и близящимся къ концу;

2) что сближеніе петербургскаго и лондонскаго дворовъ не можетъ быть отдалено на очень долгое время и зависитъ отъ состава и политики англійскаго министерства;

3) что на Пруссію, въ случаѣ разрыва съ Россіею, слѣдуетъ смотрѣть какъ на врага;

4) что Польша и Саксонія являются самыми полезными и вѣрными союзниками Франціи противъ Россіи и наиболѣе заинтересованными въ раздѣлѣ остатковъ Прусской монархіи;

5) что не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать для привлеченія къ себѣ Швеціи; продолжать переговоры въ Константинополѣ и привлечь на свою сторону Австрію и Данію.

Докладъ этотъ, дававшій программу будущихъ дѣйствій, выражавшій довѣріе къ генію Наполеона, и ожиданія отъ него еще бо̀льшихъ чудесъ льстилъ ему и увлекалъ его.

— Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ, — говорилъ онъ. Остается только Россія, но я подавлю ее... Я строю ежегодно по пятнадцати кораблей; какъ только у меня ихъ будетъ полтораста, я буду господствовать и на морѣ.

---

[1]) „Русская Старина“ 1897 г., № 3, стр. 442 и 443.

Въ разговорѣ съ генераломъ Вреде во время охоты, Наполеонъ сократилъ и этимъ срокъ.

— Еще три года,—сказалъ онъ ему,—и я буду владыкою вселенной.

Онъ не сознавалъ еще тогда, что звѣзда его меркнетъ и что среди его окружающихъ есть противники, подкапывающіеся подъ его величіе. Во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ и впослѣдствіи Коленкуръ, его посланникъ въ Петербургѣ.

Въ январѣ 1810 года графъ Нессельроде былъ посланъ въ Парижъ подъ предлогомъ заключенія займа, а въ дѣйствительности для того, чтобы обо всемъ происходившемъ увѣдомлять императора Александра, черезъ посредство Сперанскаго, помимо канцлера графа Румянцова. Недовѣрчивый и неоткровенный императоръ Александръ I велъ дипломатическіе переговоры тремя путями: черезъ графа Румянцова, флигель-адъютанта Чернышева и графа Нессельроде и при томъ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что поручалось другому и третьему.

«Заемъ не удался,—говоритъ Нессельроде [1],—но переписка установилась и продолжалась восемь мѣсяцевъ. Куракинъ [2]) и министръ иностранныхъ дѣлъ [3]) ничего о ней не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона».

Всѣ эти лица вели сношенія съ графомъ Нессельроде въ тайнѣ, но повелитель Франціи, не подозрѣвая о томъ, все болѣе и болѣе развивалъ свое самовластіе.

Присоединеніе къ Франціи Церковной области и Ганновера, распространеніе континентальной системы, разорившей всѣ союзныя съ Франціею государства, и не удавшіеся переговоры по поводу Польши [4]) возстановили императора Александра противъ Наполеона. Непріязнь эта усилилась и дошла до оскорбленія, когда въ декабрѣ 1810 года былъ присоединенъ къ Франціи сѣверный берегъ Германіи. При этомъ родственникъ русскаго императора, герцогъ Ольденбургскій, лишился наслѣдственныхъ своихъ владѣній. Императоръ Александръ протестовалъ противъ такого нарушенія трактатовъ. Парижскій кабинетъ не принялъ протеста, и тогда Александръ приказалъ отправить его ко всѣмъ нашимъ посланникамъ, для сообщенія дворамъ, при которыхъ они находились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 19-го (31-го) декабря было обнародовано «Положеніе о неутральной торговлѣ на 1811 годъ». Этимъ положеніемъ раз-

---

[1]) Записки графа К. В. Нессельроде. „Русск. Вѣст." 1865, № 10, стр. 545.

[2]) Тогдашній посолъ нашъ въ Парижѣ.

[3]) Графъ Н. П. Румянцовъ.

[4]) О нихъ будетъ сказано ниже.

рѣшался ввозъ въ Россію колоніальныхъ товаровъ, на нейтральныхъ американскихъ судахъ, и запрещался ввозъ многихъ французскихъ товаровъ, а на другіе налагалась высокая пошлина, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты изъ Россіи [1]). Этою мѣрою былъ нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, сохраненіе которой упорно преслѣдовалось Наполеономъ. Понятно, что обнародованіе Россіею новаго положенія о торговлѣ было для многихъ предзнаменованіемъ скораго разрыва и хотя миръ наружно сохранялся, но въ дипломатическихъ сношеніяхъ, между Петербургомъ и Парижемъ, усилилась неискренность, сдержанность, а иногда колкость и рѣзкость [2]).

Наполеонъ настаивалъ на отмѣнѣ таможеннаго тарифа, а Александръ требовалъ возстановленія герцогства Ольденбургскаго, и оба стали явно во враждебныя отношенія другъ къ другу.

— Вотъ большая планета, — сказалъ Наполеонъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышову,—которая принимаетъ ложное направленіе; я ничего болѣе не понимаю въ ея движеніи. Она можетъ такъ дѣйствовать только съ намѣреніемъ разойтись съ нами; будемъ насторожѣ и примемъ мѣры, предписываемыя благоразуміемъ.

Продолжая съ Чернышевымъ разговоръ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между Россіей и Франціею, Наполеонъ сказалъ ему: «что всѣ они не важны, если бы императоръ Александръ не издалъ новаго тарифа, взволновавшаго всю Европу». Наполеонъ жаловался на то, что у насъ жгли запрещенные французскіе товары. Чернышевъ отвѣчалъ, что подобныя мѣры принимались еще при императрицѣ Екатеринѣ II.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ,—съ жаромъ возразилъ Наполеонъ,— что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ и къ тому же не считалась въ числѣ просвѣщенныхъ государствъ; въ настоящее же время, сдѣлавшись европейскою націей, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія установленныхъ правилъ. Я жгу англійскіе товары потому, что веду съ Англіей непримиримую войну. Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ оскорбленіе, я приказалъ жечь въ своихъ гаваняхъ лѣсъ, поташъ, пеньку, желѣзо, вообще все, что приходитъ изъ Россіи: вотъ каковъ союзъ нашъ съ вами!

— Американцы имѣютъ доступъ въ мои гавани,—отвѣчалъ Александръ,—потому что я не могу обойтиться совершенно безъ торговли и, по условіямъ тильзитскаго договора, я обязанъ соблюденіемъ не берлинскаго и миланскаго договоровъ, а уставовъ, руководствующихъ въ

---

[1]) Шлоссеръ, „Всемірная исторія", изд. 1872 г., т. VI, стр. 587.

[2]) Подробности этихъ сношеній не входятъ въ нашу программу, и желающіе могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ: Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе"; М. И. Богдановича: „Императоръ Александръ" и многихъ другихъ.

сношеніяхъ съ нейтральными государствами; я держусь этихъ уставовъ точнѣе, нежели Франція.

Недовольный такимъ отвѣтомъ, Наполеонъ сталъ обращаться съ нашимъ посланникомъ княземъ Куракинымъ дерзко и грубо.

— Вы хотите,—сказалъ онъ ему,—вести дѣла, а единственный умный человѣкъ изъ вашего посольства, графъ Нессельроде, собирается уѣхать отъ васъ.

— Не понимая ничего въ ходѣ дѣлъ, которому у васъ слѣдують,—говорилъ Наполеонъ тому же Куракину 3-го (15-го) августа 1811 г.,—я поступаю какъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, который когда не разумѣетъ, высказываетъ недовѣрчивость. Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или таятъ заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжитъ. Пора намъ кончить наши споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцовъ будутъ отвѣчать передъ лицомъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны. Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится.

Сваливая вину на другихъ, Наполеонъ жаловался всѣмъ, что императоръ Александръ лишилъ его дружбы, увѣрялъ что не желаетъ войны; но что политическое положеніе дѣлаетъ ее неизбѣжною.

«Война будетъ,—писалъ онъ королю Виртембергскому [1]. Она будетъ вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки благу Франціи и Россіи. Я уже такъ часто бывалъ въ такомъ положеніи, и опытъ прошедшаго раскрываетъ мнѣ будущность. Все это сцена изъ оперы, а дѣйствующія машины въ рукахъ англичанъ».

Эта нація была больнымъ мѣстомъ въ сердцѣ Наполеона, вела его къ разнаго рода заблужденіямъ и ошибкамъ. Въ 1811 году онъ находился на высотѣ своего величія и могущества; онъ подчинилъ себѣ все, что можно было подчинить, и могъ бы спокойно почить на лаврахъ. Быстрое и легкое достиженіе родственнаго союза съ Австріею, только-что разбитою и униженною имъ, указывало, что вчерашніе враги ищутъ его покровительства и преклоняются передъ нимъ, что всѣ остальные раболѣпствуютъ въ безмолвномъ молчаніи и ловятъ каждое слово, чтобы судить о степени его благоволенія или неудовольствія. Это низкопоклонство, вмѣстѣ съ честолюбіемъ и самоувѣренностію, развило въ Наполеонѣ то, что онъ считалъ себя выше всего земнаго. Не

---

[1] Отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 г. „Русскій Арх." 1890 г., № 10, стр. 224.

безъ его, конечно, согласія во всѣхъ низшихъ школахъ Франціи преподавали катехизисъ, въ которомъ говорилось, что самъ Богъ поставилъ Наполеона великаго своимъ представителемъ на землѣ и что потому всякое вѣроломство въ отношеніи особы императора Франціи влечетъ за собою вѣчное проклятіе [1]). Какъ такому человѣку не стать во главѣ всемірной монархіи? Тому препятствуютъ, однако же, двѣ державы: Россія и ненавистная ему Англія, не признающія его божественнаго происхожденія, не подчиняющіяся его волѣ и желаніямъ, и остающіяся свободными.

Неудачная въ теченіе многихъ лѣтъ борьба съ Англіей и желаніе подавить ее во что бы то ни стало сдѣлались задачею жизни Наполеона, и нелѣпая идея о полномъ закрытіи ей доступа въ порты континентальныхъ государствъ стала руководящимъ началомъ его политики. А между тѣмъ въ концѣ 1810 года Россія обнародовала новый тарифъ, облегчающій Англіи доступъ въ ея порты. Это обнародованіе не только разрушило союзъ, но нанесло явное оскорбленіе Наполеону, и походъ въ Россію сталъ для него неизбѣжнымъ. Сначала онъ самъ утверждалъ, что такой походъ былъ бы безуміемъ; но когда дѣло коснулось Англіи и его оскорбленія, то Наполеонъ сталъ убѣждать себя и доказывалъ другимъ всю необходимость войны и возможность ея успѣха. Такъ какъ Россія сдѣлалась главнымъ препятствіемъ дѣлу морскаго мира, то война съ нею являлась только одною изъ операцій въ борьбѣ противъ Англіи. Подъ вліяніемъ страсти и ненависти, Наполеонъ считалъ необходимымъ нанести ударъ сѣверу и стать, наконецъ, владыкою вселенной. «Ему хотѣлось воевать съ Россіею, говоритъ Барантъ [2]), онъ готовился къ тому, но въ то же время сознавалъ трудность и опасность этой войны. Завоевательная страсть боролась въ немъ съ холодностью разсудка и яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ. Онъ никому не повѣрялъ мучительныхъ думъ и тревогъ, которыя одолѣвали его. Онъ не могъ не подумать о случайностяхъ войны въ семи стахъ миляхъ отъ Франціи, въ странѣ неизвѣстной, столь мало похожей на всѣ страны, въ которыхъ водилъ онъ войска свои. Кромѣ того позади себя онъ оставлялъ въ Испаніи англійскую армію, которую не удавалось его генераламъ выгнать оттуда и которая служила опорою возставшему населенію» Наполеонъ зналъ, что Германія стонетъ подъ игомъ его, которое становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и что она готова свергнуть оное при первой его неудачѣ.

---

[1]) М. И. Богдановичъ, „Исторія царств. императора Александра I-го", т. III, примѣчаніе II, стр. 36 (приложеніе).

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русскій Арх." 1890 г. № 10, стр. 224.

«Припоминая себѣ,—говоритъ графъ П. Х. Граббе [1]),—это время, я нахожу въ собственныхъ и въ чужихъ впечатлѣніяхъ что-то похожее на ощущенія, предшествующія разрушительному урагану. Воздухъ казался душенъ.—Тучи собирались на разныхъ точкахъ Европы; громъ, еще отдаленный, гремѣлъ только за Пиренеями. Мюраты, Жеромы, Іосифы занимали брошенные престолы. Чувство неясное непрочности всего существующаго наполняло сердца. Людовикъ Бонапарте, король Голландіи, не постигшій знаменія времени и помышлявшій о благосостояніи своего народа, осмѣянный и поруганный Наполеономъ, бѣжалъ съ своего опозореннаго трона. Нелѣпые костры изъ англійскихъ товаровъ горѣли въ разныхъ городахъ Германіи къ изумленію жителей. Растлѣніе нравовъ, отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ бываетъ во времена чумы, видимо развивалось повсюду, особливо въ высшихъ сословіяхъ общества.

«Наполеонъ казался наверху насильственнаго могущества и въ изступленномъ раздраженіи противъ Россіи, особливо противъ Англіи, мысленно поглощалъ мимоходомъ первую и помышлялъ объ Индіи. Прейсишъ-Эйлау, Асцернъ, Ваграмъ въ Германіи, Байона и истребительная война въ Испаніи, эти остерегательныя угрозы Провидѣнія ослѣпленному завоевателю, не вразумили его. Совѣты и противорѣчія благоразумія и предусмотрительности не находили уже къ нему доступа.

«И я удивляюсь Наполеону, но для меня онъ далекъ отъ истиннаго идеала величія человѣка. Удивляюсь я рѣдкому, многообъемлющему уму его, поразительной дѣятельности; но онъ не противосталъ ни одному искушенію; но даръ, рѣдкій даръ остановиться во-время не принадлежалъ ему.... Наполеонъ прошелъ какъ всесокрушительная буря, оставивъ послѣ себя однѣ развалины и урокъ блистательнаго ума и огромнаго всепопирающаго самолюбія».

Европа желала столкновенія Россіи съ Франціею, видѣла въ немъ свое спасеніе и опасалась, что борьба Александра съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттернихъ не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ примиренія Россіи съ Франціей въ ущербъ Австріи и Пруссіи. Другой дипломатъ, Жозефъ де-Местръ, даже съ ужасомъ говорилъ объ этомъ. Онъ писалъ, что миръ можетъ состоиться потому, «что оба государя запугиваютъ одинъ другаго; но если примиреніе состоится, то оно совершится при помощи новаго д ь я в о л ь с к а г о соглашенія: съ одной стороны будетъ признанъ титулъ З а п а д н а г о и м п е р а т о р а со всѣми его послѣдствіями, а съ другой—кто же помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу» [2]).

---

[1]) Въ своихъ памятныхъ запискахъ. „Рус. Арх.“ 1873 г., т. I, 856 и 857.
[2]) Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I-й“, т. III, стр. 21.

Нельзя допустить, чтобы Наполеонъ не зналъ о всеобщей къ нему ненависти какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, но когда человѣкъ желаетъ убѣдить себя въ противномъ, онъ всегда это сдѣлаетъ. Такъ дѣлалъ и императоръ Франціи: онъ ласкалъ себя мыслію, что подъ его желѣзною рукою никакое возстаніе невозможно и положеніе его прочно.

— Вы надѣетесь на союзниковъ,—говорилъ онъ князю Куракину,— гдѣ они? Не на австрійцевъ ли, съ которыми вели войну въ 1809 г. и у коихъ взяли область [1]) при заключеніи мира? Не на шведовъ ли, у которыхъ отняли Финляндію? Не на Пруссію ли, отъ которой отторгли часть владѣній, несмотря на то, что были съ нею въ союзѣ.

Произнося эти слова, Наполеонъ ласкалъ себя надеждою и старался убѣдить другихъ, что всѣ эти державы будутъ скорѣе союзницами его, чѣмъ Россіи. Онъ не обращалъ вниманія на то внутреннее состояніе, въ которомъ находилась тогда Франція. Онъ зналъ о настроеніи умовъ и недовольствѣ своихъ подданныхъ, но не придавалъ этому значенія; зналъ, что онъ надоѣлъ французамъ, но не зналъ что противъ него ведутъ интригу даже лица, близкія къ нему. Мы говорили уже о тайныхъ переговорахъ графа Нессельроде съ Талейраномъ, а теперь къ нимъ примкнулъ и Коленкуръ, тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ. Въ интимныхъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ, Коленкуръ нерѣдко обращалъ его вниманіе на властолюбіе своего императора, угрожавшее России.

Получивъ изъ Парижа депешу о томъ, что французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена, Коленкуръ представилъ ее императору Александру.

— Это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ,—отвѣчалъ государь,—но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то я измѣню свое убѣжденіе.

Такое обращеніе къ чести благороднаго человѣка заставило Коленкура встать, взять свою шляпу, поклониться государю и уйти, не сказавъ ни слова. Въ другой разъ, получивъ изъ Парижа депешу, посолъ сказалъ одной изъ своихъ знакомыхъ: «бываютъ минуты, когда честный человѣкъ желаетъ смерти» [2]).

Положеніе Коленкура въ Петербургѣ было очень трудное. Наполеонъ говорилъ, что онъ сдѣлался русскимъ, былъ недоволенъ его донесеніями о миролюбіи Александра и, въ апрѣлѣ 1811 года, замѣнилъ его Лористономъ. Это былъ человѣкъ откровенный и честный, но не имѣвшій дипломатическихъ дарованій своего предшественника и, конечно,

---

[1]) Тарнопольскую.

[2]) Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра“, т. III, стр. 115.

не пользовавшійся благосклонностію и довѣріемъ Александра. Не желая терять столь драгоцѣннаго источника для полученія свѣдѣній, какимъ являлся Коленкуръ, государь предложилъ ему войти въ сношеніе съ графомъ Нессельроде и посылать черезъ него письма въ Петербургъ. Стараясь оправдать противниковъ Наполеона и своихъ корреспондентовъ, Нессельроде говоритъ, что «всѣ эти люди не помышляли объ измѣнѣ (?) Наполеону; они хотѣли лишь остеречь его (?) отъ порывовъ его собственныхъ страстей, воспрепятствовать веденію нескончаемыхъ войнъ, изводившихъ народонаселеніе Франціи, обѣднявшихъ его и угрожавшихъ катастрофой».

Французы не охотно уже пополняли ряды войскъ частыми наборами. Конскрипты скрывались по лѣсамъ и уклонялись отъ службы, представлявшей имъ одни лишенія и тягость въ будущемъ. Ихъ отцы, матери и жены проклинали виновника общихъ бѣдствій; страна, лишенная лучшей части молодаго поколѣнія, обложенная тяжкими поборами, бѣднѣла замѣтно отъ стѣсненія и почти прекращенія торговли. Рабочіе въ Парижѣ жаловались на постоянно возростающую цѣну хлѣба и прочихъ необходимѣйшихъ потребностей. «Прежнее восторженное обаяніе и чувство признательности французовъ къ Наполеону за возстановленный общественный порядокъ и высоко вознесенную народную славу смѣнились усталою покорностью, потребностью отдыха, затаенною памятью столькихъ пожертвованій и полнымъ отсутствіемъ усердія и преданности».

«Человѣку, жившему при немъ (Наполеонѣ),—говоритъ Барантъ [1]),— и внимательно его наблюдавшему, было очевидно, что онъ былъ снѣдаемъ мыслію обо всемъ этомъ. Онъ страдалъ безсонницею и ночью по цѣлымъ часамъ не сходилъ съ дивана, погруженный въ думы. Не будучи боленъ, онъ однако не пользовался полнымъ здоровьемъ. У него иногда пухли ноги; онъ ощущалъ потребность развлечься охотою или верховою ѣздою. То, что дѣлалось вопреки его волѣ, болѣе надоѣдало ему, нежели раздражало. Иногда, повидимому, онъ предавался отчаянію».

Но настоящее прискучило ему и уже не удовлетворяло; будущее манило къ себѣ новою славою, могуществомъ и неудержимо звало впередъ.

— Я обязанъ идти постоянно впередъ,—сказалъ однажды Наполеонъ генералу Фоа,—если остановлюсь, я паду.

Это убѣжденіе заставляло повелителя Франціи отталкивать всякую мысль о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, а вѣра въ себя, въ свой геній давала ему твердую надежду побѣдить ихъ.

Онъ думалъ покорить Россію свободою и Москвою: свободою прель-

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ, „Русс. Арх.» 1890 г. № 10, стр. 224.

стить народъ и привязать его къ себѣ; а Москвою онъ думалъ пріобрѣсти миръ славный для себя и пагубный для Россіи [1]).

— Я,—говорилъ онъ [2]),—не только не опасался этой войны, но почиталъ ее неизбѣжною. Мнѣ хотѣлось только начать ее въ надлежащій часъ. Россія была слишкомъ сильна, чтобы составить часть той политической системы Европы, которой я былъ творцомъ и которой средоточіе находилось во Франціи. Зданіе, мною воздвигнутое, отстояло слишкомъ далеко отъ его основанія. Россія тяготѣла всею своею тяжестію на верхнюю часть сего зданія. Александръ I, будучи меня моложе, вѣроятно, пережилъ бы меня, и тогда моя Имперія распалась бы непремѣнно на части. Слѣдовательно, нужно было отбросить Россію за предѣлы Европы, дабы она не вредила единству моей Имперіи. Нужно было дать этому новому политическому распредѣленію довольно твердые предѣлы, чтобы сообщить ему силу бороться успѣшно съ могуществомъ царей. Для осуществленія моего плана слѣдовало возсоздать Польшу на крѣпкомъ основаніи, и въ то же время нужно было побѣдить русскихъ на полѣ брани, дабы принудить ихъ къ принятію тѣхъ границъ, которыя я хотѣлъ начертать мечемъ. Вытѣсненная такимъ образомъ изъ политической системы Европы, Россія была бы отдѣлена отъ нея двумя стами тысячъ стражей, которыхъ я былъ бы готовъ поддержать при всякомъ случаѣ.

Идея великой войны на сѣверѣ обрисовалась передъ нимъ ясно; эта послѣдняя борьба казалась ему все менѣе и менѣе невѣроятною; онъ какъ-бы читалъ ее въ исторіи будущаго..... онъ говорилъ себѣ, что успѣхъ такого предпріятія уничтожилъ бы повсюду послѣдніе остатки сопротивленія и возстанія, освободилъ бы его отъ необходимости имѣть союзниковъ, т. е. признавать кого-либо равнымъ себѣ, и оставилъ бы его одного среди колѣнопреклоненной Европы. «Чудовищная мечта о всеобщемъ владычествѣ, основанномъ на паденіи послѣдней державы (Россіи), существующей еще независимо отъ него, коснулась Наполеона; пагубное видѣніе поднялось передъ нимъ, призывало, искушало его [3]). . .»

Рѣшаясь на борьбу съ Россіею, Наполеонъ сознавалъ, что для успѣха ея необходима значительная подготовка, а слѣдовательно время, пока онъ устроитъ свои дѣла въ Европѣ такъ, что въ состояніи будетъ обратить всѣ свои силы на пораженіе Россіи. Но влекомый безотчетно впередъ и подъ вліяніемъ назрѣвавшей мысли, онъ не въ состояніи

---

[1]) Письмо графа Ростопчина издателю. „Русскій Вѣстникъ", 1813, ч. 22, № 5, стр. 66 и 67.

[2]) „Паденіе Польши" М. Волковъ. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. I, стр. 133.

[3]) «Вѣстникъ Европы» 1893 г. № 5, стр. 359.

былъ скрыть своихъ намѣреній и съ непостижимою наивностью высказался Чернышеву, въ одномъ изъ разговоровъ съ нимъ.

— Вы,—сказалъ онъ,—поставили себя въ непріязненное положеніе со всѣми. Даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ее въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Выжиданіе для меня чистый выигрышъ; я уже разсчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шести-сотъ милліоновъ моей казны станетъ на все. Употребивъ въ семъ году сто милліоновъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть триста тысячъ человѣкъ, не считая войскъ Рейнскаго союза; на будущій годъ издержавъ 50-ю милліонами болѣе, буду имѣть шестьсотъ тысячъ человѣкъ, а черезъ четыре года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами?

Послѣ такого заявленія чего было ожидать въ будущемъ отъ хищника престоловъ? Неужели уступить его требованіямъ и смотрѣть спокойно, какъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ готовиться къ ополченію на Россію и, приготовившись, предъявитъ еще бо̀льшія претензіи. Императоръ Александръ не желалъ идти ни на какія уступки и былъ не прочь отъ того, чтобы ускорить развязку.

Въ запискѣ, составленной по порученію государя и ему представленной 11-го марта 1811 г., Сперанскій писалъ, что «необходимо показать рѣшительную твердость, что не токмо по видамъ пользы, но по совершенной необходимости, мы принуждены удерживать прежнія наши положенія во всей силѣ. Податливости и снисхожденія тутъ могутъ только поощрить предпріимчивость Наполеона, а между тѣмъ готовиться къ неминуемой войнѣ».

По мнѣнію М. М. Сперанскаго, предыдущія войны мы вели почти безъ денегъ, въ долгъ. «Отъ того,—говорилъ онъ,—войска наши бились храбро на мѣстахъ; но впередъ никогда не подвигались, ибо безъ денегъ все приходитъ поздно и некстати. Сверхъ того обѣ прошедшія войны начали мы внезапно и почти безъ опыта. Теперь было время приготовиться, познать людей и вещи. Войска тѣ же, но генералы опытнѣе. Вмѣсто Вязмитинова и князя Волконскаго есть Аракчеевъ и Барклай. Сіе одно полагаетъ уже необъятную разность. Впрочемъ, хотя энтузіазму много вѣрить и не должно, но нельзя отрицать, что энтузіазмъ есть великая мѣра, когда не управляются имъ, а управляютъ. Извѣстно же, что войны съ Франціею у насъ всѣ желаютъ, и нѣтъ, можетъ быть, извѣстія, которое принято бы было съ равнымъ восхищеніемъ. Не должно предаваться сему восхищенію, но можно воспользоваться имъ въ свое время слѣдующимъ образомъ:

1) Войну вести не въ долгъ, но наличными деньгами.

2) Денегъ достать можно: а) посредствомъ внутренняго окладнаго

займа, расположеннаго по имуществу на дворянство и купечество. Теперь одно купечество, за открытіе морской торговли [1]), съ радостію даромъ дастъ до 25 милліоновъ рублей. Заемъ у обоихъ состояній (дворянства и купечества) безъ всякаго усилія составить можетъ до ста милліоновъ рублей. б) Заемъ серебромъ въ посудѣ. Примѣръ сего займа мы видѣли въ Австріи, но съ тою разностью, что онъ открытъ былъ не въ войнѣ (т. е. не во время войны), но послѣ войны, послѣ пораженій и потери всѣхъ портовъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ успѣхъ.

«Сими способами и приготовляясь благовременно, можно съ твердостью вступить въ войну и хотя успѣхъ ея неизвѣстенъ,—то однако же достовѣрно, что изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее; а война конечно, лучше, чѣмъ потеря осьми (западныхъ) губерній и всѣ слѣдствія, кои отъ сего произойти могутъ. Во всѣхъ случаяхъ должно быть увѣреннымъ, что Россію можно побѣдить разъ и два, но покорить ее, по самому физическому ея положенію, невозможно».

Сперанскій совѣтовалъ сближать къ границѣ нечувствительно наши войска и запасы и приготовлять связи «войнѣ сей приличныя».

«Сколь не благоразумно было бы,—говорилъ онъ,—отступить нынѣ отъ принятой (континентальной) системы, столь неудобно, да и невозможно будетъ, вступая въ войну съ Франціею, продолжать ее съ Англіею. Изъ сего само собою уже слѣдуетъ, что съ первымъ, такъ сказать, выстрѣломъ должно возстановить связь съ Англіею. Но тогда возстановить ее будетъ поздно и неудобно. Англія возмечтаетъ, что нужда заставила насъ броситься въ ея систему, и поставитъ податливости своей высокую цѣну. Слѣдовательно, связь съ Англіею должно издалека приготовить и, ничего нынѣ не перемѣняя въ настоящемъ, устроить будущее. По сему нынѣ же нужно завести тамъ безгласнаго агента изъ купечества, который бы словесно и по одной рекомендаціи графа Воронцова могъ передавать наши виды, по мѣрѣ ихъ раскрытія, ведя сіе дѣло такъ, чтобы при открытіи войны оставалось только его кончить. Симъ однимъ всѣ связи наши по необходимости теперь должны быть ограничены».

Сперанскій предполагалъ, что Наполеонъ въ непосредственную войну съ нами не вступитъ, а «будетъ производить ее своимъ вліяніемъ». Онъ обѣщаетъ Швеціи Финляндію, Австріи—Силезію въ замѣнъ Галиціи или Сербію и даже Малую Валахію, Польшѣ—возстановленіе, «а насъ будетъ увѣрять въ дружбѣ».

По мнѣнію автора записки, Швеція «со всѣмъ жаромъ бросится въ Финляндію, какъ скоро обнадежена будетъ Франціею. Она будетъ считать, что теперь можетъ возвратить Финляндію или никогда. Польскія наши провинціи безъ сомнѣнія отложатся и предпримутъ войну за спа-

---

[1]) По случаю объявленія новаго тарифа.

сеніе отечества; сіе весьма естественно. Австрія не вступитъ, можетъ быть, въ войну дѣятельную, но, промѣнявъ Силезію на Галицію, обязана, конечно, будетъ двинуть свои войска здѣсь или въ Молдавію». Порта всегда будетъ готовымъ намъ непріятелемъ; въ мирѣ съ нами ее обольстятъ Молдавіею, а въ войнѣ—сильнымъ пособіемъ.

Опредѣливъ, кто будутъ наши враги, Сперанскій предлагалъ свой планъ поведенія, который должно принять съ каждымъ изъ названныхъ государствъ.

«Какъ скоро,—писалъ онъ,—война по возстановленіи Польши содѣлается неизбѣжною, то всякое угожденіе видамъ Франціи къ отвращенію сей войны будетъ не дѣйствительно. Къ дерзости прибавитъ она большую еще предпріимчивость. Слѣдовательно, какъ скоро первыя представленія наши о неперемѣнности положенія герцогства Варшавскаго будутъ на самомъ дѣлѣ отвергнуты, должно показать Франціи, что мы готовы на войну и перемѣняемъ всю свою (политическую) систему.

«Ничего не щадить, чтобы привязать къ намъ Финляндію. Между тѣмъ однако же не терять надъ нею твердаго надзора.

«Въ Австріи намъ дѣлать нечего, кромѣ того, чтобы стараться предвидѣть движеніе войскъ ея. Она есть совершенное орудіе Франціи.

«На Польшу считать никакъ не нужно. Свойство войны, которая въ ней можетъ возникнуть, будетъ имѣть всѣ опасности воспаленнаго патріотизма. Посему нынѣ же, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ (1811 г.), должно начать къ ней (войнѣ) приготовленія. Существо плана (приготовленій) состоитъ въ простомъ разсужденіи, чего могутъ желать наши (западныя) провинціи въ новомъ вещей порядкѣ?—свободы и возстановленія. Россія можетъ имъ дать и то и другое, и никто не дастъ имъ и дешевле, и прочнѣе.

«Сколь ни лестно кажется обладаніе Молдавіей, но по истинѣ оно никакъ не вѣроятно. Какой интересъ можетъ имѣть Франція, въ настоящемъ ея союзѣ съ Австріею, усиливать насъ и ослаблять Порту? Между тѣмъ отъ одного ея слова, отъ малѣйшаго движенія войскъ австрійскихъ, зависитъ остановить всѣ мирные переговоры даже и при совершенномъ турецкихъ войскъ пораженіи, ибо что поразить мы можемъ? Корпусъ отъ 15—20 тысячъ человѣкъ. Слѣдовательно, продолжая войну, стараясь поражать, должно искать, домогаться всѣхъ случаевъ вступить въ переговоры; должно пріучать себя къ той мысли, чтобы оставить Молдавію, удержавъ земли по Прутъ, и, если можно, взять порядочную контрибуцію».

Мнѣніе Сперанскаго сводилось къ тому, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число союзниковъ и дѣятельно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Приготовленія эти были начаты еще въ 1810 году.

— Если Наполеонъ вторгнется въ Россію,—говорилъ графъ Н. М. Каменскій,—и мнѣ придется дѣйствовать противъ него, то я начну отражать его отъ Смоленска.

— Читайте и перечитывайте журналъ Петра Великаго,—совѣтовалъ императоръ Александръ Барклаю-де-Толли. Великій преобразователь, заманивая Карла внутрь Россіи, предписывалъ своимъ полководцамъ томить непріятеля, упорно драться въ мелкихъ стычкахъ и, избѣгая генеральнаго сраженія, портить дороги и не оставлять непріятелю надежнаго пріюта [1]).

Совѣты эти не нужны были Барклаю. Еще въ 1807 году, когда, тяжело раненый подъ Прейсишъ-Эйлау, лежалъ въ Мемелѣ, онъ говорилъ знаменитому историку Нибуру:

— Если бы мнѣ пришлось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ, увлекая за собою французскую армію, ослабляя ее на каждомъ шагу недостаткомъ въ жизненныхъ запасахъ и частными нападеніями, а между тѣмъ сохранялъ собственныя войска и усиливалъ ихъ подкрѣпленіями, пока Наполеонъ вмѣсто рѣшительной побѣды нашелъ бы вторую Полтаву.

Италіанецъ графъ Фаньяни въ своихъ письмахъ изъ Россіи, появившихся до отечественной войны, упоминаетъ, что многіе русскіе говорили ему объ отступленіи внутрь страны, для ослабленія непріятеля и выигранія времени, пока глубокая осень и зима прекратятъ возможность продолжать военныя дѣйствія [2]).

Гораздо позже и именно въ маѣ 1812 года, когда императоръ Александръ, послѣ смотра 1-го корпуса, уѣзжалъ изъ Шавли, офицеры генеральнаго штаба спрашивали генерала Довре и полковника Дибича о характерѣ дѣйствій.

— Мы отступимъ,—отвѣчали они.

— Далеко ли?

— Какъ угодно будетъ Наполеону, хоть до Волги.

Въ сентябрѣ 1811 года флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ писалъ графу Румянцову: «Необходимо продлить борьбу, по возможности. — Самый опытъ показалъ намъ, что таковъ единственный способъ, могущій дать намъ почти несомнѣнную надежду побѣдить Наполеона, который всегда приходилъ въ замѣшательство и запутывался, какъ только встрѣчалъ сколько-нибудь продолжительное сопротивленіе; но доселѣ еще никогда не умѣли пользоваться затрудненіями, въ коихъ онъ находился, потому что не заботились своевременно собрать необхо-

[1]) Исторія жизни и царствованія Александра I, С. Глинки. Издан. 1828 г. стр. 75, 76 и 84.

[2]) М. И. Богдановичъ, Т. III, стр. 173—179.

димыя къ тому силы. — Должно вести медленную, не рѣшительную войну, удерживать непріятеля, пользуясь каждою преградою, имѣть всегда подъ рукою значительные резервы, для поддержанія дѣйствующей арміи въ случаѣ неудачи, либо для того, чтобы воспользоваться ошибками противника. — Такими средствами можно совершенно разстроить военную систему Наполеона, заставить его отказаться отъ его намѣреній и совершенно истощить его силы.

Къ этому надо прибавить, что иностранцы, въ томъ числѣ и бывшій маршалъ Бернадотъ, такъ жаждавшіе войны Россіи съ Франціею и опасавшіеся, что она можетъ не состояться, наперерывъ другъ передъ другомъ присылали свои проекты, число которыхъ достигало до двадцати. — По большей части авторы ихъ предлагали завлечь Наполеона въ Россію, длить оборону, избѣгать рѣшительныхъ сраженій, томить непріятеля малою войною и истреблять голодомъ огромныя массы войска, противъ насъ направляемыя [1]).

Такимъ образомъ въ основу будущихъ нашихъ военныхъ дѣйствій былъ положенъ оборонительно-отступательный планъ.— Съ этою цѣлью въ западное пограничное пространство были разосланы офицеры разнаго рода оружія для рекогносцировокъ и выбора позицій.— Къ концу августа 1810 года было осмотрѣно все пространство между Западною Двиною и Днѣстромъ до границъ Пруссіи, герцогства Варшавскаго, Галиціи и Молдавіи, намѣчены переправы, мѣста для укрѣпленныхъ лагерей и запасовъ продовольствія; все это нанесено на карту, съ обозначеніемъ выбранныхъ позицій [2]). — Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Въ 1841 году, — пишетъ Ю. К. Арнольди, — служилъ я помощникомъ столоначальника въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ.—Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ.—Къ послѣднимъ принадлежалъ въ то время, въ 1810 году, королемъ и народомъ шведскимъ избранный наслѣдный принцъ Карлъ Іоаннъ Понте-Корвоскій и Нефшательскій, бывшій маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ съ Швеціею, или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитетомъ.— Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совѣтъ, чтобы русская армія, избѣгая по возможности генеральнаго сраженія, вовлекала непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ. — (Воспоминанія Юрія Арнольди „Русскій Архивъ“, 1891 г. № 7, стр. 327).

[2]) Отношеніе Барклая-де-Толли кн. Волконскому 21-го августа 1810 г. № 291. Подробности распоряженій правительства по приготовленію къ воен-

укрѣпляли Ригу, строили новую крѣпость въ Бобруйскѣ, исправляли и строили крѣпости: въ Динабургѣ (Двинскѣ) и Кіевѣ.

Одновременно съ этимъ, въ маѣ 1810 г. были приняты мѣры къ тому, чтобы на приходящихъ въ наши порты купеческихъ корабляхъ не могли въѣзжать въ Россію подозрительные люди и провозиться тайно письма изъ-за границы.—Съ этою цѣлью было высочайше повелѣно всѣ эстляндскія, лифляндскія, курляндскія и финляндскія таможни, заставы и таможенный досмотръ подчинить военному надзору, «не снимая однако же съ нихъ обыкновенной зависимости отъ Коммерцъ-коллегіи» [1]). Для поддержанія же наружнаго союза съ Наполеономъ, разрѣшено было французскому правительству покупать въ Россіи корабельный лѣсъ и отправлять его во Францію [2]).

Сознавая всю важность имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи иностранныхъ армій о дѣлаемыхъ тамъ приготовленіяхъ, о благосостояніи жителей и направленіи ихъ умовъ, въ особенности въ государствахъ, прилегавшихъ къ нашимъ границамъ, военный министръ Барклай-де-Толли обращалъ особенное вниманіе на польскія провинціи. — Бѣлостокскому коменданту полковнику Шицу поручено было слѣдить за тѣмъ, нѣтъ ли въ области лицъ, преданныхъ Наполеону, не вооружаются ли жители и не готовятъ ли скрытно оружія, мундировъ и военной аммуниціи; не дѣлаютъ ли того же въ герцогствѣ Варшавскомъ; не утѣсняются ли крестьяне неблагонамѣренными помѣщиками и гражданскимъ начальствомъ, не ведется ли секретной переписки съ заграничными обывателями и проч. [3]).

«Варшава,—писалъ Барклай-де-Толли графу Ливену [4]),—составляющая главный узелъ многихъ военно-политическихъ сношеній, должна наиболѣе быть предметомъ нашихъ обозрѣній. — По неимѣнію тамъ нашего агента, нужно туда чаще отправлять эмиссаровъ, свѣдущихъ, проницательныхъ и опытныхъ.

«При вашемъ сіятельствѣ находится достойный чиновникъ подполковникъ Ренни.—Весьма полезно бы было, подъ видомъ службы, командировать его будто къ главнокомандующему Молдавскою арміею, приказавъ ему ѣхать на Варшаву и Каменецъ-Подольскъ. Въ настоящемъ

нымъ дѣйствіямъ, по распоряженію Главнаго штаба печатаются въ изданіи: „Отечественная война 1812 г. Подготовка къ войнѣ“ подъ редакціей А. З. Мышлаевскаго. Въ настоящее время вышло два тома.

[1]) Отношеніе Барклая-де-Толли генералъ-лейтенанту Штейнгелю 6-го мая 1810 г. № 116.

[2]) Тоже графу Виттенштейну 28-го сентября 1810 г.

[3]) Предписаніе полк. Шицу 28-го апрѣля 1810 г. № 107.

[4]) Письмо Барклая графу Христофорову Андр. Ливену 26-го августа 1810 г., № 296.

политическомъ состояніи Россіи, мѣста сіи, по ближайшему къ ней сосѣдству, достойны особаго уваженія и замѣчанія. — При обратномъ возвращеніи, г. Ренни можетъ взять другое направленіе пути, дабы болѣе распространить обозрѣніе того пространства. — Я отправляю на-дняхъ надежнаго чиновника черезъ Кёнигсбергъ и Торнъ въ Дрезденъ, чтобы получить всѣ по сей дирекціи нужныя по предмету военной части свѣдѣнія».

Точно такія же свѣдѣнія Барклай просилъ графа П. А. Шувалова доставить ему объ Австріи и отправилъ въ Молдавскую армію полковника барона Тейля, приказавъ ему ѣхать черезъ Венгрію и обратно черезъ Галицію и Моравію [1]).

Но всѣ получаемыя такимъ путемъ свѣдѣнія имѣли отрывочный и случайный характеръ, а потому Барклай впервые учредилъ должности военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ. «Поводомъ къ этой мѣрѣ,— говоритъ П. Х. Граббе [2]),— было слѣдующее: миссіи наши при иностранныхъ дворахъ, несмотря на тогдашній рѣшительный перевѣсъ меча надъ перомъ, оставались на дипломатической ногѣ и не довольно обращали вниманія на все, до военныхъ приготовленій въ Европѣ относящееся. Да и тѣ свѣдѣнія, которыя доходили дипломатическимъ путемъ до канцлера графа Румянцова, не всегда сообщались вполнѣ военному министру. Барклай-де-Толли нашелъ, что по важности обстоятельствъ необходимо было имѣть при значительныхъ миссіяхъ военныхъ офицеровъ, которые бы, если не исключительно, то въ особенности занимались наблюденіями по части военной, во всѣхъ отношеніяхъ».

Такъ въ Мюнхенъ былъ назначенъ артиллеріи поручикъ Граббе, въ званіи канцелярскаго чиновника при миссіи, Брозинъ—въ Кассель, полковникъ Ренне—въ Берлинъ, маіоръ Прендель—въ Дрезденъ, въ званіи адъютанта посланника нашего генералъ-лейтенанта Ханыкова, а флигель-адъютантъ Чернышевъ, по извѣстнымъ императору Александру «его способностямъ», оставленъ въ Парижѣ, для исполненія возлагаемыхъ на него порученій и доставленія свѣдѣній [3]).

«Превосходное состояніе физическихъ и военныхъ силъ Французской имперіи,—писалъ ему Барклай-де-Толли [4]),—и непосредственное вліяніе ея на большую часть европейскихъ державъ заключаютъ въ себѣ всѣ виды нашего вниманія. Я поставляю себѣ пріятною обязанностью начертать вашему высокоблагородію цѣль и правила сего порученія. Благоразуміе ваше убѣждаетъ меня, что, во всѣхъ дѣйствіяхъ,

---

[1]) Отношеніе Барклая гр. Шувалову отъ 26-го августа 1810 г. № 297.
[2]) Записки графа П. Х. Граббе. «Русскій Арх.» 1873 г., т. I, стр. 844.
[3]) Письма Барклая графу Н. П. Румянцову 3-го и 10-го сентября 1810 г. №№ 304 и 925.
[4]) Предписаніе Чернышеву, отъ 23-го сентября 1810 г. № 340.

по возлагаемой на васъ обязанности, вы сохраните надлежащую скромность и осторожность. Пользуясь всѣми удобствами нахожденія вашего въ Парижѣ, вы должны прилагать неусыпное стараніе къ пріобрѣтенію точныхъ познаній статистическихъ и физическихъ о состояніи Французской имперіи, обращая наиболѣе на военное состояніе оной вниманіе. Вслѣдствіе чего потщитесь собирать достаточныя извѣстія о всѣхъ, относительно до военнаго соображенія отношеніяхъ Франціи къ зависимымъ отъ ея вліянія державамъ и, разсмотрѣвъ оныя основательнымъ образомъ, доставьте ко мнѣ описанія: о числѣ войскъ во Франціи, устройствѣ, образованіи и вооруженіи ихъ; расположеніи ихъ по квартирамъ, съ означеніемъ мѣстъ главныхъ запасовъ; о состояніи крѣпостей; о свойствахъ, способностяхъ и достоинствахъ лучшихъ генераловъ и о расположеніи духа войскъ».

Точно такія же инструкціи были даны и другимъ офицерамъ, посылаемымъ за границу. Впослѣдствіи къ этимъ обязанностямъ прибавлены: доставленіе картъ и плановъ, а въ особенности секретныхъ проектовъ военныхъ операцій, тайныхъ диспозицій о движеніи, дѣйствіи или расположеніи войска. «Употребляйте,—писалъ Барклай посылаемымъ офицерамъ,—всевозможныя старанія къ пріисканію и доставленію ко мнѣ сихъ рѣдкостей, какою бы ни было цѣною».

Собирая свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ и проявивъ въ этомъ отношеніи необыкновенную дѣятельность, Барклай не могъ не сознать всю трудность своего положенія и опасность, угрожавшую Россіи. Отклоненіе этой опасности онъ видѣлъ въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турціею.

«Мы здѣсь, въ столицѣ,—писалъ онъ графу Н. М. Каменскому [1],—съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстій о началѣ военныхъ дѣйствій. По настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, единственно отъ скораго мира съ турками зависитъ благоденствіе Россіи. Обширность открытыхъ западныхъ границъ нашихъ, союзъ родства императора французовъ съ австрійскимъ домомъ и развлеченность военныхъ нашихъ силъ,—все угрожаетъ опасностью отечеству нашему. Я поставляю сіе на видъ передъ вашимъ сіятельствомъ по обязанности моей и искреннему желанію быть съ вами всегда откровенну. Вы теперь въ такомъ положеніи, что государь императоръ и всѣ соотечественники ваши отъ рѣшительныхъ токмо вашихъ дѣйствій и быстрыхъ успѣховъ ожидаютъ цѣлости и благосостоянія знаменитой Россійской имперіи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Барклай просилъ и содѣйствія министра иностранныхъ дѣлъ графа Н. П. Румянцова къ скорѣйшему заключенію мира съ Турціею.

[1]) Отъ 14-го марта 1810 г. № 71. Графъ Н. М. Каменскій въ то время командовалъ войсками, дѣйствовавшими въ Турціи.

«Сколь ни скрыты обстоятельства,—писалъ онъ ему [1]),—отъ коихъ можетъ возникнуть пламя сей брани, и сколь ни пагубны ея послѣдствія, однако же мы всѣ еще въ несомнѣнной пребываемъ надеждѣ, что тотъ, который по днесь столь искусно управляетъ политическими сношеніями государствъ [2]), предвидя неизбѣжную для Россіи опасность, конечно, предприметъ всѣ мѣры къ отвращенію оной; а если того уже нельзя, то неукоснительно всевозможное употребитъ стараніе, дабы пріуготовить надежныя средства къ противуборствованію оной. Послѣдній сей долгъ есть священнѣйшая обязанность, возложенная на особу вашего сіятельства, а также и на меня, коего правленію ввѣрены военныя силы. Умѣя всегда достойно цѣнить заслуги и высокія качества вашего сіятельства по взаимнымъ сношеніямъ нашихъ обязанностей, я смѣю вамъ, какъ вѣрный сынъ отечества, открыть сопряженное съ чистѣйшими чувствами разсужденіе мое относительно до разсматриваемаго нами предмета».

Вопреки мнѣнію М. Сперанскаго, Барклай-де-Толли находилъ, что войны 1805—1807 гг. были ведены при обстоятельствахъ, совершенно противныхъ настоящему положенію. Тогда русская армія увѣнчивалась лаврами побѣдъ съ союзѣ съ Австріею, Англіею, Пруссіею и Швеціею. Цвѣтущее состояніе финансовъ представляло обильные источники для продолженія войны; тогда обширныя сосѣднія провинціи отдѣляли насъ отъ непріязненной державы. «Нынѣ держава сія, деспотически владычествуя надъ важною (бòльшею) частью Европы, прилегаетъ къ предѣламъ тѣхъ провинцій, на вѣрность коихъ мы полагаться не можемъ [3])... Къ симъ обстоятельствамъ прибавить еще должно недостаточную защиту обширныхъ предѣловъ нашихъ, скудость въ запасахъ, нужнѣйшихъ къ продовольствію, недостатокъ въ крѣпостныхъ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ и проч. и, наконецъ, истощенные источники денегъ въ казнѣ.

«Сообразивъ все сіе,—прибавлялъ Барклай-де-Толли,—ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что безпокойствія мои не безъ основанія, и надѣюсь, что извините во мнѣ неодолимое желаніе видѣть въ наискорѣйшемъ времени прекращеніе настоящей съ Портою Оттоманскою войны. Беззамедлительное заключеніе съ нею мира легко можетъ исторгнуть насъ изъ настоящаго положенія».

Увѣренный въ томъ, что уменьшеніе нашихъ требованій можетъ склонить турокъ къ миру, Барклай просилъ графа Румянцова подумать объ этомъ, но получилъ отвѣтъ, что императоръ не соглашается на уступки.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 18-го августа 1810 г. № 288.

[2]) Т. е. графъ Румянцовъ.

[3]) Т. е. къ провинціямъ, присоединеннымъ къ Россіи послѣ раздѣла Польши.

«На сіе позвольте вамъ представить,—отвѣчалъ Барклай-де-Толли,—что государь императоръ, коего милосердіе къ вѣрноподданнымъ неограниченно, поставляя свыше всего благосостояніе своего народа и уважая съ толикою мудростію и снисхожденіемъ всѣ средства къ достиженію онаго,—не откажетъ изъявить высочайшее свое соизволеніе, коль скоро его величеству сдѣлано будетъ въ томъ надлежащимъ образомъ представленіе. Въ надеждѣ чего, и осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою о принятіи на себя сего труда.

«Я думаю съ справедливостью утверждать, что участь Россіи зависитъ отъ мѣръ, каковыя въ настоящемъ положеніи будутъ приняты къ скорѣйшему прекращенію войны съ турками, ибо когда миръ въ теченіе сего года не будетъ возстановленъ, то на будущій годъ къ совершенію онаго болѣе еще встрѣтится затрудненія.

«Переговоры, которые, какъ понимаю я, предполагаете ваше сіятельство вести въ зимнее время, кажется, весьма слабую представляютъ надежду, потому что до будущей весны многія обстоятельства перемѣнятся, и вмѣсто желаемаго мира легко случиться можетъ, что мы принуждены будемъ заняться обороною беззащитныхъ западныхъ границъ нашихъ. Неминуемый сей жребій предусмотрѣть можно изъ настоящаго положенія раздробленныхъ и разсѣянныхъ военныхъ нашихъ силъ. Однако жь повторить я долженъ, что если миръ сей годъ утвержденъ будетъ, то довольно еще останется намъ времени сосредоточить наши силы и сугубымъ мужествомъ и благоразумными мѣрами отразить участь, Россію угрожаемую..... Я не осмѣливался бы ваше сіятельство симъ безпокоить, если бы не предвидѣлъ неизбѣжную войну, слѣдствіе коей тѣмъ можетъ быть для насъ пагубнѣе, что настоящее положеніе нашихъ финансовъ не въ силахъ содѣйствовать пожертвованіямъ достаточной суммы, дабы быстрыми и рѣшительными мѣрами привести въ устройство стѣсненныя недостатками военныя силы и тѣмъ утвердить безопасность нашей Имперіи».

Опасенія Барклая въ этомъ послѣднемъ отношеніи были тѣмъ сильнѣе, что онъ сознавалъ недостаточность боевыхъ силъ, которыми могъ располагать, и ихъ неподготовленность. «Вмѣсто сильныхъ и мужественныхъ войскъ,—говорилъ онъ [1],—полки наши составлены теперь бо̀льшею частію изъ солдатъ неопытныхъ и къ тягостямъ войны не пріобыкшихъ».

На подготовку ихъ и было обращено особое вниманіе.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо Барклая-де-Толли графу Н. П. Румянцову 18-го августа 1810 г. № 288.

«Полярная Звѣзда» и «Невскій Альманахъ».

(1826—1827 гг.).

Въ январѣ 1827 года генералъ-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ препроводилъ къ начальнику Главнаго штаба графу И. И. Дибичу безъименную записку, въ которой было сказано, что въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ, изданномъ коллежскимъ секретаремъ Егоромъ Аладьинымъ, помѣщены изъ «Звѣздочки», которую К. Рылѣевъ и А. Бестужевъ хотѣли издать какъ приложеніе къ «Полярной Звѣздѣ» на 1826 годъ, слѣдующія статьи:

1) «Замокъ Эйзенъ», безъ подписи автора, а въ «Звѣздочку» статья эта была набрана подъ заглавіемъ «Кровь за кровь», сочиненіе А. Бестужева.

2) «Гайдамакъ», сочиненіе Порфирія Байскаго, а въ «Звѣздочкѣ» подписано сочиненіе Сомова.

3) «Пѣсня», стихотвореніе Туманскаго.

4) «Къ зарѣ», стихотвореніе Хомякова.

«Кромѣ оныхъ помѣщены нижеслѣдующія сочиненія Ѳ. Глинки, коихъ въ «Звѣздочкѣ» не оказалось: 1) «Дорогіе перлы». 2) «Пригожей рыболовкѣ». 3) «Завѣянные слѣды». 4) «Къ Алинѣ». 5) «Сказки».

При этомъ была приложена слѣдующая біографическая справка:

«Нѣкто Аладьинъ, служащій по особымъ порученіямъ при здѣшнемъ вице-губернаторѣ, вовсе не литераторъ, а спекуляторъ, издаетъ третій годъ «Невскій Альманахъ».

«Александръ Бестужевъ и К. Рылѣевъ приготовили къ новому 1828 г. прибавленіе къ «Полярной Звѣздѣ», подъ названіемъ «Звѣздочка». Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи Главнаго штаба и на прочія статьи находились также пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14-го декабря, отпечатанные листы и оригиналы удержаны

въ штабѣ и не выданы родственникамъ. Между тѣмъ, книгопродавцы хотѣли купить у вдовы Рылѣева и у матушки Бестужевыхъ рукописи за 2.500 р. съ правомъ напечатать безъ именъ.

«Достовѣрно извѣстно, что рукописи сіи не выходили въ свѣтъ; но вдругъ піесы сіи появляются напечатанными въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ.

«Извѣстно, что Аладьинъ выпрашивалъ позволеніе у нѣкоторыхъ лицъ къ напечатанію ихъ піесъ, отданныхъ въ «Звѣздочку», объявляя, что онъ уже имѣетъ ихъ въ рукахъ, равно какъ и другія—Бестужева и Рылѣева, доставъ оныя изъ типографіи Главнаго штаба.

«Обстоятельство сіе, кажется, заслуживаетъ особеннаго вниманія».

Чтобы узнать, отъ кого именно Аладьинъ получилъ помѣщенныя имъ статьи, графъ И. И. Дибичъ приказалъ потребовать отъ него объясненіе, въ которомъ онъ показалъ:

1) Что статья «Замокъ Эйзенъ» куплена имъ у матери Бестужева за 400 рублей.

2) «Гайдамакъ»—получена имъ отъ г. Сомова, какъ автора.

3) «Пѣсня», стихотвореніе Туманскаго и «Къ зарѣ» — сочиненіе Хомякова получены отъ авторовъ въ Москвѣ.

4) Стихотворенія Ѳ. Глинки: «Дорогіе перлы», «Пригожей рыболовкѣ», «Завѣянные слѣды», «Къ Алинѣ» и «Сказки»—получены еще въ началѣ 1826 года отъ самого автора, приславшаго ихъ изъ Петрозаводска, куда онъ былъ высланъ на службу.

Сверхъ того, Аладьинъ объявилъ, что и въ другихъ журналахъ напечатаны нѣкоторыя статьи изъ «Звѣздочки», приготовленной на 1826 г.

Такъ, говорилъ Аладьинъ, въ «Новостяхъ литературы», издаваемыхъ Воейковымъ, напечатано: «Княгинѣ Волконской», сочиненіе Козлова; «Зависть Генія», сочиненія Языкова[1]). Въ журналѣ, издаваемомъ Измайловымъ, напечатано: «Описаніе шахова кладбища»; въ Альманахѣ «Сѣверные цвѣты», издаваемомъ Дельвигомъ—«Графинѣ *,*»[2]), сочиненія князя Вяземскаго и «Двѣ картины», отрывокъ неизвѣстнаго. Въ газетѣ «Сѣверная Пчела», издаваемой Ѳ. Булгаринымъ, напечатано: «Отрывокъ изъ персидской повѣсти», соч. Ободовскаго и въ журналѣ «Сынъ Отечества», издаваемомъ Н. Гречемъ,—«Вечеръ на Мечукѣ», соч. Григорьева.

Ко всему этому Аладьинъ присовокупилъ, что напечатанныя имъ въ «Невскомъ Альманахѣ» статьи набраны имъ по корректурнымъ листамъ печатавшейся въ военной типографіи Главнаго штаба «Звѣз-

[1]) Въ „Новостяхъ литературы“ напечатано подъ заглавіемъ „Геній“.
[2]) Въ Альманахѣ напечатано подъ заглавіемъ „Княжнѣ *,*“.

дочки», нынѣ остановленной и задержанной; что листы эти хранились у извѣстнаго по занятіямъ литературою г. Сомова.

Для удостовѣренія, справедливо ли показаніе Аладьина, были спрошены через полицію[1]) г. Орестъ Сомовъ и мать Бестужева. Послѣдняя подтвердила, что она дѣйствительно получила за статью сына четыреста рублей[2]), а служившій при главномъ управленіи Россійской американской компаніи столоначальникомъ Орестъ Сомовъ далъ слѣдующее объясненіе[3]):

«По словесному запросу вашего высокоблагородія, точно ли я сообщалъ корректурные листы двухъ статей, помѣщенныхъ въ «Невскомъ Альманахѣ»: «За́мокъ Эйзенъ», соч. А. Бестужева и «Гайдамакъ», повѣсть моего сочиненія, издателю «Невскаго Альманаха» г. Аладьину, имѣю честь симъ вамъ почтительнѣйше объяснить, что, занимаясь уже нѣсколько лѣтъ печатаніемъ разныхъ книгъ, я, по просьбѣ издателей, просматривалъ также корректуру изданныхъ за прошлые годы альманаховъ: «Полярная Звѣзда» и печатавшагося въ 1825 году также альманаха «Звѣздочка»; ибо многіе издатели книгъ и журналовъ, имѣя довѣріе къ грамматическимъ моимъ свѣдѣніямъ, часто меня просили объ оказаніи имъ таковой услуги. И какъ послѣдняя только корректура нужна типографіи для поправокъ, то, дабы не смѣшивать подписанныхъ листовъ, предпослѣдняя обыкновенно почти всегда удерживается тѣмъ, кто оную просматриваетъ, яко вовсе ненужная, и употребляетъ потомъ въ видѣ оберточной бумаги. Таковыхъ ненужныхъ корректурныхъ листовъ отъ печатавшагося альманаха «Звѣздочки» оставалось у меня нѣсколько, впрочемъ не полныхъ, ибо третьяго полулиста повѣсти: «За̀мокъ Эйзенъ» (въ подлинникѣ «Кровь за кровь») у меня вовсе не было; да и сохранившіеся валялись съ прочими ненужными бумагами. Впослѣдствіи, разбирая мои бумаги, я отыскалъ сіи листки, и какъ въ оныхъ заключалась написанная мною и одобренная цензурою повѣсть «Гайдамакъ», то я и сберегъ оные.

«Весною же минувшаго 1826 года, издатель «Невскаго Альманаха» г. Аладьинъ, который не знаю для чего самъ искалъ моего знакомства, пришедъ ко мнѣ и узнавъ изъ разговоровъ, что мною была написана помянутая повѣсть, просилъ у меня оной для просмотрѣнія; и какъ у меня не было ея переписанной набѣло, то я и рѣшился дать ему оную въ корректурныхъ листахъ, ни мало не подозрѣвая, чтобъ онъ могъ

---

[1]) Отношеніе дежурнаго генерала Потапова — петербургскому оберъ-полицімейстеру 18-го февраля 1827 г. № 261.

[2]) Объясненіе статской совѣтницы Прасковьи Бестужевой 20-го февраля 1827 г.

[3]) С.-Петербургскому полицімейстеру полковнику К. Ѳ. Дершау 21-го февраля 1827 г.

сдѣлать какое-либо изъ оныхъ употребленіе безъ воли тѣхъ, кому принадлежатъ піесы въ собственность; ибо на сей счетъ между литераторами должна существовать литературная совѣсть, запрещающая имъ самовольно присвоивать себѣ чужое. Отдавая не долѣе какъ на сутки—время, въ которое можно было только прочесть оныя статьи—я тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, что оныя печатались съ одобренія цензуры и, слѣдовательно, не могли считаться въ числѣ запрещенныхъ. Сверхъ того, какъ выше сказано, они были неполны. Г. Аладьинъ и дѣйствительно на другой же день по утру возвратилъ мнѣ оные, и съ тѣхъ поръ случай сей вовсе вышелъ у меня изъ памяти, какъ маловажный и изъ котораго я не предвидѣлъ и не ожидалъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ, 3-го декабря, г. Аладьинъ, послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ просьбъ дать въ альманахахъ піесу моего сочиненія (чего, по болѣзни и не имѣя времени, не могъ я сдѣлать), писалъ ко мнѣ, прося позволенія помѣстить повѣсть «Гайдамакъ» въ «Невскомъ Альманахѣ». Считая себя въ правѣ располагать своею собственностію, я далъ ему на то позволеніе и ожидалъ, что онъ будетъ просить у меня самой піесы для переписанія съ черновой моей тетради; но крайне былъ удивленъ, когда въ вышедшемъ въ началѣ сего года «Невскомъ Альманахѣ» нашелъ не только мою повѣсть, но и повѣсть А. Бестужева, подъ другимъ заглавіемъ. Я тогда же заготовилъ было письмо къ г. Аладьину, но какъ дѣло сіе показалось мнѣ весьма щекотливымъ, ибо въ письмѣ я по необходимости долженъ былъ говорить объ его поступкѣ не въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ; то и отложилъ объясненія съ нимъ по сему дѣлу до личнаго свиданія. Между тѣмъ, г. Булгаринъ, встрѣтивъ г. Аладьина, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ «Невскаго Альманаха» въ книжной лавкѣ Н. Слёнина, на извиненія г. Аладьина въ похищеніи чужой собственности, при многихъ свидѣтеляхъ сказалъ ему, что весьма неприлично и неблагопристойно печатать статьи безъ названія тѣхъ, кои имѣютъ на оныя право собственности, и что симъ не только нарушается цензурный уставъ, но и законы чести. Г. Булгаринъ сказалъ при семъ, что поелику имѣнія государственныхъ преступниковъ не конфискованы, а отданы родственникамъ по праву наслѣдства, то и литературная собственность, какъ-то книги и одобренныя цензурою статьи принадлежатъ также родственникамъ. Семейство же Бестужевыхъ весьма недостаточно, а за статьи «Звѣздочки», въ случаѣ, если правительство благоволитъ разрѣшить печатаніе оныхъ, давали помянутому семейству 1.000 руб., а за одну статью прозаическую 400 р. Тогда г. Аладьинъ сказалъ, что поелику статья уже напечатана, то онъ проситъ г. Булгарина доставить росписку и деньги семейству Бестужевыхъ 400 руб., говоря, что онъ самъ не знакомъ съ онымъ, и сты-

дится показаться въ первый разъ въ домѣ послѣ подобнаго поступка. Булгаринъ согласился и отдалъ деньги 400 руб. г-жѣ Бестужевой.

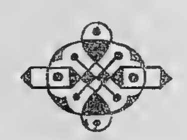
«Вотъ все, что мнѣ извѣстно о семъ дѣлѣ и о чемъ имѣю честь по всей справедливости донести вашему высокоблагородію».

Изъ всего изложеннаго было видно, что доносъ на военную типографію оказался несправедливымъ, и дежурный генералъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Потаповъ писалъ А. X. Бенкендорфу:

«По полученной отъ вашего превосходительства запискѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ «Невскаго Альманаха», я приказалъ сдѣлать подъ рукою изслѣдованіе. Личное объясненіе издателя того «Альманаха», г. Аладьина, изложенное во включенной у сего запискѣ, удостовѣряетъ, что статьи «Полярной Звѣзды», на 1826 годъ приготовленныя, которыя помѣщены въ его «Альманахѣ», имъ получены отъ самихъ сочинителей, и одна куплена у матери Бестужева, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ всю неосновательность доноса и ложную клевету на военную типографію Главнаго штаба его императорскаго величества.

«Обстоятельство, упомянутое въ объясненіи Аладьина, что изъ статей «Полярной Звѣзды», приготовленныхъ на 1826 годъ, нѣкоторыя напечатаны и въ другихъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ г. Воейковымъ и другими литераторами, заслуживаетъ особенное вниманіе, ибо оно даетъ поводъ къ заключенію, что доносчикъ, говоря объ одномъ «Невскомъ Альманахѣ», дѣйствовалъ изъ личной вражды къ Аладьину или къ чиновникамъ военной типографіи. Вообще я полагаю, что человѣкъ, который по неосновательности или по пристрастію могъ бы ввести начальство въ несправедливое заключеніе на счетъ подчиненныхъ, долго и хорошо служившихъ, недостоинъ, чтобы показаніямъ его впредь дана была вѣра».

Сообщ. Н. Д.

Собственноручное благодарственное письмо М. Сперанскаго императору Николаю.

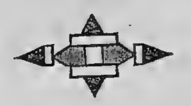
19-го іюня 1827 г.

Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества чувства благодарности за всѣ милости, коими благоугодно вамъ было ободрить посильные труды мои и лично и въ высочайшемъ рескриптѣ, здѣсь мною полученномъ.

Тщетны были бы всѣ усилія мои и моихъ сотрудниковъ [1]), если бы не были они одушевляемы непосредственнымъ и безпрерывнымъ вниманіемъ вашего величества.

Послѣ столѣтнихъ колебаній и безуспѣшныхъ опытовъ, ваше императорское величество положили твердую основу сему дѣлу. Совершеніе его должно быть первымъ долгомъ совѣсти для всѣхъ тѣхъ, коихъ благоугодно вамъ было къ тому предназначить.

Съ сими расположеніями, при помощи Божіей, можно быть увѣреннымъ, что время ожиданій сократится и попеченія вашего величества скоро достигнутъ своей цѣли, получатъ единую награду, неусыпныхъ трудовъ вашихъ достойную, правильнаго и твердаго законодательства.

---

[1]) По составленію Полнаго Собранія законовъ.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

XII [1]).

Письмо В. П. Титова съ текущими новостями въ Россіи.— Покушеніе на жизнь императора Александра II въ Парижѣ.— Прибытіе императрицы въ Стутгартъ.—Устройство православной церкви въ По.—О. М. И. Горчаковъ и его книга „Монастырскій приказъ".— Императорское семейство въ Киссингенѣ.—Пріѣздъ туда баварскаго короля Людвига.—Швальбахъ и его окрестности.—Прусская королева Августа.—Югенгеймъ.—И. С. Тургеневъ въ Стутгартѣ.— Положеніе нашего духовенства въ Россіи.— Двадцатипятилѣтній юбилей І. І. Базарова.—Письмо В. П. Титова.

Хотя чаша труда и службы на пользу церкви въ званіи ректора Академіи прошла мимо меня, тѣмъ не менѣе, я не переставалъ еще надѣяться, что рано или поздно мнѣ удастся такимъ или другимъ образомъ послужить церкви и отечеству на родной почвѣ, и люди, близко знавшіе меня и дружески расположенные ко мнѣ, могли думать, что несостоявшееся назначеніе могло и должно было причинить мнѣ болѣе или менѣе основательное огорченіе. Въ такомъ смыслѣ первымъ отозвался мой старинный пріятель и другъ Владиміръ Павловичъ Титовъ, котораго письмо я тѣмъ охотнѣе прилагаю здѣсь въ подлинникѣ, что оно кромѣ личнаго характера содержитъ въ себѣ много подробностей общественнаго интереса. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ. 1-го (13-го) марта 1867 года.

«Давно собираюсь писать вамъ, почтеннѣйшій и дорогой батюшка. Безпорядокъ въ дипломатической канцеляріи отчасти виноватъ въ

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1901 г.

моемъ безмолвіи. Грамотка, вами ко мнѣ пущенная 16-го (28-го) декабря, во время отлучки моей изъ Петербурга, попала ко мнѣ въ руки лишь 10-го февраля, да и то вовсе случайно, бывъ замѣчена среди кипы конвертовъ дежурившимъ въ канцеляріи моимъ племянникомъ. Это не худо имѣть въ виду и вообще вѣрнѣе переписываться по почтѣ, исключая тѣхъ особыхъ случаевъ, когда грамота или пакетъ могутъ быть поручены личному вниманію и аккуратности курьера. Такую оказію скоро представитъ вамъ вѣроятно возвращеніе въ Россію графа Менгдена. Воротясь изъ Россіи, я не нашелъ ожидаемаго отъ васъ отголоска ни касательно г-жи Пелопидасъ, ни о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ назначеніемъ о. Янышева. Затѣмъ, получивъ отповѣдь ея изъ Тюбингена и ваше послѣдующее посланіе, я до 10-го февраля могъ думать, что въ незримомъ для меня уголкѣ вашего сердца залегло какое ни есть уныніе, оставляемое вами про себя. Тѣмъ болѣе порадовали меня запоздалыя ваши строки отъ 16-го (28-го) декабря, ибо я изъ нихъ удостовѣрился, что унынія вовсе не бывало и что добрѣйшій мой духовный отче по-прежнему остался себѣ вѣренъ, semper idem—черта всегда успокоительная для моей души въ людяхъ, мною любимыхъ—и что вы на сей разъ откровенно и въ полномъ согласіи съ собою довольны продолжать вашу не только духовную, но задушевную дѣятельность въ Стутгартѣ. Кромѣ того удовлетворительнаго чувства, что мое внутреннее чутье оказалось безошибочнымъ, пріятно мнѣ было и за васъ и за нашу добрую, вѣрную себѣ королеву, для которой не могло быть равнодушнымъ отпустить васъ именно въ тѣ годы, когда ваше отсутствіе столь полезно для воспитанія и развитія Вѣры Константиновны. Значитъ, придворные знахари, т. е. тѣ люди, въ коихъ ясный человѣческій смыслъ изнемогъ подъ гнетомъ темной стороны придворнаго быта—ибо во всякомъ быту есть свой свѣтъ или благовидность и свои потемки, сирѣчь безобразіе—эти знахари могли спокойно оставаться при своихъ премудрыхъ догадкахъ и намекахъ. Мнѣ же утѣшительно было слышать отъ самой императрицы подтвержденіе того, что послѣ вашей условной отповѣди быстрый и рѣшительный поворотъ къ назначенію Іоанна Леонтьевича произошелъ именно изъ внимательности къ чувствамъ королевы, дабы не держать въ недоумѣніи вопросъ, ей очевидно лежащій къ сердцу.

«Обращаясь къ совсѣмъ иному предмету, именно къ заботамъ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ Авдотьи Васильевны Пелопидасъ, прошу васъ, любезнѣйшій батюшка, потрудиться прочесть и переслать ей въ Тюбингенъ прилагаемое письмо. Въ виду тяжкихъ ея недоумѣній, нельзя издалеча ничего совѣтовать, и вы, находясь ближе, можете лучше нашего руководить ее къ выбору разумной стези. Къ сожалѣнію, не предвижу для нея ничего по части женскихъ учебныхъ заведеній.

Вообразите, увѣряютъ, будто въ одномъ Питерѣ нѣсколько сотъ замужнихъ и незамужнихъ дамъ, по разстроеннымъ обстоятельствамъ, чаютъ опредѣленія на разныя степени должностей по этому вѣдомству. Къ тому же, вводятъ по оному теперь новые штаты, въ силу которыхъ содержаніе отчасти увеличивается, но за то число должностей вообще сокращается. Межъ верхняго слоя чающихъ, конечно, происходитъ уже волненіе по случаю отъѣзда директрисы Шостакъ во Флоренцію, въ сопутствіи юной дѣвицы графини Перовской, тогда какъ бѣдная А. А. В—ва по-прежнему остается доживать зимовку у Синяго моста. Графиню Толстую будетъ горько оплакивать княжна Е. М., всегда находившая въ покойной преданное расположеніе и поддержку. Узнавъ про эту неожиданную кончину, я вздохнулъ, невольно вспомнивъ сообщенное когда-то королевѣ дополненіе притчи о десяти дѣвахъ съ вопросомъ: почему остался забытымъ третій разрядъ дѣвъ съ излишнимъ преизбыткомъ масла? Новый примѣръ, какъ трудно, или, вѣрнѣе, невозможно угодить на всѣхъ и всегда. Изъ чего слѣдуетъ, что вѣрнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ для житейской практики девизомъ остается мое любимое: semper idem. Въ мужскомъ кругу гражданскихъ хлопотъ, продолжаютъ толковать о шести московскихъ профессорахъ, которые вдругъ подали въ отставку изъ университета, по примѣру Чичерина и Дмитріева, вслѣдствіе личности и неурядицы тамошняго совѣта, при выборѣ Лешкова на новыя 5 лѣтъ, послѣ 25 проведенныхъ имъ на каѳедрѣ. Графъ Д. Толстой не хочетъ уступить упорству меньшинства. Но и онъ и публика съ грустію теряютъ въ меньшинствѣ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ преподавателей, при грустномъ и безъ того безрыбьѣ таковыхъ и въ Москвѣ и повсюду. Мелкія страсти усложнили вопросъ. Но испортили оный главное слабость попечителя и не къ стати хитрая уклончивость бывшаго министра. Опасаясь новой ссоры съ прежними врагами, Катковымъ и Леонтьевымъ, онъ испугался правильно отвѣчать и чрезъ то обратить вопросъ на прямую дорогу.—Такими же уловками Валуевъ предостерегаетъ двѣ бѣдовыя газеты: «Москву» и «Народный голосъ». Разница между ними та, что Аксаковъ,—человѣкъ неугомонный и крайне пристрастный, но честный. А издатель «Народнаго голоса», съ помощникомъ его, бывалымъ арктическимъ префектомъ іезуитовъ и папы (Джунковскій), просто неугомонны, и никто не понимаетъ, чѣмъ снискали себѣ какую-то закулисную подпору. Книгу Чичерина о народномъ представительствѣ вы, конечно, уже имѣете. Судя по ней, земскіе соборы всегда играли довольно жалкую роль въ русской исторіи. По новымъ судебнымъ учрежденіямъ произвела въ Москвѣ великій эффектъ оправданная въ убійствѣ мужа крестьянка; присяжныхъ убѣдила въ пользу ея защита юнаго адвоката князя Урусова, племянника покойной княгини Горчаковой. Не говорю вамъ ни о Критѣ, ни о

Сербіи, хоть многіе продолжають вѣрить, что туда собираются въ отставномъ видѣ ташкентскій Черняевъ, Раевскій и другіе нетерпѣливые воины. Опоздалъ и спѣшу послать пакетъ мой къ графу Толлю. Не оставляйте меня, батюшка, добрыми вашими письмами. В. Т.»

Другіе, напротивъ, какъ, напримѣръ, мой строгій дядюшка, протоіерей Иванъ Васильевичъ Рождественскій, прямо осуждали меня за то, что я не принялъ безусловно предложеннаго мѣста, и не щадилъ даже королевы Ольги Николаевны, которая при каждомъ случаѣ такъ или иначе удерживала меня при себѣ. Самъ же я въ своемъ христіанскомъ квіэтизмѣ спокойно предавалъ себя въ волю Божію, готовый по зову свыше идти, куда укажутъ, или оставаться на мѣстѣ, гдѣ уже указано жить и дѣйствовать по силѣ и способностямъ. Такъ, и въ эту зиму 1867 года, я спокойно продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ въ Стутгартѣ, какъ вдругъ со мной случилось небывалое происшествіе—меня чуть не раздавило на улицѣ переѣхавшимъ черезъ меня экипажемъ. Это происшествіе было для меня и громомъ Божіимъ, пронесшимся надъ моею головою, и вмѣстѣ чудеснымъ перстомъ Божіимъ, спасшимъ мнѣ жизнь на дальнѣйшую дѣятельность на землѣ. Это событіе такъ еще живо въ моемъ воспоминаніи, несмотря на разстояніе 20 лѣтъ, что я въ состояніи записать его здѣсь во всѣхъ подробностяхъ. Это было въ мартѣ, вечеромъ часу въ 11-омъ. Я возвращался домой отъ Свербѣевыхъ, у которыхъ пилъ чай, и проходилъ по улицѣ, упирающейся въ поперечную, не имѣвшую другаго исхода, какъ направо или налѣво. Слыша за собою стукъ экипажа, я спѣшилъ перейти эту улицу поперекъ къ противоположнымъ домамъ, увѣренный, что экипажъ повернетъ направо или налѣво, такъ какъ прямо въ моемъ направленіи ему пришлось бы упереться въ дома. Но потому ли, что кучеръ былъ пьянъ и заснулъ, или это былъ иногородній экипажъ, незнакомый съ улицами Стутгарта, только въ ту минуту, какъ я ступилъ уже на троттуаръ, экипажъ на всемъ скаку чуть не врѣзался въ окна нижняго этажа и быстро повернулъ въ сторону уже на троттуарѣ, гдѣ я находился. Я помню это мгновеніе, когда лошадь свалила меня съ ногъ, и моя первая мысль была подобрать подъ себя руки и ноги и подставить спину подъ экипажъ. Затѣмъ я слышу, какъ четыре колеса прогремѣли мимо меня съ двухъ сторонъ; я всталъ на ноги, экипажъ исчезъ, а ко мнѣ подбѣжали люди, стоявшіе тутъ же у воротъ дома, въ который чуть не въѣхалъ бѣшеный экипажъ; одинъ изъ нихъ подаетъ мнѣ шляпу, другой зонтикъ, и оба спрашиваютъ, не зашибленъ ли я, не поврежденъ ли? Но я, какъ во снѣ, отвѣчаю чуть не съ изумленіемъ, что со мной ничего не случилось такого, и взявъ отъ нихъ шляпу и зонтикъ, пошелъ преспокойно домой. Когда я раздѣлся, оказалось, что на шляпѣ, прямо на лбу, отпечатлѣлся слѣдъ копыта лошади и другой такой же на спинѣ

пальто. Но я не почувствовалъ ни этихъ ударовъ, ни даже слѣда боли отъ нихъ на тѣлѣ. Все это какъ будто и прошло незамѣтно для меня самого, но когда на другое утро я сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ и читалъ какую-то книгу, входитъ ко мнѣ мой домашній докторъ, посѣщавшій меня и безъ того ежедневно, а въ этотъ разъ предупрежденный о случившемся, и спрашиваетъ меня озабоченно о моемъ здоровьѣ, я вдругъ вмѣсто отвѣта такъ сильно разрыдался, что не могъ остановиться нѣсколько минутъ. Тутъ только я понялъ, что случай этотъ, въ которомъ Богъ сохранилъ мнѣ жизнь, оставивъ меня невредимымъ, произвелъ однако такое потрясеніе нервовъ, отъ котораго я затѣмъ слегъ въ постель и долго не могъ поправиться. И на этотъ случай я получилъ сочувственный отзывъ отъ моего друга В. П. Титова въ слѣдующемъ письмѣ:

С.-Петербургъ. 29-го апрѣля 1867 года.

«Что съ вами, дорогой и почтеннѣйшій батюшка? Слышу объ опасности и спасеніи вашемъ такіе чудесные разсказы, что не знаю, чему вѣрить, и во всякомъ случаѣ желалъ бы получить удостовѣреніе, что вы теперь совсѣмъ здоровы. Во-первыхъ, просто не понимаю, какъ могъ произойти среди нашей безмятежной Фридрихсштрассе казусъ отъ коней, гдѣ жизнь ваша спасена особливымъ промысломъ Божіимъ? Во-вторыхъ, говорятъ, будто вы послѣ того самаго казуса и вовсе независимо отъ него были нездоровы, такъ что не могли служить на праздникъ Пасхи. Все это, надѣюсь, принадлежитъ уже къ разряду давнопрошедшаго, и нѣсколько строкъ вашей руки авось меня вполнѣ удовлетворятъ и успокоятъ.

«Въ такомъ упованіи дозвольте еще разъ обратиться къ вашему доброму, благотворительному посредству. Мнѣ писала изъ Тюбингена А. В. Пелопидасъ, что рѣшается на-дняхъ выѣхать въ Россію и весьма скоро предполагаетъ видѣть меня проѣздомъ черезъ Питеръ. Сама по себѣ такая рѣшимость меня радуетъ, ибо вполнѣ согласна съ извѣстными и вамъ совѣтами московскихъ ея родныхъ. Надлежало бы однако не выпускать изъ виду два обстоятельства: 1) Въ Петербургѣ и Москвѣ доселѣ такъ упорно стоитъ зимняя стужа, что едва-ли не лучше переждать съ дѣтьми, привыкшими къ теплому климату. 2) Мнѣ сдается, что на перепутьѣ къ парижской выставкѣ или оттуда неминуемо послѣдуетъ родственное посѣщеніе въ Стутгартъ. Королева такъ милостива, что это, можетъ статься, открыло бы болѣе удобства, нежели въ Россіи, замолвить съ пользою о дѣтяхъ родственницы В. А. Жуковскаго. Никто лучше васъ, добрѣйшій батюшка, не можетъ преподать ей полезнаго совѣта и подпоры. Надѣюсь, что она еще не выѣхала, и потому спѣшу отправить вамъ эти бѣглыя строки. В. Т».

*

Упомянутое въ письмѣ В. П. Титова высочайшее посѣщеніе Стутгарта дѣйствительно состоялось 12-го іюня этого года. Но въ то время, какъ мы радостно готовились къ встрѣчѣ дорогаго гостя, изъ Парижа получена была депеша о покушеніи на жизнь государя. Нашъ посолъ Будбергъ телеграфировалъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «En revenant de la revue du bois de Boulogne un coup de pistolet a été tiré contre la calèche où se trouvaient notre auguste maître, l'empereur Napoléon et les deux grands ducs. Personne n'a été atteint. L'indignation publique est générale» [1]). По полученіи этого извѣстія, всѣ русскіе въ Стутгартѣ собрались въ придворную церковь на благодарственный молебенъ, который былъ совершенъ въ присутствіи короля и королевы и многочисленныхъ лицъ, придворныхъ и военныхъ, поспѣшившихъ выразить сочувствіе къ миновавшей опасности, грозившей жизни столь дорогаго для отечества и столь почитаемаго всѣми иностранцами монарха. Вскорѣ послѣ этого, именно 12-го іюня, государь прибылъ изъ Парижа въ Стутгартъ. Для встрѣчи его величества всѣ собрались въ церкви. Государь явился прямо съ желѣзной дороги въ дорожномъ партикулярномъ платьѣ, очень серьезный и какъ бы утомленный. По выслушаніи краткаго молебствія, онъ подъ руку съ королевою обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви русскихъ, удостоивъ каждаго, не исключая и маленькихъ дѣтей, милостивымъ словомъ. При этомъ мнѣ припоминается маленькій смѣшной анекдотъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ государя былъ состоявшій секретаремъ посольства въ Стутгартѣ графъ Толь съ супругою и двумя дочками, лѣтъ 4 и 6. Когда мы ожидали государя, я въ праздничныхъ ризахъ и митрѣ былъ среди церкви и между прочимъ разговаривалъ и съ семействомъ графа Толя и его малютками. Потомъ, когда всѣ воротились домой, графиня Толь спрашиваетъ своихъ дѣвочекъ, какъ имъ понравился государь.

— Очень, — отвѣчали онѣ, — особенно понравилась эта длинная мантія и муфта съ фотографіями на головѣ.

Сначала не поняли этого дѣтскаго лепета, но потомъ объяснилось, что онѣ приняли меня за государя, удивляясь моей богатой ризѣ, поихнему, длинной мантіи, и глядя на мою митру съ образами въ медальонахъ, которая въ ихъ глазахъ представилась муфтою съ фотографіями. Когда же имъ старались объяснить, что государь былъ тотъ господинъ въ пальто, который съ ними разговаривалъ послѣ службы, онѣ не хотѣли вѣрить, чтобы такъ просто одѣтый господинъ могъ быть госу-

---

[1]) Возвращаясь со смотра въ Булонскомъ лѣсу, былъ сдѣланъ пистолетный выстрѣлъ въ коляску, гдѣ находились нашъ августѣйшій повелитель, императоръ Наполеонъ, и оба великихъ князя. Никто не былъ раненъ. Негодованіе было всеобщимъ.

даремъ. Когда я послѣ разсказывалъ про это королевѣ, она отвѣчала, что съ нею бываетъ то же, когда она заѣзжаетъ въ дѣтскіе пріюты, состоящіе подъ ея покровительствомъ, по окрестнымъ деревнямъ, и разговариваетъ съ дѣтьми, то они всегда смотрятъ ей на голову, ища короны, безъ которой они не могутъ представить себѣ королевы.

Остальное время 1867 года прошло для меня въ мирныхъ занятіяхъ не только своимъ мѣстнымъ дѣломъ, но и отдаленными интересами нашихъ заграничныхъ церквей. Не знаю, по какой особой причинѣ почти всѣ наши заграничныя церкви обращались и со своими нуждами, и за совѣтомъ въ Стутгартъ. Способствовало ли этому центральное положеніе нашей церкви среди остальныхъ, или пребываніе въ здѣшней столицѣ царственной особы русской, хотя въ то время находились еще въ живыхъ великая княгиня Марія Павловна въ Веймарѣ и королева нидерландская Анна Павловна въ Гагѣ. Какъ бы то ни было, но еще покойная великая княгиня Елена Павловна, мимо зоркаго взгляда которой не проходило незамѣченнымъ ни одно явленіе политической и церковной жизни, говорила мнѣ въ свое время, что изъ заграничныхъ священниковъ слѣдовало бы одного сдѣлать благочиннымъ, по ея мнѣнію, даже архіереемъ, во всякомъ случаѣ главнымъ священникомъ всѣхъ заграничныхъ церквей, къ которому всѣ и каждый могъ бы обращаться за совѣтомъ и разрѣшеніемъ въ трудныхъ случаяхъ, «потому,—прибавила ея высочество,—что ваше петербургское начальство не понимаетъ ни вашихъ нуждъ, ни вашего положенія за границей». Хотя ничего подобнаго не было сдѣлано нашимъ правительствомъ, но de facto я съ давнихъ поръ, что продолжается и доселѣ, сдѣлался нѣкотораго рода центромъ разныхъ сношеній по мѣстнымъ нуждамъ заграничныхъ церквей. Такъ и въ этомъ году ко мнѣ обратились за помощью и совѣтомъ наши соотечественники, проживавшіе въ По въ южной Франціи, возымѣвшіе мысль устроить тамъ постоянную церковь для пріѣзжающихъ туда проводить зиму больныхъ русскихъ. Одна изъ моихъ бывшихъ прихожанокъ по Стутгарту писала мнѣ по этому поводу изъ По слѣдующее: «Колонія русскихъ здѣсь значительно увеличилась, и это дало возможность подвинуть дѣло нашей церкви нѣсколько впередъ; купили землю и уже начали постройку. Покамѣстъ церковное служеніе продолжаетъ совершаться въ маленькой комнатѣ, нанятой въ прошломъ году, и у насъ въ настоящее время здѣсь два священника, представители чернаго и бѣлаго духовенства. О. Несторъ, присланный къ намъ изъ Петербурга, іеромонахъ, бывшій прежде морскимъ офицеромъ и носившій фамилію Засъ, прибылъ сюда на-дняхъ, а до него совершалъ у насъ службы о. Кустодіевъ, состоящій при нашемъ посольствѣ въ Мадридѣ, молодой, весьма скромный и образованный человѣкъ, прибывшій сюда для поправленія здоровья своей жены. Итакъ, повидимому, осуще-

ствляется давно задуманная мысль имѣть въ По, куда стекается столько больныхъ соотечественниковъ нашихъ, постоянную церковь и постояннаго священника, коего христіанскія утѣшенія и напутствія могли бы подкрѣплять и ободрять страждущихъ, болѣе или менѣе готовыхъ къ переходу въ жизнь вѣчную. Быть можетъ, императрица, равно и королева Ольга Николаевна не откажутъ помочь намъ въ этомъ добромъ дѣлѣ!»

По моему представленію объ этомъ королевѣ, ея величество изъявила свою готовность пожертвовать на это извѣстную сумму, но съ однимъ условіемъ, чтобы не строили отдѣльнаго храма, а удовольствовались бы покупкою дома, въ которомъ помѣстили бы домашнюю или, такъ называемую, походную церковь. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда наши соотечественники собирались строить храмы за границею, королева въ своихъ возраженіяхъ противъ этихъ предпріятій руководилась тою справедливою мыслью, что мѣста временнаго сбора русскихъ на водахъ или климатическихъ курортахъ вовсе не обезпечены отъ случайностей, которыя могутъ помѣшать имъ собираться туда, и тогда эти храмы останутся пустыми и даже безъ хозяевъ, такъ какъ они строились и содержались на добровольныя пожертвованія. Въ такихъ случаяхъ домовую церковь легко закрыть, снявъ иконостасъ и—пожалуй—продавъ опять домъ. Но храмъ! Что съ нимъ дѣлать въ подобномъ случаѣ? Закрыть и запечатать двери, а ключи и надзоръ за охраною зданія передать комитету, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Карлсбадѣ, состоялъ изъ доктора еврея и одного нѣмца протестанта. Въ По послушали нашего совѣта: вмѣсто того, чтобы строить храмъ, пріобрѣли покупкою домъ и въ немъ устроили домовую церковь, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ нашъ совѣтъ оказался практичнымъ. По—такое мѣсто, которое, въ родѣ Мерана и другихъ климатическихъ курортовъ, принадлежитъ къ числу временно излюбленныхъ русскими мѣстностей, въ которыя разъ и два стекается множество посѣтителей, и затѣмъ вдругъ ни одного изъ русскихъ. И вотъ, недавно былъ случай, что священникъ, состоящій на службѣ при нашей церкви въ По, принужденъ былъ въ одну зиму, когда никого не было изъ русскихъ въ По, а слѣдовательно не было и источниковъ для содержанія церкви и священнослужителя, явиться въ Ниццу и просить пребывавшихъ тамъ русскихъ спасти его отъ бѣды и голодной смерти. Сострадательныя соотечественницы наши устроили въ пользу его благотворительный базаръ, который далъ около 10.000 франковъ, и такимъ образомъ, временно спасли осиротѣвшую церковь въ По. Но это можетъ повториться и опять, и тогда не останется другаго средства, какъ закрыть церковь и домъ продать хотя бы въ пользу благотворительной цѣли. Поэтому правъ былъ князь Горчаковъ, который, бывши мини-

стромъ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ на всѣ просьбы русскихъ основать тамъ или здѣсь русскую церковь за границею, что онъ не дастъ на это разрѣшенія, пока ему не представятъ капитала въ 200.000 руб., обезпечивающаго содержаніе церкви и причта при ней. Но наши соотечественники, руководимые тою мыслью, что намъ стыдно не имѣть своей церкви вездѣ, гдѣ есть русскіе, когда англичане повсюду строятъ свои кирки и имѣютъ свое богослуженіе, стали обходиться безъ разрѣшенія своего правительства и настроили на свой счетъ много церквей, которыя остаются и доселѣ безъ причта, за неимѣніемъ основнаго капитала. Такъ, въ Эмсѣ церковь, приписанная къ Висбаденской, такъ въ Баденъ-Баденѣ, состоящая подъ вѣдѣніемъ нашего священника въ Карлсруэ, такъ въ Веве, куда наѣзжаетъ для службы нашъ священникъ изъ Женевы, такъ въ Карлсбадѣ и другихъ богемскихъ водахъ, гдѣ церкви на зиму закрываются, а лѣтомъ приглашаются для служенія наши священники изъ Праги и Веймара. Издержки на это покрываются каждогодно сборами съ пріѣзжающихъ русскихъ. А если ихъ будетъ мало или вовсе не будетъ? Тогда придется закрывать.

Весной 1868 года меня порадовалъ мой бывшій сослуживецъ М. И. Горчаковъ своими успѣхами на поприщѣ богословской науки, приславъ мнѣ свою книгу «Монастырскій приказъ», за которую онъ получилъ степень магистра государственнаго права отъ С.-Петербургскаго университета. Хотя предметъ этой диссертаціи былъ спеціально русскій, тѣмъ не менѣе удачею этой ученой работы онъ много обязанъ той подготовкѣ которая ему досталась на долю во время его пребыванія за границею въ должности псаломщика при нашей церкви, при чемъ онъ все свободное отъ церковной службы время — а его много при заграничныхъ церквахъ — употреблялъ на слушаніе лекцій въ Тюбингенскомъ университетѣ. Такъ какъ Тюбингенъ находится въ разстояніи трехъ часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Стутгарта, то Горчаковъ совсѣмъ поселился въ Тюбингенѣ и оттуда пріѣзжалъ на службу въ Стутгартъ. Тамъ онъ слушалъ знаменитаго профессора церковной исторіи Гефеле, извѣстнаго въ учено-богословскомъ мірѣ своею исторіею соборовъ. Онъ извѣстенъ и своимъ протестомъ противъ догмата непогрѣшимости папы на ватиканскомъ соборѣ. Онъ говаривалъ мнѣ при частомъ свиданіи съ нимъ: «ich bin ein guter Katholik, aber kein Römling». И, несмотря на это, его сдѣлали епископомъ ротенбургскимъ въ Виртембергѣ, правда, по особому ходатайству нашей королевы, и заставивъ его подчиниться опредѣленію ватиканскаго собора, что онъ и сдѣлалъ, выбросивъ при новомъ изданіи своей Conciliengeschichte все, что находилось въ ней неблагопріятнаго для новаго догмата [1]). Припоминается мнѣ при этомъ

[1]) Въ оправданіе себя въ этомъ противорѣчіи себѣ самому онъ говорилъ: «протестуя противъ непогрѣшимости, я не хотѣлъ самъ быть непогрѣшимымъ».

одинъ случай изъ перваго знакомства М. И. Горчакова съ тогда еще профессоромъ Гефеле, характеризующій разность отношеній пастырей къ пасомымъ въ нашей и римско-католической церкви. Когда я представилъ въ первый разъ Горчакова Гефеле, тотъ, зная, что профессоръ вмѣстѣ и духовное лицо, подошелъ къ нему по русскому обычаю подъ благословеніе. Это ужасно изумило Гефеле, и когда ему объяснили, что таковъ обычай въ Россіи, онъ удалился въ свой кабинетъ, надѣлъ на себя эпитрахиль, и тогда только преподалъ Горчакову свое благословеніе, показавъ этимъ, что это онъ считаетъ актомъ церковной службы, а не такъ, какъ у насъ видятъ въ этомъ простое благословеніе духовнаго отца на свое духовное чадо. Такъ какъ М. И. Горчаковъ, вмѣстѣ съ экземпляромъ своего сочиненія, прислалъ мнѣ два экземпляра для поднесенія королю и королевѣ, то я исходатайствовалъ ему отъ его величества золотую медаль «für Kunst und Wissenschaft», выдаваемую ученымъ и художникакъ за особыя заслуги.

Между тѣмъ, немощи мои, повторявшіяся каждогодно при наступленіи весны, потребовали и въ этомъ году починки моего здоровья. Въ этотъ разъ меня отправили въ Киссингенъ пить тамошній Ragozzi и купаться въ соленой водѣ. Ужъ я доканчивалъ тамъ свой курсъ водъ и надѣялся скоро избавиться отъ этого скучнаго занятія, какъ пришло извѣстіе, что въ Киссингенъ ѣдетъ императрица Марія Александровна для лѣченія и что на время пребыванія ея величества въ Киссингенъ командируется наша походная церковь со всѣмъ причтомъ изъ Стуттгарта. Такимъ образомъ, я попалъ прямо съ мѣста лѣченія на службу. Въ началѣ іюля прибыла императрица и при первомъ свиданіи со мною стала жаловаться на то, что ее вырвали изъ прекраснаго пребыванія въ Петергофѣ и прислали въ этотъ душный Киссингенъ, гдѣ дышать нечѣмъ. И дѣйствительно, кто бывалъ въ Киссингенѣ среди лѣта, тотъ знаетъ, какое это противное мѣсто съ его грязною рѣченкою, протекающею у самой променады, гдѣ на небольшомъ пространствѣ подъ деревьями толпится масса народа, пьющаго воды подъ звуки надоѣвшей всѣмъ музыки куръ-оркестра. Но доктора неумолимы. По ихъ понятію, одно водолѣченіе должно замѣнять и воздухъ, и радости жизни, которыхъ лишаются люди, оставляющіе и домъ, и семью на время лѣченія водами. Впрочемъ, императрица прибыла въ сопровожденіи своихъ младшихъ дѣтей и въ ожиданіи скораго прибытія и государя императора. Дѣйствительно, 10-го (22-го) іюля послѣдовало прибытіе его величества. Я спросилъ, не нужно ли будетъ устроить встрѣчу государю въ церкви, но князь Барятинскій отвѣтилъ мнѣ, отъ имени императрицы, что этого не нужно, такъ какъ пріѣздъ ожидается поздно вечеромъ и что его величество будетъ утомленъ отъ продолжительнаго путешествія; поэтому императрица предлагаетъ мнѣ встрѣтить государя на крыльцѣ у подъ-

ѣзда вмѣстѣ съ прочими русскими, проживающими въ Киссингенѣ, и при томъ въ сюртукѣ, а не въ рясѣ. Послѣднее бывало обязательно для всей свиты во время заграничнаго путешествія государя, такъ какъ и самъ онъ являлся въ партикулярномъ платьѣ. Поэтому удостоенный во все время пребыванія ихъ величествъ въ Киссингенѣ каждый день быть приглашеннымъ къ высочайшему столу, я всегда являлся не иначе, какъ въ сюртукѣ. Вообще покойный государь держалъ себя за границею очень просто, какъ бы слагая съ себя на время свое величество. Помню, разъ шелъ я гулять за городъ, поднимаясь по узкой улицѣ въ гору, какъ изъ-за угла на встрѣчу мнѣ появился государь. Не успѣлъ я еще снять шляпы, какъ его величество взялъ меня подъ руку и повелъ назадъ, говоря: «посторонитесь». Я сначала не понялъ, какъ вслѣдъ за этимъ изъ-за того же угла показался экипажъ, тяжело спускавшійся съ довольно крутаго подъема. Въ экипажѣ находилась императрица съ дѣтьми. Государь, очевидно, вышелъ изъ экипажа на спускѣ и, встрѣтивъ меня почти на поворотѣ за уголъ, вѣроятно, опасался, чтобы я не попалъ подъ экипажъ. Въ другой разъ я шелъ гулять съ однимъ моимъ знакомымъ, Н. Н. Шидловскимъ по узкой тропинкѣ по направленію къ салинамъ, какъ на встрѣчу намъ появился государь, возвращавшійся по той же тропинкѣ изъ салинъ, гдѣ его величество бралъ ванны. Мы остановились, чтобы дать дорогу государю. Поровнявшись съ нами, его величество подалъ мнѣ руку, потомъ взглянулъ на моего спутника, вдругъ, какъ бы вспоминая, произнесъ:

— Ты—Шидловскій?

— Такъ точно, ваше величество.

— Лѣчишься здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. Пріѣхалъ только повидаться съ отцомъ Базаровымъ.

— А-А!—сказалъ государь и прошелъ далѣе.

Шидловскій не могъ придти въ себя отъ изумленія, какъ государь могъ узнать его.

— Тому назадъ,—говорилъ онъ,—лѣтъ десять, что я служилъ адъютантомъ у Сухозанета. Съ тѣхъ поръ я вышелъ въ отставку, обросъ, какъ видите, бородою, и въ этомъ почти дорожномъ костюмѣ!

Но государь обладалъ зоркостью взгляда и этою часто изумительною памятью лицъ. Въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Стутгартъ на дебаркадерѣ была масса народу, въ которую замѣшалась и моя невѣстка, жена моего старшаго сына, желавшая увидать государя, который знавалъ ее дѣвочкой въ Николаевскомъ институтѣ и отличалъ ее, какъ дочь полковника

Хромова, бывшаго, въ свою очередь, сотоварищемъ его величества по дѣтскимъ играмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вышедъ изъ вагона, государь, едва окинулъ взоромъ толпу, какъ замѣтилъ мою невѣстку и протянулъ ей руку. Немудрено, что передъ нимъ благоговѣли и—по-институтски—обожали его всѣ воспитанницы нашихъ женскихъ воспитательныхъ институтовъ.

Еще до пріѣзда въ Киссингенъ государя, туда прибылъ баварскій король Людвигъ, тотъ самый, который такъ трагически и такъ загадочно погибъ въ волнахъ Штаренбергскаго озера. Въ то время это былъ крайне красивый юноша, несмотря на свой 23-лѣтній возрастъ, царствовавшій уже 4 года на престолѣ, доставшемся ему въ такихъ юныхъ лѣтахъ. Уже и тогда онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе юношескимъ энтузіазмомъ ко всему изящному въ области искусства. Самъ онъ, представляя изъ себя изящную фигуру молодаго человѣка, привлекалъ на себя взоры любопытства и удивленія, такъ какъ и въ то время въ немъ замѣчались странности, обращавшія на себя вниманіе. Начать съ того, что онъ имѣлъ странную походку. Онъ ходилъ, какъ-то особенно выкидывая ноги въ обѣ стороны и безпрестанно снимая шляпу и раскланиваясь на обѣ стороны, хотя бы никого не было ни съ той, ни съ другой стороны. Онъ особенно благоговѣлъ передъ нашею императрицею; другіе говорили, что онъ просто былъ влюбленъ въ нее, несмотря на то, что въ это время она могла бы быть ему если не матерью, то тещею. Король все время устремлялъ свое вниманіе на императрицу, за которой онъ слѣдилъ на каждомъ шагу, и на водахъ, и на прогулкахъ, сопровождая ее даже въ нашу церковь, богослуженіе которой ему такъ понравилось, что, оставляя Киссингенъ, онъ пожаловалъ мнѣ свой баварскій орденъ св. Михаила 2-й степени. Разъ случилось мнѣ видѣть этого юношу-короля въ такомъ положеніи. Прихожу я какъ-то утромъ въ домъ, гдѣ жила наша императрица, и вижу въ корридорѣ почти у самыхъ дверей императрицы короля, который стоитъ прижавшись къ стѣнѣ и чего-то дожидается. Въ это время изъ дверей выходитъ секретарь ея величества Шторхъ и тоже съ изумленіемъ замѣчаетъ короля въ такомъ положеніи. Онъ обращается къ нему съ вопросомъ: «Прикажете, ваше величество, доложить о васъ императрицѣ?» на что́ король, видимо сконфуженный, отвѣчалъ: «о, нѣтъ! но я думалъ, что въ это время императрица выходитъ на прогулку, и хотѣлъ сопровождать ея величество». Когда же Шторхъ замѣтилъ, что императрица сегодня чувствуетъ себя усталою и на прогулку не пойдетъ, то король сталъ потихоньку ретироваться, прося ничего не говорить о себѣ императрицѣ.

При императрицѣ находилась въ это время фрейлиной А. В. Жуковская, дочь нашего незабвеннаго поэта Василія Андреевича, и мнѣ

пріятно было возобновить съ нею знакомство. Я зналъ ее еще дѣвочкой въ семействѣ ея родителей, потомъ послѣ смерти ихъ она жила года два въ ортопедическомъ заведеніи въ Канштатѣ близъ Стутгарта, гдѣ я занимался съ нею уроками закона Божія, и вотъ теперь я встрѣтился съ нею при дворѣ, гдѣ она была принята не только фрейлиной, но почти въ семью, какъ дочь столь близкаго императорской фамиліи человѣка.

Въ концѣ пребыванія въ Киссингенѣ, я получилъ отъ старшаго моего сына извѣстіе изъ Лейпцига, что онъ удостоенъ степени доктора. Такъ какъ онъ съ перваго курса въ Петербургскомъ университетѣ отправился за границу и штудировалъ сперва въ Тюбингенѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ и, наконецъ, докторировалъ въ Лейпцигѣ, то ему для полученія мѣста въ Россіи приходилось сдавать сперва кандидатскій экзаменъ, что очень было трудно не прошедшему всего курса въ русскомъ университетѣ; поэтому я обратился съ просьбою къ находившемуся тогда въ Киссингенѣ министру народнаго просвѣщенія графу Толстому, нельзя ли допустить моего сына, въ качествѣ доктора иностраннаго университета, къ экзамену прямо на магистра. Но министръ мнѣ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, говоря, что изъ этого вышелъ бы прецедентъ, которымъ воспользовались бы многіе изъ иностранныхъ докторовъ, отъ которыхъ не было бы отбою. По счастію, бывшіе въ одно время съ моимъ сыномъ за границею наши ученые профессора, Бутлеровъ, Менделѣевъ и другіе, взяли подъ свое покровительство молодаго доктора, допустивъ сына моего, на основаніи устава, дающаго право факультетамъ призывать иностранныхъ ученыхъ къ преподаванію, съ держаніемъ экзамена на магистра, чѣмъ онъ и воспользовался, получивъ вслѣдъ затѣмъ мѣсто доцента химіи въ Кіевскомъ университетѣ.

Но моя служба при высочайшемъ дворѣ не ограничилась Киссингеномъ. Государь уѣхалъ, но императрица съ младшими дѣтьми переѣхала въ Швальбахъ, куда и мы съ церковью и причтомъ послѣдовали за ея величествомъ. Въ Киссингенѣ, по случаю пребыванія тамъ государя, было еще бо̀льшее оживленіе, но въ Швальбахѣ было такъ тихо и скучно, что всѣ мы, служащіе при императрицѣ, порывались, хоть куда-нибудь, только бы не сидѣть въ этой ямѣ, гдѣ одни только пользовавшіеся водами были заняты съ утра до вечера лѣченіемъ. И вотъ, разъ собрались мы, А. А. Тютчева съ великой княжной Маріей Александровной и я, сдѣлать прогулку по Рейну до Штольценфельса, этого возобновленнаго за̀мка прусской королевской фамиліи. При этомъ было условлено, что великая княжна поѣдетъ въ строжайшемъ инкогнито, чтобы избѣгнуть всякихъ представленій и встрѣчъ. И дѣйствительно, на пароходѣ мы свободно двигались между пассажирами, и никто не обращалъ на насъ вниманія. Но каково было наше изумленіе, когда,

высаживаясь на берегъ у Штольценфельса, мы замѣтили на берегу цѣлую толпу нѣмцевъ въ бѣлыхъ галстукахъ и съ растопыренными пальцами въ бѣлыхъ перчаткахъ. То были чиновники, служащіе при замкѣ, которымъ дано было знать о посѣщеніи великой княжной для осмотра замка, въ который допускаются посѣтители только съ особаго разрѣшенія. Дѣлать было нечего. Пришлось принимать представленія и въ присутствіи чопорныхъ нѣмцевъ, стоявшихъ кругомъ насъ безъ шляпъ, усаживаться на ословъ, такъ какъ подъемъ въ замокъ очень крутъ, а экипажей нарочно не было заказано. Впрочемъ, благодаря нарушенному incognito, намъ показали внутренность замка во всѣхъ подробностяхъ, какъ не показываютъ простымъ туристамъ.

Въ другой разъ мнѣ захотѣлось побывать въ Шлангенбадѣ, отстоящемъ на одинъ часъ пути отъ Швальбаха, и какъ я и здѣсь обѣдалъ каждодневно со всею свитою за столомъ императрицы, то я долженъ былъ отправиться на цѣлый день для этой прогулки. На другой день, когда я явился къ столу, императрица мнѣ говоритъ:

— А вчера у насъ обѣдала королева прусская Августа (теперешняя императрица германская, вдова императора Вильгельма), которая поручила вамъ кланяться и сожалѣла, что вы выбрали день для прогулки, когда она была здѣсь.

Этотъ милостивый поклонъ былъ вмѣстѣ и высочайшимъ выговоромъ. Объ отношеніяхъ моихъ къ императрицѣ Августѣ я уже говорилъ раньше, и здѣсь только мнѣ припомнилось ея завѣщаніе мнѣ являться къ ея величеству, гдѣ бы я ни былъ въ ея присутствіи. Хотя въ этотъ разъ я отлучился не намѣренно, не знавъ объ ея посѣщеніи нашей императрицы въ этотъ день, тѣмъ не менѣе я далъ себѣ слово больше не отлучаться изъ Швальбаха и дѣлить скуку съ другими. По отбытіи императрицы изъ Швальбаха въ Дармштадтъ, мы воротились съ нашею походною церковію и причтомъ въ Стутгартъ, но къ 30-му августа насъ потребовали опять въ Югенгеймъ, имѣніе принца Александра Гессенскаго, куда прибылъ и государь, для совершенія только молебна, для чего въ саду была раскинута палатка, такъ какъ помѣщеніе въ замкѣ принца было небольшое, а при наѣздѣ гостей даже тѣсное. Прелестно мѣстоположеніе этого замка въ горахъ Оденвальда недалеко отъ Дармштадта! Видъ съ того мѣста, на которомъ была раскинута палатка для нашей службы, былъ восхитительный. Извѣстно, что принцъ Александръ, теперь уже покойный, былъ любимымъ братомъ покойной императрицы Маріи Александровны, и потому всякій разъ, когда императрица бывала за границею, она проводила нѣсколько недѣль въ этомъ прелестномъ имѣніи, совершенно какъ въ своей семьѣ, тѣмъ болѣе, что и государь любилъ эту семью и одному изъ сыновей принца Александра удалось сдѣлаться княземъ болгарскимъ,

и можно быть увѣреннымъ, что если бы живъ былъ императоръ Александръ Николаевичъ, не случилось бы всего того, отчего пострадала и Болгарія и наши отношенія къ ней, такъ какъ всѣ дѣти принца Александра любили и почитали покойнаго государя, какъ роднаго отца, и никогда молодой принцъ Александръ не позволилъ бы себѣ увлечься чѣмъ бы то ни было вопреки волѣ и желаніямъ своего августѣйшаго дяди.

По окончаніи моего служенія въ этотъ годъ при императорскомъ дворѣ, за что мнѣ пожалованъ былъ опять брилліантовый крестъ, я долженъ былъ явиться въ Фридрихсгавенъ, лѣтнее пребываніе нашей королевы, гдѣ встрѣтилъ мою воспитанницу великую княгиню Ольгу Ѳеодоровну, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, воротился на свой Ротенбергъ, чтобы заключить тамъ лѣтній сезонъ обычнымъ сборомъ винограда и затѣмъ воротиться въ Стутгартъ на зимнія квартиры.

Здѣсь въ ноябрѣ мнѣ привелось сдѣлать два интересныхъ знакомства. На эту зиму въ Стутгартѣ поселился съ семействомъ А. М. Жемчужниковъ, и здѣсь у него родилась дочь. Воспріемникомъ при крещеніи ея былъ И. С. Тургеневъ, который для этого пріѣхалъ изъ Бадена. Какъ разсказывалъ мнѣ Свербѣевъ, Тургеневъ всячески избѣгалъ Стутгартъ, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна имъ за то, что онъ въ повѣсти «Отцы и дѣти» далъ герою романа имя Базарова, «какъ будто онъ не знаетъ,—прибавляла при этомъ ея величество,—что это имя носитъ мой духовникъ». Поэтому и въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Стутгартъ только на нѣсколько часовъ и послѣ крестинъ сейчасъ же уѣхалъ обратно въ Баденъ. Я въ первый разъ встрѣтился съ нашимъ знаменитымъ писателемъ, и мнѣ показалось, что ему было какъ-то неловко со мною. Но потомъ мы разговорились и при этомъ—не знаю по какому поводу—Тургеневъ сказалъ о себѣ:

— У меня такая глупая натура, что если я видѣлъ или слышалъ что-нибудь замѣчательное, я не могу быть спокоенъ, пока не напишу этого. Хоронили мы Грановскаго въ Москвѣ. Уже наша процессія, протянувшаяся чуть не на версту, приближалась къ кладбищу, какъ въ это самое время обгоняетъ нашу процессію какой-то мужиченко въ розвальняхъ, сидя бочкомъ на гробу и изъ всѣхъ силъ погоняя веревочнымъ кнутикомъ свою кляченку. Очевидно, онъ спѣшилъ обогнать наше помпезное погребальное шествіе, чтобы поскорѣе свалить своего покойнаго въ могилу. Вотъ этотъ-то контрастъ картины преслѣдуетъ меня доселѣ, и я не успокоюсь, пока не напишу его.

И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ онъ включилъ эту сцену въ одинъ изъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ. Послѣ этого мнѣ никогда не случалось болѣе встрѣчаться съ Тургеневымъ, хотя я часто бывалъ въ Баденѣ, гдѣ онъ тогда жилъ въ своей виллѣ рядомъ съ виллой m-me Viardot,

которая и до сихъ поръ носитъ имя «villa Тургеневъ», хотя уже давно перешла въ другія руки. Но странно, что мнѣ не разъ случалось во время этихъ поѣздокъ въ Баденъ попадать на русскихъ людей, изъ которыхъ многіе только за тѣмъ и заѣзжали въ Баденъ, чтобы посмотрѣть на Тургенева. Они подходили ко мнѣ и учтиво спрашивали:

— Позвольте узнать, вы не Тургеневъ ли? — и на мой отрицательный отвѣтъ говорили:—извините, но такое сходство.

А другіе, даже знавшіе меня лично, также увѣряли, будто я ужасно напоминаю собою Тургенева. Я не знаю, могъ ли я или кто другой гордиться такимъ сходствомъ, а скорѣе слѣдовало жалѣть, что наружность бываетъ обманчива, не всегда соотвѣтствуя внутреннему достоинству.

Зимою въ своемъ уединеніи я возобновилъ переписку съ своими пріятелями въ Россіи, поставленными волею судьбы дѣйствовать на благо общее. Такъ, между прочимъ, о. Янышевъ, бывшій въ это время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, сообщалъ мнѣ о всѣхъ современныхъ теченіяхъ и чаяніяхъ въ нашей родной церкви. «Новый уставъ академіи,—писалъ онъ мнѣ,—еще не разсмотрѣнъ Св. Синодомъ; надѣемся въ слѣдующемъ году на введеніе его, и тогда только можно будетъ ожидать болѣе прочнаго и плодотворнаго просвѣщенія нашего духовнаго юношества, которое, вообще говоря, показываетъ много доброй воли и способно принести пользу церкви и отечеству. Много, много предстоитъ трудовъ нашей церкви, но только понемногу дѣятели ся могутъ уразумѣть, что ей предстоитъ сдѣлать и какъ приняться за это дѣло. Переводъ св. писанія есть только первый шагъ къ той великой цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы церковь была не только сокровищницею таинствъ, но прежде всего воспитательницею народа чрезъ богослуженіе и школу. Для этой цѣли и внѣшнее положеніе духовенства и внутреннее направленіе нашей іерархіи должно совершенно измѣниться,—а это задача для цѣлаго государства, исполнимая только при совокупномъ содѣйствіи и божескихъ и человѣческихъ средствъ. Народу—настоятельная нужда въ нравственномъ содѣйствіи и воспитательномъ вліяніи церкви, а духовенство между тѣмъ шагу не можетъ сдѣлать безъ того, чтобы не протянуть руки и не вымаливать насущнаго хлѣба у своихъ воспитанниковъ. Судите, какъ нелегко быть педагогомъ въ такой обстановкѣ. Міръ нашъ—поистинѣ иной міръ, чѣмъ западный. Въ государственномъ отношеніи все, что ни сдѣлано доселѣ, оказывается превосходно сдѣланнымъ, и каждый годъ будетъ болѣе и болѣе доказывать это къ общему счастію или лучше къ увеличенію общаго благоденствія. Но для церкви, если она должна хоть отрицательно не мѣшать общему дѣлу, нужны большія и радикальныя улучшенія. Будемъ ждать, не скажутъ ли что ближайшіе годы? А пока

отрадно хоть что-нибудь дѣлать, хоть даже не мѣшать дѣлать другимъ полезное на будущія времена».

Въ 1869 году 16-го апрѣля исполнилось 25 лѣтъ моего служенія въ священническомъ санѣ. По этому случаю мнѣ оказаны были разныя милости, какъ со стороны королевы, такъ и отъ государя. Кромѣ пожалованнаго мнѣ по этому случаю изъ Кабинета его величества креста, взамѣнъ котораго мнѣ было выдано 3.000 рублей, государю угодно было положить мнѣ пожизненную пенсію по 1.500 рублей въ годъ. Королева заказала для этого случая образъ-складень, на которомъ въ срединѣ находится образъ Ѳедоровской Божіей Матери (фамильный образъ дома Романовыхъ), а въ четырехъ боковыхъ поляхъ изображенія святыхъ дня моего рожденія, моего посвященія, святыхъ соименныхъ моему семейству и 4-хъ святыхъ соименныхъ тѣмъ великимъ княгинямъ, при которыхъ я служилъ: великой княгинѣ Елизаветѣ Михаиловнѣ, въ Висбаденѣ, великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ и Вѣрѣ Константиновнѣ въ Стутгартѣ, и королевѣ Екатеринѣ Павловнѣ, погребенной на Ротенбергѣ. Образъ этотъ былъ присланъ императрицею съ нарочнымъ курьеромъ ко дню моего юбилея и несказанно меня обрадовалъ не столько своимъ богатымъ и изящнымъ исполненіемъ, сколько мыслью, положенною въ основаніе этого поднесенія, и чувствомъ высочайшаго благоволенія, выраженнымъ въ выгравированномъ на обратной доскѣ образа псалмѣ: «Живый въ помощи Вышняго», также излюбленномъ и испробованномъ нашею царскою фамиліею. При этомъ мнѣ вспоминается разсказъ А. А. Окуловой, бывшей воспитательницею великой княгини Ольги Николаевны.

— Покойный государь Николай Павловичъ,—разсказывала она,—собирался ѣхать на Кавказъ. Передъ самымъ отъѣздомъ мы сидимъ за завтракомъ, и я приготовила напередъ псаломъ «Живый въ помощи Вышняго», написанный на маленькой бумажкѣ, сложенной въ видѣ ладонки, какія носятъ на крестѣ. Но какъ отдать это государю? Я и сунула эту бумажку въ руку сидѣвшей подлѣ меня Ольги Николаевны, чтобы она попросила государя взять это съ собою. Но и та сконфузилась, не смѣя обратиться съ такою просьбою хотя и къ любимому и всегда ласковому съ дѣтьми своими отцу, но всегда и для нихъ могущественному монарху. Государь, сидѣвшій противъ насъ, замѣтилъ это замѣшательство и, прямо обратившись къ великой княжнѣ, спросилъ: «Оля, ты хочешь мнѣ что-то сказать?» Тогда нужно было открыть нашъ заговоръ, и государь, улыбнувшись, протянулъ черезъ столъ руку съ словами: «ну, дай сюда. Я надѣну это на крестъ». Во время этой поѣздки на Кавказъ, при спускѣ съ горы, экипажъ государя опрокинулся и чуть не свалился въ пропасть. Государь вспомнилъ при этомъ усердіе своей любимой дочери и приказалъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ

ему угрожала такая опасность, поставить столбъ и на немъ написать псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго». Съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ сталъ излюбленнымъ въ царской семьѣ.

Изъ моей переписки съ тогдашними общественными дѣятелями у меня сохранилось нѣсколько интересныхъ писемъ, бросающихъ свѣтъ на тогдашнее настроеніе и скромныя начинанія, которыя въ настоящее время стали совершившимися фактами. Вотъ одно изъ такихъ писемъ графа А. Е. Комаровскаго, извѣстнаго патріота и славянофила, писанное мнѣ изъ Москвы 4-го марта 1869 года. «Послѣ пребыванія прошлымъ лѣтомъ въ Ревелѣ судьба привела насъ въ Либаву, гдѣ мы присутствовали при освященіи тамъ православнаго храма вмѣсто убогаго молитвеннаго дома, существовавшаго въ Либавѣ въ продолженіе 34-хъ лѣтъ. Какъ изготовлялся нашъ храмъ къ освященію, того описывать не стану. Довольно сказать, что мы уготовляли его почти такъ же, какъ безродная бѣдная невѣста снаряжается къ вѣнцу. Это зрѣлище и все нами тогда перечувствованное такъ сильно на всѣхъ насъ подѣйствовало, что, возвратясь сюда, мы не могли скрыть нашихъ впечатлѣній отъ родныхъ и знакомыхъ. Избраніе же меня почетнымъ братчикомъ и попечителемъ въ возникающихъ въ балтійскомъ краѣ братствахъ возлагало еще болѣе на меня обязанность передать здѣсь нами тамъ слышанное, видѣнное и испытанное. Слѣдствіемъ этого было воззваніе, напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ здѣшнихъ дамъ къ пожертвованію въ пользу православныхъ церквей, братствъ и школъ балтійскаго края. Благодаря большому сочувствію общества, дѣло наше пошло хорошо. Оно возникаетъ и въ Петроградѣ и также въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Государыня императрица и царскія дѣти пожертвовали деньги и разныя церковныя принадлежности. Хотя государынѣ императрицѣ, говоря о нашихъ дѣлахъ, и угодно называть его: «votre société, votre association», но мы не дерзаемъ еще принимать названіе общества или комитета, полагая, что дѣло не въ кличкѣ, а въ сущности самаго дѣла. А что оно полезно и дѣйствуетъ благотворно, въ томъ я вполнѣ убѣдился въ послѣднюю поѣздку въ Ригу. Къ превеликой моей радости я нашелъ тамошній православный и неправославный русскій людъ какъ бы воскресшимъ, обновленнымъ. Такъ пригрѣлъ нашихъ балтійскихъ братьевъ первый лучъ теплаго русскаго солнца». Далѣе графъ Комаровскій пишетъ о стараніяхъ его по проведенію Ковно-либавской желѣзной дороги, «въ виду прочнѣйшаго закрѣпленія балтійскаго края за Россіей» и въ этомъ отношеніи отдаетъ справедливость «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя однѣ «съ непоколебимымъ постоянствомъ» отстаивали необходимость этой дороги, и прибавляетъ: «Надѣюсь, что мнѣ удастся, когда концессія на эту дорогу будетъ выдана, видѣть редакторовъ «Московскихъ

Вѣдомостей», потрудившихся по дѣлу Ковно-либавской дороги, избранными въ почетные граждане г. Либавы».

Осенью этого года мнѣ предстояла было интересная поѣздка въ Римъ вслѣдъ за королевою, отправившеюся туда, чтобы познакомить съ сокровищами древности и искусства воспитывавшуюся у нея великую княжну Вѣру Константиновну. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ увидать Римъ въ этотъ интересный моментъ, когда тамъ собрался извѣстный ватиканскій соборъ. Правда, изъ свиты королевы мнѣ сообщали подробности о всемъ происходившемъ въ это время въ вѣчномъ городѣ, но все это было не то, что мнѣ пришлось испытывать лично нѣсколько лѣтъ спустя при моемъ посѣщеніи Рима, хотя и не въ такую интересную минуту, какъ въ этомъ году. О пребываніи нашей королевы въ Римѣ и ея свиданіи съ папою Піемъ IX много говорили и писали въ это время въ газетахъ. По этому случаю мнѣ писала оттуда воспитательница [1]) великой княжны Вѣры Константиновны: «Мы здѣсь читаемъ въ газетахъ разговоръ ея величества съ папою и не понимаемъ, какъ могутъ печатать и выдавать за истину то, что было говорено en tête à tête». А говорено было, какъ я послѣ узналъ отъ самой королевы, между прочимъ, о назначеніи на вакантную каѳедру католическаго епископа въ Виртембергѣ профессора Тюбингенскаго университета Гефеле, который присутствовалъ въ это время на ватиканскомъ соборѣ и успѣлъ уже заявить себя протестомъ противъ дебатировавшагося вопроса о непогрѣшимости папы. И несмотря на это, ходатайство королевы было принято во вниманіе, и Гефеле былъ назначенъ епископомъ Ротенбургскимъ съ именемъ Іосифа. Правда, его заставили при этомъ произнести Pater, peccavi! и при новомъ изданіи его извѣстной исторіи соборовъ смягчить его рѣзкій отзывъ объ еретичествѣ папы Либерія, которое онъ особенно выставлялъ, какъ доказательство противъ непогрѣшимости папы. Изъ подробностей настоящаго пребыванія въ Римѣ заимствую изъ того же письма слѣдующее: «Въ прошлый понедѣльникъ мы присутствовали при посвященіи одного испанца въ кардиналы; по правдѣ сказать, это чистая комедія, которой придаютъ только окраску духовной церемоніи. Сегодня же была торжественная служба въ церкви св. Петра въ присутствіи папы и всего духовенства здѣшняго и иностраннаго, съѣхавшагося со всѣхъ концовъ свѣта на предстоящій соборъ. По окончаніи богослуженія была процессія, въ которой принималъ участіе и папа, несшій св. дары, а духовенство шло попарно съ зажженными свѣчами. Прибавьте къ этому великолѣпное пѣніе папской капеллы и массы народа, стоящаго на колѣнахъ. Картина была поразительно хороша.

[1]) Е. М. Трусова.

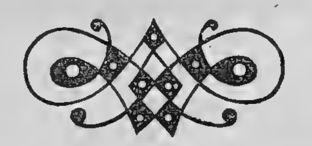
Но при этомъ надобно замѣтить, что мы всѣ въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣнибудь, чувствуемъ отсутствіе, или, лучше сказать, недостатокъ нашей православной церкви. Вчера королева поѣхала въ церковь св. Хризостома, прежнюю греческую церковь, гдѣ теперь служатъ пріѣхавшіе сюда армяне, но нашла ее пустою. Въ катакомбы мы ходили вмѣстѣ съ Путятиными подъ руководствомъ Palmer'а, который изъяснялъ намъ все очень подробно». Все это заставило меня очень сожалѣть, что меня тамъ не было, и укрѣпляло во мнѣ намѣреніе побывать въ Римѣ, чему суждено было исполниться только 12 лѣтъ спустя.

Въ заключеніе воспоминаній этого года не могу удержаться, чтобы не приложить здѣсь письма ко мнѣ Владиміра Павловича Титова, которое хотя и не содержитъ въ себѣ никакихъ особенно важныхъ извѣстій изъ Рима, тѣмъ не менѣе интересно по своему характеру, свойственному перу этого во всякомъ случаѣ историческаго дѣятеля, который умѣлъ въ мимолетныхъ чертахъ давать намеки на современныя теченія. Вотъ это письмо:

«С.-Петербургъ, 29-го сентября 1869 года. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ норовлю заявить вамъ, добрый, почтеннѣйшій батюшка, возвратъ мой на сырые холодные берега финской нашей Леты изъ Елисейскихъ полей замосковной Руси, гдѣ мое лѣто текло среди жаровъ, достойныхъ средней Италіи. Вслѣдъ за письмомъ моимъ отъ 17-го текущаго мѣсяца къ ея величеству королевѣ, узналъ я подлежащій скорому исполненію проектъ путешествія ея съ Вѣрой Константиновной въ Римъ. Прибавляютъ, что и вы думаете употребить въ пользу вакантъ, создаваемый отсутствіемъ августѣйшей покровительницы стутгартскаго православнаго прихода, на тотъ конецъ, чтобы съ вашей стороны взглянуть на открытіе сице рекомаго вселенскаго собора и погрѣться цѣлебными лучами южнаго солнца. Дай Богъ, чтобы вліяніе ихъ оказалось подлинно цѣлебнымъ въ крымской Ливадіи. Всѣ здѣсь заняты вопросомъ: гдѣ окажется удобнѣйшимъ зимовать въ ожиданіи возстановленія силъ императрицы? Между тѣмъ, здѣшній оффиціальный міръ понемножку воскресаетъ изъ лѣтняго, не столько еще застоя, сколько разброда. Завтра 30 лѣтняя годовщина службы нашего принца Петра Георгіевича по воспитательнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ императрицы Маріи. Всѣ званы на открытіе новой больницы, жертвуемой городу принцемъ, и на освященіе тамъ Петропавловской домовой церкви. Будутъ, вѣроятно, о. Васильевъ и кое-кто еще изъ членовъ коммиссіи, наряженной, дабы разсудить адресъ Овербека къ Св. Синоду за подписью 106 западныхъ христіанъ, желающихъ сочетаться съ православною церковью во всемъ, исключая нѣкоторыхъ мѣстныхъ своихъ обрядовъ. Проведя въ Москвѣ 10 дней на обратномъ сюда пути, я познакомился тамъ съ англичаниномъ Хетзерле, который, чисто и всецѣло

перейдя въ нашу вѣру, добивается денегъ на постройку греко-восточнаго храма въ небольшомъ промышленномъ городѣ близъ Бирмингама, гдѣ самый собиратель будетъ служить православную обѣдню на англійскомъ нарѣчіи. Я надѣялся, но, увы, не могу извѣстить васъ о вступленіи въ духовную семинарію облагодѣтельствованнаго королевою крестника моего Владиміра Смирнова. Онъ не выдержалъ экзамена пріемнаго, впрочемъ, кажется не по своей винѣ, а потому, что заранѣе было велѣно принять всего 20 мальчиковъ изъ числа слишкомъ 80 охотниковъ. Опасаются переполнить церковныя училища, въ виду сокращенія числа сельскихъ приходскихъ церквей, сокращенія, которое, впрочемъ, не обойдется безъ многихъ ощутительныхъ неудобствъ. Если ворота въ церковную карьеру найдутся слишкомъ узкими, то и Смирнову придется, по примѣру другихъ, готовить себя къ мірскимъ профессіямъ. Я ему толкую не терять духу и продолжать учиться дома для поступленія со временемъ, можетъ статься, въ гимназію. — Жена моя задержана въ Парижѣ кончиною престарѣлой своей тетки.—Не знаю теперь, когда ожидать ее назадъ. Преданный вамъ Титовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправленіи ихъ въ дѣйствующую армію.

Предложеніе Сенату министра юстиціи И. И. Дмитріева.

22-го сентября 1812 г. № 4838.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ г. генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ препроводилъ ко мнѣ списокъ о содержащихся въ здѣшней Градской тюрьмѣ арестантахъ, объявившихъ желаніе вступить въ военную службу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ употребить въ первое дѣло противъ непріятеля.

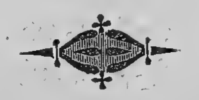
По разсмотрѣніи моемъ означеннаго списка, я имѣлъ счастіе входить съ докладомъ къ государю императору, и его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ:

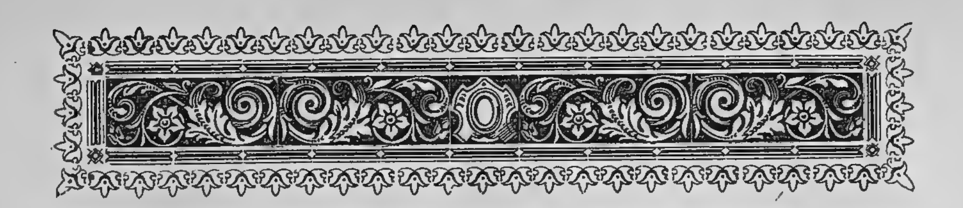
1) Дѣла о подсудимыхъ дворянскаго состоянія, производящіяся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи и въ Правительствующемъ Сенатѣ, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ. На сей конецъ предоставить разсмотрѣніе ихъ уголовной и гражданской палатамъ по равнымъ частямъ, а въ Правительствующемъ Сенатѣ 1-му и 2-му отдѣленіямъ 5-го департамента, и по мѣрѣ окончанія ихъ подносить всеподданнѣйшіе доклады на высочайшую конфирмацію.

2) Дѣла о разночинцахъ, преданныхъ суду за кражу, пристанодержательство, составленіе подложныхъ актовъ и тому подобное, гдѣ съ обличеніемъ подсудимаго сопрягается и удовлетвореніе обиженныхъ, раздѣля подобнымъ же образомъ между уголовною и гражданскою палатами, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ.

3) Дѣла о людяхъ простаго состоянія, судимыхъ за побѣгъ, составленіе фальшивыхъ паспортовъ, отпускныхъ и тому подобное, гдѣ преступленіе влечетъ по себѣ одно личное взысканіе безъ всякой сторонней претензіи, далѣе не производить и таковыхъ подсудимыхъ отправить немедленно по распоряженію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ въ полки дѣйствующей арміи противъ непріятеля.

Я честь имѣю предложить Правительствующему Сенату о приведеніи въ надлежащее исполненіе послѣдовавшей по сему предмету высочайшей воли.

Театральныя интриги въ 1822 году.

(В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ).

П. А. Каратыгинъ въ VIII-ой главѣ своихъ «Записокъ» довольно подробно разсказываетъ о двухъ театральныхъ мелочахъ 1822 года, бывшихъ въ Петербургѣ, именно — объ арестованіи брата его извѣстнаго трагическаго актера Василія Андреевича Каратыгина и о высылкѣ изъ столицы записного театрала и писателя Павла Александровича Катенина. Факты эти сами по себѣ незначительные, даже мелочные, но они представляютъ любопытную страничку въ исторіи отношеній нашей публики, общества и власти къ театральнымъ дѣятелямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво говорятъ о той чрезмѣрной строгости, которая къ этимъ дѣятелямъ прилагалась.

Мелочи, о которыхъ идетъ рѣчь, небезъизвѣстны, и мы напоминаемъ о нихъ не по чему-либо иному, какъ изъ желанія подѣлиться съ публикой имѣющимися у насъ «документальными» данными къ упомянутымъ двумъ исторійкамъ.

Документы эти — «Переписка по поводу арестованія и освобожденія актера Каратыгина» и «Дѣло о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отставного полковника Катенина и о высылкѣ его изъ С.-Петербурга, съ воспрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы» — отчасти исправляютъ, отчасти восполняютъ и иллюстрируютъ свѣдѣнія, проникшія въ печать, а потому могутъ быть для любителей и не лишними и не безъинтересными [1].

---

[1] „Переписка“ (въ копіи) была весьма любезно предоставлена въ наше распоряженіе Г. А. Иванишинымъ, нашедшимъ ее въ Архивѣ Комендантскаго Управленія С.-Петербургской крѣпости. „Дѣло“ извлечено нами при содѣй-

Одиннадцатаго марта 1822 года въ 9-мъ часу вечера комендантъ С.-Петербургской крѣпости А. Я. Сукинъ получилъ отъ графа М. А. Милорадовича слѣдующую записку: «Милостивый Государь, Александръ Яковлевичъ! Актеръ Карадигинъ (sic) нагрубилъ и продолжаетъ грубить главному директору [1]), почему, дабы здѣлать примѣръ, прошу вашего превосходительства его посадить въ крѣпости впредь до повеленія». Просьба генералъ-губернатора была немедленно исполнена: въ 10 часовъ вечера того же дня Каратыгинъ былъ уже доставленъ въ крѣпость и посаженъ въ казематъ. Отецъ и братъ Василія Андреевича скрыли отъ матери «преступника» его участь, и та узнала о судьбѣ сына лишь на другой день отъ пріѣхавшихъ къ нимъ актрисы А. М. Колосовой и П. А. Катенина. Рѣшено было написать просьбу о помилованіи и ѣхать къ генералъ-губернатору.

Перепуганная А. Д. Каратыгина взяла наскоро составленное Катенинымъ прошеніе и въ сопровожденіи Колосовой поѣхала къ гр. Милорадовичу съ ходатайствомъ за сына. Графъ принялъ дамъ очень строго, его не тронули и слезы несчастной матери преступника; но смѣлыя рѣчи Колосовой подѣйствовали на генералъ-губернатора...

«Этотъ урокъ»—сказалъ онъ, отпуская просительницъ—«былъ нуженъ молодому либералу, который набрался духу отъ своего учителя Катенина [2]); впрочемъ, нынѣшній же день велю его освободить».

Дѣйствительно, въ тотъ же день гр. Милорадовичемъ была написана, а на слѣдующій отправлена къ коменданту крѣпости слѣдующая записка: «Милостивый государь, Александръ Яковлевичъ! Актера Карадигина въ уваженіе раскаянія его и по желанію Аполлона Александровича Майкова прошу приказанія выпустить изъ крѣпости». А отъ директора театровъ комендантъ получилъ 13-го же марта письмо такого содержанія: «Милостивый государь, Александръ Яковлевичъ! Прилагаемое при семъ письмо къ содержащемуся подъ арестомъ актеру Каратыгину покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать ему вручить, и, когда онъ прочтетъ оное, то съ подателемъ же сего, освободя его изъ-подъ ареста, препроводить ко мнѣ,—о чемъ честь имѣю при семъ присоединить и приказаніе его сіятельства графа Михайла Андреевича. Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Аполлонъ Майковъ». Итакъ, В. А. Каратыгинъ былъ освобожденъ, послѣ

ствіи А. З. Мышлаевскаго изъ бумагъ, принадлежащихъ Военно-ученому архиву. Названныхъ лицъ покорнѣйше просимъ принять нашу искреннюю признательность.

[1]) Т. е. директору театровъ—А. А. Майкову.

[2]) П. А. Катенинъ былъ учителемъ декламаціи В. А. Каратыгина и другомъ его.

того какъ просидѣлъ въ казематѣ 42 часа [1]). До насъ не дошло письмо А. А. Майкова къ В. А. Каратыгину, и не извѣстно, было ли Каратыгинымъ изложено письменно раскаянiе, о которомъ говорится во второмъ приведенномъ нами предписанiи генералъ-губернатора; но въ чемъ состояло «преступленiе» В. А. Каратыгина, извѣстно изъ «Записокъ» брата знаменитаго нашего трагика.

«Въ 1822 году, 9-го марта, на 4-й недѣлѣ великаго поста»—говоритъ онъ—«былъ у насъ въ театральномъ училищѣ домашнiй спектакль, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Я участвовалъ въ этомъ спектаклѣ, и братъ мой пришелъ посмотрѣть меня... По окончанiи первой пьесы, въ которой я игралъ, мы съ братомъ вышли въ танцовальную залу, гдѣ тогда помѣстили учебные столы и скамейки, которые были сдвинуты на самый конецъ залы. Отойдя къ сторонѣ, мы прислонились къ одному изъ этихъ столовъ и начали разговаривать между собою; онъ дѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанiя на счетъ съигранной мною роли. Во время антракта зала наполнилась нашей театральной публикой; на другомъ концѣ этой длинной залы были кн. Шаховской и Майковъ; мы, загороженные отъ нихъ толпою, вовсе ихъ не замѣтили и продолжали спокойно разговаривать. Вдругъ Майковъ подбѣжалъ къ намъ и съ рѣзкимъ выговоромъ обратился къ брату, какъ онъ смѣлъ сидѣть въ его присутствiи. Братъ, озадаченный такою неожиданностью, нѣсколько сконфузился и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, онъ не сидѣлъ, а стоялъ, прислонясь къ столу; во-вторыхъ, вовсе не видалъ его. Майковъ не хотѣлъ слышать никакихъ оправданiй и явно старался своею грубостью вызвать моего брата на дерзость.

— Ты мальчишка,—говорилъ онъ ему—я научу тебя уважать начальство! Ты не смотри на то, что я хожу въ старомъ фракѣ,—я все-таки твой директоръ и не позволю тебѣ забываться передо мной!..

Братъ мой поблѣднѣлъ отъ негодованiя и твердо отвѣчалъ ему: «Повторяю вамъ, ваше превосходительство, что я васъ не видалъ. Что же вамъ еще отъ меня угодно?»—«Хорошо, хорошо! Я проучу тебя за эту дерзость!» сказалъ онъ и, отойдя отъ насъ, началъ опять разговаривать съ княземъ Шаховскимъ вполголоса... Слѣдующiй затѣмъ день прошелъ очень спо-

---

[1]) П. А. Каратыгинъ говоритъ, что, отпуская преступника, комендантъ обратился къ нему съ слѣдующими напутственными словами: „Я, по моей должности, никогда не бываю въ театрѣ, но слышалъ отъ многихъ знакомыхъ, что вы артистъ даровитый; вотъ, теперь, какъ вамъ придется представлять на сценѣ какого-нибудь арестанта, вы, побывши у насъ, конечно, еще натуральнѣе сыграете свою роль. Прощайте, сударь! До свиданiя я уже не скажу вамъ (смѣючись, прибавилъ онъ). Я къ вамъ въ театръ не ѣзжу, такъ дай Богъ, напредки и вамъ не посѣщать насъ грѣшныхъ. Желаю вамъ успѣховъ. Не поминайте насъ лихомъ“ („Записки“. С.-Петер. 1880, стр. 88).

койно, и мы полагали, что тѣмъ и кончится эта вздорная исторія» [1]). Но братья, какъ оказалось, ошибались: исторія только что начиналась.

Трудно сказать, насколько достовѣренъ разсказъ П. А. Каратыгина, и въ совершенной точности не извѣстны подробности преступленія его брата; но извѣстенъ достовѣрно тотъ фактъ, что за грубость своему начальству актеръ могъ получить довольно внушительный «урокъ»: не больше, не меньше, какъ заключеніе въ крѣпость.

Павла Александровича Катенина, друга и учителя В. А. Каратыгина, постигла въ тотъ же годъ еще горшая участь: за свое сильное пристрастіе къ театральнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ и за слишкомъ свободное и громкое выраженіе своихъ театральныхъ вкусовъ онъ былъ лишенъ права входа въ театры и даже былъ высланъ изъ Петербурга, «съ воспрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы». Кара, понесенная Катенинымъ, въ свое время надѣлала много шума въ петербургскомъ театральномъ мірѣ. О ближайшемъ поводѣ и причинахъ удаленія Катенина отъ храма Мельпомены повѣствуетъ и лѣтописецъ русскаго театра П. Н. Араповъ, разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» и П. А. Каратыгинъ и отецъ послѣдняго А. В. Каратыгинъ въ своемъ «Дневникѣ» [2]); самъ П. А. Катенинъ вотъ что писалъ между прочимъ о постигшей его непріятной исторіи своей хорошей знакомой-артисткѣ А. М. Колосовой [3]): «Я болѣе не хожу въ русскій театръ. Мнѣ это чисто-на-чисто воспретили. Я былъ насколько непочтителенъ, что сказалъ вслухъ послѣ представленія «Поликсены», что царица-мать не имѣетъ права выводить съ собою своихъ протеже, которыхъ никто не вызываетъ; любовникъ Гекубы по этому поводу насплетничалъ, а сія вдова Пріама, которая всегда была зла, а въ этотъ день злѣе обыкновеннаго, потому что ей меньше апплодировали, чѣмъ молодому Пирру [4]), который впервые имѣлъ честь играть съ нею,—явилась съ великимъ шумомъ жаловаться, говоря, что она не можетъ быть спокойна на сценѣ до тѣхъ поръ, покуда я буду въ залѣ. Аполлонъ [5]), по совѣту Аристофана [6]), обратился къ нынѣшнему, вамъ знакомому Меценату [7]), а Меценатъ, черезъ три

---

[1]) „Записки“, стр. 82—83.

[2]) См. „Лѣтопись русскаго театра“ П. Арапова, Спбрг. 1861, стр. 328—329; „Записки П. А. Каратыгина“ Спбрг. 1880, стр. 89—91; „Русскій театръ въ царствованіе Александра I-го“, въ „Рус. Стар.“ 1880 г., № X, стр. 272

[3]) Въ письмѣ отъ октября 1822 года. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой напечатаны В. И. Боцяновскимъ въ „Рус. Стар.“ 1893 г., № III и IV.

[4]) В. А. Каратыгину.

[5]) А. А. Майковъ.

[6]) Кн. А. А. Шаховского.

[7]) Гр. М. А. Милорадовичу.

дня призвавъ меня къ себѣ, запретилъ мнѣ навсегда входъ въ русскій театръ. Въ основѣ этого дѣла лежитъ нѣчто гнусное, но есть въ немъ и добрая доля смѣшныхъ подробностей, о которыхъ вы узнаете по возвращеніи: писать было бы слишкомъ долго. Утѣшаюсь тѣмъ, что, когда это дѣло стало предметомъ общихъ разговоровъ, нашлось не болѣе трехъ или четырехъ голосовъ, не принявшихъ мою сторону; но увы! я тѣмъ не менѣе страдаю, ибо мнѣ скучно, и я не смѣю дѣлать того, что дѣлаютъ всѣ, потому что... Случаются ли подобныя вещи въ Парижѣ?»[1]).

Итакъ, Катенинъ навлекъ на себя наказаніе «непочтительностью» къ знаменитой трагической актрисѣ Е. С. Семеновой, непочтительностью особенно рѣзко выразившейся 18-го сентября 1822 г. при представленіи трагедіи Озерова «Поликсена». Небезъинтересно поэтому вспомнить, какъ прошелъ этотъ роковой для Катенина спектакль. Сообщаемъ свѣдѣнія о немъ по имѣющимся подъ руками даннымъ, сопоставленіе которыхъ не лишено нѣкотораго любопытства. Вотъ что прежде всего говорится въ оффиціальномъ донесеніи графа М. А. Милорадовича государю: «18-го сентября давали на Большомъ театрѣ трагедію «Поликсена», въ которой ролю Гекубы играла Семенова большая, ролю Пирра (В. А.) Каратыгинъ, а ролю Агамемнона Брянской. Публика по обыкновенію вся вообще апплодировала Семеновой, отчасти же апплодировано было и Каратыгину. По окончаніи спектакля публика вызывала Семенову, продолжая апплодировать. Нѣкоторые голоса вызывали новую дебютантку—воспитанницу театральной школы Азаревичеву, игравшую ролю Поликсены. Отставной полковникъ К а т е н и н ъ к р и ч а л ъ: «Каратыгина!» Когда занавѣсъ былъ поднятъ, то показалась Семенова съ Азаревичевою и принята была съ обыкновеннымъ восторгомъ; но полковникъ Катенинъ кричалъ: «н е н а д о б н о н а м ъ и х ъ; д а й т е н а м ъ К а р а т ы г и н а!» Всталъ изъ кресла и махалъ руками, повторяя сіе съ крикомъ нѣсколько разъ. Семенова, услышавъ сіе и замѣтивъ маханіе руками, подала знакъ Азаревичевой подойти ближе, однако жъ со всѣмъ приличіемъ сдѣлала нѣсколько поклоновъ публикѣ. Между тѣмъ слышны были голоса: «Какъ это дерзко! Какъ это можно себѣ позволить!» Нѣсколько другихъ вызывали Каратыгина и Брянскаго. Занавѣсъ опять поднятъ. Каратыгинъ и Брянской вышли на сцену. Потомъ занавѣсъ опущенъ и тѣмъ все окончилось. На счетъ поступка Катенина были въ партерѣ непріятныя сужденія. Я былъ въ креслахъ и хотя я замѣтилъ поступокъ Катенина, но не подавалъ никакого вида.

На другой день узналъ я, что Катенинъ уговорилъ нѣсколько своихъ

[1]) А. М. Колосова находилась въ то время въ Парижѣ.

знакомыхъ какъ можно болѣе апплодировать Каратыгину и стараться, чтобы онъ былъ вызванъ прежде Семеновой; но когда увидѣлъ, что вся публика желала вызвать Семенову, тогда онъ сдѣлалъ ей вышеозначенное огорченіе. Узналъ я также, что Катенинъ дерзокъ и подбираетъ въ партерѣ партіи, дабы господствовать въ ономъ и заставлять актеровъ и актрисъ искать его покровительства. А посему и нашелъ я приличнымъ пригласить къ себѣ полковника Катенина, внушилъ ему неблагоразумный его поступокъ, какъ относительно Семеновой, которую онъ огорчать не имѣлъ права, равномѣрно и относительно публики, которая была тѣмъ недовольна, отчего могла бы произойти съ кѣмъ-либо и ссора. Совѣтовалъ ему впредь въ русской театръ не ѣздить, дабы рѣшительно прекратить подобные поступки и могущія отъ оныхъ случиться непріятныя происшествія» [1].

Въ «соотвѣтствіи» съ донесеніемъ графа Милорадовича былъ напечатанъ и отчетъ объ этомъ спектаклѣ въ журналѣ «Благонамѣренный» (единственная отличающаяся подробностями рецензія на «Поликсену», данная тогдашней періодической печатью.)

«Чѣмъ инымъ можно начать замѣчанія о семъ представленіи»—читаемъ въ «Благонамѣренномъ» [2])—«какъ не признательностью и удивленіемъ къ неподражаемому таланту г-жи Семеновой б(ольшой). Чего не въ состояніи сдѣлать она надъ сердцемъ зрителя?... Нѣтъ, ничье перо не выразитъ всего того, что чувствовалъ я при видѣ несчастной Гекубы, и я, не умѣя говорить объ игрѣ несравненной Семеновой, молчу... но доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что понимаю ее». Далѣе идетъ снисходительный отзывъ объ игрѣ Азаревичевой и Брянскаго. Но вотъ какое замѣчаніе находимъ объ игрѣ В. А. Каратыгина: «Хотя роль Пирра весьма незавидна, но, вѣроятно, г. Каратыгинъ обнадеженъ былъ, что онъ о т л и ч и т с я, и потому-то не щадя ни себя, ни зрителей, выбивался изъ силъ и кричалъ... Ахъ! какъ онъ кричалъ! А охриплый голосъ его доказывалъ, что, приготовляясь отличиться, навѣрное разъ десятокъ также прокричалъ онъ роль свою и на дому. Какъ жаль этого молодого актера, подававшаго прежде большую о себѣ надежду! Неужели не краснѣлъ онъ, выходя послѣ піесы вмѣстѣ съ Семеновой и не былъ

---

[1]) Изъ „Дѣла о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отст. полк. Катенина“ и пр. (Военно-ученый архивъ).—Катенинъ такъ передалъ своимъ друзьямъ замѣчаніе, сдѣланное ему гр. Милорадовичемъ: „Первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженной, не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы, г. Катенинъ, останетесь судьею ея представленій, а это было бы большое лишеніе для публики, и потому я васъ прошу не ѣздить въ театръ, когда г-жа Семенова будетъ играть“ (См. у Арапова, „Лѣтопись рус. театра“, стр. 329.)

[2]) „Благонамѣренный“ 1822 г., ч. XX, стр. 140—146.

внутренно убѣжденъ, что игралъ Пирра чрезвычайно дурно, такъ дурно, какъ никогда еще не игралъ?...

«Если до такой степени успѣли уже его ослѣпить, то, искренно сожалѣя о немъ, виню тѣхъ мнимыхъ знатоковъ театра, которыхъ онъ слушается; виню также партеръ и раёкъ, которымъ давно надлежало бы запретить хлопанье и вызовы и предоставить это право только сидящимъ въ креслахъ».

О степени достовѣрности и правдивости этого отзыва можно судить уже по одному пристрастію и по запальчивости, которыми дышетъ перо рецензента. Очевидно, что послѣдній не столько хотѣлъ возвеличить уже знаменитую Семенову, сколько унизить ученика Катенина и вмѣстѣ съ тѣмъ (между строкъ) излить свое негодованіе по поводу происшедшаго скандала. Ясно, какъ день, что журналъ А. Е. Измайлова былъ весьма недоволенъ апплодисментами, раздававшимися въ честь Пирра-Каратыгина. Прямымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить и замѣчаніе самого редактора-издателя по поводу апплодисментовъ вообще, сдѣланное, правда, не въ отчетѣ о спектаклѣ, 18-го сентября, но представляющее несомнѣнный отголосокъ этого злополучнаго спектакля. (Оно и напечатано-то въ одной книжкѣ съ отзывомъ о «Поликсенѣ»). Вотъ это замѣчаніе: «Желательно, чтобы вызовы и даже апплодисменты въ нашемъ театрѣ дѣлались безъ всякаго пристрастія. Интриги между актеровъ непростительны; но интриги между зрителями во сто разъ непростительнѣе. И сколько есть молодыхъ шалуновъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти говорятъ публично, что по приказанію какого-нибудь молокососа-сочинителя апплодировали такому-то актеру, или шикали такой-то актрисѣ. О, дѣти! некому васъ сѣчь!» [1].

Ниже мы постараемся выяснить причины такого неодобрительнаго отзыва «Благонамѣреннаго» и намековъ его редактора-издателя, теперь же послушаемъ, что говоритъ altera pars. Отецъ знаменитаго впослѣдствіи В. А. Каратыгина—А. В. Каратыгинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Сентября 18-го. «Поликсена», трагедія В. А. Озерова... Пріемъ Василія въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой, которая обратила свое мщеніе на П. А. Катенина, будто бы онъ, при вызовѣ ея, кричалъ: «не надо!» Она сама неправильно поступила, выведя съ собой на сцену свою ученицу Азаревичеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо... и г. Катенину запрещено было ѣздить въ театры. О правосудіе!» [2]). Послушаемъ, наконецъ, что говоритъ объ этомъ же спектаклѣ лѣтописецъ русскаго театра:

---

[1]) „Благонамѣренный" 1822 г., ч. XX, стр. 108, примѣчаніе.

[2]) „Русск. Старина" 1880 г., № X, стр. 272.

«18-го сентября, дана была въ бенефисъ Толченова трагедія Озерова «Поликсена». Кат. Сем. Семенова руководила въ это время Мар. Азаревичеву въ приготовляемыхъ ею роляхъ молодыхъ принцессъ въ трагедіи. Нельзя было отказать молодой актрисѣ въ дарованіи; но талантъ ея значительно уступалъ таланту Алекс. Мих. Колосовой, которой появленіе на русской сценѣ въ подобномъ амплуа было появленіе замѣчательное... В. А. Каратыгинъ въ первый разъ игралъ въ трагедіи «Поликсена» съ Семеновой роль Пирра... Трагедія была сыграна на славу; театръ былъ полонъ; пріемъ Каратыгина въ роли Пирра былъ чрезвычайный: зала безпрестанно оглашалась рукоплесканіями послѣ его монологовъ, и это возродило зависть въ Семеновой. По опущеніи окончательно занавѣса, публика начала вызывать Каратыгина; Семенова, привыкшая разыгрывать сценическую повелительницу, вывела Азаревичеву и, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, безмолвно объяснила публикѣ, что слава этого пріема должна относиться къ ея ученицѣ. Многимъ любителямъ театра не понравилось это, и нѣсколько голосовъ закричали: «Азаревичеву на надо!» Когда произошелъ шумъ въ театрѣ, П. А. Катенинъ громко замѣтилъ, что «не слѣдовало Азаревичевой выходить, никто ее не звалъ, и что это—дерзость со стороны Семеновой и значитъ смѣяться надъ публикой». Такое заключеніе Катенина, котораго Семенова не любила за его руководство Каратыгина, было передано ей тотъ же вечеръ съ прибавленіями, какъ это всегда водится»... [1]).

Сопоставляя всѣ приведенныя данныя объ этомъ спектаклѣ, не трудно замѣтить, что они, сходствуя въ мелочахъ, различно говорятъ именно о самомъ главномъ—степени «неприличія» въ поступкѣ Катенина и о поводахъ къ скандалу, Катенинымъ въ театрѣ учиненному. Хорошо ли дѣйствительно игралъ П. А. Каратыгинъ, были ли въ честь его шумные аплодисменты, кричалъ ли Катенинъ «Семенову не надо!», вотъ собственно пункты, безпристрастное освѣщеніе которыхъ дало бы возможность выяснить степень виновности Катенина. Въ донесеніи графа Милорадовича, несмотря на всю его оффиціальность, чувствуется пристрастіе: оно въ пользу Семеновой. И это понятно. Милорадовичъ былъ предупрежденъ; ему были извѣстны и прежнія «самонадѣянныя и неприличныя выходки» пылкаго и увлекающагося Катенина; наконецъ, графъ Милорадовичъ скорѣе могъ принять сторону Семеновой [пріѣхавшей къ нему на другой же день послѣ скандала въ театрѣ съ жалобой], какъ потому, что знаменитая трагическая актриса, съ упрочившейся репутаціей «неподражаемой», пользовалась его отмѣннымъ покровительствомъ, такъ и потому, что за нее горой стояло большинство

---

[1]) Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра". Спб. 1861 г., стр. 327—328.

«высокопоставленныхъ» цѣнителей искусства (начать хотя бы съ князя И. А. Гагарина, впослѣдствіи на ней женившагося), которые, конечно, требовали возмездія за причиненное актрисѣ—выражаясь языкомъ донесенія—«огорченіе»... Что же касается журнала А. Е. Измайлова, то отъ него и нельзя было ожидать безпристрастнаго голоса тамъ, гдѣ рѣчь шла о Катенинѣ. Издатель «Благонамѣреннаго», во-первыхъ, былъ горячимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ Е. С. Семеновой, а главное—литературнымъ врагомъ Катенина. Въ «Благонамѣренномъ» мы находимъ не мало самыхъ восторженныхъ отзывовъ о первой и самые рѣзкіе приговоры литературной дѣятельности второго; въ перепискѣ же Измайлова находимъ и весьма несочувственный отзывъ о Катенинѣ, какъ учителѣ декламаціи [1]). Катенинъ, въ свою очередь, терпѣть не могъ Измайлова и вотъ что, между прочимъ, писалъ однажды А. М. Колосовой: «Не лишнимъ полагаю васъ и Евгенію Ивановну (мать А. М.) предостеречь на счетъ «Благонамѣреннаго» Измайлова, который къ вамъ ѣздитъ. Это — преподлое животное, преданное Тиграну [2]) и Семеновой; нѣтъ имени достойнаго тѣхъ статей, которыя онъ обо мнѣ печаталъ,—это превосходитъ вѣроятіе [3]). Берегитесь и вы, а то онъ пожалуй, ѣздить къ вамъ будетъ и прочее, да какъ обругаетъ въ журналѣ, такъ и досадно даться въ обманъ» [4]).

Далѣе. Обращаясь къ «показаніямъ» Арапова, А. В. и П. А. Каратыгиныхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ сочувственное отношеніе къ Катенину; они подтверждаютъ шумный и заслуженный успѣхъ В. А. Каратыгина, а въ «неприличномъ поступкѣ» Катенина видятъ лишь вполнѣ понятное и справедливое негодованіе страстнаго театрала. Если вѣрить П. А. Каратыгину, то Катенинъ и по отношенію къ Семеновой былъ далеко не непочтителенъ: по его словамъ, Катенинъ не кричалъ «Семенову не надо!», а кричалъ «Семенову одну!», когда та вышла съ Азаревичевой [5]). Но, какъ бы то ни было, а блюстителями тишины и порядка поведеніе Катенина было найдено неприличнымъ. Оправдывать виновнаго вполнѣ было бы рисковано.

Не забудемъ, что хотя Катенинъ и былъ дѣйствительно окруженъ интригами, но онъ и самъ нерѣдко ихъ велъ. Вѣдь это былъ страстный, самолюбивый, «вѣчно-кипѣвшій, какъ кофейникъ»—по выраженію Ф. Ф.

---

[1]) „Не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи, читать, Катенинъ обучаетъ молодую Колосову",—писалъ однажды А. Е. Измайловъ И. И. Дмитріеву. (См. „Русскій Архивъ" 1871 г., №№ 7 и 8, ст. 972).

[2]) Т. е. графу М. А. Милорадовичу.

[3]) Катенинъ имѣлъ въ виду статьи, напечатанныя о его „Сидѣ" въ 21 и 22 ч. „Благонамѣреннаго" за 1823 г.

[4]) „Русск. Стар." 1893 г., № 3, стр. 653—654.

[5]) „Записки П. А. Каратыгина". Спб. 1880 г., стр. 91.

Вигеля—театралъ. Что Катенинъ могъ вызвать въ театрѣ скандалъ,—это вѣроятно: на то онъ былъ способенъ; доказательствомъ сему могутъ служить нѣкоторые факты изъ его жизни и характеристики его, оставленныя современниками.

Вотъ что говоритъ о немъ, напримѣръ, только-что упомянутый Ф. Ф. Вигель: «Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на комфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было пощады, ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Виргилій всегда бывалъ первой его жертвой. Мудрено завидовать людямъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ быть, ему не хотѣлось быть на-ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ?.. Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго еще продолжалъ спорить, когда утомленный противникъ отвѣчалъ ему молчаніемъ... Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ»... [1]). Характеристика злая, но довольно справедливая.

Итакъ, оставляемъ открытымъ вопросъ о степени виновности Катенина. Во всей этой нѣсколько запутанной и какъ бы недосказанной исторіи намъ, по крайней мѣрѣ, яснымъ кажется то, что поведеніе Катенина въ этотъ злополучный спектакль было лишь поводомъ къ столь строгому наказанію его; что скандалъ, вызванный имъ въ театрѣ 18-го сентября 1822 г., былъ лишь «девятымъ валомъ», послѣднимъ раскатомъ бури, начавшейся далеко ранѣе за кулисами и вдругъ хлынувшей въ зрительный залъ въ этотъ роковой вечеръ. Едва ли не за кулисами былъ составленъ и приговоръ Катенину...

Въ отвѣтъ на свое донесеніе графъ Милорадовичъ получилъ слѣдующее отношеніе князя Волконскаго изъ Вероны отъ 20-го октября 1822 года:

«Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства о неприличномъ поступкѣ отставного полковника Катенина, повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вамъ, что, ежели бы сей поступокъ сдѣланъ былъ кѣмъ-нибудь другимъ, то его величество нашелъ бы достаточнымъ рас-

---

[1]) „Записки Ф. Ф. Вигеля". Москва 1892 г., т. III, стр. 148; см. также Сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 148; „Истор. рос. академіи" М. И. Сухомлинова, т. VII, стр. 89—91; о П. А. Катенинѣ см. статью Е. П. Пѣтухова („Ист. Вѣстн." 1878 г., № VIII), В. И. Боцяновскаго („Русск. Стар." 1893 г., №№ III и IV, тамъ же и письма его къ А. М. Колосовой), Л. Н. Майкова (въ прим. къ III т. Сочин. К. Н. Батюшкова).

поряженіе, вашимъ сіятельствомъ опредѣленное; но какъ г-нъ Катенинъ и на предь сего замѣченъ былъ неоднократно съ невыгодной стороны и потому и удаленъ изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, то его величество повелѣваетъ вашему сіятельству выслать г-на Катенина изъ Петербурга, съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ столицы безъ высочайшаго на то разрѣшенія, о чемъ благоволите сообщить г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому военному губернатору» [1]). Повелѣніе государя было немедленно сообщено Катенину; полиція отобрала у него подписку—не въѣзжать въ обѣ столицы [2]) и 7-го же ноября (въ день полученія отношенія изъ Вероны) въ 11 час. утра Катенинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Красное Село. Но пребываніе опальнаго въ Красномъ Селѣ графу Милорадовичу показалось неудобнымъ, и онъ просилъ генерала И. Ѳ. Паскевича удалить его оттуда; о каковомъ дѣйствіи и писалъ князю П. М. Волконскому слѣдующее:

«Милостивый государь, князь Петръ Михайловичъ! Отставной полковникъ Катенинъ, получивъ повелѣніе выѣхать изъ столицы, отправился было въ Красное Село, гдѣ расположенъ 3-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Находя пребываніе его тамъ крайне неприличнымъ, сказалъ я о семъ генералъ-лейтенанту Паскевичу, по опредѣленію котораго Катенинъ изъ Краснаго Села тотъ же часъ и выѣхалъ. О всевысочайшемъ запрещеніи ему въѣзда въ обѣ столицы сообщилъ я господамъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому генералъ-губернатору» [3]).

Высланный и изъ Краснаго Села, онъ остановился невдалекѣ отъ него въ гостиницѣ, прозванной «Красной Кабачекъ», находившейся на петергофской дорогѣ. Тамъ онъ прожилъ почти мѣсяцъ, пока не окончилъ (черезъ друзей) своихъ домашнихъ дѣлъ въ Петербургѣ: у него было большое хозяйство, библіотека и проч. Онъ рѣшилъ уѣхать и перевезти все цѣнное и библіотеку изъ столицы въ свою деревню (въ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, близъ Чухломы), куда и выѣхалъ въ сопровожденіи А. В. Каратыгина 5-го декабря 1822 года. Такъ кончилась эта исторія, принесшая Катенину столь великое огорченіе: онъ на три года былъ разобщенъ съ столицей, театромъ и литературной средой, три года прожилъ—по его выраженію—«въ странѣ медвѣдей». Лишь въ іюнѣ 1825 года онъ получилъ высо-

---

[1]) Копія съ отношенія князя П. М. Волконскаго—графу Милорадовичу отъ 20-го октября 1822 г. изъ Вероны (Военно-ученый архивъ).

[2]) См. подробности въ „Запискахъ П. А. Каратыгина", стр. 91—92—и въ дневникѣ А. В. Каратыгина („Русск. Старина" 1889 г., № X, стр. 272).

[3]) Письмо графа Милорадовича—князю П. М. Волконскому отъ 10-го ноября 1822 г. (Военно-ученый архивъ).

чайшее разрѣшеніе вернуться вновь въ Петербургъ [1]), каковымъ разрѣшеніемъ вскорѣ и воспользовался.

Разсказъ о непріятности, постигшей въ 1822 г. Катенина, заключаемъ сообщеніемъ остроты, пущенной кѣмъ-то по поводу его исторіи и долго ходившей по Петербургу. Кто-то сказалъ: «Буря разбила Катенина у Гагаринской пристани» [2]). Если вспомнить отношенія князя И. А. Гагарина къ Е. С. Семеновой, которая пользовалась княжескимъ покровительствомъ чуть ли не съ перваго своего выхода на сцену и впослѣдствіи стала княгиней Гагариной, то остроту эту нельзя не признать весьма удачной...

Ив. Кубасовъ.

[1]) См. „Русскую Старину" 1893 г., № 4-й, стр. 201.
[2]) Изъ неизданной рукописи П. Л. Яковлева.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

IV [1]).

Характеръ Павла Петровича развивался и окончательно сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ взаимныхъ отношеній его и Екатерины и того ложнаго положенія, которое создали ему обстоятельства. Въ его позднѣйшемъ обликѣ нѣтъ ни одной черты, ни одной особенности, задатковъ которой не было бы въ его раннемъ дѣтствѣ; но, силою вещей, изъ нихъ особенно развились тѣ, которыя, напротивъ того, было бы желательно если не искоренить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно смягчить.

Въ 1773 году, не за долго до вступленія цесаревича въ первый бракъ, Сольмсъ писалъ о немъ своему другу Ассебургу: «Не будучи большаго роста, онъ красивъ лицомъ, безукоризненно хорошо сложенъ, пріятенъ въ разговорѣ и въ обхожденіи, мягокъ, въ высшей степени вѣжливъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Въ этомъ красивомъ тѣлѣ обитаетъ душа прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и въ то же время чистѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны, знающая его лишь на столько, чтобы преисполниться рѣшимости избѣгать его для себя самой и чтобы порицать его въ другихъ; однимъ словомъ, нельзя въ достаточной степени нахвалиться великимъ княземъ, и да сохранитъ въ немъ Богъ тѣ же чувства, которыя онъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

питаетъ теперь. Если бы я сказалъ больше, я заподозрѣлъ бы самого себя въ лести».

Этотъ отзывъ рисуетъ намъ того очаровательнаго «prince adorable», который скрывался въ Павлѣ Петровичѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ Сольмса несомнѣнно доказываетъ, что въ то время равновѣсіе между противоположными качествами, присущими Павлу-цесаревичу, еще не было нарушено. Какъ разъ къ этому времени относится усиленная работа Павла Петровича надъ самимъ собою. Онъ старался какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружавшимъ его, обуздывалъ свою горячность на сколько могъ, держалъ себя сдержанно и ровно, придя къ заключенію, что безпокойство, которому мы даемъ проявляться внутри самихъ себя, очень часто заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое. Конечнымъ результатомъ этихъ усилій надъ самимъ собою явилось то, что ему «удалось отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній, дѣлавшихъ жизнь крайне тяжелою».

Но для того, чтобы подобное счастливое состояніе духа цесаревича упрочилось, нужно было бы стеченіе особо благопріятныхъ условій, а этого-то и не случилось. Прежде всего, «безпокойство», заставляющее насъ видѣть бѣлое чернымъ, должно было снова завладѣть Павломъ Петровичемъ подъ вліяніемъ честолюбивыхъ замысловъ Наталіи Алексѣевны и происковъ различныхъ интригановъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ явился Потемкинъ, вызванный Екатериною изъ Дунайской арміи. Вполнѣ естественно, что сыновнее чувство цесаревича не могло не возмущаться и мириться съ вліяніемъ фаворитовъ. Возвышеніе же Потемкина было особенно непріятно Павлу Петровичу: это былъ уже не «дуралей (butor)», какъ онъ называлъ Орлова. Напротивъ того, «въ лицѣ новаго фаворита явился даровитый исполнитель мыслей Екатерины, вліяніе котораго вскорѣ почувствовалось въ дѣлахъ, тогда какъ самолюбивый наслѣдникъ оставался въ тѣни... «Къ тому же,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—цесаревичъ усмотрѣлъ еще въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, пользовавшагося довѣріемъ императрицы, а это преимущество онъ считалъ своимъ исключительнымъ, законнымъ правомъ».

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ рѣшимости цасаревича сближаться съ матерью и отдѣлаться отъ безпокойствъ и подозрѣній было ниспослано тяжелое испытаніе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при своихъ врожденныхъ особенностяхъ Павелъ Петровичъ не могъ выдержать этого испытанія. Наконецъ, когда у него родились первые два сына, и Екатерина устранила его отъ руководства ихъ воспитаніемъ, «чаша терпѣнія Павла Петровича переполнилась»,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—«сердце прониклось желчью, а душа гнѣвомъ... Въ умѣ

Павла воскресали съ новой силой... тяжелыя воспоминанія давно прошедшихъ событій, тѣ терзавшіе его призраки (fantômes), о которыхъ Марія Ѳеодоровна упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Изъ него стало вырабатываться своеобразное воплощеніе новаго Гамлета, неумолимый судья за совершенное нѣкогда злое дѣло... Всѣ эти тяжелыя думы преисполненнаго желчи и негодованія цесаревича прикрывались наружнымъ видомъ полной покорности, подъ которымъ однако таились безсильная злоба и нетерпѣливое поджиданіе вожделѣннаго часа возмездія».

Къ сожалѣнію, вокругъ Павла не нашлось никого, кто бы своимъ вліяніемъ на него воспрепятствовалъ его характеру развиваться въ томъ направленіи, какъ это произошло въ дѣйствительности.

Напротивъ того, окружающіе его, пользуясь его именемъ какъ орудіемъ для своихъ интригъ, всячески разжигали его страсти. А между тѣмъ Павелъ Петровичъ, по природѣ своей, вовсе не принадлежалъ къ разряду людей, недоступныхъ благотворному вліянію. Еще Порошинъ замѣтилъ, что «очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію добраго: надобно знать только, какъ за то браться». Мы видѣли также, какое чудо произвело въ немъ вліяніе Разумовскаго. Но вліяніе это, какъ умиротворяющій элементъ, было кратковременно: оно прервалось бракомъ Павла Петровича съ Наталіей Алексѣевной, когда и Разумовскій не устоялъ противъ искушенія завязать политическія интриги. Позднѣе Репнинъ старался подѣйствовать на цесаревича успокоительнымъ образомъ, и его письма къ нему проникнуты несомнѣнною искренностью. Но голосъ Репнина, совѣтовавшаго «хорошенько изучить самого себя, чтобы не подавать повода къ тому предубѣжденію, которое часто внушается намъ безпокойствомъ въ характерѣ, приводящимъ къ тому, что мы дѣлаемся подозрительными», учившаго, что «думать, что постоянно поступаютъ не хорошо, столь же дурно, какъ и воображать, что кто-либо постоянно поступаетъ хорошо»,—голосъ этотъ звучалъ одиноко и звучалъ къ тому же изъ прекраснаго далека. Безспорно полезнымъ было вліяніе Маріи Ѳеодоровны. Она выработала себѣ извѣстную систему, «хранительную тактику, осторожное примѣненіе о которой,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—въ виду болѣзненнаго самолюбія Павла Петровича, поддерживало до нѣкоторой степени миръ и правильное теченіе жизни при великокняжескомъ дворѣ. Тяжелый опытъ привелъ Марію Ѳеодоровну къ усвоенію подобнаго образа дѣйствій, и она пользовалась для этой цѣли разными близкими ко двору ея лицами. Этимъ путемъ иной разъ удавалось спасать цесаревича отъ послѣдствій дурныхъ внушеній, порывовъ гнѣва, доходившихъ нерѣдко до бѣшенства, и напрасной подозрительности». Но вліяніе Маріи Ѳеодоровны, при

всей его благотворности вообще, не могло быть особенно дѣйствительнымъ и прочнымъ уже по тому одному, что она сама была оскорблена Екатериной въ своихъ материнскихъ чувствахъ. Поэтому при ея благоразуміи и осторожности она могла удерживать цесаревича отъ того или инаго отдѣльнаго опрометчиваго поступка, но не могла содѣйствовать искорененію въ немъ «безпокойства» и «подозрѣній», побуждавшихъ его къ извѣстному шагу. Что же касается вліянія Нелидовой, то, къ сожалѣнію, оно явилось слишкомъ поздно, когда характеръ Павла Петровича сформировался окончательно. Ей оставалось лишь смягчать отдѣльныя проявленія характера Павла, но не вліять на самообразованіе его личности. Слагался же этотъ характеръ такъ, что особенно доступнымъ сдѣлался дурному вліянію. И, какъ писалъ Лагарпъ,— «злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями».

Мы уже упомянули выше, что Екатерина, ознакомившись со взглядами сына на вопросы государственнаго управленія, увидѣла себя вынужденною оставить его въ сторонѣ отъ дѣлъ. По этой причинѣ онъ не былъ призванъ даже къ участію въ дѣлахъ Совѣта, учрежденнаго въ 1769 году.

Почти постоянно люди, отстраненные отъ власти и вліянія на ходъ дѣлъ, становятся въ ряды оппозиціи господствующему направленію. Вполнѣ естественно, что, при его впечатлительности, Павелъ Петровичъ не избѣгъ подобной же участи. Главнымъ образомъ, отмѣченнымъ свойствомъ человѣческой натуры слѣдуетъ объяснить положеніе, занятое цесаревичемъ по отношенію къ мѣропріятіямъ правительства Екатерины. Постепенно онъ сталъ критиковать все, что ни дѣлалось вокругъ него. Уже въ 1777 году онъ заявлялъ, что ему «тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды». А десять лѣтъ спустя онъ откровенно высказывалъ прусскому посланнику барону Келлеру, что его принципы, «какъ многимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно», совершенно расходятся съ принципами администраціи Екатерины.

Вынужденное бездѣйствіе томило цесаревича, оскорбляло и еще болѣе растравляло его болѣзненное самолюбіе, вызывало въ немъ тяжелое чувство обиды. Онъ съ горечью жаловался на это. Такъ, въ 1778 году онъ высказывалъ въ письмѣ къ барону К. И. Сакену, что жестоко быть обреченнымъ на бездѣйствіе въ двадцать четыре года и лишь наблюдать за событіями «съ верхушки своей башни». Позднѣе, въ 1784 году, онъ съ грустью восклицалъ въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцову: «вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла!»

Оппозиція же, чисто пассивная, но въ силу этого еще болѣе упорная, въ которую онъ сталъ по отношенію къ правительству Екатерины, въ

связи съ сознаніемъ своего полнаго безсилія измѣнить что-либо въ происходящемъ, должна была ожесточать его, усиливать раздражительность характера, выработывать въ немъ взглядъ на необходимость принятія крайнихъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи уже въ 1782 году Павелъ Петровичъ поддавался вспышкамъ запальчиваго гнѣва. Такъ, коснувшись въ разговорѣ съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины (Потемкина, Безбородки, Бакунина, Маркова и графовъ Семена и Александра Воронцовыхъ) и выразивъ увѣренность, что они подкуплены австрійскимъ дворомъ, Павелъ Петровичъ воскликнулъ между прочимъ: «Какъ только я получу какую-нибудь власть, я прикажу выдрать ихъ, я разжалую, выгоню ихъ!»

Но человѣкъ не можетъ жить безъ дѣла. Если у него нѣтъ прямаго дѣла, онъ самъ создаетъ, просто выдумываетъ себѣ дѣло. Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Спасаясь отъ томившаго его бездѣйствія, онъ создалъ себѣ пресловутыя гатчинскія войска, которымъ сталъ отдавать все свое время, всѣ свои помыслы. Екатерина мѣтко охарактеризовала эти занятія цесаревича, назвавъ ихъ игрою въ куклы. «Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ,—читаемъ мы въ сочиненіи «Императоръ Павелъ Первый»,—не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это былъ какъ-бы молчаливый протестъ противъ военной системы, установившейся въ царствованіе Екатерины. Среди россійской арміи появились какимъ-то чудомъ, какъ-бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Однимъ словомъ, по позднѣйшему выраженію Екатерины, «батушкина армія» воскресла во всей красѣ. Дѣйствительно, въ Гатчинѣ всецѣло возродились «обряды неудобь-носимые», которые, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ».

«Великій князь, который, впрочемъ, очень уменъ и можетъ быть пріятнымъ въ обхожденіи, если онъ того желаетъ,—писала принцесса Саксенъ-Кобургская о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ посѣщенія Гатчины,—отличается непонятными странностями, между прочимъ, дурачествомъ устраивать все вокругъ себя на старо-прусскій ладъ. Въ его владѣніяхъ тотчасъ встрѣчаются шлагбаумы, окрашенные въ черный, красный и бѣлый цвѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Пруссіи; при шлагбаумахъ находятся часовые, которые опрашиваютъ проѣзжающихъ, подобно пруссакамъ. Всего хуже то, что эти солдаты русскіе, переодѣтые въ пруссаковъ; эти прекрасные на видъ русскіе, наряженные въ мундиры временъ короля Фридриха-Вильгельма I, изуродованы этой допотопной формой. Русскій долженъ оставаться русскимъ. Онъ самъ

это сознаетъ, и каждый находитъ, что онъ въ своей одеждѣ, въ короткомъ кафтанѣ съ волосами, остриженными въ кружокъ, несравненно красивѣе, чѣмъ съ косою и въ мундирѣ, въ которомъ онъ въ стѣсненномъ и несчастномъ видѣ представляется въ Гатчинѣ. Офицеры имѣютъ видъ, точно они срисованы изъ стараго альбома. За исключеніемъ языка, они во всемъ прочемъ вовсе не похожи на русскихъ. Нельзя сказать, чтобы эта метаморфоза была умно придумана. Мнѣ было больно видѣть эту перемѣну, потому что я чрезвычайно люблю этотъ народъ».

«Тактика прусская и покрой ихъ военной одежды,—пишетъ одинъ изъ современниковъ, Пишчевичъ,—составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ просаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Въѣзжая въ Гатчину, казалось, въѣзжаешь въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II. Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда-бы въ мысль не вошли, напримѣръ: Фридрихъ II во время Семилѣтней войны одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ. Подражатель гатчинской одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провесть, въ примѣръ другимъ, черезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдникова оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость. Всякой день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ».

Что касается личнаго состава гатчинскихъ войскъ, то, пишетъ Н. К. Шильдеръ, «онъ былъ не завидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ цесаревича, этихъ будущихъ опричникахъ Павловскаго царствованія, слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ не образованные, соръ нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а, можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли местію, разъѣзжая

по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили».

«Гатчинскіе офицеры,—пишетъ уже упомянутый нами Пишчевичъ,— были бродяги, выгнанныя за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ-за куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести,—имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой».

Вообще, по словамъ Ростопчина, Павелъ былъ окруженъ въ Гатчинѣ людьми, «изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда».

Хотя Екатерина Великая и назвала занятія Павла Петровича съ Гатчинскими войсками игрою въ куклы, но въ глазахъ цесаревича это была далеко не игра. Напротивъ того, по словамъ Н. К. Шильдера, «онъ видѣлъ въ этихъ войскахъ вѣрный залогъ будущаго возрожденія россійской арміи, нуждавшейся, по его мнѣнію, въ коренномъ преобразованіи въ гатчинскомъ духѣ. Постепенно онъ совершенно погрузился въ мелочи военнаго дѣла», признавая все болѣе подобное занятіе важнѣйшимъ для государя занятіемъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ мелочность требованій, которую онъ привыкъ проявлять въ Гатчинѣ въ области военнаго дѣла, онъ перенесъ впослѣдствіи и на дѣла общаго государственнаго управленія».

Къ сожалѣнію, вліяніе гатчинской кардегардіи не ограничилось сферою одного, Павловскаго, царствованія: оно распространилось и на слѣдующее царствованіе, Александра I. По справедливому замѣчанію историка императора Павла, «Гатчинскіе порядки причинили Александру непоправимое зло; они привили ему увлеченіе фронтомъ, «мелкостями» военной службы, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ порядкахъ, заведенныхъ отцомъ, существенную сторону военнаго дѣла, Александръ, свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, перещеголялъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ въ свое царствованіе выправку до небывалаго совершенства. Кромѣ того, Александръ сблизился въ Гатчинѣ съ людьми, которые при другихъ порядкахъ остались бы для него вѣчно чуждыми. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; сближеніе великаго князя съ этимъ выдающимся представителемъ Гатчинскаго капральства дорого обошлось впослѣдствіи Россіи».

Чтобы понять, на сколько глубоко было вліяніе гатчинской кардегардіи на Александра Павловича, достаточно припомнить, что подъ Аустерлицемъ русскіе сражались съ Наполеономъ такъ же, какъ ма-

неврировали въ Гатчинѣ: для соображеній и руководства операціями штабъ захватилъ съ собою планы гатчинскихъ маневровъ.

Къ концу восьмидесятыхъ и къ началу девяностыхъ годовъ Павелъ Петровичъ долженъ былъ почувствовать себя окончательно неудовлетвореннымъ и несчастнымъ; безпрестанные удары, наносимые его самолюбію, какъ самой императрицей, такъ и ея приближенными, томительное и оскорбительное для него бездѣйствіе, отстраненіе его отъ воспитанія дѣтей, наконецъ, денежныя затрудненія,—все это не могло не дѣлать его положенія особенно тягостнымъ. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія являлся переходъ власти въ его руки, и онъ страстно сталъ желать ея. Обладаніе властью представлялось ему тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, который долженъ былъ озарить его жизнь. Но и въ этомъ отношеніи онъ не могъ быть спокоенъ за будущее: для него, конечно, не оставалось тайной намѣреніе императрицы устранить его отъ престолонаслѣдія и передать вѣнецъ, помимо него, Александру Павловичу. Такимъ образомъ, отъ него ускользнула бы послѣдняя возможность, послѣдняя надежда на улучшеніе своего положенія. Вполнѣ естественно поэтому, что опасеніе не быть допущеннымъ до обладанія властью держало его въ состояніи постояннаго душевнаго напряженія. «Возможность измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—волновала цесаревича болѣе всѣхъ прочихъ обрушившихся на него въ ту пору заботъ и огорченій; мысль утратить престолъ окончательно лишала Павла Петровича всякой способности спокойно обсуждать какое бы то ни было дѣло». Сосредоточивъ всѣ свои помыслы и надежды на мысли объ обладаніи властью, Павелъ Петровичъ ревниво и съ предупрежденіемъ присматривался по всему окружающему, склонный во всякомъ ничтожномъ обстоятельствѣ видѣть грозящую ему опасность, выводившую его изъ себя. «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь отецъ, — писалъ Ростопчинъ, въ 1793 году,—онъ какъ будто-бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора... По середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются; малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ..... Каждый день, только и слышно, что о насильствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія».

«Исторія всѣхъ царей, низложенныхъ съ престола или убитыхъ,—

пишетъ въ своихъ мемуарахъ Сегюръ,—была для него мыслью, неотступно преслѣдовавшею его и ни на минуту не покидавшею его. Эти воспоминанія возвращались, точно привидѣніе, которое, безпрестанно преслѣдуя его, сбивало его умъ и затемняло его разумъ».

Подъ давленіемъ постоянной мысли о возможности утраты престола въ будущемъ, въ характерѣ Павла Петровича окончательно окрѣпли подозрительность, недовѣрчивость, раздражительность, отсутствіе самообладанія, склонность къ гнѣвнымъ вспышкамъ, къ крутымъ мѣрамъ. Въ довершеніе всего, около этого же времени во Франціи разыгрывалась революція. Конечно, цесаревичъ не могъ относиться къ ней спокойно. Еще Панинъ вселялъ въ него убѣжденіе, что цари—намѣстники на землѣ Бога во плоти, а въ Парижѣ посягнули на жизнь вѣнценосца. Но этого мало. Французская революція грубо касалась и самаго больнаго мѣста Павла Петровича: она грозила ниспроверженіемъ престоловъ, а мысль о престолѣ въ будущемъ была завѣтною мыслью цесаревича. Поэтому французская революція являлась какъ-бы его личнымъ врагомъ. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить ту особенную страстность, съ которой относился Павелъ Петровичъ къ событіямъ, совершавшимся во Франціи въ бытность его наслѣдникомъ престола. Въ этомъ же, какъ намъ кажется, кроются причины той неустанной строгости, съ которою, по своемъ воцареніи, онъ преслѣдовалъ «якобинцевъ» и «якобинскій духъ».

«Со времени начала французской революціи,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ особенный, еще болѣе рѣзкій противъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самаго крайняго деспотизма; наслѣдникъ сокрушался ужасами, сопровождавшими революцію, и не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать причинъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія. Разсуждая о сихъ несчастіяхъ, великій князь все относилъ къ слабости въ правленіи короля французскаго. Нахлынувшіе же въ Россію съ той поры эмигранты окончательно сбили съ толку цесаревича: онъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править желѣзною лозою».

«Великій князь,—писалъ Ростопчинъ весною 1774 года,—всюду видитъ вѣтви революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ».

Когда получались извѣстія о какихъ-либо новыхъ ужасахъ, совершавшихся во Франціи, Павелъ Петровичъ говорилъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ:

— Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками.

Однажды Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя:

— Что они все тамъ толкуютъ!—воскликнулъ онъ.—Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками.

Считая воспитателя своихъ сыновей Лагарпа якобинцемъ, Павелъ Петровичъ около трехъ лѣтъ ни слова не говорилъ съ нимъ, а при встрѣчахъ отворачивался отъ него. Упоминая же о немъ въ разговорахъ съ дѣтьми, цесаревичъ спрашивалъ:

— Что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно положительно утверждать, что лѣтомъ 1796 года императрица Екатерина рѣшила привести наконецъ въ исполненіе свою мысль объ устраненіи Павла Петровича отъ престолонаслѣдія. Въ іюлѣ она предложила Маріи Θеодоровнѣ потребовать отъ цесаревича отреченія отъ правъ на престолъ, а въ сентябрѣ посвятила въ свои планы и Александра Павловича. Около того же времени въ Петербургѣ стали распространяться слухи, что 24-го ноября, въ день тезоименитства Екатерины, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797 года, послѣдуютъ важныя перемѣны; что появится манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Александра Павловича; что Павла Петровича удалятъ въ замокъ Лоде и т. п.

Слухи эти, конечно, доходили до цесаревича. Зная, какъ онъ дорожилъ возможностью быть у власти, легко представить себѣ, какое впечатлѣніе они должны были произвести на него. Съ 12-го сентября онъ уже не видѣлъ императрицы. Повидимому, онъ приготовился ко всевозможнымъ случайностямъ. По крайней мѣрѣ, когда 5-го ноября 1796 года въ Гатчину пріѣхалъ графъ Николай Зубовъ, чтобы извѣстить Павла о смертельной болѣзни императрицы, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Маріи Θеодоровнѣ: «мы погибли!» «Когда же онъ узналъ,—читаемъ мы въ статьѣ «Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ» [1]), что вотъ, наконецъ, онъ будетъ императоромъ, переходъ отъ страха къ радости былъ слишкомъ неожиданъ, нравственное потрясеніе слишкомъ сильно, и нервная система цесаревича не могла не пошатнуться. Впослѣдствіи Кутайсовъ выражалъ сожалѣніе, что не пустилъ ему кровь при этомъ случаѣ».

«Такимъ образомъ какъ бы оправдались слова Эпинуса, преподававшаго цесаревичу физику и часто говорившаго про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завертится, и тутъ конецъ и уму, и разсудку». Есть основаніе думать, что эта ниточка оборвалась именно 5-го ноября 1796 г.

---

[1]) „Русская Старина“ 1897 года, ноябрь.

V.

Справедливость требуетъ однако сказать, что тѣневыя стороны въ характерѣ Павла Петровича во многихъ случаяхъ какъ-бы стушевывались. По роковой неизбѣжности, нежелательныя черты его характера съ каждымъ годомъ получали, по выраженію Н. К. Шильдера, «все большее преобладаніе надъ мимолетными проблесками чего-то другаго, лучшаго, безспорно проявлявшагося при различныхъ случаяхъ», но полнаго преобладанія ихъ никогда не наступило. «Безпокойство, подвижность, недовѣрчивость, крайняя впечатлительность, однимъ словомъ, тѣ странности, которыя явились впослѣдствіи причинами его ошибокъ, его несправедливостей и его несчастій [1]), проявлялись лишь тогда, когда, такъ или иначе, затрогивался вопросъ объ его положеніи. Въ эти моменты онъ какъ бы перерождался весь. «Любезенъ въ обществѣ, невозможенъ въ дѣлахъ», сказалъ о немъ князь де-Линь, и трудно было бы подыскать болѣе счастливое и мѣткое выраженіе для опредѣленія той раздвоенности личности, которая наблюдается въ Павлѣ Петровичѣ: какъ просто человѣкъ, онъ былъ склоненъ мыслить и поступать совершенно иначе, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ выступалъ оффиціально. Явившись въ Берлинъ въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, для выбора себѣ невѣсты, онъ хотя и находился въ гостяхъ у своего кумира, Фридриха Великаго, «величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства», но производилъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое произвелъ позднѣе въ Парижѣ, пріѣхавъ туда инкогнито подъ именемъ графа Сѣвернаго. Вотъ что записалъ о немъ Фридрихъ Великій въ своихъ историческихъ трудахъ: «Мы не можемъ пройти молчаніемъ сужденіе, высказанное знатоками относительно характера этого молодаго принца. Онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ (altier, haut et violent), что заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ (dure et feroce), избалованнымъ къ тому же мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участи, одинаковой съ участью его несчастнаго отца».

Сама манера великаго князя кланяться поражала непріятно: «Вообще,— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ берлинскихъ празднествъ Тьебо,—высокопоставленные люди наклоняются очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они предоставляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, и они немного наклоняютъ голову. Великій

---

[1]) Слова Сегюра.

же князь поступалъ прямо наоборотъ: онъ взглядывалъ на тѣхъ, которые ему кланялись и, не наклоняя голову, поднималъ ее еще выше; однимъ словомъ, онъ предоставлялъ себѣ только вторую часть поклона, который, такимъ образомъ, походилъ у него на какое-то проявленіе владычества. Я скажу еще, что онъ говорилъ очень мало, и нельзя привести ни одного слова, имъ сказаннаго».

Между тѣмъ, «въ Парижѣ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—подобно тому, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ того желалъ, Павелъ Петровичъ очаровалъ французское общество».

Отзывъ Фридриха Великаго особенно поражаетъ, если сопоставить его съ отзывами большинства современниковъ объ обращеніи Павла цесаревича при обычныхъ условіяхъ. Мы уже привели отзывъ князя де-Линя. «Онъ любезенъ и очень вѣжливъ»,—писала о немъ ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская въ 1773 году. «Павелъ желалъ нравиться»,—высказалъ Сегюръ на основаніи перваго же знакомства съ Павломъ Петровичемъ въ 1785 году. «Внѣшнія формы обращенія цесаревича,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—если онъ того желалъ, отличались привѣтливостью, изысканною вѣжливостью, чарующею любезностью. Проявленіе этихъ сторонъ характера Павла Петровича преимущественно поражало лицъ, мало его знавшихъ, и привлекало къ нему сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ удостоивалъ подобнаго обращенія; отъ вниманія постороннихъ наблюдателей, конечно, ускользали при этомъ непріятныя стороны его характера, а также мрачныя думы, терзавшія подчасъ новаго Гамлета и отравлявшія ему существованіе».

Павелъ цесаревичъ, такой, какимъ онъ являлся въ минуты душевнаго спокойствія, не могъ не привлекать къ себѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы современниковъ и отдѣльныя, сдѣлавшіяся извѣстными, мысли и разсужденія цесаревича. Наиболѣе всесторонними слѣдуетъ признать отзывы о Павлѣ цесаревичѣ, высказанные въ интимной перепискѣ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II и его братомъ великимъ герцогомъ тосканскимъ Леопольдомъ. Іосифъ II писалъ о графѣ и графинѣ Сѣверныхъ, что съ незаурядными способностями и довольно обширными познаніями они соединяютъ большое желаніе видѣть и учиться; что лучше всего съ ними быть совершенно откровенными, и, «такъ какъ они нѣсколько болѣе недовѣрчивы въ силу обстоятельствъ, чѣмъ по своему характеру», то тщательно избѣгать всего, что могло бы показаться комедіей; что они очень нѣжные и заботливые родители; что они ведутъ крайне правильную жизнь; что всѣ предметы, истинно прекрасные, безконечно интересуютъ ихъ; что общественныя учрежденія, благотворительныя и воспитательныя, возбуждаютъ въ нихъ большой интересъ; что знакомство съ наиболѣе образованными и извѣстными людьми составляетъ главную цѣль ихъ любопытства; что они крайне нетребовательны по части

стола и любятъ простыя, но хорошія кушанья. Съ своей стороны, Леопольдъ повѣрялъ своему брату, что графъ Сѣверный сверхъ большихъ ума, способностей и вдумчивости обладаетъ талантомъ вѣрно схватывать идеи и быстро соображать всѣ возможные выводы изъ нихъ; что онъ будетъ строгъ и склоненъ къ поддержанію порядка, неограниченной дисциплины, правилъ и точности, что ни разу, ни однимъ словомъ, онъ не обмолвился ни о своемъ положеніи, ни объ императрицѣ.

Громадное значеніе для характеристики Павла цесаревича, въ его «свѣтлыя минуты» [1]), имѣютъ написанное имъ передъ вступленіемъ въ бракъ съ Маріей Ѳеодоровной наставленіе своей невѣстѣ [2]), наказъ, сочиненный имъ, повидимому, въ 1788 году, во время приготовленій къ отъѣзду въ дѣйствующую армію, въ которомъ онъ излагалъ свои взгляды на различные вопросы государственнаго правленія, и письма-завѣщанія Маріи Ѳеодоровнѣ и великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, относящіяся къ тому же времени [3]).

Хотя наставленіе невѣстѣ и запечатлѣно постоянно отличавшимъ Павла Петровича стремленіемъ къ строгой регламентаціи, и цесаревичъ касался въ немъ даже вопросовъ о гардеробѣ, совершеніи туалета и пр., но въ общемъ оно является прекраснымъ памятникомъ его мыслей и чувствъ. Такъ, нельзя не отмѣтить выраженнаго въ немъ цесаревичемъ трогательнаго сознанія своихъ собственныхъ недостатковъ и слабостей. «Ей (Маріи Ѳеодоровнѣ),—писалъ Павелъ Петровичъ,—придется прежде всего вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположеніе духа, а равно мою нетерпѣливость. Я желалъ бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже, быть можетъ, довольно сухо, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, относительно образа жизни, умѣнья одѣваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно совѣты, которые мнѣ случится давать ей, потому что изъ десяти совѣтовъ все же можетъ быть одинъ и хорошій, допустивъ даже, что остальные будутъ непригодны».

Изъ отдѣльныхъ взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ Павломъ Петровичемъ въ наставленіи, приведемъ здѣсь слѣдующіе:

«Ровность въ обхожденіи всегда пріятна, такъ какъ она никого не отличаетъ, никому не вредитъ и не даетъ повода ни къ хвастовству, ни къ жалобамъ».

---

[1]) Выраженіе графа Палена, употребленное имъ въ разговорѣ съ графомъ Ланжерономъ.

[2]) „Русская Старина" 1898 г. февраль, Е. С. Шумигорскій: „Инструкція великаго князя Павла Петровича великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ".

[3]) „Вѣстникъ Европы" 1867 г., т. I, отд. I. М. И. Семевскій: „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка".

«Вопросъ о знаніи русскаго языка—вопросъ первостепенной важности какъ для извѣстнаго рода публики, такъ и для народа, для прислуги, для молитвъ, чтенія и т. п.».

«Надобно привыкнуть самой принимать счетъ всего израсходованнаго, провѣрять итоги и такимъ образомъ самой привыкнуть къ порядку и сдерживать и внушать страхъ тѣмъ, кто нашелъ бы для себя выгоднымъ представлять не особенно вѣрные счеты, ссылаясь на ошибки въ вычисленіяхъ, что случается очень часто».

«Никогда ничего не брать въ долгъ, но всегда на наличныя деньги».

«Нашъ образъ жизни,—писалъ онъ,—долженъ быть строго опредѣленъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для прочихъ лицъ, и приблизительно по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ. Подчиняясь въ жизни извѣстнымъ правиламъ, этимъ мы защищаемъ себя отъ своихъ собственныхъ фантазій, которыя нерѣдко переходятъ въ капризы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даемъ примѣръ другимъ людямъ, которые обязаны подчиняться тѣмъ же правиламъ».

Затронувъ въ наставленіи даже такой вопросъ, какъ обращеніе съ прислугой, Павелъ Петровичъ говорилъ, что въ отношеніи къ прислугѣ «болѣе мягкое обхожденіе всегда будетъ наилучшимъ; однако, слѣдуетъ внимательно слѣдить затѣмъ, чтобы прислуга точно исполняла свои обязанности, а въ случаѣ неисправности, чтобы ей было тотчасъ сдѣлано по этому поводу замѣчаніе, дабы заставить ее быть всегда внимательной.

Крайне характерными для Павла Петровича являются его разсужденія, касающіяся домашняго образа жизни. «Я сказалъ выше,—читаемъ мы въ объясненіяхъ къ двѣнадцатой статьѣ,—что точное исполненіе правилъ—одно изъ главныхъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать въ жизни, повторяю это еще разъ, въ особенности, относительно домашняго обихода. Пока мы придерживаемся извѣстныхъ правилъ, до тѣхъ поръ мы спасаемъ себя отъ многаго, а скука, одинъ изъ главныхъ недуговъ человѣка, не имѣетъ, такъ сказать, власти надъ нами. Поэтому я считаю долгомъ просить принцессу подчиняться, съ своей стороны, извѣстнымъ правиламъ какъ въ образѣ жизни, такъ и относительно занятій въ частности. Я совѣтовалъ бы принцессѣ вставать довольно рано, чтобы имѣть время причесаться, употребить часъ или два на занятія и затѣмъ окончить свой туалетъ вполнѣ, тѣмъ болѣе, что мое собственное препровожденіе времени распредѣлено такъ, что, начиная съ девяти часовъ, когда я бывало совсѣмъ одѣтъ, и до полудня у меня нѣтъ ни минуты свободной (это касается вставанія). Я убѣдительно прошу ее быть готовой къ полудню, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ $10^1/_2$ часамъ. Въ послѣобѣденное время я прошу ее заниматься также чтеніемъ, музыкой и иными предметами, которые она сама най-

детъ полезными и пріятными; въ числѣ утреннихъ занятій я прошу принцессу назначить извѣстные часы на русскій языкъ и другія занятія для того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя познанія по части исторіи, политики и географіи нашей страны, а также относительно религіи и церковныхъ обрядовъ. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычкѣ къ регулярной жизни (которая вначалѣ покажется ей, быть можетъ, стѣснительной), тѣмъ болѣе, что, въ видахъ моего здоровья и моихъ утреннихъ занятій, я не имѣю возможности, несмотря на мои молодыя лѣта, бодрствовать ночью»...

«Я прошу ее никогда не дѣлать, даже въ ея собственной комнатѣ, ничего такого, что имѣло бы видъ таинственности или желанія сдѣлать что-либо тайкомъ, ибо это болѣе, чѣмъ что-либо, подстрекаетъ любопытство своею таинственностью и заставляетъ дѣлать не особенно лестныя предположенія, ибо всякій говоритъ себѣ, что, у кого чиста совѣсть, тому нечего бояться и, слѣдовательно, прятаться отъ кого-либо».

Въ наказѣ или «предписаніи» о порядкѣ управленія Россіей не только обращаютъ на себя вниманіе, но просто поражаютъ слѣдующія мѣста:

«Предметъ каждаго общества,—писалъ цесаревичъ,—блаженство каждаго и всѣхъ. Общество не можетъ существовать, если воля каждаго не будетъ направлена къ общей цѣли. Для того правительство; правительства разнаго рода. Лучшее то, которое ближайшимъ способомъ преимущественно достигаетъ до своего предмета. Изъ того разные роды правленія рождаются. Чѣмъ больше земля, тѣмъ способы исполненія труднѣе, слѣдственно, первое попеченіе должно быть—облегчать ихъ. Самое простое облегченіе сего рода—препорученіе исполненія одному, но связано съ неудобствами человѣчества....»

«Законы у насъ есть, но въ порядокъ привести въ ихъ смыслѣ. Новыхъ не дѣлать, но сообразить старые съ государственнымъ внутреннимъ положеніемъ, а указы почитать просто учрежденіями, а не законами».

«Законы для наблюденія. За наблюденіемъ должно смотрѣть. Государь, будучи человѣкъ, за всѣмъ усмотрѣть не можетъ, хотя бы и не имѣлъ страстей; то для того и другаго надобны правительства. Таковъ Сенатъ, прочія судебныя мѣста и прочее».

«Государь, будучи надъ всѣмъ смотрѣть за разными частьми, и для того въ облегченіе не только ума его, но и совѣсти, имѣть ему совѣтъ, составленной изъ особъ, которымъ поручено смотрѣть за разными частьми и родами дѣлъ государства».

«Сказавъ о способахъ безпосредственныхъ къ достиженію предмета общества, т. е. блага утвержденіемъ законовъ,—сказать должно: сіе состояніе законы утверждаютъ. Таковое первое дворянство. Оно—под-

пора государства и государя и для того придать ему уваженія, не попуская въ него лишнихъ членовъ или недостойныхъ и имѣя съ государемъ равный интересъ должно его на службу обращать».

«Крестьянство содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его, изъ благодарности отечества и для того, чтобъ тѣмъ лучше трудились, и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе.

«Но сего предписанія не довольно, ибо исполненіе потребно; а прежде онаго быть не можетъ, пока каждое состояніе и каждый онаго членъ не узнаетъ воспитаніемъ пространства своихъ должностей къ первому предмету—благу общества; а сего достигнуть не можно безъ воспитанія, отъ котораго понятіе прямое закона, самого себя и вещей и, слѣдственно, нравы, безъ которыхъ опять общество бѣдственно, ибо члены развратны.

«Для сего школы и училища, основанныя на правилахъ правленія, дабы воспитаніемъ влагалось понятіе вещей къ назначенной цѣли и напряженія каждаго, по мѣрѣ состоянія, исполненіемъ должностей къ общей цѣли общества.

«Торговля, служа къ богатству земли, сводитъ народы и тѣмъ самымъ полируетъ нравы и открываетъ новыя стези смыслу человѣческому и способамъ государственнымъ.

«Мануфактуры, фабрики и ремесла—отрасли сего, сила и, слѣдственно, цѣлость общества,—итакъ о нихъ пещись отмѣнно, а особливо у насъ, гдѣ сія часть запущена.

«Сюда къ промысламъ принадлежитъ вино и соль. Послѣдняя запущена, итакъ стараться исправить, а первое основано на злоупотребленіи, ибо коронной монополь развратительный для нравовъ; итакъ искать сей доходъ не прибавлять, а убавлять, замѣня прилежаніемъ въ другихъ отрасляхъ.

«Доходы государственные—государства, а не государя, и, составляя богатство его, составляютъ цѣлость, итакъ знакъ, и способъ благополучія земли. Они двоякіе: или съ земли, или съ промысла. Первые держать соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ людей. Другіе поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашнія средства силы и могущества земли. Поощреніе сіе—одобреніе и способствованіе.

«Расходы размѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными, и для того вѣрно однажды росписать такъ, чтобъ никакъ не отягчать земли, но помнить, что можетъ быть случай, гдѣ нужда заставитъ большой расходъ дѣлать, итакъ не вплоть и обрѣзъ

класть, и при томъ нѣкоторое количество имѣть въ казнѣ, но не большое, дабы не отвратить онаго отъ нужнаго теченія.

«Распорядясь,—какъ сказалъ выше,—не можетъ не произойти моральнаго и физическаго равновѣсія, доводящаго до общей доброй вѣры во всѣхъ частяхъ, за которою смотрѣть, ибо основаніе тишины и блаженство каждаго и всѣхъ и достиженіе цѣли закона Божія, предмета первѣйшаго.

«Для достиженія таковаго предмета и сохраненія его—необходимо стараться постановить правила общей безопасности, рождающейся отъ стеченія всѣхъ вещей къ одному предмету, и для соблюденія оной учредить земскую и городовую полицію.

«Родства, которыя никогда не должны заставлять забывать прямаго, государственнаго интереса, и суть послѣднія всегда, ибо обыкновенно идутъ на персону».

Письма-завѣщанія Павла Петровича къ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, помѣченныя 4-го января 1788 года, свидѣтельствуютъ, какъ серьезно смотрѣлъ цесаревичъ на свои обязанности, и какъ высоко ставилъ онъ заботы о благѣ государства. Въ письмѣ-завѣщаніи Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 4-го января 1788 года онъ писалъ: «Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждаго. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіи, какъ началѣ премудрости, въ добронравіи, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся объ ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о томъ, что, преподавая знанія, открываешь разсудокъ. Не пренебрегай и тѣлесныхъ выгодъ, ибо отъ нихъ здоровье къ понесенію трудовъ и наружность благообразная, плѣняющая глаза. Все сіе клони къ поспѣшествованію бодрости и твердости духа. Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго и въ приведеніи въ порядокъ прочихъ частей, но старайся имъ внушить, что человѣкъ всякій долженъ подчинять себя разсудку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ подчинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлымъ государствомъ и народомъ. Такимъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ въ ономъ, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совѣсть успокоить».

Въ завѣщаніи же своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ высказывалъ между прочимъ такія мысли: «Вы теперь обязаны предъ престоломъ Вышняго посвященіемъ жизни вашей отечеству заслуживать и за меня, и за себя, что избралъ Онъ насъ и предопредѣлилъ. Помните оба, что вы посланы отъ Всевышняго къ народу, а не народъ къ вамъ, и для его блага; итакъ, пекитесь о немъ, сохраняя его, а лучшее сохраненіе—тишина, которой примѣръ подавайте вы между собою, ибо

вы примѣръ всему, и нигдѣ оное столь не нужно, какъ въ нашемъ государствѣ, которое не наслаждалось много плодами тишины».

Свое завѣщаніе дѣтямъ Павелъ Петровичъ заключилъ слѣдующими глубоко трогательными словами: «Будьте счастливы, счастіемъ земли вашей и спокойствіемъ души вашей. Богъ вамъ да дастъ его, какъ меня сподобилъ въ жизнь свою онымъ наслаждаться».

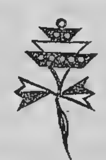
Къ числу безспорно интересныхъ и характерныхъ для Павла Петровича мыслей, высказанныхъ имъ въ бытность свою цесаревичемъ, слѣдуетъ отнести и глубоко вѣрную мысль, выраженную имъ въ запискѣ о гвардіи: «въ бездѣлицахъ опасно идти противу обычая и привычки. Развѣ не чувствительнымъ образомъ».

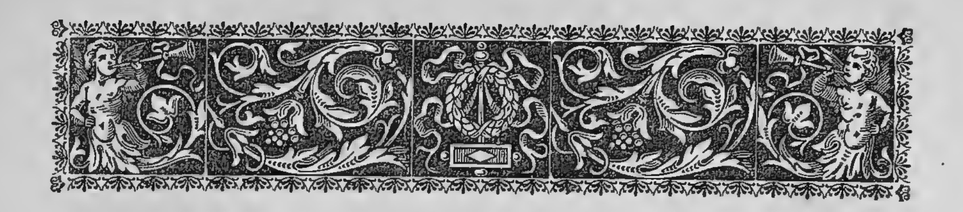
Мысль эта особенно поражаетъ въ устахъ Павла Петровича, такъ какъ постоянно онъ поступалъ какъ разъ обратно.

Вообще ко всѣмъ этимъ сужденіямъ Павла цесаревича можно примѣнить замѣчаніе, сдѣланное Н. К. Шильдеромъ въ одномъ частномъ случаѣ: «Онъ одушевленъ былъ, какъ видно, наилучшими намѣреніями и, подъ счастливымъ вдохновеніемъ, всегда находилъ хорошія слова для ихъ выраженія. Не разъ Павелъ Петровичъ пользовался въ своей жизни такими хорошими словами, и, читая ихъ, можно даже удивляться, какимъ образомъ благія намѣренія не сопровождались лучшими послѣдствіями. Но для осуществленія этихъ прекрасныхъ намѣреній не въ мірѣ грезъ, а на дѣлѣ, недоставало у него одного—выдержки. Характера хватало только на мгновеніе, а человѣческая жизнь долга, какъ выразилась Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ. Являлось непредвидѣнное огорченіе, и оно вызывало тотчасъ неразумную вспышку гнѣва, сопровождаемую иной разъ и сожалѣніемъ, а задуманное хорошее дѣло отодвигалось на недосягаемую даль и оставалось хорошимъ словомъ».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г.

21-го февраля будущаго года минетъ ровно полстолѣтія со дня кончины Гоголя. Уже теперь, почти за полгода до будущихъ юбилейныхъ празднествъ, немало говорится о приготовленіяхъ къ нимъ. Произведенія великаго писателя станутъ съ этого дня общею собственностью, и немало популярныхъ и дешевыхъ изданій Гоголя разойдется по всей грамотной Россіи. Надо думать, что благодарное отечество съумѣетъ достойно почтить память своего великаго сына. Одесса, два раза видѣвшая Гоголя въ своихъ стѣнахъ, несомнѣнно, приметъ участіе въ этомъ великомъ праздникѣ нашей культуры и тоже «отпразднуетъ и отликуетъ» грядущіе «гоголевскіе дни». Настоящія строки имѣютъ цѣлью сообщить воспоминанія о Гоголѣ одного почтеннаго одесскаго старожила, въ дни своей юности имѣвшаго случай пожимать ту руку, которая написала «Мертвыя души», и любезно подѣлившагося этими немногими и незначительными, но все же освященными драгоцѣннымъ именемъ Гоголя воспоминаніями съ пишущимъ эти строки, а также указать одинъ способъ увѣковѣченія памяти о пребываніи Гоголя въ столицѣ Новороссійскаго края.

Гоголь былъ въ Одессѣ, какъ сказано, два раза [1]). Въ первый, онъ пріѣхалъ въ столицу Юга, возвращаясь на родину изъ своего путешествія въ Святую землю, во второй половинѣ апрѣля 1848 года и черезъ двѣ недѣли — 6-го мая выѣхалъ изъ нея. Во второй разъ Гоголь

---

[1]) Нѣкоторыя данныя для исторіи пребыванія Гоголя въ Одессѣ можно найти въ IV-мъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ В. И. Шенрока, въ сборникѣ Л. М. де Рибаса „Изъ прошлаго Одессы“ (воспоминанія Н. Г. Тройницкаго и Толченова) и въ стат. моей „Гоголь въ Одессѣ“ („Одесскій листокъ“ 1900 г. 25-го февраля, № 52). Н. Л.

*

прибылъ въ Одессу въ октябрѣ 1850 года, измученный, больной, разсчитывая поправить на югѣ свое слабое здоровье, и прожилъ здѣсь всю зиму 1850—51 г.г. На третьей недѣлѣ великаго поста 1851 г. онъ уѣхалъ изъ Одессы. Къ этому-то времени и относятся немногія воспоминанія о Гоголѣ почтеннаго старожила, д. с. с. Антона Людвиговича Деменитру (старшаго брата извѣстнаго героя-студента Ришельевскаго лицея, нынѣ покойнаго, отличившагося въ 1854 году своимъ рѣдкимъ мужествомъ на знаменитой Щеголевской батареѣ, во время бомбардированія Одессы флотомъ союзниковъ). Въ настоящее время Антонъ Людвиговичъ одинъ изъ очень немногихъ, которые помнятъ Гоголя, и это придаетъ его коротенькому разсказу особый интересъ.

Въ бытность въ Одессѣ Гоголя проживалъ въ ней младшій братъ А. С. Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, нѣкогда непосѣдливый, пылкій «Левушка» и «vaillant capitaine», какъ звали его близкіе, а потомъ мирный членъ одесской таможни (сконч. 19-го іюля 1852 г. въ Одессѣ). Въ его семьѣ, гостепріимной, любезной и общительной, собиралось лучшее одесское общество. Самъ хозяинъ дома, живой, умный, образованный и добродушный, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ со многими писателями и выдающимися людьми. Въ Одессѣ у него часто бывалъ молодой Я. П. Полонскій; однимъ изъ первыхъ Левъ Сергѣевичъ призналъ и оцѣнилъ по достоинству развивавшійся съ необычайною силою поэтическій талантъ незабвеннаго Н. Ѳ. Щербины [1]). Бывалъ у него и Гоголь, другъ его великаго брата. Въ домѣ Л. С. Пушкина, жившаго на углу Греческой и Преображенской ул., зимою 1850—51 г.г. имѣлъ случай познакомиться съ Гоголемъ и А. Л. Деменитру, тогда студентъ Ришельевскаго лицея.

По его разсказу, худой, блѣдный, съ длиннымъ, выдающимся и острымъ, словно птичьимъ, носомъ, Гоголь своей оригинальной наружностью, эксцентрическими манерами произвелъ на своего новаго знакомаго весьма странное впечатлѣніе какого-то «буки». На великомъ писателѣ тогда уже лежала печать не здѣшняго міра. Всѣ окружающіе оказывали творцу «Мертвыхъ душъ» знаки величайшаго вниманія, но Гоголя это стѣсняло и коробило, и онъ относился какъ-то небрежно къ этимъ проявленіямъ уваженія своихъ поклонниковъ. Онъ былъ вялъ, угрюмъ, сосредоточенъ; говорилъ очень мало. За обѣдомъ его всячески старались растормошить,—что называется, «разговорить», заводя рѣчь о предметахъ, которые, казалось, могли его заинтересовать,

---

[1]) Въ концѣ 1849 г. Щербина напечаталъ въ Одессѣ первый сборникъ своихъ произведеній: „Греческія стихотворенія". (Книжка эта нынѣ очень рѣдка). Н. Л.

но онъ былъ по-прежнему молчаливъ и угрюмъ. Одна дама обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ, но уткнувшійся въ свою тарелку Гоголь ничего не отвѣтилъ, какъ будто и не разслышалъ вопроса (а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не разслышалъ). Его оставили въ покоѣ и заговорили о мѣстныхъ одесскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Кто-то произнесъ фамилію негоціанта-грека Родоканаки. При этомъ словѣ Гоголь на мгновеніе встрепенулся и спросилъ студента Деменитру, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ:

— Это что такое? фамилія такая?

— Да,—подтвердилъ Деменитру: это фамилія.

— Ну, это Богъ знаетъ что, а не фамилія,—сказалъ Гоголь. Этакъ только обругать человѣка можно: ахъ ты, ррродоканака ты этакая!..

Всѣ разсмѣялись, а Гоголь опять погрузился въ свои мысли. Обѣдъ кончился. Хозяева и гости перешли въ гостиную. Зашелъ разговоръ о Лермонтовѣ. Левъ Сергѣевичъ досталъ и показалъ гостямъ перчатку Лермонтова, снятую съ руки безвременно погибшаго поэта послѣ его злополучной дуэли съ Н. С. Мартыновымъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядѣли на эту реликвію, но Гоголь не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и, казалось, не слушалъ и разсказа хозяина дома о Лермонтовѣ, котораго Левъ Сергѣевичъ близко знавалъ. Это, впрочемъ, понятно. Со второй половины сороковыхъ годовъ Гоголь былъ уже не тотъ пламенный юноша-поэтъ, который написалъ «Вечера на хуторѣ», не тотъ геніальный художникъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, который создалъ «Ревизора» и «Мертвыя души». Иначе отнестись къ памяти погибшаго на поединкѣ представителя свободной, кристально-чистой поэзіи, гордо возвеличивавшей человѣческій духъ и права личности, не могъ мрачный, истерзанный душевнымъ недугомъ, мистически-настроенный авторъ «Переписки съ друзьями».

Жилъ Гоголь за Сабанѣевымъ мостомъ, въ домѣ А. А. Трощинскаго, нынѣ принадлежащемъ Деппъ, на Надеждинской улицѣ. Въ этомъ домѣ проживала также, по сосѣдству съ Гоголемъ, семья Картамышевыхъ, у которыхъ часто бывалъ А. Л. Деменитру [1]). Въ домѣ Трощинскаго Гоголь жилъ въ находившемся во дворѣ отдѣльномъ флигелѣ, до сихъ поръ сохранившемся безъ значительныхъ измѣненій, и занималъ во второмъ этажѣ двѣ небольшія комнатки. Бывая у жившихъ бокъ-о-бокъ съ Гоголемъ Картамышевыхъ, Ант. Людв. иногда слышалъ несшіеся изъ комнатъ Гоголя вздохи и шепотъ молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!» [2]).

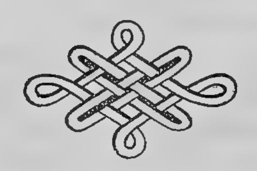
[1]) Одинъ изъ членовъ этой семьи, Константинъ Вонифатьевичъ Картамышевъ, литераторъ, былъ впослѣдствіи основателемъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“, нынѣ уже не издающейся.

[2]) А. Л. Деменитру до сихъ поръ отлично помнитъ тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Гоголь, и легко можетъ ихъ указать.

Когда совершился въ Гоголѣ печальный внутренній переломъ, и явилась въ свѣтъ «Переписка съ друзьями», Гоголь, какъ извѣстно, сталъ смотрѣть на свою прежнюю литературную дѣятельность какъ на тяжкій грѣхъ и, сознавая, что ей обязанъ своею славой, старательно избѣгалъ какихъ бы то ни было знаковъ вниманія къ нему, какъ къ писателю. Зачитывавшіеся его произведеніями студенты Ришельевскаго лицея, какъ разсказываетъ А. Л. Деменитру, съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ и любопытствомъ, оглядывали на улицѣ странно одѣтаго, съ сумрачнымъ и скорбнымъ, блѣднымъ лицомъ геніальнаго поэта, уже человѣка «не отъ міра сего». Тѣ, что были посмѣлѣе, даже слѣдовали за нимъ; правда, въ довольно почтительномъ отдаленіи. Это раздражало Гоголя, и, завидя студентовъ, шедшихъ ему на встрѣчу, онъ иной разъ бѣгствомъ въ первыя попавшіяся ворота спасался отъ стѣснявшаго и тяготившаго его, такъ сказать, и внѣшне, и внутренне, вниманія молодежи.

Въ Одессѣ, на Пушкинской улицѣ, надъ воротами скромнаго двухъэтажнаго дома старой постройки, красуется простая мраморная доска, говорящая прохожему о томъ, что въ этомъ домѣ жилъ въ 1823 году Пушкинъ. Такую же доску, съ надписью: «Здѣсь жилъ Гоголь въ 1850—51 гг.» слѣдовало бы Одесской думѣ установить надъ воротами того дома на Надеждинской улицѣ, въ которомъ молился и работалъ надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ» великій писатель. Отношеніемъ къ памяти геніевъ родины измѣряется ростъ нашего культурнаго сознанія, а наше пренебреженіе къ ихъ славнымъ именамъ—неуваженіе къ самимъ себѣ. Пусть же скромная мраморная доска съ немногорѣчивой надписью всегда напоминаетъ о великомъ человѣкѣ, чьимъ именемъ гордится даже каждый клочекъ земли, по которому ступала нога безсмертнаго поэта.

Николай Лернеръ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНIИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

Къ напечатанному редакціею оправданію Николая Ивановича Тургенева присоединено три „Приложенія", въ которыхъ хотя и встрѣчаются повторенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются и весьма любопытныя новыя подробности. Эти приложенія помѣщаются ниже на страницахъ „Русской Старины". Ред.

I [1]).

Въ первой части этого приложенія я попытаюсь изложить если не поводы обвиненія, то, по крайней мѣрѣ, тотъ путь, коимъ это обвиненіе состоялось. Начинаю съ оговорки, что все, что я скажу, не можетъ быть подтверждено мною никакими законными доказательствами. По примѣру Донесенія, за отсутствіемъ доказательствъ, я ограничусь слухами.

Въ верховномъ уголовномъ судѣ былъ членъ, который, какъ говорятъ, былъ главнымъ рычагомъ всего этого дѣла. Онъ будто-бы редактировалъ заключенія суда и умолялъ императора не прощать осужденныхъ. Однако, этотъ человѣкъ былъ въ свое время несчастенъ. Онъ самъ былъ нѣкогда жертвою несправедливыхъ подозрѣній и ничѣмъ не доказанныхъ обвиненій.

Въ тотъ самый день, когда долженъ былъ быть произнесенъ въ судѣ окончательный приговоръ подсудимымъ, человѣкъ этотъ говорилъ, что по его мнѣнію не было достаточныхъ уликъ для моего обвиненія.

---

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь, 1901 г.

— Единственно,—сказалъ онъ,—въ чемъ его можно обвинить, это въ отказѣ явиться въ судъ. Но русскій законъ не караетъ за это, такъ что его ни въ чемъ нельзя обвинить.

Сказавъ это, онъ въ тотъ же день подписалъ мой смертный приговоръ. Говорятъ, будто въ началѣ засѣданія онъ по-прежнему былъ того мнѣнія, что меня нельзя обвинить, но устрашенный гнѣвомъ сенатора Баранова или, если хотите, увлеченный его краснорѣчіемъ, онъ присоединился въ концѣ-концовъ къ его мнѣнію и увлекъ остальныхъ.

Другой судья N [1]), человѣкъ извѣстный возвышенностью и благородствомъ своего характера и своими дипломатическими способностями, имѣлъ много времени, спустя послѣ событія, случай разсмотрѣть предъявленныя противъ меня обвиненія и призналъ, что приговоръ, произнесенный противъ меня, былъ несправедливъ. Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ участвовалъ въ произнесеніи этого приговора, если принять во вниманіе, въ какомъ видѣ ему было представлено дѣло, и отсутствіе съ его стороны опытности въ уголовномъ судопроизводствѣ. Но все же ему дѣлаетъ честь, что онъ сознался въ томъ, что приговоръ былъ произнесенъ несправедливо. Мы видѣли въ моихъ замѣчаніяхъ на Донесеніе, что редакторъ не хотѣлъ даже признать ошибки, доказанной числами. Читатель припомнитъ, съ какимъ трудомъ юристы признали, слишкомъ поздно, важную ошибку, происшедшую въ дѣлѣ Калласа. Герцогъ Орлеанскій спросилъ, однажды, предсѣдателя суда:

— Какъ могло случиться, чтобы столь извѣстный судья могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Нѣтъ той лошади, ваше высочество,—отвѣчалъ предсѣдатель,—которая бы не спотыкалась.

— Но не цѣлая же конюшня!—отвѣчалъ принцъ.

Другой судья, сенаторъ К., также имѣлъ случай прочесть нѣкоторыя объясненія, данныя по моему дѣлу. Но онъ призналъ несправедливость приговора, произнесеннаго противъ меня послѣ нѣкоторыхъ колебаній возраженій съ его стороны.

Другой судья, также бывшій дипломатъ, на вопросъ, предложенный ему однимъ почтеннымъ человѣкомъ, какимъ образомъ меня обвиняли на основаніи столь неправдоподобныхъ показаній,—отвѣчалъ простодушно: «мы отлично знали, что относительно его приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, вотъ почему мы не возражали противъ него».

Наконецъ, одинъ судья заявилъ уже впослѣдствіи, что если бы я

---

[1]) Въ оригиналѣ фамилія не названа.

явился въ судъ, то я былъ бы оправданъ и что причиною моего обвиненія было мое отсутствіе.

Въ числѣ судей былъ одинъ человѣкъ, котораго мнѣ было весьма прискорбно видѣть среди нихъ. Это былъ почтенный старецъ, котораго я знавалъ прежде и который меня хорошо зналъ.

Во время моихъ служебныхъ сношеній съ нимъ (въ Государственномъ Совѣтѣ), которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ того, какъ заботливо онъ относился къ соблюденію справедливости и человѣколюбія въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Я не разъ видѣлъ, какъ, во время засѣданія Государственнаго Совѣта, онъ вставалъ со своего мѣста и заявлялъ, что такое-то дѣло, рѣшенное и подписанное имъ и его товарищами, было рѣшено несправедливо, и не упускалъ при этомъ случая замѣтить, что онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, вслѣдствіе представленныхъ мною доводовъ.

Эти дѣла касались въ большинствѣ случаевъ крестьянъ, которые хотѣли получить отпускныя отъ своихъ помѣщиковъ. Но были и другаго рода дѣла.

Я помню, что однажды, приготовляя къ рѣшенію въ Совѣтѣ одно уголовное дѣло, я убѣдился, читая краткое извлеченіе дѣла, представленное Сенатомъ, что въ немъ были замѣшаны другія лица, участь которыхъ была рѣшена за годъ передъ тѣмъ и которые были сосланы въ Сибирь по указу Сената, подтвержденному въ свою очередь Государственнымъ Совѣтомъ. Я замѣтилъ, что эти лица были осуждены незаконно, но увидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вышеупомянутый сановникъ принималъ участіе въ рѣшеніи Совѣта; я показалъ ему это дѣло и доказалъ неправильность приговора. Онъ всталъ со своего мѣста, сознался въ ошибкѣ, сдѣланной имъ и его товарищами, назвалъ того, кто нашелъ эту ошибку, и потребовалъ отмѣны приговора. Государственный Совѣтъ рѣшилъ единогласно отмѣнить его, и императоръ, болѣе дорожившій интересами правосудія, нежели произнесеннымъ приговоромъ, утвердилъ это рѣшеніе.

Почтенный старикъ, о которомъ я говорю, отлично зналъ, что въ моихъ взглядахъ не было ничего преступнаго. Онъ зналъ, что я былъ далекъ отъ желанія поступить по русской пословицѣ («вымести лѣстницу сверху»), но что я всегда утверждалъ, что надобно было заняться улучшеніемъ фундамента, т. е. освобожденіемъ крестьянъ.

II.

Я представлю здѣсь на благоусмотрѣніе читателя нѣкоторые факты, которые прольютъ свѣтъ на побочныя обстоятельства, способствовавшія, быть можетъ, моему обвиненію.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границею, во-первыхъ, для своего образованія, а затѣмъ въ качествѣ чиновника, состоявшаго на государственной службѣ, я возвратился въ Россію приблизительно два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Я началъ свою дѣятельность въ Россіи, издавъ, въ 1821 г., книгу: «О теоріи налоговъ», которая была написана мною раньше, когда цензура была не такъ строга, какъ впослѣдствіи; мнѣ разрѣшили высказать печатно свои взгляды относительно различныхъ формъ правленія, на сколько это касается налоговъ; главное, мнѣ разрѣшили высказать въ этой книгѣ откровенно мой взглядъ на положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи. Мысли, высказанныя мною по этому поводу, вызвали съ одной стороны сочувствіе нѣкоторыхъ лицъ, но съ другой—неодобреніе весьма многихъ, доходившее до озлобленія. Съ этихъ именно поръ я прослылъ во мнѣніи многихъ лицъ, дающихъ въ Петербургѣ тонъ, либераломъ, революціонеромъ, якобинцемъ, карбонаріемъ и т. п.

Что касается меня, то мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала меня за долго до моего возвращенія въ Россію. Чѣмъ долѣе я жилъ въ этой странѣ, тѣмъ болѣе убѣждался въ необходимости и возможности уничтоженія крѣпостнаго ига.

Было извѣстно, что покойный императоръ, съ самаго восшествія своего на престолъ, возъимѣлъ намѣреніе совершить этотъ великій актъ. Онъ исполнилъ это впослѣдствіи относительно извѣстной части своей Имперіи.

Когда мнѣ предложили вступить въ члены Союза Благоденствія и когда я прочелъ уставъ этого общества, я подумалъ, что, вступивъ въ него, я буду въ состояніи споспѣшествовать успѣху этого дѣла.

Вступивъ въ это тайное общество, я не нашелъ въ немъ никакой организаціи. Я слышалъ только о томъ, что такой-то и такой-то былъ членомъ или продолжалъ быть членомъ общества. Встрѣчаясь со мною, члены то говорили мнѣ, что общество падаетъ, что никто не знаетъ, что дѣлать, что тотъ или другой членъ бездѣятеленъ, а тотъ никогда не сходится со своими товарищами; то говорили, что нѣкоторые члены, видя, что общество бездѣятельно, желали созвать общее собраніе, чтобы рѣшить что-нибудь опредѣленное. Я былъ одинъ или два раза на подобнаго рода собраніяхъ, на которыхъ члены, повторивъ свои обычныя сѣтованія на бездѣятельность общества, на затруднительность и даже невозможность чего-либо достигнуть при недостаткѣ усердія въ однихъ и равнодушіи другихъ, переходили обыкновенно къ разговорамъ о литературѣ, о текущихъ новостяхъ и т. п. На одномъ изъ этихъ собраній, видя, что члены не могутъ найти предмета для занятій, я сказалъ имъ,

что существуютъ вещи, не только заслуживающія вниманія; но коими всякому честному человѣку даже обязательно заняться.

— У каждаго изъ васъ, господа,—сказалъ я,—есть или будутъ крѣпостные; освободите ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте все возможное для этого. Пусть каждый изъ васъ поставитъ себѣ задачею освободить хотя бы лакея, который ему служитъ. Не думайте, что это будетъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Примѣръ подѣйствуетъ. Вы говорите, что общество не предписываетъ вамъ никакой опредѣленной дѣятельности. Обязуйтесь сдѣлать то, что я вамъ предлагаю. Это будетъ занятіе полезное для васъ и благотворное по своимъ послѣдствіямъ. Кромѣ этой существенной дѣятельности, ищите занятій въ наукѣ,—читайте.

Въ то же время я назвалъ нѣсколько книгъ, которыя могли служить къ ихъ самообразованію.

Всѣ, съ кѣмъ я говорилъ, присоединились къ моему мнѣнію. Но мнѣ не извѣстно, какую это принесло пользу.

Я высказывалъ свой взглядъ на крѣпостное право не однимъ только членамъ общества. Я говорилъ объ этомъ со всѣми; какъ только мнѣ приходилось бесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, я тотчасъ старался развивать мои сокровенныя мысли. Я писалъ по этому поводу проекты для коммиссіи законовъ, для Государственнаго Совѣта и, наконецъ, написалъ записку для самого государя [1]).

Эта записка, въ которой я высказалъ все, что у меня было на душѣ относительно крѣпостнаго права и освобожденія крестьянъ, была передана однимъ изъ моихъ пріятелей графу Милорадовичу, въ то время петербургскому генералъ-губернатору, который былъ, какъ мнѣ говорили, отъ нея въ восторгѣ и поспѣшилъ представить ее императору.

Нѣсколько дней спустя, увидавъ меня въ Государственномъ Совѣтѣ, графъ высказалъ по поводу этой записки свое удовольствіе въ выраженіяхъ, которыя показались мнѣ даже преувеличенными, и сказалъ, что въ ту минуту мою записку читаетъ самъ императоръ.

Нѣсколько времени спустя я узналъ, что императоръ также остался доволенъ этой запиской, говорилъ о ней съ графомъ и сказалъ, что у него имѣются и другія записки по этому предмету и что онъ намѣренъ со временемъ воспользоваться ими. Въ то же время императоръ показалъ графу печать покойной императрицы Екатерины II, изображавшей улей, и сказалъ, что онъ будетъ дѣйствовать, руководствуясь этимъ символомъ. Ничто въ жизни не доставило мнѣ такого удовольствія. Я былъ обязанъ этимъ графу Милорадовичу. А меня обвинили въ участіи

[1]) Записка эта напечатана мною въ IV выпускѣ „Сборника историческихъ матеріаловъ изъ архива собственной его величества канцеляріи“, стр. 441.

въ возмущеніи, во время котораго этотъ человѣкъ погибъ жертвою своего долга.

Словомъ, во все время моего пребыванія въ Россіи, мысль объ освобожденіи крестьянъ была моею единственною думою и заботою; меня называли ея апостоломъ. Надо мною шутили по этому поводу.

— По его мнѣнію,—сказалъ однажды тотъ почтенный старецъ, о коемъ я упоминалъ выше,—по его мнѣнію только одни мужики честные люди.

— Онъ сердится,—говорилъ другой,—что я не говорю объ освобожденіи крестьянъ въ своихъ балладахъ.

Однажды представился случай примѣнить мою теорію на дѣлѣ, и я подписалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, не принадлежавшими къ тайному обществу, прошеніе на имя императора, предлагая дать волю крестьянамъ, принадлежавшимъ каждому изъ насъ, и умоляя его величество позволить намъ предложить другимъ послѣдовать нашему примѣру. Прошеніе было подано, но осталось безъ послѣдствій. Хотя я только присоединился къ этому проекту и число моихъ крестьянъ было слишкомъ незначительно по сравненію съ крѣпостными, принадлежавшими прочимъ лицамъ, подписавшимъ прошеніе, чтобы я могъ играть главную роль въ этомъ дѣлѣ, но это предложеніе было признано революціоннымъ и приписано моему мнимому якобинству.

Если мои читатели страдали когда-нибудь навязчивой идеей, то они поймутъ, что человѣкъ бываетъ иногда всецѣло поглощенъ одною мыслію и ко всему другому относится равнодушно,

Въ Донесеніи говорится, что члены тайныхъ обществъ обсуждали вопросъ о различныхъ формахъ правленія и конституціяхъ, что либеральныя идеи были въ то время въ модѣ.

Полагаетъ ли редакторъ, что вліяніе этой моды ограничивалось тайными обществами? Объ образѣ правленія и конституціяхъ могли говорить не только въ тайныхъ обществахъ. Объ этомъ говорили въ свѣтѣ, въ салонахъ, при дворѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ кабинетахъ министровъ. Самъ императоръ поручилъ однажды нѣкоторымъ лицамъ представить ему проекты конституціи для Россійской Имперіи. Какъ извѣстно, его величество далъ конституцію царству Польскому и объявилъ въ своей рѣчи, что онъ дастъ конституцію и Россіи, когда она будетъ къ тому болѣе подготовлена. Кто осмѣлится сказать послѣ этого, чтобы было преступно говорить о конституціяхъ?

Достаточно было бы ссылки на такіе авторитеты, чтобы оправдать мои разговоры относительно революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что я не только не былъ ихъ дѣятельнымъ поборникомъ, но я никогда не раздѣлялъ мнѣнія тѣхъ лицъ, кои находили, что конституція была бы благомъ для Россіи, по той простой причинѣ, что мнѣ казалось всегда

неприличнымъ домогаться политическихъ правъ для себя въ то время, какъ милліоны нашихъ согражданъ не пользовались даже гражданскими правами.

Я неоднократно высказывалъ не только членамъ общества, но и постороннимъ лицамъ, что единственный недугъ государства, настоятельно требующій лѣченія, есть крѣпостное право, что конституція не излѣчитъ его, что какъ только высшіе классы получатъ политическія права, то будетъ очень трудно лишить ихъ тѣхъ несправедливыхъ правъ, коими они пользуются надъ своими крѣпостными; найдутся, быть можетъ, люди, которые откажутся отъ этихъ правъ, но что цѣлые классы общества никогда этого не сдѣлаютъ; слѣдовательно, только самодержавная монархическая власть, существующая въ Россіи, можетъ освободить крестьянъ. Дворянское сословіе никогда не сдѣлаетъ этого, тѣмъ болѣе, если оно получитъ новыя права; надобно сначала получить необходимое, а затѣмъ уже думать о роскоши; высшіе классы, не имѣя политическихъ правъ, пользуются за то полной личной и имущественной безопасностью и могутъ проживать свободно, гдѣ хотятъ, тогда какъ съ крестьянами, привязанными къ землѣ, обращаются почти какъ съ вещами, а не какъ съ существами, созданными по образу и подобію Божіему.

— Васъ по крайней мѣрѣ не продаютъ,—говорилъ я нерѣдко,—а вы думаете объ улучшеніи своего благосостоянія, не думая отказаться отъ права продавать другихъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я всегда говорилъ о конституціяхъ и разныхъ образахъ правленія; я бьюсь объ закладъ, что не найдется человѣка въ мірѣ, будь то членъ тайнаго общества, или членъ какого-нибудь литературнаго общества, англійскаго клуба, Государственнаго Совѣта, который могъ бы привести сказанное мною слово, которое показало бы, что я думалъ о чемъ-нибудь иномъ кромѣ освобожденія крестьянъ.

Читатель пойметъ послѣ этого мое изумленіе, когда я узналъ, что я былъ обвиненъ и приговоренъ къ смертной казни за намѣреніе ниспровергнуть существующій въ Россіи порядокъ и ввести республиканскій образъ правленія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о репутаціи, которой я пользовался, скажу, что нѣкоторые сострадательные люди не преминули говорить обо мнѣ съ императоромъ, изображая меня либераломъ, якобинцемъ, человѣкомъ опаснымъ, подстрекателемъ, возбуждающимъ людей противъ правительства. Однажды, когда на меня пожаловался одинъ высшій сановникъ, министръ, обвинившій меня въ томъ, что благодаря моимъ интригамъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ отвергнутъ его проектъ, то императоръ разсердился и велѣлъ сказать мнѣ, что его тер-

пѣнію есть границы. Такъ какъ я былъ вполнѣ увѣренъ въ великодушіи императора, то я написалъ ему, высказавъ въ письмѣ откровенно всю несправедливость этого обвиненія. Милостивое отношеніе государя ко мнѣ впослѣдствіи даетъ мнѣ право думать, что этотъ доносъ не повредилъ мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ другія обвиненія.

Доносъ по поводу тайныхъ обществъ и моей принадлежности къ нимъ произвелъ, мнѣ кажется, болѣе сильное впечатлѣніе.

Изъ Донесенія мы видѣли, что императору сдѣланъ былъ доносъ на общество, именуемое Союзомъ Благоденствія, однимъ изъ его членовъ и что въ этомъ доносѣ было упомянуто обо мнѣ. Это доказываетъ, что императору было извѣстно о существованіи общества и о моей принадлежности къ нему; я имѣю еще другія доказательства, что императору было извѣстно все, что могло быть извѣстно объ этомъ обществѣ. Такъ напр. я узналъ, вскорѣ послѣ того какъ было распущено Московское общество, что правительству было извѣстно о собраніи, происходившемъ въ Москвѣ; самыя слова его величества, переданныя мнѣ при моемъ отъѣздѣ, о которыхъ будетъ упомянуто далѣе, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императоръ зналъ о моей принадлежности къ тайному обществу; если это общество было въ самомъ дѣлѣ такъ преступно, какъ старается показать Донесеніе слѣдственной коммиссіи, если я, лично, былъ такимъ отъявленнымъ заговорщикомъ, какъ можно предполагать, судя потому, что я былъ приговоренъ къ смерти, то какъ же согласовать то обстоятельство, что императоръ зналъ объ этомъ и въ то же время оказалъ мнѣ столь милостивое вниманіе, въ особенности передъ моимъ отъѣздомъ? Я знаю положительно (и даже изъ оффиціальнаго источника), что долгое время спустя послѣ моего отъѣзда изъ Россіи, императоръ соблаговолилъ говорить обо мнѣ съ участіемъ и высказалъ, что я нуженъ ему въ Государственномъ Совѣтѣ для работъ надъ Сводомъ законовъ. Очевидно, императоръ, зная, что я былъ членомъ тайнаго общества, не считалъ это обстоятельство достаточно важнымъ не только для того, чтобы подвергнуть меня какой-либо отвѣтственности, но даже для того, чтобы относиться ко мнѣ съ меньшимъ благоволеніемъ. Между тѣмъ слѣдствіемъ удостовѣрено одно только это преступленіе съ моей стороны, если его можно считать таковымъ.

Надобно полагать, что его величество лучше съумѣлъ оцѣнить это общество, нежели это было сдѣлано впослѣдствіи. Я знаю также, что, говоря обо мнѣ, его величество сказалъ однажды, что нельзя себѣ представить всѣ ужасы, которые ему наговорили обо мнѣ.

— Но я ничему не вѣрю,—присовокупилъ императоръ,—такъ какъ я знаю, что онъ честный человѣкъ.

Императоръ выражалъ свое доброе мнѣніе обо мнѣ не одними словами, я приведу тому доказательство.

Видя, что мое здоровье было разстроено непомѣрными трудами въ Государственномъ Совѣтѣ, я рѣшилъ уѣхать весною 1823 г. за границу, не оставляя однако службы. Мнѣ сказали, въ это время, что скоро освободится одно мѣсто, которое я имѣлъ бы право занять. Не имѣвъ никогда такъ называемыхъ покровителей, я написалъ императору письмо, въ коемъ высказалъ ему свое желаніе занять это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать мнѣ, что ему неизвѣстно, освободится ли указанное мѣсто, и что онъ желалъ бы, чтобы я остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ я былъ ему полезенъ, и что если незначительный размѣръ содержанія, присвоеннаго занимаемому мною мѣсту, и недостаточность личныхъ средствъ требуютъ денежнаго вспомоществованія, то императоръ готовъ дать мнѣ пособіе.

Я отказался отъ этого, отвѣтивъ, что я обратился къ его величеству не ради денегъ; говорю это не изъ хвастовства, а только для того, чтобы сказать, что мой отвѣтъ заслужилъ одобреніе императора.

Это милостивое вниманіе ко мнѣ государя заставило меня съ удвоеннымъ усердіемъ предаться своимъ служебнымъ занятіемъ, что отразилось на моемъ здоровьи; годъ спустя врачи посовѣтовали мнѣ ѣхать въ Карлсбадъ. Императоръ соблаговолилъ разрѣшить мнѣ поѣздку за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ меня въ слѣдующій чинъ, приказавъ оставить мнѣ содержаніе, коимъ я пользовался, и выдать мнѣ извѣстную сумму денегъ на путевыя издержки. Но это не все. Императоръ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералу графу Аракчееву передать мнѣ, что онъ совѣтуетъ остерегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ вездѣ много и которые, конечно, постараются обмануть меня.

— Передайте ему,—сказалъ императоръ генералу графу Аракчееву,—что я велю ему быть осторожнымъ не какъ монархъ, но что я даю ему этотъ совѣтъ какъ христіанинъ.

Обсуждая все сказанное выше, читатель можетъ по справедливости удивиться тому, что Донесеніе слѣдственной коммиссіи, приводя противъ меня всѣ несообразныя и противорѣчивыя показанія обвиняемыхъ, умолчало о моихъ мысляхъ относительно освобожденія крестьянъ и о моихъ стараніяхъ достигнуть этого. Быть можетъ, объ этомъ обстоятельствѣ боялись упоминать, чтобы не пролить въ глазахъ людей, хорошо меня знавшихъ, слишкомъ яркій свѣтъ на истинную причину неудовольствія противъ меня. Это могло не понравиться нѣкоторымъ членамъ слѣдственной коммиссіи, которые, видя въ числѣ учредителей, преобразователей и главныхъ членовъ тайныхъ обществъ однихъ военныхъ, хотѣли, какъ говорятъ, вѣроятно изъ духа солидарности, бросить обвиненіе и

противъ кого-либо изъ статскихъ и избрали меня, какъ одно изъ самыхъ видныхъ среди нихъ лицъ.

Если есть какая-либо возможность найти причину моего несчастія, то надобно полагать, что этою причиною были мои взгляды на освобожденіе крестьянъ, мои старанія достигнуть этого и ненависть, которую это возбудило въ нѣкоторыхъ лицахъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я не могъ желать прекращенія въ Россіи монархической власти, ибо, зная личный характеръ императора, его взглядъ на этотъ предметъ и его власть, я былъ увѣренъ, что онъ болѣе радѣлъ о благѣ своихъ крестьянъ, нежели кто-либо изъ его подданныхъ. Я долженъ былъ весьма естественно придерживаться этого взгляда, такъ какъ рабы всегда пользовались бо̀льшимъ благосостояніемъ при неограниченной монархіи, нежели при иномъ образѣ правленія, въ особенности при республикѣ. Мы видимъ даже, что завоеванныя страны пользуются нерѣдко бо̀льшими льготами со стороны неограниченной монархической власти (какъ напр. Финляндія и царство Польское), нежели при конституціонномъ правленіи (Ирландія и Корсика подъ владычествомъ англичанъ).

Если это такъ, то возможно ли, чтобы я стремился къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка и къ учрежденію республики? Чтобы допустить подобное противорѣчіе въ моихъ взглядахъ, подобную нелѣпость въ моихъ поступкахъ, надобно было бы имѣть ясныя, положительныя и законныя доказательства. А мы видѣли, къ чему сводятся слухи, ходившіе на мой счетъ.

Возвращаясь къ моему тайному обществу, я скажу, что въ то время, когда я состоялъ его членомъ, я присутствовалъ въ Петербургѣ всего на одномъ или двухъ засѣданіяхъ или совѣщаніяхъ; я упоминаю объ нихъ только потому, что они были назначены по просьбѣ нѣкоторыхъ членовъ, желавшихъ созыва общаго собранія; я былъ на этомъ собраніи по ихъ приглашенію, хотя надобно сказать, что эти такъ называемыя засѣданія или совѣщанія ничѣмъ не отличались отъ моихъ бесѣдъ съ нѣкоторыми членами при случайной встрѣчѣ у знакомыхъ.

Въ то время, когда я состоялъ членомъ этого общества, т. е. съ 1819—1821 г., оно находилось въ упадкѣ, какъ это признано самою слѣдственной комиссіей. Въ 1821 г., нѣкоторые члены, наскучивъ бездѣятельностью общества, хотѣли рѣшить что-нибудь окончательно и собрались для этого въ Москвѣ. Я былъ на этомъ собраніи случайно, а не въ качествѣ депутата. На этомъ собраніи, въ Москвѣ, было объявлено о прекращеніи общества; говорятъ, будто я объявилъ, что оно распускается окончательно и безповоротно. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ остались почти всѣ тѣ, кои участвовали въ этомъ собраніи.

Я узналъ изъ Донесенія, что когда общество было распущено, то члены говорили (только говорили) о преобразованіи общества.

По возвращеніи въ Петербургъ, я продолжалъ знакомство съ тѣми членами общества, коихъ я зналъ раньше. Да и почему бы мнѣ было не водить съ ними знакомства? Я вѣдь былъ знакомъ съ ними не по обществу.

Если, какъ видно изъ Донесенія, въ 1822 г. общество дѣйствительно было учреждено или преобразовано, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это произошло безъ моего вѣдома.

Лица, учредившія это общество, знали, что я былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, кои распустили прежнее общество. Они видѣли мое нежеланіе учреждать новое общество, мое полнѣйшее отвращеніе къ этому. Въ ихъ показаніяхъ встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія о томъ, что мои чувства въ этомъ отношеніи были имъ извѣстны.

Развѣ они не видѣли, что при моихъ работахъ въ Государственномъ Совѣтѣ у меня физически не было времени заняться обществомъ.

Развѣ они не знали, что мои чувства къ императору совершенно не соотвѣтствовали ихъ собственнымъ?

Развѣ они не знали моихъ мыслей относительно освобожденія крестьянъ?

Къ чему было имъ говорить мнѣ объ учрежденіи ихъ общества, если они не могли вмѣстѣ съ тѣмъ высказать мнѣ своихъ намѣреній относительно императора и возмущенія?

Это новое общество, говорится въ Донесеніи, уже не преслѣдовало патріотическихъ и филантропическихъ цѣлей, оно готовилось къ вооруженному возстанію.

Теперь я спрашиваю, было ли упомянуто обо мнѣ хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній, данныхъ обвиняемыми относительно ихъ намѣреній, касавшихся возмущенія и цареубійства? Ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи, разумѣется, не опущено ничего, что̀ могло бы послужить къ обвиненію моему и прочихъ сообвиняемыхъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я видѣлъ Бриггена чаще другихъ обвиняемыхъ и помню, что онъ говорилъ объ этомъ обществѣ не иначе, какъ шутя; я долженъ даже сказать, что никто изъ членовъ общества не говорилъ объ немъ серьезно, и не ожидалъ отъ него никакихъ результатовъ. Я высказалъ то же самое въ моей первой запискѣ и этимъ навлекъ на себя гнѣвъ тѣхъ лицъ, кои читали ее въ Петербургѣ, ознакомившись предварительно съ Донесеніемъ слѣдственной коммиссіи.

Но я говорилъ въ то время объ обществѣ только то, что мнѣ было извѣстно, и не могъ говорить иначе, ибо я не могъ знать въ то время

о томъ, какую связь Донесеніе старалось установить между обществомъ и возмущеніемъ 14-го декабря.

Мое полнѣйшее равнодушіе къ обществу доказывается еще тѣмъ, что въ предъидущей моей запискѣ я предлагалъ спросить Митькова, одного изъ обвиняемыхъ, говорили ли мы съ нимъ хотя одно слово объ обществѣ, живя вмѣстѣ въ одномъ домѣ въ Карлсбадѣ?

Въ самомъ Донесеніи есть одно обстоятельство, подтверждающее мое показаніе о томъ, что я не зналъ объ учрежденіи новаго общества.

Это то мѣсто, въ которомъ говорится, что общество начало проявлять дѣятельность или, лучше сказать, подало признакъ жизни только въ исходѣ 1824 г. Между тѣмъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года (4-го апрѣля); поэтому я спрашиваю, неужели же такъ невѣроятно, что я ничего не зналъ въ Петербургѣ объ учрежденіи новаго общества, коль скоро учредители его имѣли, съ одной стороны, причины не открывать мнѣ своихъ тайнъ, а съ другой стороны, коль скоро извѣстно, что это новое общество не подавало признака жизни до моего отъѣзда?

Безъ сомнѣнія, послѣ 1821 г. между разными лицами могли происходить преступные разговоры, но никто не говоритъ, что я принималъ въ нихъ участіе.

Единственный разговоръ, по поводу котораго упоминается обо мнѣ, происходилъ въ 1825 г., когда я былъ въ Неаполѣ.

Я долженъ сказать еще, что, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я все рѣже и рѣже встрѣчался съ бывшими членами нашего общества: я видѣлся въ то время съ моими знакомыми очень рѣдко по причинѣ моихъ служебныхъ занятій. Уже въ началѣ 1823 г. я рѣшилъ ѣхать за границу и отложилъ это рѣшеніе до слѣдующаго года только по причинѣ милостиваго ко мнѣ отношенія государя.

Скажу въ заключеніе, что, уѣзжая изъ Россіи, я вовсе не думалъ о тайныхъ обществахъ, а тѣмъ менѣе зналъ о существованіи таковаго въ Петербургѣ. Еще менѣе я могъ подозрѣвать, что меня могли обвинить впослѣдствіи въ томъ, что я зналъ о существованіи подобнаго общества, или что я принадлежалъ къ нему: съ самаго отъѣзда моего по настоящее время я не переписывался ни съ кѣмъ изъ членовъ тайныхъ обществъ.

Общее заключеніе и выводъ.

Я доказалъ свою принадлежность исключительно къ тому обществу, которое было распущено въ 1821 г., уставъ котораго существуетъ подъ названіемъ Зеленой книги, которое не имѣло никакой преступной цѣли и относилось настолько безразлично ко всякимъ благимъ и дурнымъ начинаніямъ, что естественнымъ послѣдствіемъ этого было его распущеніе.

Я доказалъ, что послѣ того, какъ это общество было распущено, я не принадлежалъ ни къ какому иному обществу, и до такой степени ничего не зналъ о его существованіи, что, уѣзжая изъ Россіи, я не счелъ нужнымъ дать ни одному изъ членовъ ни малѣйшаго отчета о моемъ намѣреніи оставить отечество; ни одно письмо, ни одна строчка, написанная мною, не указываетъ на то, что я принималъ впослѣдствіи хотя бы малѣйшее участіе въ томъ, что дѣлалось въ Россіи.

Я доказалъ, что не было ни засѣданія, ни письменнаго постановленія относительно мнимой республуки; впрочемъ, въ подтвержденіе этой истины не было бы надобности приводить никакихъ доказательствъ кромѣ словъ самаго Донесенія, которое по весьма странной сбивчивости говоритъ о разговорахъ, которые могли показаться инымъ лицамъ совѣщаніями. Слѣдовательно, это не были совѣщанія; но кромѣ того 4 свидѣтеля противъ 3 доказали, что и эта фраза не была произнесена.

Я доказалъ, что кромѣ этой фразы противъ меня не можетъ быть предъявлено никакого обвиненія, такъ какъ всѣ мои сношенія съ членами принадлежащими къ первому обществу, прекратились съ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи. Я также точно не отвѣтственъ за ихъ дальнѣйшіе мысли и поступки, какъ всѣ тѣ люди, которые встрѣтились съ ними только разъ въ жизни.

Я доказалъ, что участь моя была рѣшена столь легкомысленно, что даже не сочли нужнымъ обратить вниманіе верховнаго уголовнаго суда на то, что я уѣхалъ изъ Россіи приблизительно за два года до возмущенія, не поддерживалъ никакихъ сношеній съ обвиняемыми,—обстоятельство, которое должно было убѣдить всякаго доброжелательнаго человѣка въ моей невинности.

Я доказалъ, что не сочли нужнымъ обратить вниманіе на невѣрность показанія одного изъ обвиняемыхъ относительно удаленія императора, хотя это показаніе опровергается тѣмъ, что я отсутствовалъ въ это время изъ Россіи и не провѣрили всего, что могли сказать въ обвиненіе отсутствующаго люди, коимъ память такъ сильно измѣняла.

Я доказалъ, наконецъ, что я не принималъ и не могъ принимать участія въ возмущеніи 14-го декабря; что самый дальновидный человѣкъ не могъ бы себѣ представить возможности этого событія до моего отъѣзда изъ Россіи и что мой смертный приговоръ, сводится къ слѣдующему:

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми обвиняемыми, разговаривалъ съ ними о самыхъ обыкновенныхъ вопросахъ философіи, или о политическихъ вопросахъ; мечталъ (если хотите) о преобразованіяхъ

суда и народномъ образованіи, но находилъ осуществленіе ихъ невозможнымъ и торжественно отъ нихъ отказался.

Если смерть и ссылка должны быть удѣломъ тѣхъ, кто, преслѣдуя невинную цѣль, вступилъ когда-либо въ сообщество съ преступными людьми, если считается преступнымъ принадлежать къ тайному обществу въ то время, когда таковыя общества еще не воспрещены и когда о существованіи его было извѣстно императору, и цѣль общества была совершенно невинна или, по крайней мѣрѣ, судя по словамъ Донесенія, оно не имѣло никакой опредѣленной цѣли, если это можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы смѣшать обвиняемаго съ людьми, съ коими онъ такъ долго не имѣлъ ничего общаго, въ такомъ случаѣ я страдаю не напрасно.

Но законъ божественный и человѣческій налагаетъ на насъ отвѣтственность только за наши собственные поступки. Онъ не караетъ насъ за преступныя мысли, если онѣ не сопровождались дѣйствіемъ.

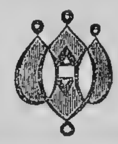
Читатель будетъ удивленъ, что я воспользовался для своего оправданія только текстомъ Донесенія, на основаніи котораго произнесенъ мой приговоръ; я оспаривалъ выводы и противорѣчія, не противупоставляя имъ никакихъ новыхъ фактовъ, о которыхъ бы не упоминалось въ Донесеніи.

Я доказалъ этимъ, что можно было бы безо всякой защиты съ моей стороны убѣдиться въ моей невинности изъ простаго сопоставленія фактовъ и чиселъ.

Я присовокуплю, что, мучимый всю жизнь мыслію объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, я не могъ желать перемѣны въ образѣ правленія или домогаться ея, такъ какъ только воля самодержавнаго монарха могла достигнуть этой цѣли безпрепятственно.

Сообщ. **А. А. Ѳоминъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій [1]) подъ надзоромъ полиціи.

1.

Отношеніе начальника Главнаго штаба графа Дибича главнокомандующему въ С.-Петербургѣ графу П. Толстому.

5-го іюня 1828 г. № 1454.

По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству рапортъ л.-гв. Московскаго полка полковника Бутовскаго [2]) на имя его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ, о нѣкоемъ Остроградскомъ, прибывшемъ изъ Риги въ Дерптъ и отправившемся въ С.-Петербургъ. Государю императору благоугодно, дабы ваше сіятельство приказали за симъ Остроградскимъ имѣть въ столицѣ секретный надзоръ и примѣчать за его поведеніемъ и связями съ тѣмъ, что буде изъясненное въ рапортѣ Бутовскаго подозрѣніе окажется не безосновательнымъ, то Остроградскаго арестовать, а бумаги, при немъ имѣющіяся, отобрать и разсмотрѣть, Г-ну Бутовскому же объявить высочайшее благоволеніе за тѣ вѣрноподданническія чувства, коими онъ руководствовался, сдѣлавъ вышеупомянутое донесеніе объ Остроградскомъ.

Сію высочайшую волю имѣю честь сообщить вашему сіятельству для приведенія оной въ надлежащее исполненіе.

---

[1]) Впослѣдствіи академикъ и геніальный математикъ, извѣстный всему ученому міру.

[2]) Рапортъ этотъ не былъ возвращенъ Дибичу и потому при дѣлѣ не находится.

2.

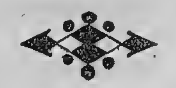
Письмо главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ—графу И. И. Дибичу.

17-го іюля 1828 г. № 2803.

Въ исполненіе высочайшей воли, объявленной мнѣ вашимъ сіятельствомъ, въ отношеніи отъ 5-го іюня, подъ № 1454, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ рапортъ полковника Бутовскаго его императорскому высочеству, командующему гвардейскимъ корпусомъ, о прибывшемъ изъ Риги въ Дерптъ и отправившемся въ С.-Петербургъ, нѣкоемъ Остроградскомъ, я поручилъ г. военному генералъ-губернатору приказать немедленно отыскать означеннаго Остроградскаго, учредить за нимъ дѣятельнѣйшій секретный надзоръ и увѣдомить меня какъ можно скорѣй: гдѣ онъ живетъ? съ кѣмъ онъ знается? какого онъ поведенія и образа мыслей? равно какъ вообще о всемъ, что въ отношеніи къ нему узнано будетъ. При семъ я просилъ г. генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, чтобы всѣ мѣры для отысканія Остроградскаго и наблюденія за нимъ были приняты самымъ секретнымъ и непримѣтнымъ образомъ, дабы отнюдь не подать ему повода къ сокрытію чего-либо отъ бдительности правительства.

Вслѣдствіе сего, военный генералъ-губернаторъ увѣдомилъ меня, что помянутый Михайло Остроградскій есть дворянинъ Полтавской губерніи и живетъ здѣсь у брата своего, чиновника 8-го класса, Осипа Остроградскаго, служащаго въ канцеляріи морскаго министерства и квартирующаго въ 1-й морской казармѣ. Михайло Остроградскій имѣетъ здѣсь значительный кругъ знакомыхъ, большею частью изъ сослуживцевъ брата его, чиновниковъ департамента морскаго министерства; онъ знакомъ также съ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества, полковникомъ Лазаревымъ. Въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго. Нынѣ изъявилъ онъ желаніе ѣхать отсюда Полтавской губерніи въ Кобелецкій повѣтъ, и какъ онъ не подалъ никакого повода къ подозрѣнію, то генералъ-губернаторъ приказалъ полиціи въ томъ ему не препятствовать, а я просилъ г. малороссійскаго военнаго губернатора имѣть его секретно на замѣчаніи.

Увѣдомляя о семъ васъ, милостивый государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Россія и папскій престолъ.[1]

КНИГА ПЯТАЯ.

ПОЛЯКИ ВЪ КРЕМЛѢ.

ГЛАВА I.

Война съ Москвою. 1609—1618 гг.

Политическое движеніе въ Польшѣ и въ Ватиканѣ.—Предложенія, сдѣланныя москвитянами.—Тайное порученіе, возложенное на князя Волконскаго.—Предложеніе возобновлено другимъ эмиссаромъ.—Легкая добыча.—Денежный вопросъ.—Положеніе Симонетти.—Походъ на Ватиканъ.—Проекты и воспоминанія.—Причины войны съ русскими, изложенныя Сигизмундомъ III.—Дѣло, рѣшенное въ Римѣ.—Отсутствіе свѣдѣній и справокъ.—Точка зрѣнія на Ватиканъ кардинала Боргезе.—Посланіе папы.—Желанія короля.—Настаиваніе королевы.—Ея слезы и пожиманіе плечами.—Вольскій въ Римѣ.—Отказъ въ субсидіи.—Ловкія мѣры.—Затрудненія Павла V.—Его денежныя затрудненія.—Сикстъ V и Стефанъ Баторій.—Признаніе папы.—Отвѣтъ, подсказанный нунцію.—Польское посольство къ папѣ.—Оно возложено на Павла Волоцкаго.—Данныя ему инструкціи.—Милости папы.—Онъ даетъ субсидію въ сорокъ тысячъ экю.—Досада короля.—Порицаніе заднимъ числомъ.—Отецъ Бембо и подарки кардинала Боргезе.

1609 годъ ознаменовался перемѣною въ польской политикѣ, которая отразилась на политикѣ Ватикана, послѣдовавшаго примѣру Польши. Идея объединенія и союза славянскаго міра, носившаяся время отъ времени въ воздухѣ, принимала всегда въ концѣ концовъ воинственный характеръ. Поэтому призрачная дружба Сигизмунда и Димитрія I привела къ войнѣ съ Москвою.

Никогда еще обстоятельства не слагались благопріятнѣе для поляковъ. Во-первыхъ, москвитяне сами дѣлали разныя предложенія Сигизмунду и желали сближенія обоихъ народовъ. Припомнимъ, что уже въ исходѣ 1605 г. Безобразовъ предлагалъ ему престолъ отъ имени нѣко-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 года.

торыхъ бояръ, пожелавшихъ какъ можно скорѣе покончить съ Димитріемъ. Съ тѣхъ поръ переговоры съ Польшею не прекращались, но они велись тайно и въ смыслѣ противуположномъ оффиціальнымъ переговорамъ. Въ то время не существовало секретной дипломатіи; Людовикъ XV не подалъ еще къ тому примѣра; большею частью одни и тѣ же лица принимали на себя безъ зазрѣнія совѣсти двойственную роль: отвергали съ глаза на глазъ то, что они сами заявляли публично. То же случилось и въ 1606 г., когда князь Волконскій прибылъ въ Польшу съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Василія Шуйскаго и съ требованіемъ, чтобы Польша признала его. Это былъ шагъ вполнѣ правильный; только нѣсколько довѣренныхъ лицъ были посвящены въ тайну. Волконскій заявилъ имъ по секрету, что бояре не хотятъ видѣть на престолѣ Василія Шуйскаго и намѣрены предложить корону самому Сигизмунду или его сыну Владиславу. Московскій посланникъ также былъ сторонникъ этого плана и хотѣлъ имѣть личное свиданіе съ молодымъ принцемъ; его желаніе было удовлетворено.

Нѣсколько времени спустя въ Вавельскій замокъ прибылъ другой агентъ, посланный тѣми же боярами и на котораго было возложено подобнаго же рода порученіе. Онъ сознался полякамъ вполнѣ откровенно, что второй Димитрій былъ личностью, подставною для того, чтобы досадить Шуйскому, и побуждалъ короля выставить на границу войско, говоря, что русскіе помогутъ ему овладѣть страною безъ шума и сопротивленія. Припомнивъ недавнія событія, Сигизмундъ могъ бы увидѣть, что москвитяне повторяли буквально все то, что они говорили нѣкогда претенденту. Это было весьма знаменательно. Эти свѣдѣнія почерпнуты нами у нунція Симонетти, который слышалъ ихъ отъ самого короля.

Предложенія, съ коими обратились къ королю москвитяне, чрезвычайно взволновали его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые поляки, лица повидимому весьма компетентныя, изображали ему Россію какъ добычу, овладѣть которой было чрезвычайно легко. Объятая анархіей, раздираемая партіями, она не могла бы оказать сопротивленія отвагѣ поляковъ, которые предали бы ее огню и мечу. Олесницкій писалъ королю изъ тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, что вслѣдствіе непрекращавшихся въ Россіи волненій погибло за послѣдніе годы болѣе ста тысячъ человѣкъ; цѣлые города были разорены и опустошены, у Шуйскаго не было войска и денегъ, и его враги усиливались и держали сторону короля польскаго [1]).

Другіе совѣтники короля, обсуждая практическую сторону вопроса, настаивали на немедленномъ взятіи Смоленска, важной крѣпости, ко-

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 234, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го октября 1607 г.

торую поляки всегда стремились возвратить, какъ только она доставалась въ руки русскихъ. Поляки льстили себя надеждою, что, при приближеніи ихъ войска, передъ ними сами собою откроются ворота этой крѣпости.

Въ сущности, король считалъ войну съ Москвою вполнѣ естественной и необходимой. Какъ потомокъ Ягеллоновъ, онъ былъ убѣжденъ въ своихъ неоспоримыхъ правахъ на Россію; заключенное недавно перемиріе считалось недѣйствительнымъ, въ особенности послѣ того, какъ Шуйскій вступилъ въ сношенія съ Швеціей; великая мысль о религіозной пропагандѣ еще болѣе подкрѣпляла эти доводы. Оставалось только рѣшить вопросъ о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для того, чтобы довести до конца войну, которая могла разрѣшить всѣ вопросы въ желаемомъ смыслѣ, но требовала огромныхъ затратъ. Гдѣ удалось бы найти на это деньги, если страна отказала въ нихъ королю? Единственнымъ средствомъ казалось прибѣгнуть къ помощи папы. Правда, Павелъ V ничего не далъ Димитрію, и Димитрій, въ свою очередь, не просилъ у него денежной помощи; но было ли это достаточною причиною, для того, чтобы король отказался отъ своихъ плановъ? Почему бы, по крайней мѣрѣ, не вывѣдать кое-что у нунція?

Симонетти не пользовался такимъ довѣріемъ Сигизмунда, какъ Рангони. Упорный отказъ со стороны папы пожаловать епископу Реджіо кардинальскую шапку вызвалъ охлажденіе между Ватиканомъ и Вавельскимъ за̀мкомъ; это отразилось на положеніи нунція при дворѣ короля польскаго. Однако, король, оставляя въ сторонѣ всякую подозрительность, бесѣдовалъ съ нимъ иногда откровенно, сообщалъ ему свои дальнѣйшіе планы, говорилъ съ нимъ о событіяхъ, происходившихъ въ Москвѣ, и опытный глазъ дипломата легко могъ подмѣтить воинственныя поползновенія короля. Нунцій еще въ 1607 г. убѣдился въ томъ, что Сигизмундъ помышлялъ о войнѣ и что эта мысль преслѣдовала его давно. Уже въ 1608 г. король говорилъ объ этомъ съ нунціемъ вполнѣ откровенно. Рѣшивъ начать войну съ Московскимъ государствомъ, Сигизмундъ предпринялъ одновременно миролюбивый походъ на Ватиканъ, съ нескрываемой цѣлью получить отъ него субсидію. Самыми дѣятельными его союзниками въ этомъ случаѣ была его супруга, королева Констанція, и гофмаршалъ Николай Вольскій.

Король приступилъ къ вопросу издалека: прежде, нежели говорить о деньгахъ, онъ изложилъ нунцію 6-го декабря 1608 года свои планы, объяснилъ ему свои права и предался историческимъ воспоминаніямъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, Сикстъ V, не коснувшись даже своего знаменитаго денежнаго сундука, хранящагося въ за̀мкѣ св. Ангела, оказалъ Стефану Баторію обильную помощь золотомъ. Бережливый до мелочности, онъ берегъ свои средства для великихъ дѣлъ, которыя онъ

всегда готовъ былъ поддержать съ изумительной щедростью. Сигизмундъ разсчитывалъ найти въ папѣ изъ семейства Боргезе втораго Сикста V, быть можетъ не столь богатаго, но не менѣе щедраго. Онъ разыгрывалъ роль человѣка, продолжающаго дѣло Баторія, которое вызывало всегда сочувствіе Ватикана и казалось въ то время легче осуществимымъ, и прежде, чѣмъ обнажить шпагу, онъ излагалъ свои политическіе взгляды: его цѣлью будетъ всегда,—говорилъ онъ,—слава Божія, которую онъ готовъ распространять хотя бы цѣною своей крови. Эти слова не были въ устахъ Сигизмунда только условной формулой, они вполнѣ согласовались съ его сокровенными убѣжденіями и составляли самую сущность его программы[1]).

Возвращаясь неоднократно къ этому предмету, король высказалъ его Симонетти во всѣхъ подробностяхъ. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, онъ изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ причины, побудившія его объявить войну Россіи. Онъ говорилъ, какъ крестоносецъ, какъ мститель, какъ человѣкъ, призванный творить судъ и расправу. «Хотя я не сомнѣваюсь,—писалъ онъ Павлу V, 30-го октября 1610 г.,— что вашему святѣйшеству извѣстны причины, побудившія меня объявить войну Московскому государству, но здѣсь будетъ умѣстно повторить ихъ вкратцѣ для того, чтобы окончательно выяснить ихъ. Причины эти слѣдующія: распространеніе истинной христіанской вѣры и польза моего государства, неприкосновенность моихъ владѣній и сохраненіе пограничныхъ городовъ, которые непріятель собирался, повидимому, разорить, пуская для этого въ ходъ тайныя козни, захватъ исконныхъ владѣній королей польскихъ, совершенный измѣнническимъ образомъ тиранномъ Василіемъ Ивановичемъ, наконецъ, тиранство столькихъ самозванцевъ, которые, будучи увлечены страстнымъ желаніемъ царствовать, выдавали себя за потомковъ великихъ князей московскихъ, разоряли Россію, какъ завзятые разбойники, и усѣяли ее могилами своихъ жертвъ, угнетая въ то же время подданныхъ моего королевства и нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ мои права на наслѣдіе великихъ князей московскихъ» [2]).

Какъ много было сказано въ этихъ словахъ! Король припомнилъ и исторію польскаго народа, и свое царственное происхожденіе, и законность своихъ правъ, и современныя событія,—все это было затронуто въ его письмѣ, все говорило въ его оправданіе. Надобно, впрочемъ, отмѣтить то обстоятельство, что самая сущность фактовъ и ихъ юриди-

---

[1]) Тамъ же, рукоп. Боргезе, II, 226, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 6-го декабря 1608 г.

[2]) Римъ, Архивы Boncompagni, E., 7, собственноручное письмо. См. также Lubienski, стр. 153; Theiner, т. III, стр. 316, 25-го октября 1609 г.

ческое значеніе не подвергались обсужденію въ Римѣ. Они были приняты на вѣру. Все сказанное Сигизмундомъ было принято безъ провѣрки и не возбудило сомнѣній. Никто не подумалъ о необходимости выслушать и другую сторону. Правда, Шуйскій не послѣдовалъ примѣру Бориса Годунова и не позаботился освѣдомить папу о положеніи дѣлъ. Поэтому въ Римѣ были въ полномъ невѣдѣніи, относительно намѣреній москвитянъ, и въ Ватиканѣ всѣ обстоятельства дѣла представлялись въ томъ освѣщеніи, какое придавали ему поляки.

Вслѣдствіе того, что папа не былъ надлежащимъ образомъ освѣдомленъ и къ тому же искренно сочувствовалъ королю польскому, онъ неожиданно отказался отъ издавна лелѣянной имъ мысли о союзѣ Россіи съ Польшей, которую самъ же Павелъ V неоднократно проповѣдывалъ. Папа не интересовался сущностью столкновенія, происшедшаго между обѣими націями, онъ призналъ совершившійся фактъ объявленія войны и принялъ сторону поляковъ. Сигизмундъ выдавалъ себя избранникомъ москвитянъ, его личныя свойства и принципы обѣщали многое въ будущемъ, его планы согласовались съ намѣреніями папы; поэтому въ Римѣ возносили молитвы о дарованіи ему побѣды такъ же точно, какъ нѣкогда молились объ успѣхѣ Димитрія. Кардиналъ Боргезе, позабывъ вопросъ національный, держался исключительно этой точки зрѣнія. Онъ писалъ 3-го января 1609 г., что никакое предпріятіе не могло быть болѣе славнымъ и достохвальнымъ, какъ покореніе Москвы; восхищался величіемъ души того, кто былъ способенъ предпринять это благочестивое дѣло, и призывалъ на него благословеніе Божіе. Два года спустя, онъ находилъ, что московская корона, возложенная на главу Сигизмунда, будетъ лучшимъ залогомъ религіознаго возрожденія москвитянъ. Подобныя чувства выражались и въ папскихъ грамотахъ. Въ ночь подъ Рождество Христово 1609 г., Павелъ V, благословивъ, по обыкновенію, мечъ и нарамникъ, послалъ эти воинскіе знаки отличія Сигизмунду, который, какъ защитникъ истинной вѣры, долженъ былъ стяжать побѣду [1]).

Король польскій благодарилъ за эти знаки сочувствія, коими онъ былъ очень тронутъ, хотя они казались ему слишкомъ платоническими. Ему приходилось сдѣлать огромныя затраты, его средства были скудны, ему нужны были не слова, но крупныя суммы денегъ. Поэтому, пока продолжались его свиданія съ нунціемъ, онъ настаивалъ все время на крайней для него необходимости получить субсидію.

---

[1]) Ватиканскій архивъ. Polonia, 173, л. 280 v⁰, 285 v⁰; шк. 45, т. V, стр. 46 v⁰, № 128. Theiner, т. III, стр. 327, 328, № CCLV, CCLVI. Римъ, Архивы Boncompagni, E, 37, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го февраля 1611 г.

После отъезда Рангони, настала очередь действовать его царственной супруге.

Королева Констанція, весьма преданная своей новой родине, съумела снискать любовь поляковъ, несмотря на то, что она была по происхожденію изъ австрійскаго дома. Она унаследовала качества своей доблестной матери, королевы баварской Маріи, и разумную настойчивость ея характера. Симонетти вскоре убедился, что ему приходилось иметь дело съ личностью энергичной и настойчивой. Королева говорила о томъ, что папа окажетъ поддержку королю, какъ о вещи само собою понятной, и делала видъ, что она въ этомъ ни мало не сомневается. Стоило только убедить любящаго отца въ бедственномъ положеніи его возлюбленнаго сына. Всякій разъ какъ только нунцій решался пробормотать что-либо въ опроверженіе этихъ словъ, королева любезно упрекала его за его пристрастіе, возобновляла разговоръ и приходила всякій разъ къ одному и тому же неизбежному заключенію. «Я не могу поверить,—говорила она,—что въ виду огромной важности, какую будетъ иметь это пріобретеніе для блага всего христіанскаго міра, религіи и святаго престола, папа могъ бы отказать его величеству королю въ помощи, которую онъ великодушно оказывалъ весьма многимъ монархамъ при менее важныхъ обстоятельствахъ». Истощивъ все свое красноречіе, королева прибегла къ более действительнымъ средствамъ. Однажды, глаза ея наполнились слезами, которыя она съ трудомъ могла удержать; другой разъ, почтительная дочь святаго отца, къ великому изумленію нунція, презрительно пожала своими королевскими плечами. Домогательства королевы то ласковыя, то настойчивыя, не прекращались въ теченіе всего 1610 г. Съ февраля месяца 1611 г. королева не говорила более о субсидіяхъ и только просила молиться за короля, стараясь запечатлеть въ уме нунція, что король имелъ целью «славу Божію и возвеличеніе и распространеніе святой католической веры». Нунцію оставалось только прикидываться непонимающимъ и делать видъ, будто онъ не видитъ въ этихъ словахъ намека и упрека [1]).

Королева Констанція не одна старалась воздействовать на папу въ этомъ деле. Наперсникъ Сигизмунда, Николай Вольскій, пользовавшійся его особымъ доверіемъ, также употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы заставить папу раскошелиться. Онъ предпринялъ даже съ этой целью поездку въ Римъ и словесно изложилъ Павлу V «причины, побудившія короля объявить войну Московіи, его требованія и надежды на успешное окончаніе войны, а равно пользу, какая могла

---

[1]) Theiner, т. III, стр. 324.—Римъ, архивы Boncompagni, E., 35; письма Симонетти къ Боргезе, отъ 30-го января 1610 г.; E., 36, 18-го августа 1610 г.; E., 37, 7-го февраля 1611 г.

проистечь изъ этого для христіанскаго міра вообще и для Польши въ частности». Папа принялъ маршала съ почетомъ, осыпалъ его милостями, поручилъ ему свезти Сигизмунду мечъ и нарамники и, ничего не давъ отъ себя лично, обѣщалъ замолвить слово въ Венеціи, во Флоренціи и въ отдаленной Лотарингіи. Отказъ былъ высказанъ въ столь вѣжливой формѣ, что Вольскій не пришелъ въ особенное уныніе и уѣхалъ изъ Рима, тотчасъ принялся докучать объ этомъ дѣлѣ папѣ и кардиналамъ, составивъ себѣ такъ же, какъ и королева, заранѣе извѣстный планъ дѣйствій.

Исходнымъ пунктомъ этого плана былъ случайный ходъ событій. «Милость Господня ясно видна въ томъ,—писалъ онъ Павлу V изъ Флоренціи, 15-го марта 1610 г.,—что столь обширная имперія изъявляетъ свою преданность его величеству добровольно, безъ кровопролитія и, такъ сказать, съ общаго согласія», и въ то время, какъ изможденная и истерзанная Россія изнемогала подъ ударами ея враговъ, онъ восторгался по поводу тѣхъ «кроткихъ» мѣръ, коими надѣялся достигнуть дружескаго съ нею соглашенія. Единственною его заботою, послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ это чудное открытіе, было, чтобы Павелъ V раздѣлилъ заслуги и славу Сигизмунда, само собою разумѣется давъ послѣднему денегъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе, видя, что папа не добивался этой чести и что христіанскіе монархи мало заботятся о дѣлахъ вѣры, но, по зрѣломъ размышленіи, онъ утѣшался мыслію, что Господь ниспошлетъ помощь неисповѣдимыми путями [1]).

Настойчивыя просьбы Сигизмунда повергали папу и его министровъ въ жестокое затрудненіе. Павелъ V одобрилъ не колеблясь грандіозные планы короля; онъ былъ не прочь, чтобы на московскомъ престолѣ возсѣдалъ монархъ-католикъ, но онъ предпочиталъ, чтобы походъ совершился на средства Польши и не обременилъ далеко не цвѣтущіе финансы Ватикана. Онъ жаловался, что, при его вступленіи на папскій престолъ, касса Ватикана оказалась почти пустою и что ему предстояли большіе расходы. Большая часть его доходовъ была поглощена борьбою съ «турецкой опасностью», какъ выражались въ то время. Надобно было дать Германіи и Италіи средства къ защитѣ противъ полумѣсяца и не забыть также Авиньона, который, послѣ убіенія Генриха IV, всегда могъ подвергнуться внезапному нападенію со стороны гугенотовъ. Въ Римѣ со всѣхъ сторонъ получались просьбы о вспомоществованіи. Папа не зналъ, какъ выполнить обѣщанія, коими онъ связалъ себя раньше и ему не хотѣлось ничего обѣщать впредь;

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 33 v°. — Восемь писемъ Вольскаго къ Павлу V, къ кардиналамъ: Боргезе, Ланфранко и Симонетти, хранящіяся въ Ватиканскихъ архивахъ, Polonia, 37 А, л. 232, 344, 358 и въ архивахъ Boncompagni, E. 40.

поэтому въ Римѣ съ самаго начала постарались поставить дѣло такъ, чтобы Сигизмундъ не могъ ссылаться на бывшіе примѣры.

«Стефанъ Баторій,—писалъ нунцію кардиналъ Боргезе, 10-го января 1609 г.,—намѣревался воевать съ турками, а не съ москвитянами, поэтому Сикстъ V обѣщалъ помочь ему и даже послалъ ему вексель на 25 тысячъ экю».

Память нѣсколько измѣняла автору этого письма, ибо завоеваніе Москвы входило такъ или иначе въ планы Баторія, но тогда не время было предаваться особенно точнымъ историческимъ воспоминаніямъ [1]). Главное нужно было чѣмъ-нибудь объяснить и оправдать отказъ папы помочь королю. Павелъ V сознавался откровенно, что его денежныя средства не соотвѣтствовали его доброму желанію; взамѣнъ денегъ онъ расточалъ королю свои пожеланія и не скупился въ выраженіяхъ своего участія. Кардиналъ Боргезе совѣтовалъ нунцію отвѣчать королю въ томъ же духѣ и поощрялъ его храбро вести съ нимъ борьбу. Въ Польшѣ и въ Римѣ безконечно разнообразили припѣвъ одной и той же пѣсни: одни просили субсидій, другіе отказывали въ нихъ [2]).

Мы не находимъ слѣдовъ переговоровъ, которые велись въ 1611 г., но не подлежитъ сомнѣнію, что переговоры эти возобновились, по крайней мѣрѣ, по случаю отправленія къ папѣ посольства, для увѣренія его въ сыновнемъ послушаніи короля. Сигизмундъ III откладывалъ съ года на годъ отправку этого посольства, во избѣжаніе значительныхъ расходовъ, какіе оно влекло за собою. На настойчивыя напоминанія объ этомъ, онъ отвѣчалъ нунцію уклончиво, подчасъ даже насмѣшливо. «Я пошлю въ Римъ, въ качествѣ посланника, каноника», — сказалъ онъ однажды. Симонетти вѣжливо отклонилъ это предположеніе.

Наконецъ, въ 1613 г. эта высокоторжественная и дѣловая миссія была возложена оффиціально на епископа житомірскаго Павла Волуцкаго. Его друзья заранѣе разболтали тайну данныхъ ему инструкцій. Относительно войны съ Московіей королю хотѣлось убѣдить Павла V въ своей правотѣ и законности и въ пользѣ, какая могла изъ этого произойти. Боязнь, чтобы завистники не оклеветали его намѣреній, заставляла короля защищать ихъ во всеуслышаніе. Несмотря на всѣ препятствія, онъ хотѣлъ продолжать войну во что бы то ни стало, побѣдить упорство москвитянъ и заставить ихъ вступить съ нимъ въ соглашеніе. Папу любезно предупреждали о томъ, что въ дѣлахъ церкви православнымъ придется, быть можетъ, сдѣлать вначалѣ кое-какія

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 282.—См. т. II, стр. 291 и сл.—Wierzbowski, Materyaly, стр. 264, № 382.

[2]) Theiner, т. III, стр. 328, № CCLVI.—Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 60 v°, письмо Боргезе къ Симонетти, отъ 29-го мая 1610 г.

уступки, но что онѣ вознаградятся затѣмъ съ лихвою. О денежной помощи на этотъ разъ не говорилось ни слова. Въ оффиціальной бумагѣ упоминалось только объ аннатѣ (папскихъ доходахъ) и о правѣ получать подати съ духовенства, но это не успокоило папу, такъ какъ было рѣшено, что объ остальномъ посолъ будетъ говорить съ нимъ лично[1]).

Дѣйствительно, онъ обсуждалъ въ Римѣ вопросъ о субсидіи, хотя также безуспѣшно. Впрочемъ, папа далъ, согласно желанію короля, не только просимыя имъ денежныя уполномочія, но даже убѣждалъ богатыхъ польскихъ епископовъ добровольно исполнить требованіе короля. Чтобы подкрѣпить сказанное примѣромъ, онъ самъ далъ 40 тысячъ экю, которыя были предоставлены 10-го августа 1613 г. въ распоряженіе кардинала Монтальта, протектора Польши[2]). Признательность короля не была равносильна папской щедрости. Такъ какъ папа не согласился дать Рангони кардинальскую шапку, какъ о томъ просилъ Волуцкій, то настойчивый покровитель бывшаго нунція былъ такъ опечаленъ этимъ, что все остальное казалось ему ничтожнымъ. Его озлобленіе и досада возрастали, онъ то и дѣло представлялъ своего кандидата, и папа, во избѣжаніе того, что отъ него потребуютъ выполненія его обязательствъ, былъ вынужденъ то и дѣло перечислять тѣ «особыя одолженія, какія были оказаны имъ королю польскому», при чемъ онъ особенно настаивалъ на тѣхъ суммахъ, которыя были имъ даны или получены при его посредствѣ для веденія войны съ Москвою[3]). Это напоминаніе было равносильно упреку, который и былъ съ теченіемъ времени высказанъ даже прямо. 8-го апрѣля 1617 г., кардиналъ Боргезе писалъ нунцію по поводу нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ Краковѣ, и, между прочимъ, писалъ въ видѣ упрека, что «король выказалъ такъ мало благодарности по поводу субсидій, данныхъ ему въ прежнее время, что всякая новая просьба съ его стороны была бы просто неумѣстна». Онъ осыпалъ похвалами представителя папы за то, что онъ съумѣлъ отклонить домогательства черезчуръ смѣлыхъ просителей.

Впредь отъ Ватикана болѣе нечего было ожидать. Сигизмундъ не настаивалъ уже на деньгахъ, но онъ не отступался отъ своего любимца. Слишкомъ преданный церкви и вѣрный своимъ принципамъ, чтобы возставать противъ папы, онъ нападалъ на довѣренное лицо Павла V

---

[1]) Римъ. Архивъ Boncompagni, E., 38, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 29-го декабря 1611 г.; E., 39, письмо Бароффи къ нему же отъ 22-го іюня 1612 г.

[2]) Theiner, т. III, стр. 356, № CCLXXXII.—Краковъ; Музей Чарторыйскихъ, № 320, л. 327.

[3]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 67, л. 71.

и изливалъ на него свою желчь. Возвратясь изъ Рима, отецъ Бембо не посмѣлъ даже поднести королю подарки, присланные кардиналомъ Боргезе: онъ хорошо зналъ, что они не будутъ приняты [1]).

II.

Война съ Москвою.—Чѣмъ объясняется довѣрчивость Сигизмунда III.—Отъѣздъ изъ Кракова.—Переходъ черезъ границу.—Жолкіевскій, военный герой.—Догадливый совѣтникъ.—Побѣда при Клушинѣ.—Реакція, наступившая въ Москвѣ.—Показаніе Василія Шуйскаго.—Его постриженіе.—Избраніе на престолъ Владислава.—Русское посольство, отправленное въ Смоленскъ.—Занятіе Москвы Жолкіевскимъ.—Его торжество въ лагерѣ подъ Смоленскомъ.—Бѣгство Димитрія II въ Калугу.—Затруднительное положеніе Марины.—Ея письмо къ Сигизмунду III.—Марина присоединяется къ Димитрію.—Войско выступаетъ изъ Тушина.—Шествіе Димитрія на Москву и возвращеніе въ Калугу.—Счастливыя случайности.—Охота.—Месть Петра Урусова.—Убіеніе Димитрія.—Отчаяніе Марины.—Рожденіе Іоанна.—Осада Смоленска.—Побѣдоносный приступъ.—Посѣщеніе королемъ Вильны и Варшавы.—Показываютъ плѣннаго царя.—Инструкціи Сигизмунда III.—Сеймъ 1611 г.—Сарматская имперія.—Единство правительственной власти и вѣроисповѣданія.—Сеймъ одобряетъ войну.

Папа оказался щедрѣе на обѣщанія, нежели на дѣло, но и поляки не спѣшили принести свою лепту въ общее дѣло. Когда король объявилъ, въ 1609 г., войну Москвѣ, то большинство сенаторовъ одобрили его намѣреніе, но Сеймъ не утвердилъ чрезвычайныхъ налоговъ, которыхъ потребовала война. Сигизмундъ предпринималъ походъ на свой страхъ, что было съ его стороны большой смѣлостью. «Я возлагаю надежду единственно на помощь Всевышняго»,—говорилъ онъ нунцію наканунѣ своего отъѣзда [2]).—Весьма возможно, что онъ слишкомъ довѣрялъ свѣдѣніямъ, которыя доставляли ему его агенты, и возлагалъ слишкомъ большія надежды на обѣщанія той партіи, которая держала въ Москвѣ сторону поляковъ.

Король видѣлъ передъ собою только двухъ враговъ: царя Василія Шуйскаго, коего положеніе на престолѣ было весьма шатко и самозванца Димитрія II, который еще не достигъ престола. Можно было льстить себя надеждою устранить того и другаго, но одержать надъ ними побѣду не значило еще покорить страну: это было бы только началомъ ея завоеванія. Великая ошибка Сигизмунда, ослѣпленнаго кратковременнымъ успѣхомъ, заключалась въ томъ, что онъ не понялъ,

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 358, депеша на имя кардинала Боргезе, отъ 8-го апрѣля 1617 г.—Велевицкій, т. III, стр. 247.

[2]) Римъ, Архивъ Boncompagni, E., 34, письмо Симонетти къ Боргезе, отъ 3-го августа 1609 г.—Ватиканскій архивъ, Germania, 114, A; его же письмо къ тому же лицу отъ 17-го августа 1609 г.

что позади Василія и Димитрія, позади бояръ, игравшихъ въ руку полякамъ и мятежной толпы народа, была Россія, приверженная къ старинѣ, враждебная всему иностранному, Россія могучая и здоровая, готовая на жертвы, способная на терпѣніе и героизмъ. Война была продолжительнѣе и тяжелѣе, а ея результаты менѣе прочны, нежели думалъ или предполагалъ король.

28-го мая 1609 г., онъ выѣхалъ изъ Кракова, куда ему не суждено было вернуться въ теченіе тѣхъ двадцати трехъ лѣтъ, которыя продолжалось еще его царствованіе, и направился вмѣстѣ со своей супругою и принцемъ Владиславомъ въ столицу Литвы.

Чтобы получать возможно скорѣе извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, королева жила во время похода въ Вильнѣ. Нунцій счелъ долгомъ переселиться туда же. Два мѣсяца слишкомъ были посвящены на послѣднія приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Король простился со своей супругою 18-го августа и двинулся во главѣ своей арміи въ Оршу. Въ исходѣ сентября, поляки приблизились къ московской границѣ; погода была сырая и туманная, но въ ту минуту, когда они вступили на московскую землю, лучъ солнца пробился сквозь тучи, заволакивавшія небо, и осѣнилъ армію своимъ блескомъ. Она огласилась восторженными кликами; солдаты сочли это за счастливое предзнаменованіе и привѣтствовали короля [1]). Излишне было бы описывать походъ, который уже не разъ былъ изложенъ съ талантомъ и знаніемъ дѣла [2]), но, въ виду его связи съ папской политикой, мы отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые выдающіеся его эпизоды.

Героемъ этой войны и самымъ свѣдущимъ совѣтникомъ короля по дипломатической части былъ великій польскій гетманъ Станиславъ Жолкіевскій, ветеранъ побѣдоносныхъ войнъ Баторія, личный другъ и сотоварищъ по оружію безсмертнаго героя. Онъ не сочувствовалъ этому походу, но, будучи призванъ принять въ немъ участіе, выполнилъ блестящимъ образомъ долгъ гражданина и воина; на его долю выпала самая трудная обязанность. Король рѣшилъ осадить Смоленскъ, а Жолкіевскому съ отдѣльнымъ отрядомъ поручилъ собрать польскія банды, разсѣявшіяся въ Россіи, дать сраженіе Шуйскому и въ случаѣ надобности самому Димитрію. Это порученіе было весьма серьезное, такъ какъ Жолкіевскому приходилось углубиться въ страну, подвергаясь опасности быть окруженнымъ болѣе сильнымъ непріятелемъ; за то въ случаѣ успѣха оно сулило большія выгоды. Нанести непріятелю смѣлый

[1]) Велевицкій, т. III, стр. 7 и сл.—Theiner, т. III, стр. 313.

[2]) См. Иловайскаго, Костомарова, „Смутное время", Платонова, Очерки, Нѣмцевичъ, Вержбовскій, Матеріалы, т. II; Арсеній (изд. Дмитріевскаго), Кобержицкій, Видекиндъ.—Мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ депешами Симонетти.

и рѣшительный ударъ было въ духѣ Жолкіевскаго. Пройдя хорошую военную школу, онъ прекрасно съумѣлъ воспользоваться своими смѣлыми развѣдчиками и шпіонами. Благодаря искусно принятымъ имъ мѣрамъ, московская армія, стоявшая лагеремъ въ Клушинѣ, была застигнута врасплохъ. Она состояла изъ русскихъ, шведовъ, французовъ и нѣмцевъ и находилась подъ командою Дмитрія Шуйскаго и Якова де-ла-Гарди.

Предводители и солдаты, погруженные въ глубокій сонъ, проснулись при звукахъ польскихъ трубъ, дававшихъ сигналъ къ атакѣ. Завязалось жаркое сраженіе, Жолкіевскій одержалъ полную побѣду и захватилъ огромную добычу. Оружіе, знамена, золото и серебро, одежда, драгоцѣнные мѣха—все было брошено въ лагерѣ москвитянами, которые обратились въ бѣгство.

Многіе наемные французскіе и нѣмецкіе солдаты перешли на службу поляковъ. Что касается шведовъ, то они получили, въ силу особаго соглашенія, право вернуться на родину съ воинскими почестями. Послѣ этого пораженія у московскаго царя не было болѣе арміи.

Побѣда, одержанная поляками при Клушинѣ, отразилась въ Москвѣ. Столица, которой угрожали одновременно съ двухъ сторонъ: Жолкіевскій, расположившійся лагеремъ въ Можайскѣ, и Димитрій, поспѣшившій изъ Тушина, возстала противъ Шуйскаго. Для этого человѣка, искусившагося въ заговорахъ и измѣнѣ, насталъ роковой часъ, ему готовилось возмездіе, и онъ сдѣлался вскорѣ жертвою измѣнниковъ. Руководители заговора ловко съумѣли скрыть свои замыслы; они призывали всѣхъ москвитянъ къ возстанію; толпѣ былъ данъ пароль; всѣ въ одинъ голосъ требовали низложенія Шуйскаго; это была воля народа. У царя не нашлось защитниковъ, и онъ не оказалъ бунтовщикамъ никакого сопротивленія. Преклонившись передъ приговоромъ народа, онъ сошелъ безъ славы съ престола, который былъ созданъ не для него, и сложилъ знаки своего царскаго достоинства. Своей покорностью онъ надѣялся, быть можетъ, избѣжать мести народа. Но вышло иначе. 7-го іюля, въ 4 часа по полудни, къ нему явились бояре и объявили, что ему придется надѣть монашескую рясу и поселиться навсегда въ монастырѣ: это было равносильно гражданской смерти [1]). При этомъ требованіи пробудилась вся энергія Шуйскаго; онъ рѣшительно отказался исполнить его и подчинился только силѣ. Говорятъ, будто въ то время, какъ монахъ брилъ ему голову, одинъ свѣтскій священникъ читалъ за него обычную при

[1]) По словамъ Симонетти, который передаетъ разсказъ Жолкіевскаго, Шуйскій былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь въ одинъ и тотъ же день, а именно 7-го іюля. Римъ, архивъ Boncompagni, E., 36, депеша 9-го августа 1610 г.

постриженіи формулу, которую онъ упорно не хотѣлъ произнести. Насильственно отторгнутый отъ міра, онъ понималъ, что его общественная жизнь была покончена на всегда; для него настало горе и бѣдствія. Жена Василія также была заключена въ монастырь. Двое его братьевъ, Димитрій, побѣжденный при Клушинѣ, и Иванъ содержались подъ строгимъ карауломъ.

Въ то время, какъ москвитяне смѣло низложили своего царя, Жолкіевскій поддерживалъ сношенія со столицею и зорко слѣдилъ за ходомъ событій. Уже 2-го августа ему было извѣстно о существованіи въ Москвѣ партій, изъ коихъ одна желала имѣть русскаго царя; другая была на сторонѣ Димитрія, а третья была предана Владиславу. Во главѣ этой послѣдней состоялъ князь Мстиславскій, именитый бояринъ, превосходившій многихъ богатствомъ и знатностью рода. Хотя эта третья партія была не особенно сильна, но она находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ибо Мстиславскій стоялъ во главѣ временнаго правительства, заступившаго мѣсто Шуйскаго. Поэтому не трудно было предсказать дальнѣйшія событія.

Московское правительство обмѣнялось съ Жолкіевскимъ письмами, ему было дано свиданіе, съ нимъ вступили въ переговоры. Владиславъ одержалъ верхъ надъ своими соперниками; принцу-католику предлагали корону съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру: Россія готова была присягнуть только православному царю. Чтобы не встрѣтить непреодолимаго препятствія, гетманъ не хотѣлъ самъ рѣшить этого щекотливаго вопроса, предоставивъ это принцу Владиславу и его отцу; онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что успѣлъ заключить съ москвитянами договоръ, который Сигизмундъ долженъ былъ быть ратификованъ впослѣдствіи. Главная статья этого договора была такова, что она могла перевернуть верхъ дномъ исторію всѣхъ славянскихъ народовъ: судьбы Россіи вручались этимъ договоромъ въ руки поляка, передъ которымъ открывались Кремлевскія ворота. Москвитяне, не ожидая отвѣта Сигизмунда, начали присягать Владиславу и только по исполненіи этого торжественнаго обряда отправили пословъ въ лагерь подъ Смоленскъ для обсужденія совмѣстно съ королемъ условій договора.

Но настоящее торжество великаго гетмана было впереди: партія, приверженная полякамъ, движимая страхомъ, который ей внушали полчища Димитрія, и измѣнчивая московская чернь предложила ему занять столицу войскомъ. Жолкіевскій тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе. 9-го октября 1610 года онъ отправилъ королю донесеніе изъ Кремля, извѣщая его объ одержанномъ мирнымъ путемъ столь изумительномъ успѣхѣ. Гетманъ былъ настолько хозяиномъ положенія, что къ нему привезли Василія Шуйскаго изъ монастыря и его двухъ братьевъ изъ тюрьмы и отдали ихъ въ его полное распоряженіе, предоставивъ ему

*

рѣшить ихъ дальнѣйшую участь. Три потомка славнаго рода Шуйскихъ не могли ничего болѣе ожидать отъ своихъ соотечественниковъ.

Хотя присутствіе Жолкіевскаго было необходимо въ Москвѣ, однако онъ счелъ долгомъ тотчасъ отправиться въ лагерь подъ Смоленскъ. Нельзя было ничего считать оконченнымъ до тѣхъ поръ, пока король не одобритъ избранія Владислава; съ его стороны можно было предвидѣть опасенія и колебанія. Гетманъ ожидалъ этого, и ему хотѣлось лично переговорить съ Сигизмундомъ, поэтому онъ появился 8-го ноября въ королевскомъ лагерѣ, таща за собою Василія Шуйскаго. Бывшій тираннъ, какъ называетъ его Симонетти, сидѣлъ на телѣгѣ, свидѣтельствуя по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отечество. Слѣдующіе дни были посвящены дѣламъ. Несмотря на похвалы, коими король осыпалъ счастливаго побѣдителя, послѣдній вскорѣ убѣдился, что условія договора, заключеннаго имъ съ московскимъ правительствомъ, никогда не будутъ соблюдены.

Въ концѣ того же 1610 года, исчезъ другой врагъ Сигизмунда Димитрій II, который былъ такъ же весьма опасенъ для Россіи, но его исчезновеніе, давъ народу возможность быстрѣе сосредоточиться, принесло болѣе пользы москвитянамъ, нежели полякамъ. Бракъ съ Мариною не поднялъ значенія этого жалкаго искателя приключеній и не возвысилъ его нравственно.

Даже по отзывамъ его сторонниковъ, онъ оставался все тѣмъ же, невѣжественнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, пьяницей, ненавистнымъ для всѣхъ окружающихъ.

Въ немъ не было ни одного изъ тѣхъ военныхъ качествъ, которыя способны воодушевить толпу. Онъ не обладалъ даже самымъ обыкновеннымъ мужествомъ, какъ онъ и доказалъ это на дѣлѣ. Сигизмундъ, перейдя границы Московіи, вошелъ въ сношеніе не съ Димитріемъ, а съ тѣмъ сбродомъ, который находился подъ его командою. Польскіе агенты, прибывшіе въ Тушино, даже наотрѣзъ отказались вести переговоры съ обманщикомъ. Они предпочитали имѣть дѣло прямо со своими соотечественниками или съ русскими. Это открыло глаза Димитрію; бояры и войско не внушали ему болѣе довѣрія. Подвергаясь ежедневно всевозможнымъ непріятностямъ, онъ поддался страху и, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, бѣжалъ тайно отъ Марины, 6-го января 1610 г., въ Калугу. Съ стратегической точки зрѣнія выборъ былъ сдѣланъ превосходно.

Въ Тушинѣ были болѣе удивлены, нежели встревожены бѣгствомъ Димитрія, но для Марины это былъ страшный ударъ. Она была одна, безо всякой поддержки; что ожидало ее среди этой недисциплинированной вольницы? Одною изъ ея первыхъ мыслей былъ ея прежній монархъ. Она не забыла благосклонности короля, была увѣрена въ благо-

городствѣ его чувствъ и въ письмѣ отъ 16-го января 1610 г. обратилась къ Сигизмунду съ мольбою о защитѣ. Перенеся жестокіе удары судьбы и покоряясь волѣ Провидѣнія, молодая полька, заживо погребенная въ Тушинѣ, съумѣла выразить свои чувства въ выраженіяхъ трогательныхъ, но исполненныхъ благородства.

«Я потеряла все,—писала она королю,—но вѣрю въ правоту моего дѣла и въ мои права на московскій престолъ, основанныя на коронованіи, принадлежащія мнѣ по праву наслѣдства и въ силу принесенной мнѣ двукратно присяги». Не требуя возстановленія своихъ правъ, она полагалась на милосердіе короля, на его доброту и справедливость; просила щедро вознаградить ее и ея семью и писала, что если король желаетъ, то онъ можетъ продолжать войну съ Московіей [1]). Это письмо, разумѣется, дошло до Сигизмунда, но, насколько намъ извѣстно, оно осталось безъ отвѣта.

Впрочемъ, ему трудно было отвѣтить Маринѣ, такъ какъ, начертывая эти строки, она помышляла въ то же время о томъ, какъ бы присоединиться къ Димитрію. Объ этомъ догадывались въ Тушинѣ и зорко слѣдили за нею, но она съумѣла обмануть бдительность своихъ караульщиковъ. Надѣвъ военный мундиръ, она бѣжала въ свою очередь 2-го марта въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ей слугъ и прибыла сначала въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ. Несчастіе возбудило въ ней храбрость. Ей позволили говорить съ солдатами. Ея пылкая рѣчь, ея слезы и мольбы привлекли многихъ на ея сторону, и, получивъ подкрѣпленіе, она добралась съ нимъ благополучно до Калуги.

Въ то же время, т. е. въ теченіе марта мѣсяца 1610 г., изъ тушинскаго лагеря было выведено все войско. Послѣ побѣга Димитрія, въ то время какъ Марина также готовилась бѣжать, переговоры, начатые съ королемъ, привели къ заключенію договора, коимъ престолъ былъ утвержденъ за Владиславомъ, но обязательная сила этого договора была весьма сомнительна. Въ войскѣ, находившемся въ Тушинѣ, царствовало самое страшное безначаліе и своеволіе, и оно разсѣялось во всѣ стороны. Большинство казаковъ двинулось въ Калугу, гдѣ они собирались снова вести жизнь, исполненную приключеній. Что касается поляковъ, то они предпочли дѣйствовать заодно съ Сигизмундомъ и подчиниться его власти. Тушино опустѣло, движеніе и жизнь перенеслись въ новую резиденцію Димитрія [2]).

Несмотря на испытанныя неудачи, самозванецъ не отказывался отъ

---

[1]) Симонетти препроводилъ латинскій текстъ этого письма папѣ (Римъ, Архивъ Boncompagni, E, 35). Италіанскимъ переводамъ, изданнымъ Чіампи и другими, нельзя довѣрять.

[2]) Платоновъ, Очерки, стр. 424, 622, прим. 165.

своихъ плановъ и собиралъ своихъ приверженцевъ. Вскорѣ послѣ пораженія при Клушинѣ, онъ снова сбодрился и сталъ лагеремъ въ Коломенскомъ, въ то время какъ Жолкіевскій шелъ къ столицѣ на Можайскъ. Всеобщее смятеніе было такъ велико и Москва находилась въ столь опасномъ положеніи, что самыя смѣлыя мечты могли осуществиться. Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы въ него не вмѣшался Жолкіевскій. Послѣ низложенія Шуйскаго было рѣшено, что великій гетманъ дастъ сраженіе Димитрію. Послѣдній узналъ объ этомъ во-время и убѣжалъ снова въ Калугу, гдѣ его ожидала трагическая кончина.

22-го декабря 1610 г. Димитрій не помнилъ себя отъ радости. Нѣсколько маленькихъ крѣпостей изъявили ему свою покорность. Петръ Урусовъ донесъ ему, что онъ встрѣтилъ и разбилъ нѣсколько польскихъ патрулей. Для того чтобы отпраздновать это счастливое событіе, въ окрестностяхъ города была организована охота, на которую Димитрій отправился въ сопровожденіи москвитянъ и трехъ сотъ татаръ. Начальникомъ этихъ послѣднихъ былъ тотъ же Петръ Урусовъ, который, относясь къ Димитрію съ виду почтительно и покорно, питалъ къ нему въ душѣ жажду мести. Заключенный нѣкогда въ тюрьму татаринъ составилъ въ темницѣ самые мрачные замыслы и хотя онъ былъ помилованъ Димитріемъ и получилъ весьма почетное назначеніе, но онъ не отказался отъ мести. Случай къ тому представился ему въ тотъ день. Когда охотники расположились отдохнуть и предались обильнымъ возліяніямъ, то Урусовъ, все предусмотрѣвъ и подготовивъ заранѣе, сдѣлалъ знакъ своимъ татарамъ; они тотчасъ кинулись на Димитрія, изрубили его саблями и поспѣшно обратились въ бѣгство, побивъ и ранивъ москвитянъ, которые по своей малочисленности не могли защититься и радовались тому, что они не были всѣ перебиты. Они сообщили въ Калугу печальное извѣстіе о кончинѣ Димитрія.

Раздраженные его убійствомъ приверженцы Димитрія перебили около сотни татаръ, которые оставались въ городѣ и не принимали участія въ заговорѣ. Подобная участь ожидала и поляковъ, но возбужденную чернь удалось успокоить. Горе Марины по поводу этого событія не поддается описанію. Обезумѣвъ отъ этой неожиданной потери, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, она горько жаловалась на свою судьбу и выражала желаніе раздѣлить участь покойнаго. Она осушила слезы только тогда, когда у нея родился сынъ, котораго она поручила приближеннымъ къ ней москвитянамъ, смотрѣвшимъ на него какъ на наслѣдника престола. До нунція дошелъ слухъ, что этотъ младенецъ былъ крещенъ по православному обряду и назывался Иваномъ Димитріевичемъ [1]). Но Марина успокоилась ненадолго. Судьба готовила ей тяжкія испытанія.

---

[1]) Римъ, Архивъ Boncompagni, E, 37, депеша 19 февраля 1611 г.

Въ то время какъ происходили всѣ вышеописанныя событія, и Жолкіевскій, покрывъ себя славою, проникъ въ Москву, король не могъ похвастать никакой побѣдою. Нѣсколькихъ дней, проведенныхъ подъ Смоленскомъ, было достаточно для того, чтобы онъ убѣдился, какъ невѣрны были полученныя имъ свѣдѣнія. Ворота крѣпости не только не открылись передъ нимъ, какъ это ему предсказывали, но, напротивъ того, они накрѣпко захлопнулись. Поляки очутились передъ толстыми каменными стѣнами, увѣнчанными тридцатью восемью башнями, доступъ къ которымъ былъ весьма затрудненъ холмами и долинами. Всѣ требованія поляковъ были отвергнуты осажденными съ величайшимъ негодованіемъ, такъ что полякамъ пришлось вести правильную осаду крѣпости, воздвигнуть апроши и нѣсколько разъ идти на приступъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а осажденные все не сдавались. Болѣе благоразумные люди настоятельно совѣтовали королю оставить Смоленскъ, идти на Москву, соединить свою армію съ войскомъ Жолкіевскаго, владѣвшаго уже Кремлемъ, и основаться съ принцемъ Владиславомъ въ самомъ центрѣ страны. Смѣлость идеи говорила за нее, но король считалъ постыднымъ тронуться съ мѣста, не взявъ Смоленска. Осажденные проявляли не менѣе упорства въ своей защитѣ. Какъ ни пытались поляки проникнуть въ крѣпость силою, перелѣзть черезъ стѣны, поджечь крѣпость, русскіе всякій разъ отражали съ успѣхомъ ихъ нападенія, гибли отъ непріятельскаго огня, отъ лишеній и болѣзней, но не сдавались. Въ польскомъ лагерѣ появлялись изрѣдка перебѣжчики, коихъ пожелтѣвшія лица и распухшіе члены свидѣтельствовали о геройствѣ, съ какимъ остальные исполняли свой долгъ, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ими лишенія. Однако Сигизмундъ, не желая явиться на сеймъ съ пустыми руками, рѣшилъ въ половинѣ 1611 года, и именно 13-го іюня, штурмовать крѣпость. Искусно заложенною миною была взорвана часть крѣпостной стѣны, въ которой открылась широкая брешь. Поляки энергично атаковали крѣпость съ четырехъ сторонъ одновременно. Когда осаждающіе проникли въ нее, то она представляла собою море огня и крови; дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Воевода Шеинъ, запершись въ башнѣ, сдался только при послѣдней крайности. Вскорѣ на стѣнахъ Смоленска взвилось польское знамя. Русскіе, послѣ геройской защиты, потерпѣли пораженіе; счастье улыбнулось ихъ врагамъ. Король имѣлъ удовольствіе адресовать 25-го іюня посланіе Павлу V ex arce mea Smolensco, по поводу чего папа принесъ ему и королевѣ Констанціи самыя искреннія поздравленія [1]).

[1]) На дубликатѣ письма Сигизмунда поставлено: 26-го іюня 1611 г.— Римъ, Архивъ Boncompagni, E, 7. — Письма папы напечатаны у Teiner'a, т. III, стр. 347, № CCLXVII; Ватиканскій архивъ, шк. 45, т. VII, л. 11 V°, № XXIX.

Наконецъ-то Сигизмундъ могъ вернуться побѣдителемъ. Вильна первая принесла ему поздравленія. Королева и принцъ Владиславъ встрѣтили его за городомъ, гдѣ были воздвигнуты тріумфальныя арки, прославлявшія его подвиги. Нунцій Симонетти обратился къ королю съ рѣчью, воспитанники іезуитской коллегіи произнесли стихотворенія. Празднество окончилось торжественнымъ молебствіемъ въ церкви бернардинскаго монастыря. Это было только прелюдіей еще болѣе восторженнаго пріема, оказаннаго ему въ Варшавѣ. Верхомъ торжества было появленіе плѣннаго царя и его братьевъ. Жолкіевскій произнесъ трогательную рѣчь, поручая царя ихъ милосердію, а король поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что они попали во власть христіанина, а не тиранна. Плохое утѣшеніе для Василія Шуйскаго, которому было суждено пережить гибель всѣхъ своихъ надеждъ, быть трофеемъ побѣдителя и олицетворить собою униженіе Москвы передъ Польшею.

Это происходило 19-го октября 1611 г. на глазахъ у сейма, собравшагося въ Варшавѣ еще 27-го сентября. Сейму предстояло высказаться по поводу московскихъ дѣлъ; отъ него зависѣло утвержденіе налоговъ. Поэтому Сигизмундъ давно и тщательно подготовилъ къ этому почву. Инструкціи, данныя имъ сеймикамъ, представляли этотъ вопросъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Одержанные успѣхи служили залогомъ окончательнаго покоренія Россіи. Король обѣщалъ не обращать ее въ ленное владѣніе ни свое, ни сына. «Всякое новое пріобрѣтеніе послужитъ на пользу республики,—говорилъ онъ,—и если потребуются жертвы, то онѣ вознаградятся огромными преимуществами» [1]).

Такого рода рѣчи произвели переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и это отразилось при подачѣ голоса сенатомъ. Въ 1605 г., когда на сеймѣ раздавался еще голосъ Замойскаго, большинство сенаторовъ высказалось противъ войны съ Москвою. 8-го октября 1611 г. всѣ двадцать три присутствовавшіе на засѣданіи сенатора, въ томъ числѣ воевода Мнишекъ, единогласно одобрили этотъ походъ. Высказавъ похвалы королю, они рѣшили, что «impresa di Moscovia», какъ называлъ ее нунцій, было необходимо продолжать, и что объ этомъ надобно было довести до свѣдѣнія прочихъ монарховъ христіанскихъ державъ и въ особенности его святѣйшества, затѣмъ слѣдовало наложить большія подати, уплатить солдатамъ недоданное имъ жалованіе и ассигновать нужныя суммы на дальнѣйшіе расходы.

Усердіе нѣкоторыхъ сенаторовъ шло еще дальше. Они напомнили своимъ коллегамъ, что король израсходовалъ на военныя надобности изъ своихъ собственныхъ средствъ милліонъ сто тысячъ флориновъ, и

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 37, A., л. 384, Instructio Sigismundi III.—Римъ, Архивъ Boncompagni, E., 7, письмо Сигизмунда III Вольскому отъ 12-го іюня 1611 г., E, 40, письмо Вольскаго Павлу V отъ 2-го августа 1611 г.

что республика обязана принять это въ соображеніе. Предложеніе было щекотливое, такъ какъ оно затрогивало принципіальный вопросъ. Не преступилъ ли король законныхъ границъ, объявивъ войну безъ согласія сейма? и не слѣдовало ли предупредить впредь возможность подобнаго злоупотребленія властью, обнародовавъ новую конституцію? Самыя строгія лица такъ именно и взглянули на это дѣло, но нашлись сговорчивые сенаторы, которые не желали нововведеній и оправдывали дѣйствія короля. Они напомнили о данной ими клятвѣ вернуть отторгнутыя провинціи и сослались, какъ говоритъ нунцій, на «многія другія уважительныя причины». Большинство сенаторовъ рѣшительно высказалось за короля и его политику. Блистательнымъ доказательствомъ этого была рѣчь, произнесенная великимъ канцлеромъ вслѣдъ за подачею голосовъ. Обращаясь къ депутатамъ сеймиковъ, Лаврентій Гембицкій, епископъ Владиславскій, умолялъ ихъ идти по стопамъ сенаторовъ, подать единодушно голосъ за войну съ Москвою, не мѣшать выполненію неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія, которыя могли привести къ созданію обширной сарматской имперіи подъ главенствомъ одного монарха и одушевляемой единой святой католической вѣрой. Эти краснорѣчивыя рѣчи убѣдили слушателей только на половину. Сеймъ одобрилъ войну; что касается налоговъ, то они были увеличены въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и въ добавокъ нѣкоторая часть ихъ была присуждена въ видѣ вознагражденія королю. Но impresa тѣмъ не менѣе продолжалась [1]).

III.

Война и дипломатія.—Кровавыя сцены, происходившія въ Москвѣ.—Россія овладѣваетъ собою.—Польскій гарнизонъ въ непріятельской странѣ. — Сигизмундъ и Владиславъ у воротъ Москвы.—Вынужденное отступленіе.—Предложеніе заключить миръ.—Заруцкій, Марина и Иванъ Димитріевичъ.—Ихъ бѣгство.—Ихъ выдаютъ москвитянамъ.—Дальнѣйшая ихъ судьба. — Марина передъ судомъ исторіи. — Смягчающія вину обстоятельства. — Отзывъ Сигизмунда III о Михаилѣ Романовѣ.—Императоръ Матѳей избранъ въ посредники.—Неудача переговоровъ.—Война съ Москвою.—Владиславъ начинаетъ дѣйствовать.—Переписка съ папою.—Затрудненія, предвидѣнныя въ Москвѣ.—Мнѣніе окружающихъ.—Два письма Владислава Павлу V.—Ясно изложенная двойная просьба.—Важный вопросъ, превратившійся въ вопросъ совѣсти.—Три пункта, предложенные инквизиціи.—Отрицательный и не полный отвѣтъ.—Этотъ пробѣлъ возмѣщенъ Павломъ V.—Его двойной отвѣтъ.—Его предпочтеніе къ латинской вѣрѣ.—Предосторожности, принятыя нунціемъ.—Владиславъ удовлетворенъ.—Деулинское перемиріе.

Сигизмундъ думалъ покорить Москву двоякимъ путемъ: силою оружія и путемъ дипломатіи. Военныя дѣйствія не мѣшали ему вести,

---

[1]) Тамъ же, Е., 38, двѣ депеши Симонетти къ Боргезе отъ 8-го октября 1611 года.

впрочемъ, съ весьма малою надеждою на успѣхъ, переговоры съ боярами, которые были на сторонѣ Польши. Камнемъ преткновенія было избраніе Владислава. Москвитяне присягнули ему и требовали, чтобы онъ прибылъ въ Москву, но Сигизмундъ не отпускалъ его; твердо рѣшивъ замѣнить сына, хотя бы только вначалѣ, и временно овладѣть властью, онъ не спѣшилъ высказаться и по поводу религіозныхъ вопросовъ, которые были навязаны будущему царю, и обратился за совѣтомъ къ папѣ въ послѣдній моментъ; отвѣтъ святѣйшаго отца уясняетъ римскую политику.

Дѣйствуя столь медленно и прибѣгая къ подобнымъ уловкамъ, король сильно рисковалъ, въ чемъ онъ скоро убѣдился по ходу событій. Послѣ отъѣзда Жолкіевскаго, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1611 г., на Пасхѣ, въ Москвѣ разыгрались снова кровавыя сцены. Жителямъ надоѣли поляки, они хотѣли быть хозяевами у себя дома и отдѣлаться отъ своихъ докучливыхъ гостей. Послѣдніе подозрѣвали это и, не будучи столь безпечны, какъ Димитрій, при первыхъ же признакахъ возмущенія оставили Кремль, подожгли городъ съ четырехъ концовъ, предались грабежу и убійствамъ и возвратились въ укрѣпленія съ богатой добычей изъ драгоцѣнныхъ вещей и съѣстныхъ припасовъ. Отнынѣ, польскій гарнизонъ находился въ странѣ непріятельской и могъ ожидать мщенія, ибо не только Москва, но вся Россія воспряла духомъ и была злобно настроена противъ иноземцевъ. Во главѣ народнаго движенія стала Троицкая Лавра, она побѣдоносно отразила нападеніе Сапѣги и Лисовскаго и выдержала продолжительную осаду. Изъ монастыря раздавались пламенныя рѣчи, возбуждавшія народъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны. Народъ призывался къ оружію, чтобы изгнать иностранцевъ, подавить анархію и какъ можно скорѣе воскресить отечество, бывшее при послѣднемъ издыханіи. Этотъ призывъ нашелъ откликъ во всѣхъ сердцахъ, потому что онъ затрогивалъ религіозное чувство, возбужденное кандидатурой католика на московскій престолъ. Защитники отечества выростали изъ-подъ земли, соревновали между собою въ воодушевленіи и стекались подъ знамена Минина и Пожарскаго. Между тѣмъ какъ поляки торжествовали въ Варшавѣ кратковременную побѣду, русская армія быстро сформировалась, сосредоточила свои силы въ окрестностяхъ Москвы, подала вооруженную помощь жителямъ и обложила поляковъ въ Кремлѣ.

Народное движеніе приняло уже огромные размѣры, а Сигизмундъ все еще надѣялся подавить его. Но онъ понялъ наконецъ, что имя Владислава звучало лучше его имени, что избранный монархъ долженъ былъ находиться среди тѣхъ, кто его избралъ, поэтому, приказавъ гетману литовскому Ходкевичу приблизиться къ Москвѣ, онъ рѣшилъ въ исходѣ 1612 года лично привезти туда своего сына. Заблужденіе Си-

гизмунда было еще такъ велико, что, не успѣвъ собрать болѣе значительныхъ силъ, онъ отправился въ сопровожденіи самаго незначительнаго отряда, который можно было назвать скорѣе конвоемъ, нежели настоящей арміей. Но уже было поздно. Прибывъ въ Вязьму, онъ узналъ, что Кремлевскій гарнизонъ, изнемогши отъ усталости, голода и всевозможныхъ лишеній, сдался на капитуляцію. Городъ и укрѣпленія были въ рукахъ русскихъ; и послѣднихъ уже нельзя было поставить межъ двухъ огней, какъ въ томъ случаѣ, если бы у поляковъ были соумышленники въ крѣпости.

Тѣмъ не менѣе, король съ обычнымъ своимъ упрямствомъ дошелъ до Волоколамска; тутъ только глаза его открылись окончательно. Прибытіе Владислава далеко не походило на въѣздъ монарха въ свою имперію. Какая разница съ побѣдоносньмъ шествіемъ Димитрія! Народъ вмѣсто того, чтобы выходить ему на встрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя преграждали ему путь. Уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ ними переговоры. Сигизмундъ очутился у воротъ враждебно настроенной противъ поляковъ столицы, съ малочисленной до смѣшнаго арміей и съ царемъ, котораго подданные не хотѣли признавать; польское войско страдало отъ холода и не имѣло возможности достать съѣстныхъ припасовъ. Увидавъ себя на краю пропасти, Сигизмундъ взвѣсилъ свое положеніе, и его рѣшеніе было быстро принято: онъ возвратился въ Польшу со своимъ сыномъ Владиславомъ, намѣреваясь осуществить свой планъ современемъ. Отступленіе короля польскаго было спасеніемъ для Россіи. Несмотря на господствовавшія въ странѣ смуты, борьбу партій и соперничество бояръ, русскимъ удалось, наконецъ, избрать себѣ царя и прекратить безначаліе, господствовавшее во время междуцарствія. Выборъ страны палъ на юнаго Михаила Романова, коронованнаго въ Москвѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1613 года. Его избраніе было равносильно низложенію Владислава, о чемъ бояре поспѣшили довести до свѣдѣнія Сигизмунда, предложивъ ему заключить миръ и обмѣняться плѣнными, въ числѣ коихъ находился отецъ царя, архіепископъ Филаретъ, отправленный въ Варшаву посланникомъ и съ коимъ поляки обращались, какъ съ плѣннымъ—сознаніе весьма тяжкое для любящаго сына [1]).

Прежде чѣмъ окончить переговоры съ Польшей, которые привели между прочимъ къ новой войнѣ, Михаилу надобно было подумать о сопернинѣ, который находился еще въ колыбели. Сынъ Марины былъ провозглашенъ царемъ въ Калугѣ; Марина руководствовалась совѣтами Заруцкаго, а Заруцкій былъ способенъ на все. Мы уже упоминали его

[1]) Собр. гос. грам., т. III, стр. 22, № 7.

имя на предъидущихъ страницахъ. Это былъ атаманъ Донскихъ казаковъ, отличавшійся только умѣніемъ владѣть саблей. Сторонникъ Димитрія II, осыпанный имъ милостями, онъ игралъ нѣкоторую роль во время междуцарствія и послѣ избранія Михаила Романова заявилъ себя преданнымъ сыну Марины. Преслѣдуемый и разбитый войсками новаго царя, онъ бѣжалъ въ Астрахань, гдѣ пытался поднять татаръ и персовъ противъ Михаила. Его удалось прогнать изъ Астрахани, откуда онъ бѣжалъ съ Мариной, маленькимъ Иваномъ и нѣсколькими стами казаковъ. Въ догоню за нимъ были посланы войска, съ приказаніемъ взять Заруцкаго живымъ или мертвымъ. Казаки не особенно спѣшили, поэтому царское войско нагнало ихъ; будучи окружены, они выдали Заруцкаго, Марину, ея сына Ивана и, какъ сказано въ русскомъ документѣ, монаха Николая. Для такихъ важныхъ преступниковъ не было пощады. Заруцкій былъ посаженъ на колъ въ Москвѣ. Что касается Марины, то объ ней съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ извѣстій. Погибла ли она насильственной смертью? Влачила ли до тѣхъ поръ гдѣ-либо въ тиши монастыря жалкое существованіе? Этого никто не знаетъ. У Бернардиновъ сохранилось преданіе, что она была потоплена вмѣстѣ съ ея родными, въ томъ числѣ и ея домовымъ священникомъ, отцомъ Антоніемъ, который былъ преданъ ей до конца жизни [1].

Впрочемъ, съ самаго вступленія Марины въ бракъ съ Димитріемъ II, ея жизнь полна таинственнаго. Очевидно, молодая женщина, измученная ссылкою, испытавъ такія ужасныя несчастія, не могла снести послѣдняго удара судьбы. Исторія отнеслась къ ней такъ же сурово, какъ и сама жизнь: поляки и русскіе осыпали ее наперерывъ самыми жестокими упреками. Набожная дочь Самборскаго воеводы стала, по ихъ словамъ, женщиной безстыдной, порочной, весьма сомнительной патріоткой; непомѣрно честолюбивая, она была готова всѣмъ пожертвовать для того, чтобы сохранить для сына призрачный престолъ. Ослѣпленная безумными мечтами величія, она отвергла, по ихъ словамъ, съ презрѣніемъ всѣ предложенія Сигизмунда III и предпочла мирной, но безвѣстной жизни безумную погоню за счастіемъ. Дѣйствительно, поступки Марины говорятъ скорѣе противъ нея: неустрашимая наѣздница, она скакала по большимъ дорогамъ, переодѣтая въ мужское платье, окруженная казаками, чтобы раздѣлить жизнь искателя приключеній. Но кто скажетъ, дѣйствовала ли она по своему собственному побужденію или подчинялась чьей-либо волѣ? Увлекалась ли она сво-

---

[1]) Акты Ист., т. III, стр. 23, № 25 и сл.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, Teka Naruszewicza, 108, л. 196 v°.—Монахъ Николай, о которомъ говорится въ документѣ, быть можетъ, и былъ именно отецъ Андрей.—По словамъ іезуита Ростовскаго (стр. 284), сынъ Марины находился въ 1626 г. въ іезуитской коллегіи въ Вильно, подъ покровительствомъ короля и Льва Сапѣги.

ими фантазіями или же была жертвою роковаго стеченія обстоятельствъ? Написавъ 16-го января 1610 г. королю письмо съ большимъ достоинствомъ и разсудительностью, она умолкла. Намъ не извѣстно, что она говорила впослѣдствіи, какія ей были даны обѣщанія или какими угрозами, быть можетъ, старались подѣйствовать на нее. Между Самборомъ и Астраханью цѣлая пропасть: молодая женщина, прошедшая этотъ путь при самыхъ тяжкихъ и безотрадныхъ условіяхъ, заслуживаетъ снисхожденія по многимъ причинамъ. Справедливость требуетъ, чтобы онѣ были приняты во вниманіе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не выяснились всѣ обстоятельства дѣла.

Какова бы ни была таинственная кончина Марины, съ ея исчезновеніемъ для Михаила Романова уменьшилась опасность и стало одною заботою меньше. Его власть мало по малу упрочивалась среди глубоко потрясеннаго общества; въ то время какъ вся Россія уже признала его своимъ монархомъ, Сигизмундъ еще не допускалъ мысли, чтобы такая прекрасная страна могла ускользнуть изъ-подъ его власти. Въ его глазахъ Михаилъ былъ не болѣе, какъ сынъ попа, человѣкъ незнатнаго происхожденія, ребенокъ, неспособный управлять страною, посаженный на престолъ, помимо знатныхъ бояръ, какими-то неизвѣстными избирателями. Избраніе Михаила было величайшимъ беззаконіемъ,—говорилъ онъ,—ибо единственнымъ законнымъ монархомъ Россіи былъ Владиславъ, коему народъ присягнулъ, коего знатнѣйшіе бояре все время звали въ Россію и который возсѣдалъ бы уже на престолѣ, если бы нѣкоторыя лица не затѣяли противъ него интриги, и ввелъ бы Имперію въ концертъ европейскихъ державъ.

Такъ думалъ Сигизмундъ о Россіи, послѣ междуцарствія, когда ненависть къ полякамъ и католикамъ достигла среди русскихъ высшей степени. Онъ бесѣдовалъ объ этомъ откровенно съ германскимъ императоромъ Матвѣемъ, котораго русскіе, наскучивъ войною, избрали посредникомъ для переговоровъ съ Польшею. Императоръ отнесся къ возложенной на него роли добросовѣстно. Обсуждая съ королемъ польскимъ вопросъ о вѣроятномъ исходѣ войны, онъ осторожно проводилъ мысль, что признаніе Михаила было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться мира. Это выводило Сигизмунда изъ себя. Онъ засыпалъ императора письмами, заставлялъ писать ему Владислава, заподозрилъ императора въ пристрастіи, но въ концѣ концовъ согласился на его вмѣшательство, въ дѣйствительности котораго онъ сильно сомнѣвался. 6-го апрѣля 1616 г., когда переговоры кончились полнѣйшею неудачею, онъ могъ похвастать, что сбылось все то, что онъ предвидѣлъ, и что отъ этихъ вѣроломныхъ варваровъ, какъ онъ называлъ москвитянъ, нечего было ожидать. Подъ этими словами скрывалась тайная угроза;

дѣйствительно, четыре мѣсяца спустя, 25-го іюля, Сигизмундъ заявилъ императору, что сеймъ одобрилъ войну съ Москвою [1]).

Когда была объявлена война, польскою молодежью овладѣло небывалое воодушевленіе; она устремилась вслѣдъ за Владиславомъ, который самъ сталъ этотъ разъ во главѣ войска, довольный возможностью избѣгнуть такимъ образомъ родительской опеки. Уѣхавъ къ арміи, онъ говорилъ, что предпочитаетъ умереть скорѣе, нежели продолжать свою монотонную жизнь въ Варшавѣ. Пріобрѣсти монархію на сѣверѣ было равносильно для него покончить со всѣми домашними непріятностями и стяжать славу и независимость [2]). Его честолюбивыя мечты заходили очень далеко; раздѣляя заблужденіе отца, онъ счелъ долгомъ открыть свои надежды папѣ и испросить у него, черезчуръ преждевременно, разрѣшеніе на нѣкоторые предметы.

Мнимый побѣдитель такъ твердо надѣялся короноваться въ Кремлѣ, что онъ хотѣлъ заранѣе обсудить всѣ подробности этой церемоніи. Его положеніе было весьма сходно съ положеніемъ злополучнаго претендента, съ тою лишь разницею, что одинъ изъ нихъ исповѣдывалъ католическую вѣру тайно, а другой исповѣдывалъ ее открыто. Владиславъ, подобно своему предшественнику, боялся оскорбить религіозное чувство православнаго народа, выставляя напоказъ пышные обряды латинской церкви. Идеалъ, къ которому онъ стремился, было возсѣсть на московскій престолъ, не поступаясь своей совѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ не огорчая своихъ новыхъ подданныхъ; примирить эти два требованія было не легко; надъ разрѣшеніемъ этой задачи трудились всѣ окружающіе принца. Одни изъ нихъ склонялись къ безусловно строгому исполненію долга другіе, въ томъ числѣ отецъ Бембо, духовникъ короля, находили необходимымъ сдѣлать самыя широкія уступки. Всѣ были того мнѣнія, что Владиславу необходимо представить этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе папы и положиться на его рѣшеніе: точно также дѣйствовалъ Мнишекъ относительно Димитрія. Первый шагъ былъ сдѣланъ самимъ Владиславомъ. Передъ крещеніемъ огнемъ католическому принцу приличествовало заручиться благословеніемъ папы. 6-го апрѣля 1617 года, онъ обратился къ нему съ просьбою благословить его для того, чтобы онъ могъ послужить достойнымъ образомъ вѣрѣ и отечеству; за этимъ письмомъ послѣдовало второе, помѣченное тѣмъ же числомъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о коронованіи. Это пись-

---

[1]) Вѣна, государственный архивъ, Polonia, письма Сигизмунда къ Матвѣю отъ 14-го апрѣля 1613 г., 11-го мая 1615 г., 6-го апрѣля и 23-го іюля 1616 г.

[2]) Краковъ, музей Чарторыйскихъ, нѣсколько важныхъ рукописей объ этой войнѣ, см. №№ 2726, 2763.

мо написано самимъ принцемъ, но по внушенію отца; вотъ приблизительно что онъ говоритъ въ этомъ письмѣ:

«Мои предки,—писалъ Владиславъ,—понимали, какое важное значеніе будетъ имѣть «возвращеніе» Московіи во владѣніе христіанской республики и въ нѣдра католической церкви, но они по большей части не обладали возможностью добиваться этого; нынѣ обстоятельства приняли болѣе благопріятный оборотъ, прежняя династія угасла, всѣ классы общества избрали меня единогласно, и несмотря на промедленіе съ моей стороны весьма многіе москвитяне остались мнѣ вѣрны. Поэтому мы рѣшили воспользоваться этимъ выгоднымъ положеніемъ, расширить границы не только Польши, но и христіанской республики и католической вѣры, и я поспѣшаю повиноваться божественному Провидѣнію и волѣ моего отца».

Вступая на это блестящее поприще принцу приходилось считаться съ однимъ серьезнымъ затрудненіемъ. Русскіе, глубоко преданные стариннымъ обычаямъ, могли предъявить по случаю коронованія разныя требованія, которыя необходимо было предусмотрѣть. Поэтому Владиславъ, какъ человѣкъ, понимавшій значеніе обрядовъ и ихъ отношеніе къ догматамъ вѣры, изложилъ свою просьбу вполнѣ ясно и опредѣленно. Во-первыхъ, онъ выражалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ желаніе, чтобы ему была предоставлена полная свобода сообразоваться съ обрядами греко-уніатской церкви; онъ желалъ, чтобы его короновалъ греко-уніатскій епископъ, и хотѣлъ пріобщиться святыхъ тайнъ подъ обоими видами. Во-вторыхъ, допуская возможность того, что ему придется короноваться у православнаго епископа, принцъ просилъ у папы на это разрѣшенія, совѣта и указаній.

Письмо Владислава затрогивало чрезвычайно важные національные и религіозные вопросы. Обращеніе къ греко-уніатскому вѣроисповѣданію открывало новую эру сближенія: между католическимъ монархомъ и православной Имперіей появлялась неожиданно точка соприкосновенія. Та и другая сторона соблюдала бы одни и тѣ же обряды, и единство богослуженія облегчило бы соглашеніе относительно догматовъ. Попытка къ подобному соглашенію была сдѣлана на Флорентійскомъ соборѣ, повтореніемъ котораго былъ Брестскій соборъ. Но въ Римѣ, повидимому, не поняли огромнаго, совершенно исключительнаго значенія этого нововведенія и предпочли сдѣлать изъ него только вопросъ совѣсти и стать на строго богословскую точку зрѣнія. Впрочемъ, Павелъ V пожелалъ лично заняться этой просьбою; приказалъ сдѣлать справку въ документахъ и представилъ все дѣло на заключеніе инквизиціи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1617 г., на обсужденіе этой высшей духовной инстанціи были представлены слѣдующіе три пункта: 1) можетъ ли Владиславъ, въ виду общаго блага христіанской респу-

блики, быть коронованъ православнымъ епископомъ? 2) можетъ ли онъ пріобщиться подъ двумя видами? 3) и въ случаѣ крайней необходимости, можетъ ли онъ исполнять всѣ прочіе обряды?

Эти вопросы не представляли сами по себѣ ничего новаго или неожиданнаго; для того, чтобы отвѣтить на нихъ, стоило только справиться, въ какомъ смыслѣ были рѣшены въ недавнее время подобные же вопросы, затронутые Сигизмундомъ III и Димитріемъ. Члены инквизиціи дѣйствительно сослались въ своемъ отвѣтѣ на эти рѣшенія, и между прочимъ на постановленія Лаодикійскаго, Карѳагенскаго и Латранскаго соборовъ, которые вполнѣ согласовались съ мѣрами, принятыми въ послѣднее время; постановленія этихъ соборовъ были утверждены самыми знаменитыми богословами; святой Герменегильдъ запечатлѣлъ ихъ своею кровью. Вопросы, предложенные на обсужденіе инквизиціи, были разносторонни, поэтому и отвѣтъ инквизиціи былъ подкрѣпленъ многочисленными ссылками: онъ былъ отрицательный по всѣмъ тремъ пунктамъ. Впрочемъ, римскіе инквизиторы отвѣтили на предложенные имъ вопросы не достаточно точно, они обсуждали вопросъ о православномъ епископѣ и вовсе не приняли во вниманіе высказанное Владиславомъ предположеніе, что надъ нимъ могъ совершить обрядъ коронованія греко-уніатскій епископъ [1]).

Обстоятельный отвѣтъ, присланный папою, восполнилъ этотъ пробѣлъ. Во-первыхъ, Павелъ V вполнѣ соглашался съ рѣшеніемъ инквизиціи. «Папскій престолъ не дастъ просимаго принцемъ разрѣшенія,—писалъ онъ,—въ томъ случаѣ, если епископъ, которому придется короновать принца, будетъ православнаго вѣроисповѣданія. Если же епископъ будетъ греко-уніатскій, то папа согласится на то, чтобы онъ священнодѣйствовалъ при коронованіи и чтобы Владиславъ пріобщился по православному обряду». Слѣдовательно, папа дѣлалъ уступку только на этотъ разъ и давалъ разрѣшеніе весьма неохотно, не скрывая при этомъ своихъ сокровенныхъ мыслей. Онъ отдавалъ, разумѣется, предпочтеніе латинской вѣрѣ и желалъ, если возможно, чтобы Владиславъ пріобщился по католическому обряду. Онъ даже заранѣе назначилъ для этой церемоніи епископа житомірскаго Андрея Липскаго и снабдилъ его надлежащими полномочіями. Мысль, что католикъ будетъ возсѣдать на московскомъ престолѣ, окруженный православными подданными—нисколько не смущала папу. Онъ полагалъ даже, что если вести дѣло умѣючи, то это нововведеніе не представитъ никакихъ затрудненій. Впрочемъ, папа, точно такъ же, какъ и члены инквизиціи, не распространялся по поводу этого вопроса, придавая ему значеніе частнаго случая, который требовалъ немедленнаго рѣшенія, и не ка-

---

[1]) Римъ, Архивъ папскаго престола, IV, л. 94 и сл.

сался вопроса о единеніи церквей, что было дѣломъ будущаго. Относительно главнаго пункта польскому принцу пришлось удовлетвориться отказомъ, точно такъ же, какъ Димитрію.

Пока этотъ вопросъ обсуждался въ Римѣ, Владиславъ выступилъ въ походъ. Папа не пожелалъ отвѣтить ему лично и только предупредилъ принца, что отвѣтъ будетъ сообщенъ ему нунціемъ; при этомъ были приняты всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы дать понять Владиславу, что ему не будетъ сдѣлано болѣе никакихъ уступокъ и чтобы отнять у него всякое желаніе настаивать на своей просьбѣ. Такъ, напримѣръ, краковскому нунцію Франциску Діотавелли, епископу сентъ-анджельскому (evêque de Sant Angelo) было приказано никому не показывать текста папской депеши, а сдѣлавъ изъ нея краткое извлеченіе, передать его Владиславу на отдѣльномъ листѣ безъ подписи. Услужливые посредники взялись разъяснить принцу свойство и размѣръ даннаго ему разрѣшенія; все пошло какъ по маслу. Владиславъ находился въ то время въ Вязьмѣ; онъ только-что одержалъ незначительный успѣхъ на полѣ битвы и предавался, впрочемъ, нѣсколько преждевременно, радостнымъ надеждамъ. При тогдашнемъ его настроеніи все казалось ему прекраснымъ: такъ было принято имъ и папское рѣшеніе [1]).

Впрочемъ, польскому королевскому принцу не пришлось имъ воспользоваться. Не имѣя достаточныхъ силъ, несмотря на контингентъ казаковъ и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, онъ не могъ овладѣть Москвою. Всѣ его попытки были побѣдоносно отражены, онъ былъ вынужденъ начать переговоры, а 1-го декабря 1618 г. (по ст. ст.) было заключено въ Деулинѣ перемиріе, на четырнадцать лѣтъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на какія поляки не могли даже разсчитывать. За ними остались такія важныя крѣпости, какъ Смоленскъ, Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ, не считая другихъ. Утомленіе, которое испытывали москвитяне, сдѣлало ихъ сговорчивыми. Впрочемъ, поляки возвратили свободу Филарету Романову, отцу царя, и вернули русскимъ нѣсколько крѣпостей. Честь была спасена, но народная вражда не угасла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 68, л. 480; II, 225, л. 169; II, 241, письмо Діотавелли къ Боргезе, отъ 1-го сентября 1617 г.; II, 427, л. 183, V; II, 74, л. 54

Собственноруч. письмо М. Сперанскаго—гр. Аракчееву.

14-го сентября 1816 г. Великополье.

Довершите ваши ко мнѣ милости, дозволивъ мнѣ себя видѣть или здѣсь или въ Грузинѣ.—Какъ скоро дозволите, то черезъ часъ или два я буду въ Новгородѣ.—Не откажите, м. г., въ сей милости.—Это есть первая необходимость сердца, исполненнаго благодарности.

Рукою Аракчеева написано: «Новгородъ 15-го сентября отвѣчалъ тотъ же часъ».

Собственноручное всеподданнѣйшее прошеніе графа Ростопчина объ увольненіи въ отставку.

15-го октября 1823 г. Москва.

Употребя безъ успѣха многія средства къ поправленію разстроеннаго здоровья, принесеннаго усердіемъ въ жертву вамъ и отечеству, возвратился нынѣ въ оное. Но признавая въ себѣ недостатокъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ быть болѣе съ честію и пользою по службѣ вашего императорскаго величества осмѣливаюсь просить объ увольненіи меня отъ оной оберъ-камергеромъ [1]).

---

[1]) Послѣдовалъ указъ государственному совѣту 14-го декабря № 137.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

VI [1]).

Петербургскіе пожары въ 1862 г.— Наше участіе въ ихъ тушеніи.— Люди нажившіеся на чужомъ несчастіи.— Публичное наказаніе кнутомъ.

Весною 1862 г. мы сдавали выпускные экзамены. Время было тогда въ Петербургѣ тревожное: общее вниманіе поглощено было студенческими волненіями и пожарами, по поводу которыхъ ходили самые разнообразные толки. Пожары приписывались поджогамъ, но никто не могъ сказать, кѣмъ и съ какою цѣлью они производятся. Одни подозрѣвали тутъ польскую интригу, другіе винили студентовъ, третьи намекали на возможность участія въ этомъ дѣлѣ недовольныхъ крестьянскою реформой. То и дѣло распространялись по городу слухи о захваченныхъ, будто-бы, въ томъ или другомъ мѣстѣ поджигателяхъ. Подметнымъ письмамъ съ предупрежденіемъ о предстоявшихъ пожарахъ не было числа; люди находились въ постоянномъ страхѣ и жили какъ на бивакахъ, заблаговременно завязавъ свои вещи въ узлы и уложивъ въ сундуки, чтобы легче было вынести ихъ въ случаѣ опасности. Городъ ежедневно загорался въ различныхъ мѣстахъ, и пожарные сбились съ ногъ, едва поспѣвая туда, гдѣ требовалась ихъ помощь. Жаркая и сухая погода способствовала распространенію огня въ кварталахъ, гдѣ были скучены деревянныя постройки. Огромныя пространства выгорали съ необыкно-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

венной быстротой, что объясняется какъ характеромъ тогдашнихъ строеній, такъ и недостаточностью противопожарныхъ средствъ. Надо было видѣть, что представлялъ собою до пожара выгорѣвшій тогда Апраксинъ дворъ. То были ряды сбитыхъ въ кучу ветхихъ деревянныхъ лавчонокъ и ларей, стоявшихъ такъ тѣсно и до такой степени загроможденныхъ всевозможнымъ хламомъ, что мѣстами между ними можно было пробраться не иначе, какъ бокомъ. Старое платье, тюфяки, перья, пухъ и разный мелкій скарбъ—все это грудами висѣло и валялось здѣсь, загромождая дорогу. Не менѣе опасно въ пожарномъ отношеніи было положеніе извощичьихъ дворовъ, тянувшихся сплошными рядами вдоль Лиговки. Жалкія деревянныя клѣтушки, служившія конюшнями, покривившіеся досчатые заборы, тѣсные дворы, полные навоза, соломы и всякаго сухого мусора, придавали этой части города видъ забытаго Богомъ захолустья. Водопровода не было тогда еще и въ поминѣ [1]), а мелководная Лиговка не могла дать достаточнаго количества воды въ случаѣ пожара. А пожаръ не заставилъ себя долго ждать; я видѣлъ его и никогда не забуду этой страшной картины. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ загорѣлось въ одномъ домишкѣ,—и уже оба берега Лиговки были охвачены пламенемъ. Обитавшая здѣсь бѣднота была объята паникой. Люди суетливо вытаскивали изъ пылавшихъ костромъ домовъ свой скарбъ и, какъ безумные, давя другъ друга, сваливали его въ кучу у рѣчки; нагроможденныя вещи падали въ Лиговку, запружая ея и безъ того узкое русло. Среди треска пламени, въ адской жарѣ, въ одинъ общій гулъ смѣшивались крики, стоны, причитанія, удары лома и топоровъ. Хищники растаскивали вынесенное изъ домовъ имущество въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не успѣвали оцѣпить войсками. Дрожки, столы, табуретки, расколовшіеся комоды загромождали проѣздъ, затрудняя доступъ пожарнымъ. Въ воротахъ били чѣмъ попало лошадей, испуганныхъ общею сумятицею и не дававшихъ вывести себя со двора; многія изъ нихъ падали и гибли въ пламени. Надъ толпою взвивались горѣвшія головни, въ раскаленномъ воздухѣ захватывало дыханіе. Вспоминается мнѣ растерянное лицо бабы, стоявшей съ иконою въ рукахъ подъ окнами своей квартиры: всѣ надежды свои она возложила на заступничество иконы. Помню: недалеко отъ меня кто-то выбросился изъ окна и, тяжело хлюпнувшись на землю, остался недвижимъ, а черезъ него уже бѣжали потерявшіе всякое соображеніе люди. Группы добровольцевъ, потные и грязные, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, отчаянно работали пожарными насосами, помогая пожарнымъ; пожарные рукава сопѣли, высасывая жидкую грязь со дна обезводѣвшей Лиговки.

---

[1]) Съ ужасомъ вспоминаю, какъ мы пивали воду изъ Фонтанки. Какъ мы только уцѣлѣли?

Къ вечеру почти вся Лиговка представляла собою два длинныхъ ряда тлѣвшихъ и дымившихся развалинъ.

Свидѣтелемъ этого и нѣсколькихъ другихъ пожаровъ мнѣ довелось быть потому, что нашъ классъ рѣшилъ посвящать промежутки между экзаменами спасанію погоравшихъ. Сдавъ тотъ или другой экзаменъ, каждый спѣшилъ къ условленному мѣсту пожара и, не дожидаясь прибытія товарищей, принимался за дѣло. Для насъ это было не спортомъ, не развлеченіемъ; намъ казалось, что наше ничтожное участіе дѣйствительно можетъ облегчить горе иного бѣдняка, и къ этому мы относились, какъ къ дѣлу чести. По этому поводу опять повторю, что зеленая молодежь смотритъ на все по-своему и что эту черту ея необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ея поступковъ. Само собою, толку отъ нашей страстной работы на пожарахъ было мало, но намѣренія наши были хороши. Лучшее, чего намъ удавалось достигнуть, ограничивалось тѣмъ, что мы успѣвали иногда поспѣть кстати, чтобы снести съ переполненной дымомъ лѣстницы какого-нибудь растерявшагося отъ страха человѣка, какую-нибудь старушку, или вынести на улицу ту или другую вещь, которую, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ похищали воры. Въ остальномъ мы были совершенно безполезны и нерѣдко смѣшны. Разъ мы, въ пылу усердія, съ большимъ трудомъ выбросили на улицу изъ третьяго этажа чье-то фортепіано; отъ него навѣрное остались послѣ этого одни осколки, и хорошо еще, если оно не придавило какого-нибудь случайнаго прохожаго. Лично себѣ я ставлю въ заслугу спасеніе кипѣвшаго самовара: съ опасностью жизни я снесъ его съ пятаго этажа подъ ворота, гдѣ на него тогда же наѣхали пожарные. Не думаю, чтобы владѣльцы самовара были особенно благодарны мнѣ за такую услугу.

Тогдашніе пожары были для большинства людей недостаточнаго класса гораздо болѣе тяжелымъ бѣдствіемъ, чѣмъ нынѣшніе: теперь страхованіе имущества практикуется этими людьми довольно часто, а въ то время о немъ мало кто думалъ. Поэтому множество людей, разъ погорѣвъ, надолго лишалось возможности обзавестись заново необходимымъ скарбомъ. Зато, съ другой стороны, находились предпріимчивые людишки, для которыхъ общее бѣдствіе служило источникомъ легкой наживы. Разсказывали, что послѣ истребленія огнемъ Апраксина двора выкраденное оттуда имущество послужило основаніемъ для богатства кое-какихъ скупщиковъ, со временемъ обратившихся въ крупныхъ торговцевъ и достопочтенныхъ домовладѣльцевъ. Кто знаетъ, не ихъ ли почину обязано было столичное населеніе поджогами?

Изъ сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною въ этотъ годъ, особенно ярко запечатлѣлось въ моей памяти воспоминаніе о первой и послѣдней видѣнной мною сценѣ публичнаго наказанія кнутомъ. Не умѣю объяснить, что именно побудило меня отправиться на это потрясаю-

щее зрѣлище; не думаю, чтобы мною руководилъ при этомъ инстинктъ жестокости, такъ какъ ни тогда, ни послѣ, я не ощущалъ его въ себѣ. Помню только, что, идя на мѣсто казни вмѣстѣ съ товарищемъ, которому принадлежала иниціатива въ этой затѣѣ, я испытывалъ величайшее волненіе. Дѣло было очень раннимъ утромъ; тѣмъ не менѣе, когда мы пришли на Конную площадь, гдѣ назначено было совершеніе казни, народа было уже тамъ видимо-невидимо. Толпа состояла изъ людей всякаго званія, но преобладало простонародье; были тутъ же и дѣти, которыхъ старшіе поднимали на рукахъ, чтобы и имъ было видно. Съ нашего мѣста можно было разглядѣть вдали высокій помостъ, на которомъ стояла «кобыла», а около нея человѣкъ въ красной рубахѣ съ засученными рукавами. Разсмотрѣть лица его я не могъ за дальностью разстоянія и съ біеніемъ сердца вслушивался въ раздававшіяся отрывочныя фразы ближайшихъ сосѣдей. Говорили объ искусствѣ палача, о томъ, что онъ умѣетъ, если захочетъ, однимъ ловкимъ ударомъ забить человѣка на-смерть. Гулъ толпы то крѣпчалъ, то ослабѣвалъ; мнѣ чувствовалось въ немъ возбужденное настроеніе собравшейся здѣсь массы людей. Вдругъ гулъ затихъ, и въ толпѣ произошло усиленное движеніе къ центру; насъ сдавили со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ мы увидѣли, что на помостѣ происходитъ какое-то замѣшательство; потомъ все какъ будто пришло въ порядокъ, и стало видно, что на кобылѣ распростертъ человѣкъ съ обнаженной спиной. Палачъ, отступивъ отъ него, поправилъ свой засученный рукавъ, издалъ какой-то рѣзкій звукъ и взмахнулъ кнутомъ. Я невольно зажмурился и уже не видалъ, какъ опустилась плеть; я только услышалъ отчаянный, пронзительный вопль наказуемаго и, зажавъ уши, сталъ изо всѣхъ силъ протискиваться вонъ изъ толпы. Пробиться сквозь эту плотную массу людей, приковавшихъ взоры къ роковому помосту, было крайне трудно, и, пока я работалъ локтями и плечами, расчищая себѣ путь и получая тумаки, до слуха моего долетѣло еще нѣсколько раздирающихъ душу воплей съ помоста. Когда, весь мокрый и дрожащій, я выбрался, наконецъ, на свободное мѣсто, я увидѣлъ около себя моего товарища, о которомъ совсѣмъ было позабылъ. Онъ тоже дрожалъ, былъ блѣденъ и смотрѣлъ на меня расширенными глазами. Не сказавъ другъ другу ни слова, мы бросились почти бѣгомъ прочь отъ этого ужаснаго мѣста.

VII.

Наше дѣтское самомнѣніе, обусловленное незнаніемъ жизни.—Практическіе плоды гимназическаго ученія.

Говоря выше о чистотѣ и безкорыстіи нашихъ юношескихъ стремленій въ выпускномъ классѣ, я отнюдь не имѣлъ намѣренія выставлять моихъ товарищей, а тѣмъ менѣе себя самого, образцами добродѣтели. Въ насъ, несомнѣнно, было много очень непохвальныхъ качествъ. Иначе и быть не могло: вѣдь мы были плоть отъ плоти и кость отъ кости нашихъ взрослыхъ современниковъ. Природа не допускаетъ скачковъ, и никогда не можетъ случиться, чтобы молодое поколѣніе не имѣло значительнаго сходства со старымъ. Но молодежи всегда было и будетъ свойственно считать себя представительницею совершенно новаго типа, не имѣющаго никакихъ точекъ соприкосновенія съ предшествующимъ поколѣніемъ. Такъ смотрѣли на себя и мы, и отсюда происходили тѣ несуразные поступки наши, которые внесли горе и страданіе во многія почтенныя семьи. Многіе изъ насъ, ослѣпленные ничѣмъ не оправдывавшимся самомнѣніемъ, нисколько не щадили чувствъ своихъ родителей и родныхъ, которымъ обязаны были своимъ воспитаніемъ, и явно—иногда даже до наглости—давали имъ чувствовать свое якобы превосходство надъ ними. Много родительскихъ, особенно любящихъ материнскихъ сердецъ было жестоко ранено въ то время не въ мѣру заносчивыми дѣтьми, которыя вообразили себя солью земли. Пылкіе юноши, отрицая естественность семейныхъ привязанностей, думали поставить на ихъ мѣсто холодно-разсудочныя отношенія, которыхъ, какъ извѣстно, оказывается недостаточно даже для поддержанія добраго знакомства съ посторонними. Вмѣсто того, чтобы быть людьми ума и сердца вмѣстѣ, они хотѣли стать простыми мыслящими машинками. Но какой же отецъ, какая мать—если они сами не искалѣченные нравственно люди—могутъ удовлетвориться однимъ разсудочнымъ отношеніемъ къ нимъ ихъ дѣтей?

Да, приняли-таки мы тогда грѣха на душу! При всей нашей гуманности, при всемъ благородствѣ нашихъ стремленій, мы были несправедливы и жестоки къ хорошимъ людямъ, которымъ были очень многимъ обязаны. Виною тому была наша чрезмѣрная заносчивость и прямолинейность, обыкновенно сопутствующая односторонности. Не зная жизни, мы считали всѣ наши розовыя мечты осуществимыми и такъ какъ во взрослыхъ замѣчали сомнѣніе на этотъ счетъ, то готовы были видѣть въ нихъ противниковъ. Мы были «передовыми», а они «постепеновцами»; но зачѣмъ же—разсуждали мы—прогрессу совершаться по-

степенно, если все можетъ быть сдѣлано сразу? Какъ это сдѣлать? Очень просто: декретировать «свободу, равенство и братство»; только и всего. Какъ только предписаніе выйдетъ, всѣ тотчасъ же обратятся въ братьевъ и заживутъ какъ нельзя лучше. Не будетъ ни униженныхъ, ни оскорбленныхъ, ни обездоленныхъ матеріально, потому что всякій вѣдь только того и ждетъ, чтобы ему позволили поступиться собственными интересами въ пользу ближняго.

Повторяю: не зная жизни и людей, мы приписывали массѣ тѣ же мысли и чувства, которыя одушевляли насъ самихъ. Въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, очень походили на институтокъ недавняго прошлаго; зато и насъ, подобно имъ, дѣйствительность начала съ первыхъ же шаговъ гладить противъ шерсти. Въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ отроку надо бы уже знать что-нибудь о тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ его по выходѣ даже изъ средней школы, а главное—о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится въ жизни большинство, ставящее низменные интересы превыше всякихъ идеаловъ. Но мы не знали этого; въ нашихъ рыцарскихъ мечтаніяхъ не было мѣста для такой «унизительной» мысли. Не испытавъ сами гнетущей нужды, мы не имѣли и не могли имѣть живого представленія о томъ, какъ отражается она въ большинствѣ случаевъ на всемъ духовномъ складѣ человѣка. Отсюда наша крайняя нетерпимость ко всему, что не совпадало съ нашими радужными ожиданіями, и къ людямъ, порою возражавшимъ намъ на основаніи житейскаго опыта. Такихъ людей мы безъ дальнихъ разсужденій зачисляли въ ретрограды и, по возможности, сторонились отъ нихъ. Прямые преемники такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ», мы не очень-то далеко ушли отъ нихъ въ отношеніи склонности къ идеологіи, хотя и приписывали себѣ — неизвѣстно, почему — качества «практическихъ» людей въ хорошемъ значеніи этого слова. Принимая за источникъ человѣческихъ поступковъ единственно духовныя побужденія, мы, въ сущности, совершали такую же ошибку, въ которую впали позднѣйшія поколѣнія юнцовъ, рѣшившія, съ чужого голоса, что источникомъ всего служитъ единственно желудокъ. Мнѣ кажется, что виною этихъ ошибокъ является наша школа; въ ней несомнѣнно есть изъянъ, объ устраненіи котораго давно пора бы позаботиться

Относительно насъ могу сказать одно: по выходѣ изъ гимназіи, мы обладали извѣстнаго рода развитіемъ, знали пройденные по программѣ «предметы» и имѣли совершенно неправильныя представленія о дѣйствительности. Въ смыслѣ подготовительной ступени къ высшему образованію, такого багажа было, пожалуй, и достаточно; но куда годились тѣ изъ насъ, которымъ, въ силу обстоятельствъ, либо нельзя было поступить въ университетъ, либо не удалось окончить въ немъ курса? Не зная ни ремесла, ни какого-нибудь другого практическаго дѣла, что могли

они предпринять, кромѣ обычной розничной продажи своихъ школьныхъ познаній, въ формѣ грошовыхъ уроковъ, кромѣ занятій перепиской, изготовленіемъ для рынка сомнительнаго качества переводовъ и т. п.? Притомъ, гимназія всѣмъ своимъ строемъ отрывала своихъ питомцевъ недворянскаго происхожденія отъ интересовъ той среды, изъ которой они вышли. Сыновья купцовъ ни за что не хотѣли заняться торговлей: зная темныя стороны купеческой дѣятельности, они относились къ ней съ понятною брезгливостью. То же было съ дѣтьми мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и иного званія людей. По существу, это можетъ быть названо явленіемъ хорошимъ: никто не хотѣлъ служить дѣлу, которое признавалъ неблагороднымъ. Но не должна ли бы входить въ число задачъ школы забота о томъ, чтобы юношество, просвѣтляясь духовно, вмѣстѣ съ тѣмъ выростало съ сознаніемъ, что наибольшую пользу прогрессу всякій можетъ принести честною работой въ той средѣ, которая всего ближе знакома ему съ ранняго дѣтства? И не должна ли средняя школа, помимо столь занимательныхъ предметовъ, какъ стереометрія, латинская грамматика и проч., вооружать своихъ питомцевъ также и тѣми познаніями, которыя могутъ пригодиться имъ въ практической жизни? Здѣсь, конечно, не мѣсто рѣшать эти вопросы, но въ школьныхъ воспоминаніяхъ нельзя не коснуться ихъ попутно хотя-бы вскользь.

VIII.

Спектакль и литературный вечеръ въ гимназіи.—Мих. Ив. Семевскій, какъ актеръ и разсказчикъ.—Депутація къ французскимъ артисткамъ.—Пьяный поэтъ.—Чтеніе Некрасова, Майкова, Писемскаго и Бенедиктова.—Разсказы И. Ѳ. Горбунова.

Зима 1862 г., предшествовавшая нашему выпуску, ознаменовалась въ гимназіи двумя небывалыми до тѣхъ поръ въ ея стѣнахъ событіями: устройствомъ спектакля и литературнаго вечера съ благотворительною цѣлью. Такихъ спектаклей и вечеровъ бывало тогда въ Петербургѣ множество, и всѣ они, по новости дѣла, имѣли большой успѣхъ. Это подало нашему наставнику В. И. Водовозову мысль воспользоваться стремленіемъ публики къ зрѣлищамъ, чтобы путемъ спектакля собрать хоть какія-нибудь средства для тѣхъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые, по выходѣ изъ гимназіи, не имѣли бы возможности даже экипироваться. Дѣятельнымъ помощникомъ его въ осуществленіи этой мысли явился близкій къ нему въ то время человѣкъ, Мих. Ив. Семевскій, впослѣдствіи основатель «Русской Старины», а тогда еще

начинавшій писатель изъ молодыхъ офицеровъ. Оба эти лица энергично взялись за дѣло. Не безъ труда и хлопотъ добыли они разрѣшеніе на постановку запретной до тѣхъ поръ пьесы Островскаго «Доходное мѣсто», пріискали исполнителей и исполнительницъ ролей и руководили ихъ репетиціями. Двѣ роли пришлись на долю воспитанниковъ старшаго класса гимназіи. Уже первыя считки показали, что пьеса, во всякомъ случаѣ, не «провалится», а можетъ быть сойдетъ даже и совсѣмъ гладко. Достали на прокатъ у театральнаго предпринимателя въ Измайловскомъ полку декораціи, соорудили въ большомъ рекреаціонномъ залѣ заправскую сцену, наняли оркестръ. Надо было, сверхъ того, пригласить нѣсколько лицъ для участія въ предполагавшемся послѣ спектакля дивертисментѣ; съ этою цѣлью воспитанники выбрали изъ своей среды двѣ депутаціи, на которыя и были возложены разъѣзды по знаменитостямъ. Въ одну изъ нихъ попалъ и я, что̀ дало мнѣ случай разъ въ жизни увидѣть во-очію установленныя всякими ненужными вещами и сильно парфюмированныя жилища нѣкоторыхъ артистокъ тогдашней французской труппы Михайловскаго театра. Мой товарищъ и я, вдвоемъ составлявшіе эту депутацію, чрезвычайно конфузились въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ и навѣрное были очень смѣшны въ нашихъ парадныхъ мундирчикахъ, изъ которыхъ успѣли немного вырости; но, сознавая важность возложенной на насъ миссіи, мы бодрились и старались не уронить своего достоинства. Помнится, мы прежде всего побывали у г-жи Мокуръ, очень посредственной, но бывшей въ модѣ актрисы. Она вышла къ намъ въ какомъ-то «доводящемъ умъ до восторга» пеньюарѣ и съ ярко накрашенными губами; потомъ поѣхали къ плѣнительной, хотя и черезчуръ полной Мила́, были и у красавицы Деверіи, о которой въ то время ходило по городу столько заманчивыхъ анекдотовъ. Не знаю, вслѣдствіе ли нашего неумѣнія обходиться съ дамами этого круга или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, только изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами звѣздъ французской сцены одна лишь Деверіа съ первыхъ же словъ выразила согласіе помочь доброму дѣлу и—что̀ важнѣе всего—исполнила свое обѣщаніе: послѣ спектакля, на который она пріѣхала въ гимназію въ сопровожденіи красиваго кирасирскаго офицера, она продекламировала со сцены какое-то слащавое стихотвореніе, начинавшееся словами: «Donnez aux pauvres!»

Спектакль нашъ сошелъ какъ нельзя лучше, при переполненномъ зрительномъ залѣ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю жены нашего учителя географіи Д. Д. Семенова, впослѣдствіи сдѣлавшаго удачную педагогическую карьеру; роль Фелицаты Герасимовны (въ «Доходномъ мѣстѣ») исполнена была этою дамою дѣйствительно мастерски. Недуренъ хотя недостаточно натураленъ, былъ въ роли благороднаго Жадова Мих. Ив. Семевскій. Естественность, кажется, и вообще не была свой-

ственна его характеру. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ держался либеральнаго образа мыслей и былъ не прочь щегольнуть свободомысліемъ въ «сценахъ изъ народнаго быта», которыя охотно разсказывалъ. Съ легкой руки И. Ѳ. Горбунова, такихъ разскащиковъ развелось тогда немало, но всѣ они, какъ почти всегда бываетъ съ подражателями, не съумѣли достигнуть той степени искусства, какою обладалъ ихъ оригиналъ. Общій недостатокъ ихъ «сценъ» заключался въ вымученности темы и въ замѣнѣ живого, естественнаго юмора смѣшными словами. Не былъ свободенъ отъ этого недостатка и Семевскій, какъ сочинитель и разскащикъ «сценъ». Слушая его, нельзя было не получить впечатлѣнія, что онъ говоритъ не совсѣмъ то и не совсѣмъ такъ, что и какъ думаетъ, а какъ будто немного фальшивитъ. Такой же неискренній тонъ приданъ былъ имъ и роли Жадова; тѣмъ не менѣе, благодаря самой сущности этой роли, онъ былъ награжденъ бурными рукоплесканіями зрителей.

Спектакль, согласно программѣ, завершился дивертисментомъ, который ознаменовался, между прочимъ, довольно характернымъ для того времени скандаломъ. Надо сказать, что за кулисами у насъ устроенъ былъ буфетъ для угощенія участниковъ представленія. Дамы пили чай и кушали фрукты, мужчины приналегли преимущественно на напитки и закуску. Въ числѣ участниковъ дивертисмента находился одинъ изъ весьма небезъизвѣстныхъ въ ту пору поэтовъ, любезно согласившійся прочесть одно изъ своихъ стихотвореній. Поэтъ этотъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ многочисленной тогда группѣ литераторовъ-алкоголиковъ, не только не стыдившихся своего недуга, но даже какъ будто щеголявшихъ выставленіемъ его напоказъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію вполпьяна и, конечно, тотчасъ же пристроился къ бутылкамъ у буфета: пилъ-пилъ, даже не закусывая, и къ тому времени, когда пришла пора выходить ему на сцену, оказался пьянъ, какъ сапожникъ. Какъ ни старались распорядители спровадить его домой, онъ, съ шумомъ и поползновеніемъ къ буйству, ворвался на сцену. Я какъ сейчасъ помню этотъ отвратительный эпизодъ. Ослѣпленный свѣтомъ лампъ, пьяный поэтъ остановился посрединѣ сцены и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ осоловѣлыми глазами на публику, какъ-бы соображая, куда онъ попалъ. Зрители въ недоумѣніи притихли; всѣ бывшіе за сценой съ тревогою приникли къ щелямъ въ кулисахъ. Поэтъ постоялъ, пошатываясь, потомъ громко икнулъ и вдругъ, взмахнувъ рукою, началъ декламировать заплетающимся языкомъ что-то безсвязное.

— Занавѣсъ! — трагическимъ шопотомъ командовали за сценою растерявшіеся распорядители.

— Н-не надо! Погоди!—крикнулъ поэтъ и, жестикулируя, сѣлъ на полъ.

Пока спускали занавѣсъ, онъ успѣлъ, среди общаго смущенія, довольно громко и отчетливо продекламировать:

„Одѣяло сбито... свернуто въ комокъ...
Съ головы свалился шелковый платокъ"...

Но тутъ его уже силою убрали со сцены. Изъ залы неслось шиканье и слышались свистки.

По нынѣшнимъ нравамъ, сцена эта должна быть признана невѣроятною; но я не выдумалъ ее и изобразилъ все такъ, какъ было въ дѣйствительности. Повторяю, среди тогдашнихъ литераторовъ была многочисленная группа алкоголиковъ, и пьянство ихъ, даже публичное появленіе ихъ въ пьяномъ видѣ, весьма многихъ тогда нисколько не шокировало. Я не хочу называть именъ, потому что имѣю въ виду не обличеніе, а только обрисовку нѣкоторыхъ чертъ той удивительной поры, когда въ одномъ и томъ же человѣкѣ наилучшія стремленія, умъ, порою даже значительный талантъ, могли уживаться съ привычками и нравами дикаря. Нѣсколько далѣе мнѣ придется еще разъ коснуться этой непривлекательной темы; теперь же скажу только, что въ запискахъ моихъ нѣтъ вымысла.

Вскорѣ послѣ такъ нелѣпо закончившагося театральнаго вечера, устроенъ былъ у насъ еще и вечеръ музыкально-литературный, съ тою же, какъ и прежде, благотворительною цѣлью. Изъ литераторовъ участвовали въ немъ Некрасовъ, Майковъ, Писемскій и почему-то приглашенный Бенедиктовъ, уже задолго передъ тѣмъ вышученный Добролюбовымъ съ его прежней литературной позиціи. Въ виду существовавшаго тогда почти всеобщаго охлажденія публики къ этому поэту, никто не думалъ, чтобы онъ могъ имѣть успѣхъ на вечерѣ, но вышло наоборотъ. При появленіи на эстрадѣ Бенедиктова, маленькаго тщедушнаго, франтовато одѣтаго старичка съ гладко зачесанными впередъ височками, въ залѣ послышались лишь очень жидкія рукоплесканія, какія обыкновенно расточаются публикою изъ простой вѣжливости; но когда онъ съ паѳосомъ прочиталъ выбранное имъ небольшое стихотвореніе, зала огласилась бурными кликами одобренія и аплодисментами: старикъ подкупилъ слушателей какъ пламенемъ своей декламаціи, такъ и темою прочитанной вещицы. Въ стихахъ, сколько помню, говорилось о томъ, что на смѣну старымъ бойцамъ пришли новые, молодые, которымъ поэтъ и говоритъ въ послѣдней строкѣ: «шагайте черезъ насъ!» Къ такому призыву, конечно, не могла не отнестись сочувственно тогдашняя публика, возлагавшая необыкновенныя надежды на «молодое поколѣніе». Особенно неистово кричали въ залѣ мы, гимназисты, принявшіе возгласъ Бенедиктова прямо на свой счетъ. Поэтъ былъ видимо растроганъ горячимъ пріемомъ, котораго, быть можетъ, не ожидалъ, и съ поклонами на всѣ стороны, пятясь, удалялся съ эстрады среди общаго шума.

Потомъ мы увидѣли на эстрадѣ плотную, тяжеловѣсную фигуру Писемскаго. Онъ какъ-то мужиковато сѣлъ за поставленный для него столикъ съ традиціонными при публичныхъ чтеніяхъ двумя свѣчами въ высокихъ подсвѣчникахъ и, развернувъ книгу, прочелъ отрывокъ изъ какой-то своей повѣсти. Читалъ онъ грубымъ голосомъ и имѣя строгій видъ, но оттѣнки разговоровъ своихъ персонажей передавалъ мастерски; окончивъ же чтеніе, самымъ спокойнымъ образомъ поднялся со стула и, мало обращая вниманія на рукоплесканія, ушелъ какъ-бы чѣмъ-то недовольный.

Некрасовъ и Майковъ, читавшіе нѣсколько позже, по окончаніи различныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ нумеровъ программы, оказались декламаторами двухъ совершенно несходныхъ между собою школъ. Майковъ, прочитавшій, сколько мнѣ помнится, свое извѣстное стихотвореніе «Поля», увлекъ всю залу пыломъ и энергіей своей декламаціи; онъ не пѣлъ, не подвывалъ на тѣхъ словахъ и фразахъ, которымъ требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадалъ въ шаржировку, свойственную декламаторамъ, лишеннымъ чувства эстетической мѣры. Съ другой стороны, онъ не читалъ стиховъ, какъ прозу, съ остановками на точкахъ среди стиха на столько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, какъ-бы музыкальностью пьесы и звучностью рифмъ. Такая шероховатая манера чтенія была, какъ извѣстно, свойственна Полонскому, декламація котораго производила мѣстами такое впечатлѣніе, будто чтецъ либо заикнулся, либо споткнулся. У Майкова же, при отсутствіи какъ излишней пѣвучести, такъ и спотыканія, каждое слово выдѣлялось съ надлежащею полнотой, а между тѣмъ стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу. Что касается Некрасова, то его чтеніе нельзя было бы назвать декламаціей. Не говоря о томъ, что уже въ тотъ вечеръ, когда мнѣ впервые довелось слышать его, голосовыя средства его были подточены болѣзнью и говорилъ онъ сиплымъ голосомъ, самая манера его поражала однообразіемъ и унылою монотонностью. Ни пониженій, ни повышеній тона, все ровно, одинаково, какъ шорохъ песку подъ колесами медленно движущагося воза. На нашемъ вечерѣ Некрасовъ прочиталъ свое стихотвореніе на смерть Добролюбова, которое, конечно, многіе еще помнятъ:

„Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ:
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ“ и т. д.

Къ такой вещи и манера, и слабый голосъ Некрасова, пожалуй, подходили: они, въ параллель самой темѣ, вызывали въ слушателяхъ скорбное, кладбищенское настроеніе. Но достаточно представить себѣ,

что такимъ же могильнымъ тономъ были бы прочитаны строфы, полныя огня и энергіи, и несостоятельность некрасовской манеры выкажется сама собою.

Музыкально-литературный вечеръ нашъ, говоря вообще, прошелъ блестяще. Огромный успѣхъ имѣли пѣвицы-любительницы, которыхъ, помимо прекрасныхъ голосовъ, публика горячо привѣтствовала преимущественно за самый фактъ появленія ихъ на подмосткахъ. Въ ихъ лицѣ чествовался либеральной починъ особъ, порвавшихъ связь съ недавнимъ еще нелѣпымъ предразсудкомъ, признававшимъ сценическую дѣятельность унизительною. Давно ли для актрисъ закрыты были двери въ «порядочные» дома, а на воспитанницъ Театральнаго училища смотрѣли какъ на дѣвушекъ, которыхъ сама судьба предназначила для карьеры наложницъ? И вотъ являются дамы и дѣвицы изъ вполнѣ «порядочнаго» круга, которыя смѣло—даже не подъ тремя звѣздочками, а съ пропечатаніемъ полной фамиліи на афишѣ—выступаютъ публично на подмосткахъ! Это была одна изъ перчатокъ, которыя въ то время бросаемы были новымъ временемъ старому; тогдашняя чуткая публика цѣнила это.

Успѣху вечера немало способствовалъ также и юный актеръ Ив. Ѳед. Горбуновъ, уже успѣвшій въ то время создать себѣ извѣстность разсказами изъ народнаго быта, вызвавшими вскорѣ, какъ уже было сказано, множество подражателей. Разсказы его, частью появившіеся потомъ въ печати, дышали здоровымъ юморомъ и обличали въ авторѣ тонкую наблюдательность; но особенный, какъ говорится, «смакъ» они получали въ устной передачѣ самого Горбунова. Лицо его, очень заурядное, изъ тѣхъ, какія часто встрѣчаются среди смышленыхъ простолюдиновъ, обладало необычайною подвижностью; благодаря этому, а также умѣнію соотвѣтственно распоряжаться своими тѣлодвиженіями, Горбуновъ мастерски воспроизводилъ разнообразнѣйшіе типы. При этомъ природа надѣлила его настолько гибкимъ голосомъ, что еслибы прослушать съ закрытыми глазами какую-нибудь изъ его сценъ, гдѣ идетъ разговоръ въ толпѣ, слушателю едва ли повѣрилось бы, что передъ нимъ говоритъ всего одинъ человѣкъ. Переходы отъ одного голоса къ другому не представляли для Горбунова никакой трудности, такъ что непосредственно вслѣдъ за фистулою какого-нибудь мастерового до уха слушателей доходилъ сиплый басъ городового, убѣждающаго толпу разойтись, а городового почти на полусловѣ перебивалъ уже новый голосъ, не похожій на прежніе. Впослѣдствіи извѣстность этого талантливаго разсказчика еще болѣе упрочена была созданнымъ имъ типомъ резонера генерала Дитятина; но рѣчей Дитятина мнѣ, къ сожалѣнію, не доводилось слышать лично отъ Горбунова.

IX.

Первые шаги по выходѣ изъ гимназіи.—Частные кружки; ихъ каррикатурная сторона.—Увлеченія и разочарованіе.

Выше уже было говорено, что наша гимназія, по внутреннему своему строю, была не хуже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе, она ни въ одномъ изъ насъ не возбудила привязанности къ себѣ, и уже одно это является осуждающимъ приговоромъ ей, какъ воспитательному заведенію. Получивъ на руки аттестаты объ окончаніи курса, мы безъ сожалѣнія покинули гимназическое зданіе, чтобы уже никогда больше не заглядывать въ него. Взаимная связь наша прекратилась такъ же прозаически, какъ прекращаются чисто дѣловыя отношенія. Обѣ стороны какъ-бы исполнили нѣчто въ родѣ договора: мы терпѣливо высидѣли въ гимназіи семь лѣтъ, она, съ своей стороны, снабдила насъ аттестатами—и дѣло съ концомъ. Никакихъ такъ-называемыхъ «телячьихъ нѣжностей», въ родѣ теплаго напутствія выбывающему на волю юношеству, добраго совѣта на дорогу и проч., не было: просто—ступайте, молъ, и разбирайтесь сами, какъ знаете, въ житейской гущѣ!

И вотъ мы стали разбираться.

Прежде всего, по традиціи, устроили въ складчину прощальное товарищеское пиршество въ скромной кухмистерской. Ѣли, пили, говорили рѣчи, приличныя вольнымъ людямъ, и, прогулявъ рубля по три на человѣка, разошлись по домамъ въ самомъ приподнятомъ настроеніи и въ увѣренности, что будущее Россіи въ нашихъ рукахъ. Никто изъ насъ и не подумалъ бы тогда, что руки-то у насъ коротки.

Университетъ въ тотъ годъ стоялъ закрытый, вслѣдствіе предшествовавшихъ безпорядковъ; поэтому намъ предстоялъ продолжительный досугъ. Кто могъ, пользовался имъ для чтенія всяческихъ книгъ и журналовъ, кто не могъ, тотъ старался пріискать себѣ какое-нибудь хлѣбное занятіе—уроки, переписку или переводы, такъ какъ ничего другого дѣлать мы не умѣли. Нѣкоторые, чтобы не терять года, рѣшили поступить въ другія высшія учебныя заведенія. Но и тѣ, и другіе, и третьи особенно страстно бросились въ разговоры, причемъ многимъ довольно скоро удалось выработаться въ заправскихъ говоруновъ и настолько обнаглѣть, чтобы непререкаемо рѣшать сплеча самые сложные вопросы. Надо замѣтить, что подобные говоруны пользовались въ то время въ извѣстныхъ кружкахъ нѣкотораго рода почетомъ: легковѣрные люди принимали ихъ шумное краснобайство за чистую монету, не допуская даже мысли, чтобы за красивыми фразами могъ скрываться просто

пустой болтунъ. Я далекъ отъ намѣренія бросить камнемъ въ лучшую, серьезную часть тогдашняго общества, давшую немалое число вполнѣ почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, но не вижу надобности умалчивать и объ обратной сторонѣ медали, затушевывать карикатурную сторону петербургскаго настроенія той эпохи. Безъ каррикатуры же дѣло не могло обойтись уже потому, что тогдашнее общественное движеніе, разлившись очень широкою волной, вынесло на поверхность немало незрѣлыхъ и несерьезныхъ элементовъ. Они-то (выражаясь цвѣтисто) и составили ту мутную накипь на варившемъ великія реформы котлѣ, которая впослѣдствіи сослужила такую хорошую службу реакціонной партіи. Эту каррикатурную сторону эпохи общественнаго пробужденія составляли образовавшіеся тогда въ Петербургѣ, въ значительномъ числѣ, кружки и собранія для пустопорожнихъ разговоровъ. Въ разныхъ домахъ съѣзжались въ опредѣленные дни люди, нерѣдко даже недостаточно близко знакомые съ хозяевами, и «дѣлились мыслями» по современнымъ вопросамъ. Почти всѣ дни недѣли были разобраны: у кого собирались по воскресеньямъ, у кого по вторникамъ, у кого по субботамъ, такъ что праздному человѣку, любящему поговорить, можно было хоть каждый вечеръ проводить въ гостяхъ. Въ этомъ, конечно, еще не было ничего дурного, тѣмъ болѣе, что существовали дома, въ которыхъ дѣйствительно собиралось дѣльное и трезвое общество, соотвѣтственно чему и происходившій тамъ обмѣнъ мнѣній могъ только способствовать умственному подъему присутствовавшихъ. Но значительное, если не большее, число тогдашнихъ собраній, впослѣдствіи получившихъ названіе «говориленъ», походило просто на забаву досужихъ людей. Два-три такихъ кружка мнѣ довелось наблюдать довольно близко; не называя лицъ, я попытаюсь обрисовать, въ общихъ чертахъ, эти собранія въ томъ видѣ, въ какомъ они запечатлѣлись въ моей памяти. Прибавлю кстати, что въ консервативныхъ кружкахъ я не бывалъ и характера ихъ не знаю, а потому и буду говорить только о либеральныхъ или, вѣрнѣе, о якобы-либеральныхъ или, пожалуй, даже просто безтолковыхъ.

Обыкновенный ходъ дѣлъ на подобныхъ собраніяхъ бывалъ таковъ: въ назначенный разъ навсегда день, хозяинъ закупалъ сыру, колбасы, сардинъ или иныхъ закусокъ, смотря по средствамъ, и часовъ съ девяти вечера начиналъ поджидать гостей. Хозяйка, въ большинствѣ случаевъ, даже при скудныхъ средствахъ мужа, не принимала участія въ хозяйственныхъ хлопотахъ, такъ какъ не считала такихъ мелочей заслуживающими вниманія «развитой» женщины (а какая же женщина не считала себя тогда развитою?). Устройство банкета возлагалось на прислугу, а прислуга чаще всего бывала изъ дешевыхъ, простая деревенская дѣвушка съ весьма невысокими понятіями о чистоплотности.

Это, конечно, не особенно выгодно отражалось на сервировкѣ стола: на немъ появлялись исцарапанный отъ чистки пескомъ тусклый самоваръ, далеко не безукоризненной чистоты чайная и иная посуда и грубо, какъ для судорабочихъ, нарѣзанныя колбаса, селедка и проч. Впрочемъ, и гости не бывали особенно требовательны; по тогдашней либеральной модѣ, большинство интеллигенціи прямо бравировало неряшествомъ. Юноши ходили нестриженными и нечесанными, потому что имъ «некогда» было заниматься такими пустяками; по той же причинѣ дѣвушки демонстративно не мыли себѣ шею по цѣлымъ мѣсяцамъ и нимало не заботились о чистотѣ костюма. Странно было то, что одна и та же причина вызывала два совершенно противоположныхъ результата у молодыхъ людей двухъ половъ: юноши, за недосугомъ, отпускали себѣ длинные волосы, а дѣвушки, напротивъ, остригались въ скобку—и тоже за недосугомъ. Но подобный вздоръ оставался тогда незамѣченнымъ, и примѣру дѣвицъ вскорѣ начали подражать пожилыя дамы, на склонѣ лѣтъ внезапно замѣтившія, что коса мѣшаетъ имъ «заниматься».

Мало-по-малу квартира наполнялась или даже переполнялась посѣтителями всѣхъ возрастовъ. За недостаткомъ мебели размѣщались гдѣ случится: на подоконникахъ, на отнятой у прислуги табуреткѣ, на письменномъ столѣ хозяина, и вообще держали себя непринужденно. Шумъ, говоръ, смѣхъ не прерывались ни на минуту; общество тò окружало какого-нибудь оратора, среди облаковъ табачнаго дыма произносившаго заглушаемую общимъ движеніемъ рѣчь, тò разбивалось на группы, причемъ шумъ становился оглушительнымъ. Въ одномъ углу кто-нибудь читалъ вслухъ отрывки изъ послѣдняго русскаго заграничнаго листка, въ другомъ декламировалось безцензурное стихотвореніе, въ третьемъ съ азартомъ, свойственнымъ русскому человѣку (которому, какъ извѣстно, и споръ не въ споръ, если онъ безъ крика), дебатировались тѣ или другіе отвлеченные или общественные вопросы. Иной изъ посѣтителей, заранѣе обдумавшій шансы подготовленнаго имъ эффекта и все время переходившій отъ одной группы къ другой съ загадочной улыбкой, внезапно—но такъ, чтобы всѣ видѣли—удалялся въ переднюю, откуда черезъ минуту возвращался съ печатнымъ листкомъ въ рукѣ. Листокъ этотъ — конечно, безцензурный — онъ мужественно носилъ съ собою, тая его подъ стелькою калоши до востребованія. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ постоянно встрѣчались двѣ-три фигуры въ русскихъ боярскихъ костюмахъ; такіе костюмы были носимы тогда даже лицами, имѣвшими вовсе не русскія фамиліи. Это дѣлалось въ подражаніе извѣстному изслѣдователю отечественной старины Хмырову, щеголявшему въ цвѣтной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ шароварахъ. Встрѣчались и люди, одѣтые по-крестьянски, наподобіе другого извѣст-

наго писателя, Якушкина, носившаго совсѣмъ простонародное одѣяніе. Всегда можно было встрѣтить здѣсь и нѣсколькихъ литераторовъ, преимущественно изъ разряда алкоголиковъ, о которыхъ я уже упоминалъ ранѣе. Изъ нихъ мнѣ чаще всего доводилось видѣть двухъ братьевъ Ш., рѣдко бывавшихъ трезвыми. Оба были талантливы и умны; одинъ пользовался извѣстностью, какъ недурной беллетристъ, другой писалъ иностранное обозрѣніе въ «толстомъ» журналѣ, но оба были горькими пьяницами, нѣсколько разъ допивались до бѣлой горячки и умерли потомъ въ ужаснѣйшей обстановкѣ въ какихъ-то трущобахъ. Одного изъ нихъ—того, что писалъ иностранныя обозрѣнія—мнѣ довелось однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтить зимою, въ трескучій морозъ, на Сѣнной, въ ужасномъ видѣ: засунувъ окоченѣвшія руки въ карманы брюкъ и весь съежившись отъ холода, онъ пробирался черезъ площадь рысцою; все одѣяніе его состояло изъ фуражки съ порваннымъ козырькомъ, порыжѣлаго фрака, видимо съ чужого плеча, и галошъ, надѣтыхъ на босую ногу. Несчастный недугъ обоихъ этихъ писателей не препятствовалъ имъ, однако, пользоваться радушнымъ пріемомъ во многихъ домахъ. Какъ уже было сказано, пьянство не ставилось тогда въ вину интеллигентному человѣку. Былъ даже одинъ стихотворецъ, человѣкъ весьма даровитый, но размѣнявшійся на мелочь, который открыто похвалялся тѣмъ, что не можетъ писать иначе, какъ въ состояніи опьяненія—и ничего: въ иныхъ домахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Трудно подыскать объясненіе такому тогдашнему взгляду на пьянство, но, если не ошибаюсь, дѣло заключалось въ ошибочной оцѣнкѣ причинъ этого порока. Предполагалось, что человѣкъ прибѣгаетъ къ вину не вслѣдствіе безхарактерности и внутренней дряблости, а потому, что окружающая дѣйствительность слишкомъ угнетаетъ его умъ, который и вынужденъ искать забвенія въ одурманеніи. Про литератора-пьяницу говорили тогда: «При его впечатлительности, онъ не можетъ равнодушно переносить господствующаго въ мірѣ зла». При этомъ упускали, однако, изъ вида, что быть равнодушнымъ зрителемъ зла нѣтъ никакой надобности, а если требуется бороться съ нимъ то ужь, во всякомъ случаѣ, не пьянствомъ. Оставляли безъ вниманія также и то соображеніе, что, потакая пьянству во имя впечатлительности натуры, можно было логически дойти до утвержденія, что чѣмъ впечатлительнѣе человѣкъ, тѣмъ большее количество спиртныхъ напитковъ должно ему требоваться.

Какъ бы ни было, присутствіе пьяныхъ было въ ту пору не только терпимо на вечеринкахъ, но даже мало кого шокировало. Само собою разумѣется, что людямъ, пьянствовавшимъ «отъ впечатлительности», охотно подражали многіе, никакою впечатлительностью не обладавшіе, но желавшіе этимъ способомъ засвидѣтельствовать свою «близость къ

народу», который, какъ извѣстно, тоже не прочь отъ выпивки. Слово «народъ» вообще не сходило тогда съ языка у всѣхъ говоруновъ, начиная отъ недавнихъ откупщиковъ, высосавшихъ изъ крестьянскаго населенія милліоны, и кончая помѣщиками, выдѣлившими крестьянамъ негодные для обработки земельные надѣлы. О народѣ же разлагольствовали на всѣ лады и либеральные петербургскіе чиновники, и мы, зеленая молодежь, большею частью въ глаза не видавшіе деревни. Все «народное» вдругъ сдѣлалось всѣмъ чрезвычайно милымъ и «мужички» (какъ называли тогда крестьянъ) обратились въ идеальныя созданія. Начавшееся вскорѣ послѣ того «хожденіе въ народъ» слишкомъ ясно показало, однако, что, при всей нашей нѣжности къ «мужичку», между нимъ и нами лежитъ зіяющая пропасть и что понять другъ друга мы не можемъ, потому что говоримъ на разныхъ языкахъ. А мы-то, отуманенные нашими теоретическими выводами, на которые мы были такіе мастера, полагали, что «мужички» только того и ждутъ, чтобы вышли впередъ мы, бойцы за право и справедливость, и повели ихъ за собою!

Разговоры начинались за чаемъ, не прерывались въ теченіе всего вечера и достигали кульминаціоннаго пункта послѣ закуски. Къ этому времени всеобщее возбужденіе бывало обыкновенно уже настолько велико, что требовало выхода въ усиленныхъ тѣлодвиженіяхъ: начинались танцы подъ плохенькое фортепіано, отъ времени до времени смѣнявшіеся пѣніемъ. Отъ исполнителей требовалась не столько изящная передача данной пьесы, сколько «идейность» выбора: надо было, чтобы пьеса была непремѣнно съ гражданскою начинкой, какъ будто дѣло шло не о пріятномъ препровожденіи времени, а о пробужденіи въ слушателяхъ цивическихъ чувствъ. Нужды нѣтъ, что вся «идейность» извѣстной вещицы не стоила ломаннаго гроша и ни для кого не была новостью—содержанію всегда отдавалось предпочтеніе передъ формою. Исполненіе, хотя бы даже плохое, какихъ-нибудь стишковъ, похожихъ на отрывки изъ передовыхъ статей, положенные на музыку, цѣнилось выше художественно спѣтаго поэтическаго романса, въ которомъ не было гражданскаго элемента. Если же такіе романсы и бывали исполняемы, то развѣ только съ сатирическою цѣлью скопировать какого-нибудь изъ современныхъ извѣстныхъ пѣвцовъ. Невозможно, конечно, предположить, чтобы подобное отношеніе къ искусству раздѣлялось всѣми участниками вечеринокъ, особенно изъ «стараго поколѣнія» (т. е. въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ); но едва-ли будетъ ошибкою, если предположить, что многіе лукавили и не высказывали своего мнѣнія, чтобы не прослыть «отсталыми». При такихъ условіяхъ неудивительно, что успѣхъ выпадалъ порою на долю людей самой посредственной даровитости и только кружилъ имъ голову, развивая въ нихъ преувели-

ченное представленіе о собственныхъ силахъ. Всего комичнѣе было то, что подобнымъ собраніямъ участники ихъ придавали серьезное общественное значеніе: они видѣли въ нихъ одно изъ средствъ служенія прогрессу. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на дѣло многіе, уходя съ вечеринки, уносили съ собою сознаніе исполненнаго гражданскаго долга. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о нашемъ тогдашнемъ недомысліи и о нашей склонности создавать себѣ миражи, въ чемъ, наравнѣ съ извѣстною частью взрослыхъ, были повинны и мы, юноши того времени, которымъ средняя школа не дала мѣрки для сужденія о житейскихъ дѣлахъ.

Мѣрка эта начала слагаться у каждаго изъ насъ лишь впослѣдствіи, когда, подъ вліяніемъ усилившагося консервативнаго теченія, многіе недавніе либералы неожиданно обратились въ чистѣйшей воды консерваторовъ. Для насъ это было первымъ разочарованіемъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ началѣ мы приписывали происшедшую въ нашихъ недавнихъ единомышленникахъ перемѣну ихъ «измѣнѣ убѣжденіямъ» и только потомъ разгадали, что и измѣнять-то имъ было нечему, такъ какъ люди эти были просто говорильными машинками и умѣли лишь поворачивать носъ по вѣтру.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году[1]).

3 [1]).

(Карлсбадъ, 23-го іюня (5-го іюля)—29-го іюня (10-го іюля) 1821 г.).

Карлсбадъ, 23 іюня (5 іюля).

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ описывалъ я вашему императорскому высочеству путешествіе мое по Саксонской Швейцаріи. Теперь буду имѣть честь представить вамъ отчетъ въ остальной моей дрезденской жизни. Я познакомился въ Дрезденѣ съ нѣкоторыми интересными людьми, но буду говорить вашему высочеству только о двухъ, о Фридрихѣ [2]) и Тикѣ [3]).

---

[1]) Извлеченія изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, часть XIII, отдѣленіе первое, стр. 20—32, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 438—445) и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 241 — 249, подъ заглавіемъ „Рафаелева Мадонна“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 445 — 449).—Не лишнимъ будетъ замѣтить, что П. А. Ефремовъ ошибочно указывалъ, будто „Отрывокъ изъ письма о Саксоніи“ (Соч. Жуковскаго, т. V, стр. 438—445), находящійся въ настоящемъ письмѣ, составляетъ извлеченіе изъ письма Жуковскаго къ великой княгинѣ отъ 17-го (29-го) іюня 1821 года (см. тамъ же, стр. 445 и 543). Добавимъ, что въ экземплярѣ XIII-й части „Московскаго Телеграфа“ за 1827 годъ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ началѣ „Отрывка изъ письма о Саксоніи“ (стр. 20), рукою князя П. А. Вяземскаго карандашомъ написано: „Мною доставлено“.

[2]) Живописцѣ Фридрихѣ (о немъ см. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 238, примѣчаніе).

[3]) Людвигъ Тикъ (Tieck, р. 1773 † 1853), извѣстный поэтъ и критикъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей романтизма въ Германіи.

Кто знаетъ Фридриховы туманныя картины и по этимъ картинамъ, изображающимъ природу съ одной только мрачной ея стороны, вздумаетъ искать въ немъ задумчиваго меланхолика съ блѣднимъ лицемъ, съ поэтическою мечтательностію въ глазахъ, тотъ ошибется. Лице Фридриха не поразитъ никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ: это сухощавый, средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физіономіи есть простодушіе; таковъ онъ и характеромъ: простодушіе чувствительно во всѣхъ его словахъ; онъ говоритъ безъ краснорѣчія, но съ живостію искренности и чувства, особливо когда коснешься до любимаго его предмета, до природы, съ которою онъ какъ семьянинъ; но онъ говоритъ объ ней такъ же, какъ ее изображаетъ, безъ мечтательности, а съ оригинальностію: и въ картинахъ его нѣтъ ничего мечтательнаго; напротивъ, онѣ нравятся своею вѣрностію, ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чемъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видятъ глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ человѣческой жизни. Фридрихъ мало заботится о правилахъ искусства: онъ пишетъ свои картины не для знатоковъ живописи, а для друзей его образца, природы; критики могутъ имъ быть недовольны, но лучшій изъ критиковъ, непредубѣжденное чувство, всегда на его сторонѣ. Онъ такъ же точно и судитъ о чужихъ картинахъ: я нѣсколько разъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ галлереѣ; смотря на многія картины, онъ не умѣлъ назвать мнѣ живописцевъ, и вообще все то, что заключается въ учебныхъ книгахъ о живописи, мало ему знакомо: за то во многихъ картинахъ находилъ онъ такія красоты или недостатки, которые только тому, кто заглянулъ въ учебную книгу природы, могутъ быть примѣтны. Я нашелъ у него нѣсколько начатыхъ картинъ—одну изъ нихъ вѣрно было бы пріятно вамъ имѣть; она можетъ служить дополненіемъ той, которую вы уже имѣете: лунная ночь; небо было бурно, но буря миновалась, и всѣ облака сбѣжались на отдаленный горизонтъ, оставивъ полнеба уже совершенно чистымъ; луна стоитъ надъ самыми тучами, и ихъ края освѣщены ея блескомъ; море тихо низкій берегъ усыпанъ камнями; на берегу якорь; вдали на самомъ краю моря виденъ парусъ бѣгущаго къ берегу корабля (это возвращаются на родину тѣ, которые на вашей картинѣ ее покидаютъ)—его ждутъ! Двѣ молодыя женщины сидятъ на камняхъ и смотрятъ на далекій парусъ съ спокойною надеждою; двое мужчинъ, болѣе нетерпѣливыхъ въ своей надеждѣ, перепрыгнули черезъ первые камни и стоятъ нѣсколькими шагами ближе къ кораблю, посреди воды и смотрятъ также въ даль; передъ ними еще нѣсколько камней, но до нихъ уже допрыгнуть невозможно—эта картина только что начата; но рисунокъ прекрасный—просто

и выразительно! Она вдвое больше вашей; я спросилъ о цѣнѣ—сто червонцевъ! Фридриху теперь задана задача: кому-то хочется имѣть двѣ картины; на одной должна быть изображена южная природа въ ея роскошной и величественной прелести; на другой природа сѣвера во всей красотѣ ея ужасовъ—послѣднюю взялся написать Фридрихъ; но онъ еще самъ не знаетъ, что напишетъ; ждетъ минуты вдохновенія, которое (по его словамъ) приходитъ къ нему иногда во снѣ. Я такъ скоро и коротко познакомился съ Фридрихомъ, и онъ такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ было ему ѣхать вмѣстѣ со мною въ Швейцарію—моихъ денегъ достало бы на двоихъ,—но онъ мнѣ отказалъ и еще болѣе понравился своимъ отказомъ. «Вы хотите имѣть меня съ собою (отвѣчалъ онъ мнѣ), но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ! Я долженъ остаться одинъ и знать, что я одинъ, чтобы разглядѣть и почувствовать природу вполнѣ; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, слиться съ моими облаками и утесами, чтобъ быть тѣмъ, что я есмь. Одиночество необходимо мнѣ для разговора съ природою: однажды случилось мнѣ прожить цѣлую недѣлю въ Оттовальде-Grund между утесами и елями, и во все это время не встрѣтилъ я ни одного живаго человѣка; правда, такой методы не присовѣтую никому—и для меня было это уже излишествомъ: невольно мрачность заходитъ въ душу. Но это же должно доказать вамъ, что мое товарищество не можетъ ни для кого быть пріятно!».

Послѣ Фридриха надо описать Тика. Онъ имѣетъ важную, но прекрасную наружность; въ молодости вѣрно былъ онъ красавецъ; теперь ему должно быть около 50-ти лѣтъ: человѣкъ посредственнаго роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣтъ ничего разительнаго, но это лице всегда замѣтишь: во всѣхъ чертахъ какое-то пріятное согласіе; глаза, не имѣя ни особеннаго блеска, ни быстроты, весьма выразительны: въ нихъ есть мечтательность Штернбальда [1]); и вообще видишь въ Тикѣ человѣка мыслящаго, но котораго мысли болѣе принадлежатъ его собственному, идеальному міру, нежели существенности. Это поэтическая сторона Тика—вотъ прозаическая: онъ безпрестанно страдаетъ ревматизмомъ, ходитъ согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданье съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и можетъ быть никто изъ самихъ англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, такъ онъ. Я признался ему въ своемъ грѣхѣ, сказалъ, что chef-d'oeuvre Шекспира Гамлетъ кажется мнѣ чудовищемъ, что я никакъ не могу найти въ немъ того глубокаго смысла, который находитъ

[1]) Дѣйствующее лицо романа Тика „Franz Sternbalds Wanderungen", вышедшаго въ свѣтъ въ 1798 году.

въ немъ Шлегель [1]): онъ видитъ въ его непонятности всю человѣческую судьбу съ ея загадками; такимъ образомъ легко изъяснять нелѣпости, и мнѣ кажется, что тѣ, кто столь много видятъ въ Гамлетѣ, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели его превосходство. «Но въ томъ-то и привилегія генія (сказалъ мнѣ Тикъ), что онъ, безъ ясной мысли и не назначая себѣ напередъ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другіе медленнымъ размышленіемъ по слѣдамъ его открываютъ. Чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ!»—Это прекрасно и справедливо вообще, но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету!—Тикъ нѣмецкій Плещеевъ [2]): онъ прекрасно читаетъ драматическія сочиненія. Я просилъ, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета и чтобы послѣ чтенія сообщилъ подробно свои мысли объ этомъ чудесномъ уродѣ. Онъ далъ мнѣ слово, и я, по окончаніи моего путешествія по Швейцаріи Саксонской, явился къ нему опять. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного съ какою-то пожилою дамою, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала: но это была графиня Финкенштейнъ, живущая съ его семействомъ. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сборѣ; жена его кажется женщиною простаго, здраваго ума; обѣ дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: доброе дитя, съ умною простотою, образованностію и женскою скромностію. Это семейство мнѣ понравилось; они приняли меня съ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которыя послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ, какъ дома, какъ съ домашними знакомцами, и въ Тикѣ я радъ былъ найти то, чего единственно ищу въ людяхъ, уже знакомыхъ мнѣ по таланту: добродушіе. Онъ не могъ читать Гамлета (піеса слишкомъ длинна, а онъ былъ не совсѣмъ здоровъ), но прочиталъ Макбета. Великое искусство! точно живопись въ словахъ; особенно понравились мнѣ въ чтеніи всѣ мѣста ужасныя! Онъ такъ же, какъ Плещеевъ, читаетъ, не называя лицъ, но по голосу и по физіономіи легко можно ихъ всѣхъ узнавать: кажется однако, что въ выраженіи чувства уступаетъ онъ нашему смуглому декламатору [3]). Въ

---

[1]) Извѣстный критикъ, поэтъ и языковѣдъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель (р. 1767†1845).

[2]) Пріятель Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (р. 1775†1827). Онъ обладалъ сценическими дарованіями, замѣчательною мимикою и прекрасною дикціею. На него обратила вниманіе императрица Марія Ѳеодоровна, пригласившая его къ себѣ въ чтецы.

[3]) А. А. Плещеевъ имѣлъ смуглый цвѣтъ лица и черные волосы, почему

другой разъ читалъ онъ мнѣ Шекспирову комедію Was Ihr wollt [1]), и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ; но все Плещеевъ кажется мнѣ забавнѣе, можетъ быть и потому, что французская комедія мнѣ болѣе знакома, нежели Шекспирова. Шекспиръ смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ; но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости; по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вкусъ. Сверхъ того кажется мнѣ, что Тикъ дошелъ до смѣшнаго искусствомъ: характеръ его болѣе важный, нежели веселый; а нашъ Плещеевъ забавенъ и веселъ характеромъ: за то въ каждой комедіи онъ, какъ дома; и разныя рожи, которыя во время чтенія появляются на черноватомъ его ликѣ, не стоятъ ему ничего. Мнѣ жаль было разставаться съ Тикомъ: вѣроятно это навсегда! Онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернбальда [2]) и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги.

Картинная галлерея. Внутренняя зала. Я видѣлъ въ Дрезденѣ оружейную, собраніе древностей, Менгсовы гипсы [3]), но видѣлъ мелькомъ, слѣдовательно и говорить объ нихъ не могу. Сожалѣю, что ненастье почти не позволило мнѣ познакомиться съ прелестными окрестностями Дрездена; въ мое пребываніе были ясными только тѣ дни, которые такъ удачно я выбралъ для путешествія въ Тарантъ и по Саксонской Швейцаріи: остальные же почти всѣ были дождливые. Но я воспользовался ими для обозрѣнія картинной галлереи, въ которой былъ разъ шесть—слишкомъ мало, чтобъ познакомиться съ нею, какъ должно. Я подходилъ къ этой галлереѣ съ любопытствомъ ожиданія: мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаелева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли и что я черезъ минуту увижу глазами то, о чемъ до сихъ поръ слыхало только одно воображеніе. Но при входѣ въ эту галлерею первое чувство, какое въ себѣ замѣчаешь, есть досада неисполненнаго ожиданія. Думаешь войти во святилище искусства, въ которомъ его уважаютъ, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ бѣдныхъ золотыхъ рамахъ. Маленькія неопрятныя сѣнцы

Жуковскій называлъ его „негромъ“ (см. „Русскую Старину“ 1883 года, томъ XXXVIII, стр. 99 и 106, и т. XXXIX, стр. 235, а также „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20). По этой же причинѣ Плещеевъ получилъ въ „Арзамасѣ“, коего онъ былъ членомъ, прозвище „Черный вранъ“.

[1]) Какъ вамъ угодно.

[2]) См. выше, стр. 391, прим.

[3]) Собраніе гипсовыхъ слѣпковъ съ произведеній античной скульптуры, сдѣланныхъ извѣстнымъ живописцемъ Антономъ-Рафаелемъ Менгсомъ (1729† 1779).

ведутъ прямо въ галлерею; на окнахъ бросаются въ глаза множество шляпъ; безпрестанно нарушаетъ вниманіе звонъ колокольчика, висящаго на двери, затворяемой и отворяемой всякую минуту; множество станковъ для тѣхъ, которые списываютъ картины, стоитъ въ окнахъ и заслоняетъ свѣтъ, и число самихъ картинъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что вниманіе невольно приходитъ въ замѣшательство: однимъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвести свое дѣйствіе. Галлерея состоитъ изъ двухъ огромныхъ залъ—одна внутренняя, гдѣ италіанская школа, другая наружная, въ которой фламандская и пр. Послѣдняя гораздо обширнѣе первой. Можно сказать, что треть картинъ не существуетъ для зрителя: однѣ повѣшены такъ высоко, что никакое зрѣніе до нихъ не достанетъ; другія висятъ въ простѣнкахъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видятъ одну темную холстину съ неясными фигурами въ запачканныхъ золоченыхъ рамахъ. Вотъ нѣкоторыя картины италіанской школы, на которыя успѣлъ я посмотрѣть съ бо̀льшимъ примѣчаніемъ. Двѣ головы Спасителя, Гвидо Рени. Онѣ почти одинакія, но выраженіе лицъ розное: на одномъ страданіе съ покорностію и смиреніемъ, на другомъ то же страданіе, но съ живостію спасающей любви. Объ этихъ двухъ картинахъ сказала покойная великая княгиня Екатерина Павловна [1]): L'un souffre, l'autre supporte [2]).—Иродіада съ головою святаго Іоанна Крестителя, Леонардо да Винчи—прекрасное женское лице, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но втайнѣ смущенной образомъ мертвой головы Іоанна.—Святая Сесилія, играющая на органахъ, Карло Дольче. Вамъ она извѣстна: это идеалъ женской, скромной прелести. Славная Тиціанова Венера—признаюсь въ своемъ преступленіи; эта Венера, несмотря на совершенство живописи, показалась мнѣ холодна, какъ ледъ.—Спаситель съ чашею, Карло Дольче. Это также славная картина; она, кажется, была нѣсколько разъ выгравирована; но дѣйствіе, которое она производитъ, болѣе механическое, нежели нравственное; оно принадлежитъ болѣе яркимъ ея краскамъ. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, силился я себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть все то, чему въ немъ быть должно въ минуту любви и жертвы, но какое-то темное чувство со мною спорило; наконецъ Фридрихъ рѣшилъ сомнѣніе однимъ словомъ: Es ist kein Gott der Liebe, es ist ein Heuchler [3]). И это правда: искусство безъ души.—Что сказать о Коррежіевой ночи?

---

[1]) Королева Виртембергская (р. 1788†1819).

[2]) Т. е. Одинъ страдаетъ, другой терпитъ.

[3]) Т. е. Это не Богъ любви, это лицемѣръ.

Надобно быть живописцемъ или знатокомъ, чтобы вполнѣ ей удивляться! Въ самомъ дѣлѣ, сіяніе, на ней распространенное, есть чудное созданіе кисти: все, что близко Спасителя, освѣщено яркимъ его блескомъ, который безъ лучей кругомъ его разливается; чѣмъ далѣе отъ него, тѣмъ мрачнѣе, и за этимъ ночнымъ мракомъ видна вдали на горизонтѣ полоса утренняго свѣта: удивительная свѣжесть и прозрачность! Но вотъ и все дѣйствіе! Сама же сцена, изображенная на картинѣ, не производитъ никакого: пастухи не боготворятъ Новорожденнаго, а смотрятъ на Него съ грубымъ любопытствомъ, ангелы не радуются, а кривляются; одно только лице Богоматери прекрасно.—Здѣсь въ трехъ картинахъ есть полная исторія святой Магдалины. Фра(н)ческини изобразилъ ее въ минуту перехода отъ свѣта къ покаянію и Богу: блестящіе уборы сброшены, у ногъ ея лежитъ дисциплина, которою она сама себя истерзала; уставъ отъ тѣлеснаго страданія и скорби душевной, она лежитъ на рукахъ женщины, ее ободряющей; за нею другія двѣ, которыя смотрятъ на нее съ удивленіемъ и жалостію; Магдалина Корреджіева уже забыла свѣтъ; она читаетъ, но на лицѣ ея одно вниманіе и важное размышленіе; она еще только старается постигнуть. Магдалина Баттоніева не только забыла свѣтъ, но уже подружилась съ пустынею: всѣ прежнія живыя чувства въ ней пробудились, но ихъ предметъ перемѣнился; она читаетъ и улыбается отъ радости: любящая душа нашла, что ей надобно. Корреджіева совершеннѣе, какъ картина, Баттоніева пріятнѣе по милому выраженію.

Наружная зала. Чувствуешь, что отдыхаешь послѣ большаго напряженія нравственнаго, когда отъ италіанской школы переходишь къ фламандской. До сихъ поръ передъ тобою была идеальная, возвышенная природа; надобно было съ усиліемъ отдѣлиться отъ обыкновеннаго, чтобы постигнуть то, что представлялось глазамъ твоимъ, и вдругъ изъ этого величественнаго міра вступаешь въ знакомый земной, гдѣ все понятно и ясно: изъ области возвышеннаго воображенія переселяешься въ область любезнаго воспоминанія. Я это испыталъ надъ собою, когда изъ внутренней галлереи перешелъ въ наружную. Въ ней много картинъ Рубенсовыхъ, но я на нихъ не смотрѣлъ; я не люблю Рубенса; его натура для меня отвратительна; одна только картина его меня плѣнила, Воскресеніе Лазаря въ Сансуси; остальными пускай восхищаются живописцы. Хотя Дрезденская галлерея не такъ богата картинами фламандской школы, какъ нашъ Эрмитажъ, но есть прекрасныя: есть много Рюисдалевыхъ ландшафтовъ, еще болѣе Вуверmановыхъ, три или четыре прекрасныхъ Поттера и не болѣе трехъ Клодъ Лорреня. Между Рембрантовыми замѣтилъ я такъ называемаго Ганимеда, но это Ганимедъ въ карикатурѣ: орелъ схватилъ мальчика и мчитъ его на утесъ, чтобы тамъ разорвать; мальчикъ кричитъ отъ

страха и боли; въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но воображенію разительно представляется его неизбѣжная, мучительная смерть. Не говоря о другихъ картинахъ, скажу объ одной, которую навѣщалъ я всякой разъ, когда приходилъ въ галлерею, она—Дидрихова[1]): Спаситель исцѣляетъ увѣчныхъ. (Мнѣ кажется, что она была выгравирована). Христосъ окруженъ учениками и книжниками, но Онъ отъ нихъ отдѣляется, Онъ стоитъ на высотѣ и у ногъ Его страдальцы, молящіе исцѣленія. Противуположность между ихъ лицами, обезображенными болѣзнію или горемъ, и лицемъ Христа, спокойно-величественнымъ и полнымъ всемогущей милости, весьма разительна. И какъ много разнообразія и чувства въ изображеніи страждущихъ! На носилкахъ лежитъ молодой человѣкъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, но разслабленный; его принесла старушка мать съ помощью маленькаго его брата: не его молодая рука служила подпорою дряхлой матери, а она при старости должна нести на плечахъ своего сына, свою умирающую надежду; сильный, рослый человѣкъ съ напряженіемъ и осторожностію несетъ другаго, который совсѣмъ опустился и виситъ на плечахъ его: это братъ, вѣрный другъ въ бѣдѣ, несетъ роднаго своего брата. Въ колыбели лежитъ младенецъ: онъ уже умираетъ, и молодая его мать, пораженная этимъ видомъ, забыла самого Спасителя, къ которому пришла съ надеждою, она стоитъ на колѣняхъ, нагнувшись лицемъ на колыбель, и плачетъ. Еще множество лицъ, и все составляетъ одно пріятное цѣлое. До сихъ поръ я говорилъ вашему высочеству только о прекрасныхъ картинахъ, теперь буду говорить о Мадоннѣ, которую видѣлъ Рафаель.

29 іюня (10 іюля).

Рафаелева Мадонна. Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фигурка съ пудреною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаеля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи; въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ картины путешественникамъ и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ передъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ; наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя зна-

---

[1]) Живописца Христіана-Вильгельма-Эрнста Дитриха (Dietrich, р. 1712 † 1774).

комка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона и что ея дочери похожи на Рафаелевыхъ ангеловъ. Я рѣшился притти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей: это удалось. Я усѣлся на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ, она, не знаю для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ (это сказывала мнѣ M-me Humbol(d)t) [1]), слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь убавлены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца; второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала; наконецъ, что не менѣе досадно, она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаель, натянувъ полотно для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило; однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его; онъ вскочилъ! Она здѣсь! закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ! Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную; вы не имѣете объ ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ или въ Миллеровомъ [2]) эстампѣ: не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ, но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ,

---

[1]) Жена Вильгельма фонъ Гумбольдта, съ которою Жуковскій, какъ видно изъ его дневника, познакомился въ Берлинѣ.

[2]) Граверъ Іоганнъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Миллеръ (Müller, р. 1782 1816).

который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня было все тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя, потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространялась: какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ! Геній чистой красоты былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ:
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой!
А когда насъ покидаетъ—
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду! [1]).

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное! Передъ глазами полотно; на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, несмотря на то, все необъятно и неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихой, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаель прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ долженъ быть самъ Рафаель въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ?—Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной! И какъ мало средствъ нужно было для живописца, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію: онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія,

---

[1]) Приведенные стихи взяты Жуковскимъ изъ его стихотворенія „Лалла Рукъ“.

но чѣмъ болѣ смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается; на лицѣ ея ничто не выражено, то есть на немъ нѣтъ выраженія понятнаго, имѣющаго опредѣленное имя, но въ немъ находишь въ какомъ-то таинственномъ соединеніи все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной; въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось!), но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное; она не поддерживаетъ Младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ Ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе Сидящаго. И Онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ; и въ Его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ! Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно; другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая именно потому, что на немъ уже есть выраженіе понятное: она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту этой картины (если слово картина здѣсь у мѣста). Если бы Рафаель представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго) или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ безсилія и ничтожности. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянно(е) чувство, возвышенное и просвѣщенное постигнувшею мыслію, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: чувствую и знаю! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаелевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): все въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаель какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе

души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что я думалъ въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаеля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ [1])! Онъ умеръ въ домѣ сумасшедшихъ! Удивительно ли? Онъ сравнилъ бѣдное свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе! Дважды случиться оно не можетъ. Здѣсь было бы у мѣста, но я не стану говорить о Мадоннѣ Голбейновой, которая также въ своемъ родѣ есть совершенство: она столько же трогаетъ душу своею простотою, сколько Рафаелева ее наполняетъ своимъ величіемъ; Голбейнъ свелъ на землю все то, что Рафаель представилъ на небесахъ; и каждая изъ этихъ двухъ картинъ дѣйствуетъ наоборотъ: смотря на Рафаелеву, сначала углубляешься въ какое-то высокое размышленіе, потомъ уже чувствуешь, что ты растроганъ, радъ бы стать на колѣна и благодарить, но не за милость особенную, а за то, что ты человѣкъ и имѣешь душу, которой назначеніе у тебя передъ глазами; смотря на Голбейнову, ты прежде всего тронутъ, потомъ уже невольно и высокая мысль на тебя находитъ, и ты вспоминаешь о небѣ.

Послѣ Мадонны Рафаелевой говорить уже не о чемъ, и я оканчиваю свое письмо, черезъ мѣру длинное: но это есть натуральное слѣдствіе милостивой привилегіи, данной мнѣ вашимъ высочествомъ. Прибавлю одно: вашему высочеству должно уже быть извѣстно, что великій князь Михаилъ Павловичъ въ Карлсбадѣ. Я имѣлъ счастіе здѣсь съ нимъ встрѣтиться, и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней въ здѣшнемъ мѣстѣ. Онъ усердно посѣщаетъ источники, скоро дойдетъ до горячаго Шпруделя и гуляетъ во фракѣ. Не думаю, чтобы Карлсбадъ, который до сихъ поръ не выходилъ изъ-подъ дождя и сырыхъ туманныхъ облаковъ, имѣлъ много прелести для его высочества; но онъ знаетъ святое слово gewissenhaft [2]), и я уже слышалъ отъ него, что онъ чувствуетъ нѣкоторое облегченіе. Сердечно желаю, чтобы ваше высочество испытали надъ собою всю силу этого волшебнаго gewissenhaft: если оно произведетъ желанное дѣйствіе, то я напишу къ нему благодарное посланіе, и оно будетъ признано лучшимъ словомъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ Цириха буду имѣть честь описать вашему

[1]) См. выше, стр. 397.

[2]) Т. е. добросовѣстно.

высочеству мое путешествіе отъ Дрездена до Швейцаріи. Ѣду черезъ нѣсколько часовъ изъ Карлсбада. Не смѣю надѣяться счастія получить нѣсколько строкъ отъ вашего высочества, но если вы не захотите мнѣ отказать въ этомъ счастіи, то вотъ мой адресъ: à Zurich à M-r H. Gaspard Escher [1] pour remettre à J.

Осмѣливаюсь здѣсь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной преданности честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Hans-Kaspar Escher (р. 1775 † 1859), архитекторъ и фабрикантъ машинъ въ Цюрихѣ.

Наблюденіе за продажею каррикатуръ.

Отношеніе Дибича управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

29-го мая 1823 г.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ ваше сіятельство циркулярно предписали всѣмъ гг. гражданскимъ губернаторамъ обратить особенное вниманіе, посредствомъ градскихъ и земскихъ полицій, на всѣхъ торгующихъ каррикатурами въ губерніяхъ, имъ ввѣренныхъ, не окажутся ли въ числѣ сихъ каррикатуръ такія, кои оскорбляютъ нравственность и правительство; и буде таковыя будутъ найдены, то немедленно доносили бы вашему сіятельству съ приложеніемъ эстамповъ, для доведенія оныхъ до высочайшаго свѣдѣнія.

О сей высочайшей волѣ государя императора, я имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго отъ васъ распоряженія.

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

II [1]).

Заботы Экспедиціи по улучшенію земледѣлія въ Россіи выразились, прежде всего и главнымъ образомъ, въ устройствѣ, согласно плану генералъ-прокурора князя Куракина, особенной Практической школы земледѣлія. Учрежденіе такой школы мотивировалось «необходимостью приведенія сельскаго домоводства въ успѣшнѣйшій порядокъ и надежнѣйшее устройство». Съ этою цѣлью въ школѣ предполагалось преподавать какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ «никакія предписанія безъ дѣйствительнаго опыта изъяснены и доказаны быть не могутъ» [2]).

Для производства опытовъ, школѣ былъ отведенъ изъ вѣдомства царскосельской конторы участокъ земли въ 152 дес. 1.170 кв. саж., въ 24 верстахъ отъ Петербурга, близъ г. Павловска, между деревнею Тярлевою, домомъ протопресвитера Самборскаго и Московскою дорогою. Задачи школы и приписаннаго къ ней хозяйства были очень обширны. Такъ, она должна была на опытѣ доказать пользу многопольнаго хозяйства и возможность избѣгать обычнаго въ Россіи трехпольнаго земледѣлія, при которомъ государство лишается ежегодно плодовъ отъ третьей части своей праздно лежащей пахотной земли. Затѣмъ школа должна была вводить въ свои сѣвообороты новыя растенія, полезныя для человѣка или скота, а также для удобренія земли, знакомить

[1]) См. „Русскую Старину“, 1901 г., октябрь.

[2]) П. С. З., т. XXIV, №№ 17866 и 17946.

*

съ травосѣяніемъ, производить опыты устройства живыхъ изгородей, осушенія болотъ, удобренія минеральными туками, обработки полей улучшенными орудіями. Сверхъ того, на школу возлагалось перевести на русскій языкъ лучшія тогда сельскохозяйственныя сочиненія съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Ученики должны были, сообразно съ временами года и обыкновеннымъ ходомъ хозяйства, производить всѣ работы своими собственными руками подъ руководствомъ наставниковъ, чтобы практически достигать познаній въ каждой отрасли хозяйства. Грамотные и болѣе развитые ученики должны были, сверхъ того, заниматься чтеніемъ сельскохозяйственныхъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; незнающіе грамотѣ обучались дѣланію земледѣльческихъ орудій и крестьянскимъ ремесламъ, а ученицы—домашнимъ работамъ.

Курсъ ученія полагался трехлѣтній. По штату, высочайше утвержденному 20-го февраля 1798 года[1]), въ школѣ полагалось 53 казенныхъ вакансій, всего на 5.040 руб., въ томъ числѣ: 8—для студентовъ Московскаго университета по 150 руб. для каждаго, 5—для семинаристовъ, по 104 рубля; 10—для питомцевъ сиропитательныхъ домовъ, по 104 р., 10—для воспитанницъ такихъ же домовъ, по 84 руб. и 20—для казенныхъ крестьянъ, поочередно отъ разныхъ губерній, по 72 руб. Сверхъ того, допускался пріемъ господскихъ и вольныхъ людей отъ 17 до 30 лѣтъ, съ платою по 90 рублей въ годъ.

Различнаго званія ученики и ученицы, говорилось въ Положеніи о школѣ (§ 14), могутъ, по выходѣ изъ нея, различными средствами обратить пріобрѣтенныя ими познанія на пользу общую: студенты, какъ болѣе способные, могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ при удѣльныхъ экспедиціяхъ для учрежденія новыхъ земледѣльческихъ школъ; питомцы сиропитательныхъ домовъ могутъ поступить потомъ въ управители, приказчики и садовники казенныхъ и владѣльческихъ деревень, а питомицы—въ домостроительницы, скотницы и огородницы. Относительно семинаристовъ предполагалось, что они, сдѣлавшись священниками, будутъ возбуждать поселянъ къ улучшенію сельскаго хозяйства; относительно же казенныхъ и господскихъ крестьянъ,—что они будутъ служить примѣромъ своимъ сосѣдямъ и сообщать имъ полученныя свѣдѣнія.

Все, что производилось въ школѣ по разнымъ отраслямъ хозяйства, должно было служить, какъ говорилось въ Положеніи о школѣ, «примѣромъ къ подражанію, для поправленія и усовершенствованія оныхъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Посему земля школы, сообразно четыремъ главнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства [1) земледѣліе, 2) садоводство и лѣсоводство, 3) скотоводство и 4) архитектура и механика],

---

[1]) П. С. З., т. XLIV, ч. II, книга штатовъ № 18390.

раздѣлена была на четыре части: 140 дес. отведено подъ пашню, раздѣленную на 7 полей; 25 дес.—подъ сады и огороды; 62 дес.—подъ лѣсъ, 25 дес.—подъ усадьбу, строенія для скота и пастбище. Каждымъ отдѣломъ долженъ былъ завѣдывать особый наставникъ съ однимъ или двумя помощниками. При архитекторѣ и механикѣ полагались столяръ, слесарь и кузнецъ. Наставникъ скотоводства предполагался женатый, чтобы жена его, занимая мѣсто скотницы и птичницы, могла давать воспитанницамъ школы наставленія по разнымъ частямъ домашняго хозяйства. Сверхъ того, при школѣ полагался земскій, онъ же казначей и журналистъ, и при немъ лекарь. Для перевода иностранныхъ книгъ назначался переводчикъ. Окладнаго жалованья не назначалось, потому что многія лица приглашались по контракту, съ жалованьемъ по ихъ искусству и знанію. Всего на наставниковъ и на весь личный составъ опредѣлено было 11.000 руб.

На ремонтъ строеній, инвентаря и на всѣ хозяйственные расходы, включая книги и лекарства, назначалось 4.000 руб.; общій же расходъ по содержанію школы исчислялся въ 20.040 руб.

Необходимыя издержки по первоначальному устройству школы повелѣвалось заимствовать изъ орденской капитальной суммы по мѣрѣ надобности, докладывая о каждомъ позаимствованіи его величеству; нужный же для удобренія земли навозъ отпускать изъ близъ квартирующихъ кавалерійскихъ полковъ.

Устроителемъ и начальникомъ школы былъ назначенъ, какъ уже сказано выше, членъ Экспедиціи, протоіерей Самборскій, подъ особеннымъ наблюденіемъ самого генералъ-прокурора. Школа оставалась въ вѣдѣніи Самборскаго до 1799 года, когда онъ былъ назначенъ состоять духовникомъ ко двору великой княгини Александры Павловны въ Буда-Пештъ.

Изъ дѣлъ Экспедиціи объ устройствѣ земледѣльческой школы, сохранившихся въ архивѣ бывшаго министерства госуд. имущ. [1]), видно, что на первоначальныя издержки по школѣ отпущено было 88.808 р. 47 к. Въ томъ числѣ:

Изъ департамента удѣловъ, въ 1797 году, 10.000 р.

Изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка на строенія школы, въ 1798 году, 48.711 руб. 70 к.

Изъ штатной суммы, на жалованье и на ремонтъ школы, съ 22-го сентября 1798 г. по 13-е ноября 1799 года . . . . 17.169 р. 17 к.

Изъ прибыльной экспедиціонной суммы отъ дѣланія вексельной бумаги, съ іюня 1798 г. до сентября 1799 г., на хлѣбопашество и ремонтныя работы. . . 12.928 р. 70 к.

[1]) №№ 13911 и 13912.

Такимъ образомъ изъ 88.000 р. въ первые два года употреблено было на школу 64.129 р. 67½ к., изъ остальныхъ же денегъ часть, 9.535 р., пошла на постройку двухъ маленькихъ домовъ въ Среднерогатской колоніи, а прочія суммы переданы были въ распоряженіе преемника Самборскаго, по управленію школою, д. ст. сов. Бакунина.

Нельзя сказать однако, чтобы дѣло устройства школы шло успѣшно. Изъ сохранившейся переписки Самборскаго съ Экспедиціею видно, что, несмотря на оказанное ему высочайшее довѣріе, онъ встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе со стороны членовъ Экспедиціи. Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что, по заявленію Самборскаго, въ августѣ 1799 года никакого хозяйства въ школѣ заведено не было, ни одно строеніе ни для людей, ни для скота не было окончено, многія работы начаты, но ни одна не была приведена къ концу; поэтому годовой ремонтной суммы для окончанія всего оказывалось недостаточнымъ. Самый отпускъ денегъ на жалованье служащимъ производился съ большими задержками, такъ что Самборскій вынужденъ былъ занимать деньги и снабжать служащихъ всѣмъ нужнымъ. Самое назначеніе служащихъ производилось не всегда согласно съ представленіями Самборскаго. Такъ, на мѣсто рекомендованнаго имъ въ архитекторы—Амвросимова, человѣка искуснаго, уволеннаго съ хорошими аттестатами отъ графа Панина изъ экспедиціи городоваго строенія, назначенъ былъ корнетъ Ушинскій, только что переименованный въ архитекторы. Нѣкоторыя же должностныя лица, назначенныя помимо Самборскаго, вовсе не явились; какъ напр. актеръ (комедіантъ) Прейфелисъ, имѣвшій будто бы, по отзыву Экспедиціи, основательныя познанія(?) въ виноградарствѣ, садоводствѣ, земледѣліи, пчеловодствѣ, скотоводствѣ и скотоврачеваніи. Наилучшимъ и наиболѣе дѣятельнымъ помощникомъ своимъ по хозяйству Самборскій считалъ Гребницкаго, который производилъ всѣ хозяйственныя работы и съ успѣхомъ обучалъ воспитанниковъ, такъ какъ наставники еще не были назначены, хотя Самборскій и рекомендовалъ для этой цѣли англичанина Петита, какъ опытнаго земледѣльца, знакомаго съ климатомъ Россіи и условіями русскаго хозяйства и извѣстнаго лично ихъ величествамъ, потому что онъ въ прежніе годы пахалъ въ Павловскомъ саду пашню. На должность земскаго Самборскій рекомендовалъ переводчика школы Брандорфа, находя лицо, исполнявшее эти обязанности (Софронова), человѣкомъ недостойнымъ и неспособнымъ. Подъ конецъ, отношенія дотого обострились, что Экспедиція прислала Самборскому рядъ запросовъ, наполненныхъ обвиненіями по поводу неустройствъ школы. Это вынудило Самборскаго, при выходѣ его изъ школы, отвѣчать рѣзкимъ, но исполненнымъ достоинства отзывомъ отъ 26-го августа 1799 г. При этомъ вину всѣхъ указанныхъ неурядицъ Самборскій приписывалъ самой Экспедиціи и

преимущественно нѣкоторымъ ея членамъ; имена въ письмѣ впрочемъ не упомянуты. По всей вѣроятности, одинъ изъ таковыхъ былъ Полторацкій, которому Экспедиція поручила значительную часть денегъ, ассигнованныхъ на веденіе хлѣбопашества, еще въ то время,когда школою завѣдывалъ Самборскій.

Полагаясь на правоту своихъ дѣяній, Самборскій предлагалъ Экспедиціи прислать трехъ членовъ въ школу для обозрѣнія всего въ ней производства и, еслибы что оказалось неисправнымъ, то въ добромъ согласіи и молчаніи исправить. Однако такого посѣщенія школа не удостоилась. «Обвиненіемъ ли, или оправданіемъ сіе почитать? Я недоумѣваю,—писалъ Самборскій и присовокуплялъ: и не надлежитъ мнѣ болѣе о семъ размышлять, поелику ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей и наипопечительнѣйшей матери посѣщеніе и обозрѣніе всего торжественно меня оправдаетъ, а при томъ и око царево, проникнувшее во всѣ подробности, господинъ генералъ-прокуроръ, мужъ, преисполненный правосудія и безпристрастія, его высокопревосходительство Александръ Андреевичъ Беклемишевъ не предастъ меня на жертву оглашателямъ, да и самыя бѣдныя сироты и ихъ успѣхи меня оправдаютъ»...

«Послѣ всего сего, писалъ въ заключеніе Самборскій, я съ тяжкимъ воздыханіемъ скажу, что не тако созидается общее благо. Искушенъ многими оскорбленіями долгомъ поставляю также просить всенижайше господъ сочленовъ нѣкоторыхъ, дабы не предписывали, яко же мнѣ, насаждать терновникомъ, достойно-почтеннѣйшему моему преемнику и новому члену, его превосходительству Модесту Петровичу Бакунину; ибо онъ, будучи одаренъ весьма чувствительнымъ сердцемъ и благородными свойствами души, а при томъ имѣя слабое здоровье, если когда уязвится острыми терновника иглами, то непремѣнно оставитъ практическую школу, которая послѣ него или въ слабомъ останется дѣйствіи, или совсѣмъ разрушится! Молю васъ, почтеннѣйшіе члены, сохраните сего истиннаго сына церкви и отечества, яко зѣницу ока, и простите меня великодушно, что такъ откровенно пишу къ вамъ. Сіе я принужденъ былъ сдѣлать потому, дабы ясно открылось, на чьей сторонѣ есть перевѣсъ неустройства, которое да удалится отъ всѣхъ на всегда, еще и потому, что я былъ первымъ орудіемъ въ соглашеніи г-на Бакунина къ принятію въ свое попеченіе практическую школу, в ъ о с н о в а н і и к о т о р о й я и м ѣ л ъ с ч а с т ь е у ч а с т в о в а т ь, еще и потому, что азъ есмь служитель Бога Вышняго, которому отъ Бога же предписуется настоять благовременнѣ и безвременнѣ обличать и умолять, да творите судъ и правду и прочая; я же горячѣйшія буду приносить молитвы, да Богъ міра и любви обитаетъ въ сердцахъ вашихъ. Аминь».

Приложивъ къ своему посланію вѣдомость количества занятой и

обработанной земли, а также счетъ въ полученныхъ и израсходованныхъ имъ деньгахъ, Самборскій просилъ прислать жалованье находящимся при школѣ лицамъ за двѣ трети и уплатить ему лично 5.500 р., должные ему за домъ, изъ котораго его вытѣснилъ его сочленъ и еще въ прибавокъ обругалъ. Сверхъ того было приложено англійское письмо съ переводомъ англичанина Роберта Пурвиза (R. Purves), о томъ, что онъ можетъ изготовлять всякаго рода земледѣльческія орудія и машины, а также производить постройку мельницъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ, и готовъ быть наставникомъ молодыхъ людей въ практическихъ архитектурныхъ занятіяхъ. Экспедиція, однако, уклонилась отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ протоіереемъ Самборскимъ на томъ основаніи, что 11-го августа 1799 г. послѣдовалъ высочайшій указъ о назначеніи директоромъ школы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина, а опредѣленіемъ Сената отъ 17-го августа и резолюціею Экспедиціи отъ 22-го августа сдѣлано было распоряженіе о принятіи Бакунинымъ школы земледѣлія. Посему правителю канцеляріи поручено было возвратить Самборскому его письмо отъ 27-го августа 1799 (изъ Бѣлозерки близъ г. Павловска) въ подлинникѣ, оставивъ копію при дѣлѣ, а Бакунину предоставлено было сдѣлать окончательный расчетъ съ Самборскимъ и по своему усмотрѣнію избрать въ наставники сельской архитектуры или рекомендованнаго Самборскимъ Амвросимова, или англичанина Пурвиза.

Почему у протоіерея Самборскаго сложились столь ненормальныя отношенія къ другимъ членамъ Экспедиціи? Были ли они вызваны недостатками его характера, или завистью къ нему кого-либо изъ членовъ Экспедиціи, или другими причинами? Данныхъ для выясненія такой ненормальности у насъ нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что Самборскій, какъ главный, повидимому, инициаторъ земледѣльческой школы, былъ проникнутъ сознаніемъ превосходства англійской системы земледѣлія и мечталъ путемъ нагляднаго примѣненія ея въ Россіи содѣйствовать исправленію нашего исконнаго трехпольнаго хозяйства, а это встрѣтило полное недовѣріе и равнодушіе въ остальныхъ членахъ, которые и старались ему противодѣйствовать всякими способами, считая всѣ его увлеченія несбыточной утопіей.

Недолго, однако, послѣ Самборскаго земледѣльческая школа оставалась въ вѣдѣніи Экспедиціи. Уже въ октябрѣ 1799 года, въ докладѣ Сената о всѣхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ экспедиціи указывалось, между прочимъ, что съ самаго открытія школы всѣ вакансіи, назначенныя для крестьянъ, замѣщались людьми, взятыми изъ удѣльныхъ селеній, а потому признано было болѣе цѣлесообразнымъ передать эту школу, съ приписаннымъ къ ней кирпичнымъ заводомъ, въ удѣльное вѣдомство, такъ какъ польза, ожидаемая отъ заведенія, можетъ распро-

страняться съ бо́льшимъ успѣхомъ между удѣльными крестьянами, какъ находящимися подъ особымъ управленіемъ и надзоромъ. О таковой передачѣ послѣдовалъ высочайшій указъ 10-го октября 1799 г., при чемъ всѣ расходы по содержанію школы были отнесены на счетъ удѣльнаго вѣдомства, которому переданы были также всѣ дѣла, счеты и шнуровыя книги по учрежденію и строеніямъ практической школы земледѣлія и состоящихъ при ней бывшей полотняной фабрики и такъ называемаго Галичскаго кирпичнаго завода.

Дальнѣйшая судьба практической школы не относится до исторіи Экспедиціи, а потому мы ограничимся здѣсь краткимъ указаніемъ, что, несмотря на заботы, приложенныя Бакунинымъ къ содержанію и развитію школы и къ созданію вспомогательныхъ къ ней примѣрныхъ усадебъ или запашекъ въ разныхъ губерніяхъ, на что послѣдовало соизволеніе императора Павла I въ 1800 году [1]), министромъ удѣловъ Трощинскимъ, въ концѣ 1803 года, представленъ былъ императору Александру I подробный докладъ о результатахъ дѣятельности школы, и испрошено было разрѣшеніе, «для сохраненія казенныхъ выгодъ и спокойствія поселянъ», на закрытіе школы земледѣлія съ Смоленскимъ ея усадьбищемъ, которыя, по выраженію Трощинскаго, въ пять лѣтъ обошлись правительству въ 206.028 р. 89³/₄ к.; «за сію толико знатную издержку существенной прибыли получено деньгами 1.087 р. 85 к., ученьемъ—ничего».

Желающіе ближе ознакомиться съ судьбою первой въ Россіи практической школы земледѣлія могутъ найти не безъинтересныя свѣдѣнія въ статьѣ покойнаго В. И. Чаславскаго: Первая земледѣльческая школа въ Россіи (1797—1803), въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» (часть CV, отд. II). Статья эта была основана, впрочемъ, только на общедоступныхъ печатныхъ источникахъ, а не на подлинныхъ дѣлахъ Экспедиціи и Департамента удѣловъ.

Одновременно съ учрежденіемъ первой практической школы земледѣлія, близъ г. Павловска, Экспедиціи пришлось заняться разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ поступившихъ въ нее заявленій и проектовъ о необходимости другихъ подобнаго рода учрежденій. Такъ, надворнымъ совѣтникомъ Эли, въ числѣ разныхъ замѣчаній по управленію казенными имѣніями и по сельскому хозяйству вообще, предлагалось, между прочимъ, учредить на первый случай въ Петербургѣ экономическое училище, выбравъ достойныхъ и знающихъ экономію людей къ преподаванію экономическихъ знаній. По этому поводу Экспедиція высказала, что къ учрежденію въ С.-Петербургѣ училища практическаго земледѣлія и сельскаго домоводства вообще предположеніе уже сдѣлано; но весьма

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19760.

было бы полезно заведеніе такихъ же училищъ и въ другихъ частяхъ Имперіи [1]).

Въ мартѣ 1798 года, генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ, по высочайшему повелѣнію, передана была на разсмотрѣніе Экспедиціи всеподданнѣйшая записка коллежскаго совѣтника, члена Бергъ-коллегіи Франца-Людвига фонъ-Канкрина (отца знаменитаго впослѣдствіи русскаго министра финансовъ Е. Ф. Канкрина) объ учрежденіи въ Россіи Академіи лѣснаго, городоваго и сельскаго хозяйства. Согласно представленному при этой запискѣ плану, Академія должна была состоять изъ двухъ классовъ, каждый съ 5-ти-лѣтнимъ курсомъ. Въ первомъ классѣ три года посвящалось изученію языковъ русскаго, французскаго и особенно нѣмецкаго, а остальные два—ариѳметикѣ, черченію и чистой математикѣ. Во второмъ классѣ—первые три года назначались для изученія физики, химіи, въ предѣлахъ нужныхъ для сельскаго хозяйства, сельскохозяйственной архитектуры и механики, нужной какъ для городоваго, такъ и для сельскаго хозяйства. Послѣдніе два года назначались для лѣсной ботаники, егерскаго и форстнаго искусства, для городоваго и сельскаго хозяйства. Принимать учениковъ предполагалось съ 8-ми-лѣтняго возраста, но тѣхъ, которые до вступленія своего уже упражнялись въ наукахъ, разрѣшалось принимать и позже, въ первый или во второй классъ, смотря по познаніямъ, сокращая имъ, сообразно съ успѣхами, время пребыванія въ Академіи.

Студенты должны быть выпускаемы въ регистраторы, секретари и въ егерскіе офицеры. Тѣхъ, которые окажутъ особливую охоту къ егерскому и лѣсному искусству и къ стрѣлянію въ цѣль, рекомендовалось выпускать егерскими офицерами. Студентамъ форстнаго и егерскаго искусства присвоивались кортики, а прочимъ—мѣдные тесаки. Лучшихъ изъ выпускныхъ студентовъ предполагалось посылать, въ числѣ двухъ и болѣе въ Швецію, Англію и Германію, для ознакомленія съ тамошнимъ лѣснымъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Учителей, нужныхъ для обученія разнымъ наукамъ, Канкринъ находилъ возможнымъ пріискать за сходное содержаніе въ С.-Петербургѣ; преподавателей же лѣснаго, городоваго и сельскаго хозяйства выписать изъ Германіи, равно какъ и хорошаго форстмейстера для обученія студентовъ егерскому искусству и стрѣлянію въ цѣль.

Недостатка въ ученикахъ, какъ на казенное, такъ и на собственное содержаніе за годовую плату, авторъ проекта не предвидѣлъ, если выпускнымъ студентамъ будутъ предоставлены преимущества для скорѣйшаго опредѣленія къ должностямъ.

Управленіе Академіи должно было состоять изъ куратора или глав-

---

[1]) Дѣло Экспедиціи № 13861 по архиву М. Г. И.

наго директора, который всѣмъ управляетъ, изъ директора, который бы руководилъ науками и хозяйствомъ, изъ одного оберъ- и унтеръ-инспектора, надзирающихъ за учащимися, и одного эконома для веденія счетовъ. Какъ главный, такъ и подчиненный ему директоръ должны были знать науки, преподаваемыя въ Академіи, особенно же форстъ- и камеральную науку, а также нѣмецкій языкъ. При директорѣ предполагалась канцелярія, а при Академіи библіотека, собраніе моделей разныхъ машинъ и натуральный кабинетъ или собраніе разныхъ породъ деревъ. Для Академіи Канкринъ испрашивалъ право именоваться, по имени императора, Павловскою и пользоваться всѣми правами, предоставленными другимъ подобнымъ же учрежденіямъ, и имѣть печать съ высочайшимъ императорскимъ гербомъ. Для помѣщенія Академіи Канкринъ считалъ необходимымъ избрать казенное строеніе съ садомъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ съ бо̀льшимъ удобствомъ можно было найти учителей и другихъ служащихъ за сходную цѣну, и ближе ознакомиться съ городскимъ хозяйствомъ, фабриками и т. п. Для практическаго же изученія сельскаго хозяйства Канкринъ просилъ дать въ управленіе Академіи лежащую близъ Петербурга деревню, населенную колонистами.

При Академіи авторъ проекта желалъ имѣть служителей изъ нѣмцевъ, а рабочихъ людей изъ казенныхъ крестьянъ; для обезпеченія же академическаго дѣла—снарядить при ней небольшую команду.

Для учрежденія Академіи Канкринъ испрашивалъ ежегодную сумму, не опредѣляя ея размѣра, считая, что государство, образованіемъ полезныхъ людей для статской службы, сохранитъ тѣ деньги, которыя вывозились бы въ чужія страны для найма иностранцевъ.

Сверхъ того, Канкринъ полагалъ, что расходы казны будутъ со временемъ сокращаться, если: 1) будетъ взимаема извѣстная сумма съ пансіонеровъ, при вступленіи ихъ въ Академію; 2) если въ пользу учрежденнаго института будутъ предоставляемы деньги за отдачу на откупъ удобныхъ для охоты мѣстъ; 3) если бы учредить сборъ съ оборотныхъ денегъ (лѣсныхъ пошлинъ) съ казенныхъ дровъ, продаваемыхъ для фабрикъ, по 20 коп. на каждыя сто бревенъ, и наконецъ, 4) если брать одну двадцатую долю со всѣхъ денегъ, издерживаемыхъ внѣ государства не для казенныхъ надобностей.

Представляя вышеизложенный планъ проектированной имъ Академіи, Канкринъ присовокупилъ, что считалъ бы себя счастливымъ, если бы это начертаніе удостоилось милостиваго вниманія его императорскаго величества и если бы въ отношеніи сего вкратцѣ начертаннаго плана онъ могъ быть удостоенъ высочайшаго довѣрія и призванъ къ участію въ дальнѣйшей разработкѣ этого дѣла и затѣмъ занять въ институтѣ мѣсто директора, сохранивъ должность члена государственной Бергъ-коллегіи, такъ какъ касательно преподаваемыхъ въ институтѣ наукъ,

онъ и своими услугами, и вышедшими въ печать сочиненіями, уже достаточно выказалъ свои знанія, и какъ въ россійскомъ, такъ и въ лифляндскомъ сельскомъ хозяйствѣ не мало упражнялся.

Записка фонъ-Канкрина докладывалась 4-го марта 1798 года въ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, которая признала учрежденіе Академіи по предложенному имъ плану совершенно не нужнымъ, въ виду того, что

1) «для сельскаго хозяйства, яко важнѣйшей части, нынѣ находится подъ вѣдѣніемъ Экспедиціи особая школа, въ коей назначенное практическое ученіе имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ полному сельскому хозяйству, нежели тѣ науки, о коихъ предполагаетъ прожектеръ, и тѣмъ скорѣе ученики, въ школу принимаемые, долженствуя большею частью состоять изъ поселянъ, могутъ распространить по всей Имперіи земледѣльческое искусство и знаніе сельскаго хозяйства;

2) «для лѣснаго хозяйства Экспедиція, въ начертаніяхъ своихъ о управленіи сею частью, опредѣлила при форстмейстерахъ быть нѣкоторому числу учениковъ, кои на самой практикѣ будутъ познавать свойства деревъ и способы къ ихъ разведенію и сохраненію, руководствуясь правилами о лѣсахъ, составленными въ сей Экспедиціи и основанными на ботанической наукѣ; сверхъ чего и въ вышесказанной школѣ будутъ преподаваться нужныя наставленія въ лѣсоводствѣ;

3) «городовое хозяйство не требуетъ почти никакихъ знаній: ариѳметика и здравый разсудокъ для сего достаточны, и въ европейскихъ государствахъ не токмо Академіи, ниже какого училища для сей особенно части учреждаемо не было».

Заключеніе Экспедиціи было представлено, черезъ генералъ-прокурора князя Куракина, на высочайшее усмотрѣніе и утверждено государемъ, о чемъ и объявлено фонъ-Канкрину 21-го іюня того же года [1].

Кромѣ того, Экспедиція въ самомъ началѣ своего существованія занята была проектомъ учрежденія ветеринарнаго училища для предупрежденія и борьбы съ распространенными въ Россіи скотскими болѣзнями, но объ этихъ проектахъ будетъ умѣстнѣе упомянуть тогда, когда мы будемъ говорить о мѣрахъ по развитію и улучшенію скотоводства.

Здѣсь же въ связи съ мѣрами объ улучшеніи земледѣлія и сельскаго домоводства, слѣдуетъ сказать объ учрежденіи въ вѣдѣніи экспедиціи Школы глинобитнаго строенія.

Въ 1797 году, одинъ изъ членовъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Львовъ, человѣкъ, одаренный разнообразными талантами, очень любознательный и дѣя-

[1]) Дѣло Экспедиціи № 13879.

тельный, придумалъ способъ строить дома изъ земли и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла, по повелѣнію котораго онъ построилъ въ Гатчинѣ изъ этого новаго матеріала такъ-называемый Пріоратъ, красиво расположенное зданіе, до сихъ поръ сохранившееся. По этому поводу и по ходатайству Львова, 21-го августа 1797 года былъ данъ Правительствующему Сенату указъ объ учрежденіи въ принадлежащемъ Львову селѣ Никольскомъ (близъ Торжка, Тверской губерніи) Училища землянаго битаго строенія, «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ», на слѣдующихъ основаніяхъ [1]):

«1) Управляющіе губерніями имѣютъ отправить въ училище изъ безлѣсныхъ провинцій по два ученика, выбравъ оныхъ изъ молодыхъ и добропорядочнаго поведенія крестьянъ казеннаго вѣдомства, снабдить ихъ отъ правительства паспортами, а отъ общества—одеждою и харчевыми деньгами.

2) Ученики сіи, получая отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Львова нужныя для нихъ квартиры, дрова, желѣзные и деревянные инструменты безденежно, въ ученіи своемъ должны имѣть предметомъ строеніе изъ земли всякаго рода жилыхъ домовъ, скотныхъ дворовъ, конюшенъ, оградъ и т. п., дѣланіе разнаго рода фундаментовъ, покрытіе сельскихъ и хозяйственныхъ строеній прочными изъ соломы и изъ вереса съ глиною сдѣланными кровлями, особаго рода черепицею и гонтомъ.

3) А дабы училище сіе могло существовать безъ особой на то суммы и, распространяя пользу свою въ государствѣ, не отяготить частнаго начальника заведенія сего издержками какъ на матеріалы и инструменты, такъ и на содержаніе мастеровъ на его коштѣ, отдать означенному дѣйствительному статскому совѣтнику Львову въ собственность Московскаго уѣзда, бывшую Симонова монастыря землю, нынѣ въ числѣ оброчныхъ статей находящуюся, подъ названіемъ Тюхольскихъ казенныхъ покосовъ, съ лѣсными и пахотными угодьями и водами, съ коихъ хозяйственнымъ доходомъ имѣетъ онъ распоряжаться не только на содержаніе школы, но и на выстройку на той данной ему землѣ образцовыхъ земляныхъ строеній изъ собственныхъ его матеріаловъ.

4) По выучкѣ, каждой губерніи ученики обязаны построить на вышеписанной землѣ образцовое земляное строеніе, по окончаніи котораго получаютъ они названіе присяжныхъ мастеровъ и о томъ отъ начальника своего аттестаты, безъ каковыхъ запрещается земляное строеніе дѣлать, дабы по неумѣнію строителей не подвергнуть строеніе опасно-

---

[1]) П. С. З., т. XXIV № 18103. Дѣла экспедиціи №№ 13867, 13868, 13872 (по архиву мин. гос. имущ.).

сти и тѣмъ не отвратить поселянъ отъ подражанія толико полезнаго для нихъ дѣла.

5) По возвращеніи первыхъ присяжныхъ мастеровъ съ аттестатами на свое жилище управляющіе губерніями имѣютъ отправить немедленно другихъ, повторяя таковое отправленіе, доколѣ нужное число строителей, по мѣрѣ надобности въ нихъ для казенныхъ селеній, выучено будетъ.

6) Не возбраняется и помѣщикамъ отдавать въ ученіе сего хозяйственнаго строенія собственныхъ своихъ людей, на добровольныхъ условіяхъ съ начальникомъ училища; а дабы извѣстно было въ публикѣ учрежденіе онаго, припечатать о семъ въ вѣдомостяхъ».

Въ томъ же 1797 году изъ всѣхъ губерній, кромѣ Архангельской, Вятской, Выборгской, Иркутской и Лифляндской (какъ богатыхъ лѣсомъ и потому не нуждающихся въ земляныхъ постройкахъ), были присланы въ Никольское потребованные указомъ ученики, а два года спустя было выпущено изъ школы 72 мастера и 56 подмастерьевъ. Затѣмъ до 1802 года выпущено всего: мастеровъ—377, подмастерьевъ—87 и учениковъ—351, а всѣхъ—815 человѣкъ. Какъ въ селѣ Никольскомъ, такъ и на Тюхольской дачѣ ими были построены разныя зданія, жилыя и нежилыя, и въ 21 губерніи, какъ видно изъ присланныхъ губернаторами свѣдѣній,—различныя пробныя постройки, впрочемъ, весьма незначительныя (большею частью—сараи для пожарныхъ инструментовъ и караульныя будки). Сомнительное въ своихъ результатахъ изобрѣтеніе вызвало много разнородныхъ толковъ, пересудовъ и насмѣшекъ; такъ Карамзинъ говорилъ, что подъ начальствомъ Львова мужики толкутъ землю безъ толку; зато другіе ожидали отъ этого изобрѣтенія очень многаго, и другъ Львова, Державинъ, написалъ къ его портрету двустишіе:

„Хоть взятъ онъ отъ земли и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживетъ“ [1]).

Наконецъ, по представленію нѣкоторыхъ губернаторовъ, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ ученики для землянаго строенія не нужны, Сенатъ, указомъ 26-го іюня 1802 года, приказалъ болѣе учениковъ къ Львову не отправлять. Такимъ образомъ, занятія въ училищѣ должны были прекратиться; вскорѣ затѣмъ (въ началѣ 1803 года) умеръ и самъ Львовъ, а со смертью его все это дѣло было оставлено, такъ какъ на практикѣ оказалось, что земляное битое строеніе обходится гораздо дороже деревяннаго, а въ иныхъ мѣстахъ равняется и каменному.

---

[1]) Сочиненія Державина, 2-е акад. изданіе, I, 365—366; II, 289—291.

III.

Вопросы о народномъ продовольствіи и о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ занимали Павла Петровича съ самаго начала его царствованія и были поручаемы имъ особенному вниманію Сената и Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Хотя мысль о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ высказана была уже Петромъ Великимъ въ его указахъ 27-го февраля 1723 года и 20-го января 1724 года [1]), при чемъ предполагалось при камеръ-коллегіи учредить особую контору и особаго человѣка (экономіи Генеральнаго), «который бы всегда мыслилъ и доносилъ о магазинахъ государственныхъ» и о томъ какъ «во время недорода народъ довольствовать»; но мысль эта долго оставалась безъ примѣненія и ограничивалась одними проектами, напримѣръ: генералъ-полиційместера Салтыкова [2]) (1733 годъ) и проектъ генералъ-фельдмаршала П. И. Шувалова (1754 годъ). Лишь именнымъ указомъ 20-го августа 1762 года [3]) Екатерина II повелѣла: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». Постепенное учрежденіе хлѣбныхъ запасовъ въ селеніяхъ начинается съ 1765 года, какъ видно изъ именнаго указа 10-го марта 1765 года, даннаго коллегіи экономіи [4]); однако, учрежденіе запасныхъ магазиновъ въ экономическихъ и дворцовыхъ волостяхъ шло довольно медленно и мало успѣшно; поэтому при установленіи порядка внутренняго управленія въ селеніяхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства 5-го апрѣля 1797 года предписывалось при каждомъ сельскомъ приказѣ учредить запасный магазинъ и для наполненія магазиновъ установить ежегодный хлѣбный сборъ съ поселянъ, по количеству земли, каждымъ владѣемой, съ каждой десятины озимаго хлѣба по полупуду ржи, а съ десятины яроваго—по 30 фунтовъ овса и гречи, при этомъ предписывались мѣры для освѣженія запасовъ хлѣба и для выдачи ссудъ на посѣвъ и на прокормленіе крестьянъ [5]). Вслѣдъ за тѣмъ и въ казенныхъ селеніяхъ, по докладу Экспедиціи, высочайше утвержденному 7-го августа 1797 года, предписывалось учредить въ каждой волости запасные магазины на одинаковыхъ основаніяхъ съ удѣльными. Именнымъ указомъ 18-го марта 1798 года повелѣвалось Сенату обратить надлежащее вниманіе, находятся ли сельскіе и городовые магазины

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 4120 и т. VII, № 4175.
[2]) П. С. З., т. IX, № 6426.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 11,649.
[4]) П. С. З., т. XVII, № 12351.
[5]) П. С. З., т. XXIV, № 17906.

тамъ, гдѣ учредить ихъ велѣно, и то ли количество хлѣба содержать, какъ по вѣдомостямъ быть должно, имѣя неослабное бдѣніе, чтобъ сія часть, столь хозяйству государственному необходимая, была всегда въ надлежащей исправности и охраненіи. Сенатъ потребовалъ отъ губернаторовъ обстоятельныхъ свѣдѣній, съ тѣмъ, чтобы не оставались безъ должнаго исполненія всѣ тѣ требованія объ исправномъ содержаніи магазиновъ, какія послѣдовали изъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, въ силу предоставленнаго ей попеченія и распоряженія по этому предмету [1]). Затѣмъ именнымъ указомъ 9-го апрѣля 1798 года было вновь подтверждено Сенату обратить особенное вниманіе на скорѣйшее приведеніе въ порядокъ запасныхъ магазиновъ.

Между тѣмъ до высочайшаго свѣдѣнія продолжали доходить слухи о неудовлетворительномъ состояніи хлѣбныхъ запасовъ; посему именнымъ указомъ 11-го ноября 1799 года было вновь предписано Сенату со ссылкою на 20 губернскихъ начальствъ, не исполнившихъ распоряженіе правительства,—изслѣдовать о причинѣ таковыхъ упущеній и взыскать безъ изъятія все то, чего въ запасныхъ магазинахъ недостаетъ. Сенатъ назначилъ губернаторамъ 4-хъ недѣльный срокъ для представленія подробныхъ вѣдомостей о сельскомъ запасномъ хлѣбѣ и о способахъ, коими они полагаютъ пополнить предписанный двухъ-годовой запасъ.

Въ какой степени императоръ Павелъ интересовался этимъ вопросомъ, видно изъ того, что, въ самый день изданія вышеупомянутаго указа 11-го ноября, государь назначилъ засѣданіе общаго собранія Сената въ Гатчинѣ и прибылъ лично въ собраніе послѣ развода съ цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ. Подойдя къ своему мѣсту и представивъ присутствующимъ великаго князя, какъ сенатора, императоръ выразилъ свою волю, чтобы наслѣдникъ его занималъ первое по немъ мѣсто въ Сенатѣ, а затѣмъ объявилъ, что предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по его приказанію проекта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. «Поручаю вамъ, милостивые государи»,—прибавилъ въ заключеніе Павелъ Петровичъ,—«неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Проектъ составленъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ, генералъ-лейтенантомъ Обольяниновымъ [2]).

Разсмотрѣвъ этотъ проектъ въ общемъ собраніи всѣхъ петербург-

---

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18448.

[2]) Императоръ Павелъ Петровичъ, Н. К. Шильдера, стр. 371—372. Авторъ изслѣдованія относитъ это засѣданіе къ октябрю 1799 г., но вѣроятнѣе, что оно происходило 11-го ноября 1799 года.

скихъ департаментовъ, Сенатъ, поставивъ задачу гораздо шире, чѣмъ въ предшествовавшихъ своихъ докладахъ, и, признавая количество запаснаго хлѣба недостаточнымъ для оказанія помощи въ случаѣ нужды, предположилъ завести запасные хлѣбные магазины по всей Имперіи, въ селеніяхъ всякаго званія, казенныхъ и владѣльческихъ, съ годовою пропорціею хлѣба, согласно мнѣнію Обольянинова, по три четверти ржи и по три четверика яроваго на ревизскую душу, съ тѣмъ, чтобы запасные сельскіе магазины или житницы находились непремѣнно при всякомъ селеніи, имѣющемъ не менѣе 50 дворовъ; селеніямъ же, состоящимъ изъ меньшаго числа дворовъ, дозволялось соединяться къ содержанію одного магазина по удобности мѣстнаго положенія. При этомъ предполагалось поручить губернаторамъ обсудить, совмѣстно съ дворянскими предводителями и почетнѣйшими изъ дворянъ, вопросъ о томъ, нельзя ли въ изобильныхъ губерніяхъ наложить сборъ и въ большемъ количествѣ, а въ губерніяхъ не хлѣбныхъ устранить возможныя затрудненія въ сборѣ, и мнѣніе свое представить въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства.

Указавъ порядокъ храненія и освѣженія хлѣба, Сенатъ обязалъ губернаторовъ доставить въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства, не позже шести недѣль по полученіи предписанія, обстоятельныя вѣдомости о томъ, въ какихъ именно казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ заведены или предположены запасные магазины, сколько хлѣба полагается для каждаго магазина, и сколько его требуется собрать. Два раза въ годъ, всѣ запасные магазины, какъ въ казенныхъ, такъ и въ помѣщичьихъ селеніяхъ подлежали освидѣтельствованію нижними земскими судами или довѣренными чиновниками отъ губернатора, а затѣмъ генеральная вѣдомость о запасномъ хлѣбѣ во всей губерніи съ указаніемъ количества собраннаго хлѣба и количества взаимообразныхъ выдачъ, и не послѣдовало ли какого помѣшательства въ сборѣ хлѣба, должна быть доставляема въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства.

На докладѣ Сената послѣдовала 29-го ноября 1799 года высочайшая резолюція: «быть по сему, а смотрѣніе имѣть предводителямъ, а не инымъ» [1]).

IV.

Дѣятельность Экспедиціи касалась не только устройства сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, но и внутренняго устройства казенныхъ поселянъ, какъ это видно изъ высочайше утвержденнаго 7-го августа 1797 года доклада Экспедиціи о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и

¹) П. С. З., т. XXV, № 19203.

о порядкѣ внутренняго ихъ управленія [1]). Дѣло это возникло по поводу высочайшаго повелѣнія, чтобы, при сочиненіи вѣдомостей казеннымъ имѣніямъ, не различать селеній по званіямъ, но писать цѣлыми волостями, показывая число деревень, ревизскихъ душъ, земель и угодій. При составленіи этого доклада Экспедиція руководствовалась, главнымъ образомъ, высочайше утвержденнымъ 5-го апрѣля 1797 г. учрежденіемъ объ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ числѣ матеріаловъ, предложенныхъ для соображенія Экспедиціи генералъ-прокуроромъ по этому дѣлу, было и установленіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ бывшаго Екатеринославскаго намѣстничества, введенное тамъ въ 1787 г. [2]) и распространенное въ 1790 г. на нѣкоторыя сѣверныя губерніи [3]), однако установленіе это, какъ не утвержденное высочайшею властью, не было признано возможнымъ принять во вниманіе ни Экспедиціею, ни коммиссіею составленія законовъ [4]). По разнообразію губерній и неравенству казенныхъ селеній по числу душъ и количеству земли, опредѣлительнаго числа душъ для каждой волости не было назначено, но гражданскимъ губернаторамъ предоставлено было вмѣстѣ съ казенными палатами, образовать волости для лучшаго порядка въ сельскомъ управленіи, не болѣе какъ изъ 3.000 душъ. Въ каждой волости учреждалось волостное правленіе съ волостнымъ старшиною, однимъ старостою или выборнымъ мѣстнаго селенія и однимъ писаремъ, въ каждомъ селѣ или деревнѣ—по одному выборному или старшинѣ и на каждые 10 дворовъ по одному десятскому. Голова и писарь выбирались на 2 года, а старосты на одинъ годъ. Обязанности волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ были подробно опредѣлены согласно учрежденію объ удѣлахъ.

Экспедиція не оставляла безъ надлежащаго вниманія и разсмотрѣнія и частные проекты или заявленія, нерѣдко поступавшія къ генералъ-прокурору. Такъ, надворнымъ совѣтникомъ Эли были представлены на разсмотрѣніе Экспедиціи замѣчанія [5]) по управленію казенными имѣніями. Сущность предложеній заключалась въ слѣдующемъ:

1) Казенныя деревни осмотрѣть и описать чрезъ знающихъ экономію людей.

2) Для умноженія выгоды отъ казенныхъ деревень, вмѣсто платежа трехрублевой въ годъ подати, установить, чтобы крестьяне работали два дня въ недѣлю для короны.

3) Для прекращенія недоимокъ податей съ казенныхъ крестьянъ

---

[1]) П. С. З., т. XXIV. № 18082.
[2]) П. С. З., т. XXII, № 16603.
[3]) П. С. З., т. XXIII, № 16840.
[4]) Дѣло Экспедиціи, 1797 г., № 13865, по Архиву М. Г. И.
[5]) Дѣло Экспедиціи, № 13861, по Архиву М. Г. И.

и для управленія казенными помѣстьями учредить въ С.-Петербургѣ или Москвѣ особое правительство, составленное по примѣру прочихъ коллегій, которое бы состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ его императорскаго величества. Для управленія же по уѣздамъ, для 500 душъ мужскаго пола быть приказчику, у 3.000 душъ—эконому, у 15 до 20.000 душъ—оберъ-эконому, съ тѣмъ, чтобы приказчики зависѣли отъ экономовъ, экономы отъ оберъ-экономовъ, а сіи—отъ правленія.

Подробно разсмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказала слѣдующее заключеніе:

«По великому пространству Россіи, заключающему въ себѣ различные климаты, земли и народы, нельзя постановить общихъ для сельскаго хозяйства правилъ и утвердительно положить, которая часть онаго вообще полезнѣйшая. Хотя земледѣліе и скотоводство суть лучшія средства для обогащенія народнаго, но въ Россіи есть мѣста, гдѣ, по свойству климата и земли, сіи части сельскаго хозяйства или мало приносятъ прибыли, или и вовсе неудобны, и для того жители занимаются тамъ другими, выгоднѣйшими для нихъ, промыслами. Описать всѣ казеннаго вѣдомства деревни съ хозяйственными примѣчаніями, дабы по тому можно было сдѣлать лучшее соображеніе о недостаткахъ ихъ и выгодахъ, признается полезнымъ.

«Обратить всѣхъ казенныхъ крестьянъ на пашню, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто платежа трехрублеваго оброка, работали два дня въ недѣлю на государя, могло бы, конечно, принести казнѣ болѣе дохода противъ нынѣшняго; но сіе не повсюду въ дѣйство произведено быть можетъ. Учрежденіе для управленія казенныхъ помѣстій особой коллегіи будетъ то же, что бывшая коллегія экономіи: тогда были казенные управители и коммиссары, но недоимки черезъ то не прекращались. Личная же оберъ-экономовъ власть, столь обширная, можетъ служить поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ и не соотвѣтствуетъ никакимъ узаконеніямъ Россійскаго государства».

Въ числѣ проектовъ хозяйственнаго свойства, передаваемыхъ на разсмотрѣніе Экспедиціи генералъ-прокуроромъ, были и весьма странные, какъ, напримѣръ, слѣдующія замѣчанія костромскаго помѣщика князя Шелешпанскаго [1]).

1) «Для прекращенія опустошенія цѣлыхъ селеній побѣгомъ въ скиты по подговору раскольниковъ, обольщающихъ простодушныхъ крестьянъ мнимымъ благочестіемъ, укрывающихъ ихъ отъ государственныхъ поборовъ, и чрезъ предстательство богатыхъ людей ихъ секты не только въ скитахъ, но и въ городахъ умножающихъ число тунеядцевъ», авторъ предлагалъ «опредѣленіемъ изъ казны награжденія побудить къ

---

[1]) Дѣло Экспедиціи, № 13863 (по Архиву М. Г. И.).

*

доносамъ о таковыхъ бѣглецахъ, которыхъ, такъ же, какъ и ихъ укрывателей, отдавать годныхъ—въ солдаты съ зачетомъ, а негодныхъ—на поселеніе или на рудокопные заводы; изслѣдованія же по доносамъ чинить отправленіемъ тайно воинской команды; капитанъ-исправниковъ, у коихъ въ уѣздѣ найдутся слободы съ живущими бѣглецами, штрафовать лишеніемъ чиновъ, а съ деревень, въ коихъ бѣглецы найдены будутъ, брать рекрутъ безъ зачета».

2) «Къ искорененію нерадѣнія касательно сбереженія жизни и воспитанія незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ во время отлучки крестьянъ для промысловъ, дабы, бывъ призрѣны, не погибали», авторъ предлагалъ «учрежденіе изъ доходовъ общественнаго призрѣнія сиротскихъ домовъ въ такихъ губерніяхъ, откуда крестьяне болѣе на промыслы отлучаются, или позволить помѣщикамъ и поселянамъ принимать къ себѣ таковыхъ дѣтей и укрѣплять ихъ за собою».

3) «Для вящшаго умноженія народа позволить служащимъ въ арміи начальникамъ и шляхетству брать изъ разныхъ магометанскихъ и идолопоклонническихъ націй плѣнниковъ въ вѣчное услуженіе, а по воспріятіи ими христіанскаго закона позволить женить ихъ на крѣпостныхъ. Также дозволить купечеству вывозить съ новонайденныхъ острововъ дикій народъ, ясакомъ не обложенный, и продавать владѣльцамъ въ крѣпость. Сверхъ сего, бѣжавшихъ изъ Россіи и пока возвратившихся раздавать офицерамъ, такъ же какъ и разнаго рода вольныхъ иностранцевъ, въ Россію пріѣхавшихъ и ни въ цехъ, ни въ какое другое состояніе не записавшихся».

Разсмотрѣвъ эти замѣчанія, Экспедиція нашла:

1) Что хотя бы и былъ побѣгъ въ скиты раскольниковъ, но не умаляется тѣмъ сборъ узаконенныхъ податей, потому что не токмо за выбылыхъ разными случаями, но даже за отданныхъ въ рекруты и умершихъ, каждое селеніе платитъ подати отъ ревизіи до ревизіи; равнымъ образомъ, не нужно и средство для прекращенія побѣговъ, ибо существуетъ законъ о доносителяхъ и какимъ образомъ доводы свои доказывать должны. Способъ для сыска бѣглыхъ тайнымъ отправленіемъ воинской команды представляется насильственнымъ и послужитъ явнымъ поводомъ къ притѣсненію раскольниковъ въ противность указамъ.

2) Для сохраненія жизни дѣтей незаконнорожденныхъ, предписано съ подробностію въ учрежденіи о Воспитательномъ домѣ; укрѣпленіе же ихъ за помѣщиками и поселянами не соотвѣтствуетъ человѣколюбію и совершенно противно существующимъ узаконеніямъ.

3) Плѣнниковъ безъ войны не бываетъ, а при заключеніи мира дѣлается размѣнъ или особенное о возвратѣ оныхъ постановленіе. Брать иначе идолопоклонниковъ и магометанъ на границахъ и островахъ

законы благоустроеннаго государства и общенародное право воспрещаютъ. О иностранцахъ, въ Россію пріѣхавшихъ, существуютъ трактаты тѣхъ державъ или республикъ, откуда они происхожденіе свое имѣютъ.

Въ виду этихъ соображеній, Экспедиція предлагала оставить предположенія кн. Шелешпанскаго безъ всякаго вниманія, съ чѣмъ и согласился генералъ-прокуроръ, князь Куракинъ.

Въ мартѣ 1800 г. генералъ-прокуроръ П. Х. Обольяниновъ передалъ въ Экспедицію, для разсмотрѣнія и заключенія, два проекта о продажѣ казенныхъ пустопорожнихъ земель, небольшими участками, людямъ всѣхъ состояній.

Неизвѣстные авторы проектовъ указывали, что польза отъ такого дозволенія состоять будетъ въ умноженіи пошлинъ за совершеніе купчихъ и въ увеличеніи земельной подати, и предлагали предоставить право покупки земель также и огородникамъ изъ ростовскихъ и ярославскихъ крестьянъ. Разсмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказалась противъ нихъ, на томъ основаніи, что «купцы и мѣщане уже имѣютъ право на покупку земель; ежели же распространить сіе позволеніе и на крестьянъ, то симъ смѣшаются всѣ состоянія, поравняясь нѣкоторымъ образомъ чрезъ сіе право собственности одно съ другимъ, чрезъ что нарушатся государственныя постановленія, опредѣляющія каждому роду людей приличныя преимущества и обязанности. Если же дать сіе позволеніе и помѣщичьимъ крестьянамъ, то сіе послужитъ къ нарушенію правъ дворянства, тѣмъ болѣе, что земель казенныхъ, впустѣ лежащихъ и удобныхъ, далеко не много, ибо недостаетъ оныхъ и въ обширнѣйшихъ губерніяхъ для нарѣзки указной 15-ти десятинной пропорціи казеннымъ крестьянамъ. А ежели бы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ таковыя земли и были, то именнымъ его императорскаго величества указомъ декабря 8-го дня 1796 года запрещена таковая продажа порозжихъ казенныхъ земель въ частныя руки».

По всѣмъ этимъ причинамъ Экспедиція не находила ни пользы, ни возможности въ помянутомъ предположеніи, ибо оно основано на слабомъ заключеніи отъ одной части къ цѣлому государству, ни знаніемъ статистическаго его состоянія, ни законодательныхъ порядковъ не подкрѣпленное; о чемъ и было донесено рапортомъ генералъ-прокурору.

Вопросъ о разрѣшеніи людямъ всѣхъ состояній пріобрѣтать земли былъ разрѣшенъ въ слѣдующемъ году, указомъ императора Александра I, 12-го декабря 1801 г. [1]), по обсужденіи въ особомъ состоявшемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, негласномъ комитетѣ [2]).

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 20075.

[2]) См. мою брошюру: „Крестьяне-собственники“. Спб. 1858 г. и Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. I.

Изыскивая средства для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія у крестьянъ, Экспедиція вошла также въ разсмотрѣніе положенія многочисленнаго класса однодворцевъ, которые, обитая въ изобильнѣйшихъ губерніяхъ Имперіи, терпѣли большую нужду по малоземелью. Сдѣлавъ подробный историческій обзоръ происхожденія однодворцевъ и ихъ крестьянъ, Экспедиція пришла къ заключенію, что малоземелье ихъ было результатомъ не только ихъ размноженія, но главнымъ образомъ разныхъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ они нерѣдко одни и тѣ же участки продавали и закладывали въ разныя руки и оттого завели множество судныхъ и исковыхъ дѣлъ. Для устраненія этихъ затрудненій Экспедиція полагала нарѣзать всѣмъ однодворцамъ и ихъ крестьянамъ, въ виду уравненія ихъ съ казенными крестьянами, до 15 дес. на душу, согласно высочайше утвержденному 27-го ноября 1797 г. докладу Сената о надѣлѣ казенныхъ крестьянъ землею [1]), прекратить большую часть спорныхъ дѣлъ о земляхъ между однодворцами и другими лицами, при недостаткѣ же излишнихъ земель для надѣла однодворцевъ, часть жителей переселить въ другія губерніи. Докладъ Экспедиціи, по разсмотрѣніи его въ общемъ Сената собраніи, былъ высочайше утвержденъ 21-го іюля 1798 г. и распубликованъ въ сенатскомъ указѣ отъ 24-го сентября того же года [2]). Впрочемъ, въ слѣдующемъ же году, по высочайше утвержденному 10-го октября 1799 г. докладу Сената, дѣло о нарѣзкѣ земель однодворцамъ передано было изъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства въ межевой департаментъ Сената для сосредоточенія съ прочими дѣлами о надѣлѣ землею казенныхъ крестьянъ [3]).

В. Вешняковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18256.

[2]) П. С. З., т. XXV, 18676.

[3]) П. С. З., т. XXV, № 19146 п. б.

Родословная Басмановыхъ.

I.

Басмановы были отраслью рода Плещеевыхъ.

Родоначальникъ Басмановыхъ, Даніилъ Андреевичъ Плещеевъ (кол. VII, 100) носилъ прозваніе Басманъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ литовцами подъ Оршею въ 1514 году и умеръ въ Литвѣ [1]).

Сынъ его, Алексѣй Даниловичъ, записанный въ тысячной книгѣ 1550 г., по первой статьѣ, съ отмѣткою «съ Переяславля», пожалованъ былъ въ окольничіе въ $155^{1}/_{2}$ (7060) г.; въ бояре въ $155^{5}/_{6}$ (7064) г. и показанъ «выбывшимъ», т. е. казненнымъ въ $156^{8}/_{9}$ (7077) г.) [2]).

Казнь его вызвана была подозрѣніемъ въ измѣнѣ.

Въ переписной книгѣ Посольскаго приказа 1626 года значится: «столпъ, а въ немъ статейный списокъ изъ сыскнаго измѣннаго дѣла $15^{69}/_{70}$ (78) году на новгородскаго архіепископа Пимена, новгородскихъ діаковъ, подъячихъ, гостей, владычныхъ приказныхъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ, какъ они ссылались въ Москвѣ съ бояры, съ Алексѣемъ Басмановымъ, сыномъ его Өедоромъ, казначеемъ Никитою Фуниковымъ, печатникомъ Иваномъ Михаиловымъ Висковатого, Семеномъ Василье-

---

[1]) Кн. Долгоруковъ. „Росс. род. книга", IV, 174. Ср. С. И. Р. И. О. т. 35, стр. 654, гдѣ, подъ 1522 г., онъ значится въ числѣ „лучшихъ людей", содержавшихся въ плѣну въ Литвѣ.

[2]) Древн. Росс. Вивл., XX, 38, 40 и 50. О немъ упоминается въ духовной Дмитрія Григорьевича Плещеева (кол. VIII, 154) весьма важной для уясненія родственныхъ связей Плещеевыхъ. Лихачевъ. Сборникъ актовъ. Спб. 1895, № XI. Грамоту по мѣстническому его дѣлу съ Шереметевымъ см. у Лихачева. Мѣстническія дѣла. Спб. 1894 г., № 1.

вымъ Яковля, да съ дьякомъ Васильемъ Степановымъ, Андреемъ Васильевымъ, да съ княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ о сдачѣ Великаго Новгорода и Пскова [1]).

По словамъ Курбскаго, Алексѣй Басмановъ былъ зарѣзанъ сыномъ своимъ Ѳедоромъ [2]).

Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ, любовникъ, какъ выразился кн. Курбскій, царя Ивана, пожалованъ въ кравчіе въ $156^5/_6$ (7074) г. и показанъ «выбывшимъ» въ $157^0/_1$ (7079) году [3]).

Имѣлъ онъ двухъ сыновей: Петра и Ивана. Въ 1588 году раздѣлили они данныя имъ матерью ихъ (т. е. женою Ѳедора Алексѣевича) вотчины, при чемъ старшій братъ, Петръ, получилъ, между прочимъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ село Елизарово съ деревнями [4]). Въ раздѣльной съ братомъ Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ говоритъ, что «пожаловала насъ государыня наша матушка княгиня Варвара Васильевна, подѣлила насъ съ братомъ, полюбовно, государскимъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстьемъ» [5]).

Позднѣе, а именно въ 1623 году, только что упомянутое село Елизарово сдѣлалось предметомъ спора между Ѳаддеемъ Ивановичемъ Колодкинымъ-Плещеевымъ (кол. X, 247) и сыномъ его Михаиломъ (кол. XI, 300), съ одной стороны, и вдовою Ивана Ѳедоровича Басманова, Ириною Васильевною, съ другой. Въ судномъ объ этомъ селѣ дѣлѣ записано, что «сосланъ-де былъ Алексѣй Даниловичъ (Басмановъ-Плещеевъ) на Бѣлоозеро и съ дѣтьми съ Ѳедоромъ съ сыномъ, а у Алексѣя жены не было въ тѣ поры, а былъ женатъ сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ и Алексѣя-де Даниловича и сына его Ѳедора не стало въ опалѣ на Бѣлоозерѣ, а остались послѣ Ѳедора жена съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ Ѳедоровичи, а послѣ-де того царь Иванъ Васильевичъ всея

[1]) Карамзинъ, IX, прим. 299. Архіепископъ Пименъ хирот. 20-го ноября 1552 г. изъ иноковъ Кириллова м-ря; 14-го февраля 1570 г. повезенъ, въ опалѣ, въ Москву и † 25-го сентября 1571 г.

[2]) Въ одной рукописной разрядной книгѣ (Лихачевъ. Разрядные дьяки. Спб. 1888, стр. 278, пр.) упоминается въ 1552 г., въ чинѣ окольничаго, Василій Даниловичъ Басмановъ, но въ боярскомъ спискѣ, изд. въ Древн. Росс. Вивл., такого имени нѣтъ. Можно думать, что имя „Василій" Басмановъ поставлено опискою, вмѣсто „Алексѣй", такъ какъ ему предшествуетъ, въ рукописи, имя Василія Семеновича Серебрянаго.

[3]) Древн. Росс. Вивл. XX, 47 и 51.

[4]) Дѣдъ его, бояринъ А. Д. Басмановъ купилъ у племянника своего Ивана Дмитріевича Плещеева-Колодки (кол. IX, 192) въ Нерльскомъ стану Переяславльскаго уѣзда, пустошь Вишка и отдалъ ее въ церковь Никиты и Онуфрія въ селѣ Елизаровѣ по своему роду и „по своимъ людцемъ, которые въ государскихъ службахъ подъ Казанью при мнѣ, Алексѣѣ, побиты". Дарственная его объ этомъ запись во „Влад. губ. вѣд." 1855 г. № 48 или во Владимірскомъ Сборникѣ Тихонравова. М. 1857, стр. 132.

[5]) А. Ю., № 266.

Русіи пожаловалъ Ѳедорову жену съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ, велѣлъ ихъ взять въ Великій Новгородъ и отдать брату ея князю Андрею Васильевичу Сицкому; а послѣ того изъ Новгорода велѣлъ ее взять къ Москвѣ и выдать за князя Ивана Константиновича Курлятева, а дѣтей ея Петра и Ивана взялъ къ себѣ, къ государю [1]).

Изъ приведенныхъ документовъ явствуетъ, что жена Ѳедора Алексѣевича Басманова была рожденная княжна Варвара Васильевна Сицкая; овдовѣвъ, вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ и была еще въ живыхъ въ 1588 г., когда приложила печать къ раздѣльной своего сына Петра.

Бракомъ Ѳ. А. Басманова съ княжной В. В. Сицкою Басмановы вступили въ свойство съ Романовыми, такъ какъ отецъ княжны Варвары Васильевны, бояринъ кн. Василій Андреевичъ Сицкій, убитый въ 1578 г. подъ Венденомъ, женатъ былъ на Аннѣ Романовнѣ Юрьевой-Захарьиной, старшей сестрѣ царицы Анастасіи [2]). Онъ былъ дружкою, а его жена—свахою княжны Маріи Владиміровны Старицкой, на свадьбѣ ея съ королемъ Арцымагнусомъ, происходившей въ Новгородѣ, въ 1573 г. [3]). Вѣроятно, послѣ этой свадьбы, Варвара Васильевна Басманова поручена была своему брату, князю Андрею Васильевичу [4]).

Въ родѣ князей Курлятевыхъ было два князя Ивана Константиновича. Они были родные братья. Старшій умеръ на государевой службѣ въ Серпуховѣ въ 1583 году, время кончины младшаго не извѣстно. Вѣроятно, вдова Басманова выдана была за Ивана большаго, имѣвшаго сына, кн. Ивана Ивановича; князь же Иванъ Константиновичъ меньшой показанъ въ родословной росписи неженатымъ и бездѣтнымъ.

Второй бракъ В. В. Басмановой съ кн. Курлятевымъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что князья Курлятевы были еще ранѣе въ свойствѣ съ Плещеевыми (вѣтвь рода которыхъ составляли Басмановы), такъ какъ дѣдъ князя Ивана Константиновича, кн. Иванъ Васильевичъ Курля-Оболенскій женатъ былъ на Анастасіи Ѳедоровнѣ Плещеевой [5]).

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, извѣстный сподвижникъ Лжедими-

---

[1]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго. Кіевъ. 1860, I, 266.

[2]) Еще ранѣе Андрей Петровичъ Плещеевъ (кол. VII, 86) женатъ былъ на дочери Якова Ивановича Кошкина-Казака (колѣно V рода Андрея Кобылы). Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила. Спб. 1898, II, 12 и 18.

[3]) Древ. Росс. Вивл., XIII, 98 и 102.

[4]) Другой братъ В. В. Басмановой, кн. Иванъ Васильевичъ Сицкій, женатый на Евфиміи Никитичнѣ Романовой, сосланъ и постриженъ былъ, вмѣстѣ съ женою, при царѣ Борисѣ. Доводчикомъ на него былъ Осипъ Ивановичъ Плещеевъ (кол. X, 236). Временникъ М. О. И. и Д., XIV, 49. Ср. тамъ же стр. 64—65 и 140—141.

[5]) Кн. Лобановъ, „Русск. род. книга“, II, 35—36.

трія, одновременно съ нимъ погибшій, имя котораго едва-ли не въ первый разъ встрѣчается въ разрядахъ подъ 1590 г. [1]), женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Ивановнѣ Турениной († 1603 г.), дочери окольничаго, кн. Ивана Самсоновича Туренина († 1597 г.) [2]) и его жены, Домны Ивановны.

Кромѣ дочери Дарьи, у кн. Ивана Самсоновича были еще двѣ дочери: княжна Елена, за кн. Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ [3]) и княжна Марія, за кн. Андреемъ Владиміровичемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ [4]).

Бракомъ съ кж. Турениною Басмановъ вступилъ въ свойство съ Годуновыми, ибо дядя кн. Ивана Самсоновича, кн. Ѳедоръ Ивановичъ Туренинъ женатъ былъ на Евдокіи Михайловнѣ Годуновой [5]).

Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ имѣлъ одного сына, умершаго ранѣе отца.

Младшій братъ Петра Ѳедоровича, окольничій Иванъ Ѳедоровичъ Басмановъ, убитый въ 1604 году въ стычкѣ съ разбойничьею шайкою атамана Хлопко [6]), женатъ былъ на Иринѣ (инока Иранда) Васильевнѣ Салтыковой, † 2-го апрѣля 1639 г.

У него была дочь, Ѳотинія Ивановна, † 8-го октября 1642 г. въ замужествѣ за кн. Василіемъ Яншіевичемъ Сулешевымъ, † 28-го октября 1641 г. Она была второю его женою, такъ какъ первая его супруга, Анна Ивановна N, † 6-го іюля 1620 г. [7]).

---

[1]) Симбирскій сборникъ. М. 1845 г., стр. 110. Мѣсяца января въ 18 д. пошелъ царь и великій князь изъ Новагорода въ Нѣмецкую землю. А рынды у царя и великаго князя, князь Иванъ большой да князь Иванъ меньшой Никитичи Одоевскіе, князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; четвертый рында Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ; и Петръ Басмановъ билъ челомъ въ отечествѣ о счетѣ на князь Андрея Телятевскаго; и Петра Басманова государь отставилъ, а въ Петрово мѣсто, четвертый рында Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ (кол. IX, 196).

[2]) Древ. Росс. Вивл., XX, 65 и 66. Кн. И. С. Туренинъ былъ приставомъ при князѣ И. П. Шуйскомъ, сосланномъ царемъ Ѳедоромъ. Нов. лѣтописецъ. М. 1853, стр. 26.

[3]) Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 146. У кн. Долгорукова (I, 315) и въ архивѣ кн. Куракина, Спб. 1890, I, 357, женою кн. Ивана Семеновича показана Гликерія NN.

[4]) Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 147. Былъ рындою на свадьбѣ Лжедимитрія. Древ. Росс. Вивл., XIII, 118. Г. Бранденбургомъ въ Родѣ кн. Мосальскихъ, Спб. 1893, стр. 48, имя его жены не указано.

[5]) Извѣстія Рус. Генеалог. Общ. Спб. 1890, I, 102—103.

[6]) Древ. Росс. Вивл. XX, 72—73.

[7]) Древ. Росс. Вивл. XIX, 387 и 388. Братъ кн. Василія, кн. Юрій Яншіевичъ Сулешевъ † 6-го февраля 1637 г., женатъ былъ первымъ бракомъ на сестрѣ кн. Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, кж. Маріи, а вторымъ на дочери Михаила Михайловича Салтыкова, Марѳѣ. Бѣлокуровъ во Вре-

Въ 1636—1644 г.г. упоминается Евпраксія Басманова, первоначально соборная старица, а потомъ игуменья Покровскаго въ Суздалѣ монастыря [1]).

Смертью Петра Өедоровича, 17-го мая 1606 г., пресѣкся родъ Басмановыхъ.

Хотя Басмановы съ Плещеевыми въ роду разошлись, но, тѣмъ не менѣе, общность ихъ происхожденія сохраняла силу. Когда Петръ Өедоровичъ Басмановъ передался Лжедимитрію, то съ грамотою лжецаря посланъ былъ въ Москву, вмѣстѣ съ Гаврилою Пушкинымъ, Наумъ Михайловичъ Плещеевъ (кол. IX, 201), который за это былъ «пожалованъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ» [2]). Еще болѣе интересно записанное въ судномъ дѣлѣ 1623 года о селѣ Елизаровѣ, о которомъ говорено было выше, свидѣтельство повѣреннаго Өаддея Плещеева, что когда «Петра (Басманова) при Ростригѣ убили, и они-де (Плещеевы) и всѣ того же надъ собою убивства чаяли» [3]).

II.

Представленная родословная Басмановыхъ основана на раздѣльныхъ и вкладныхъ [4]) записяхъ и на данныхъ, заключающихся въ тяжебномъ о недвижимомъ имуществѣ дѣлѣ. Въ одной части, однако, не согласна она со свѣдѣніями, встрѣчающимися въ трудахъ русскихъ генеалоговъ.

Сенаторъ Бороздинъ въ статьѣ о Басмановыхъ утверждаетъ, что вдова Өедора Алексѣевича Басманова вышла въ другой разъ за князя Василія Юрьевича Голицына, который также имѣлъ отъ перваго брака (съ кѣмъ не сказано) сыновей и въ томъ числѣ Василія, прославившагося впослѣдствіи посольствомъ своимъ въ Польшу [5]).

мен. 1899, IV, стр. 7; Леонидъ. Вкладная книга Новоспасскаго м-ря. Спб. 1883, стр. 27; Древ. Росс. Вивл. XIX, 386 и Забѣлинъ. Бытъ русскихъ царицъ. М. 1859, стр. 349.

[1]) Строевъ, Списки іерарховъ. Спб. 1877, стол. 692; А. И., III, 345.

[2]) Временникъ, XIV, 41 и 140.

[3]) Акты Өедотова-Чеховскаго, I, 267.

[4]) Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевской лаврѣ. М. 1880, №№ 93, 94 и 95.

[5]) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, Спб. 1836, V, 41—43. Согласно этому, въ статьѣ о кн. Голицыныхъ (тамъ же, XIV, 3) князь Василій Васильевичъ названъ сведеннымъ братомъ Петра Өедоровича Басманова.

Затѣмъ, кн. Долгоруковъ, въ своей «Россійской Родословной книгѣ», въ одномъ случаѣ, въ родословной кн. Голицыныхъ (I, 284), показалъ, что князь Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ на вдовѣ Петра Өедоровича Басманова (жена котораго, однако, умерла ранѣе мужа), а въ другомъ—въ родословной Басмановыхъ (IV, 174, примѣч.), что Өедоръ Алексѣевичъ Басмановъ женатъ былъ на вдовѣ того же князя В. Ю. Голицына (во инокиняхъ Софіѣ), хотя первый изъ этихъ двухъ лицъ казненъ въ 1571 году, а второй умеръ въ 1584 году. Несообразности очевидныя.

Наконецъ, въ Матеріалахъ для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ, собранныхъ кн. Н. Н. Голицынымъ (Кіевъ, 1880, стр. 9), повторяются приведенныя свѣдѣнія, и показано, что кн. Василій Юрьевичъ, † 1589 г., былъ женатъ (послѣ 1571 года), на вдовѣ боярина и кравчаго Өедора Алексѣевича Басманова-Плещеева [1]) († 1571), въ схимонахиняхъ Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ Софьѣ, † между 1623—1625 г.

Такимъ образомъ мірское имя жены кн. В. Ю. Голицына продолжало оставаться невыясненнымъ, и только въ «Родословномъ сборникѣ» г.г. Руммеля и Голубцова (Спб. 1886, I, 262) въ родословной Желябужскихъ показана: «Соломонида Григорьевна, во иночествѣ Софія, игуменья Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ (до 1613), † 1623—1625; 1) за бояриномъ и кравчимъ Өедоромъ Алексѣевичемъ Басмановымъ, † 1571; 2) за бояриномъ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Голицынымъ (Булгаковымъ), † 1584 г. Это показаніе включено кн. Н. Н. Голицынымъ въ его послѣдній трудъ: «Родъ кн. Голицыныхъ». (Спб. 1892, стр. 114).

Однако Н. П. Лихачевъ документально доказалъ, въ своемъ разборѣ книги кн. Н. Н. Голицына [2]), что въ 1573 году упоминается жена кн. Василія Юрьевича, Дарья, которая и должна быть признана первою его супругою, и что отчество второй его жены (во инокиняхъ Софія) было не Григорьевна, а Ивановна. Этимъ, конечно, въ значительной степени подрывается достовѣрность показанія родословной Желябужскихъ о принадлежности ея къ этому роду. Во всякомъ случаѣ, она никоимъ образомъ не могла быть вдовою Өедора Басманова, такъ какъ послѣднюю звали Варвара Васильевна.

Утвержденіе, что кн. Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ, будто бы, на вдовѣ Өедора Алексѣевича Басманова, основывается, ка-

---

[1]) Ө. А. Басмановъ не былъ бояриномъ, а только кравчимъ.

[2]) Новое родословіе кн. Голицыныхъ. Спб. 1893 (изъ журнала „Библіографъ"), стр. 14, 18 и 25.

жется, на приведенномъ Карамзинымъ (X, пр. 572) изъ московской лѣтописи пастора Бера свѣдѣніи, что, по убіеніи Петра Басманова, князь Иванъ Голицынъ [1]), сводный братъ умершаго, взялъ съ площади, съ дозволенія бояръ, трупъ его и похоронилъ подлѣ его сына, за англійскимъ подворьемъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкій текстъ лѣтописи Бера (до сихъ поръ неизданный) Карамзинъ и Устряловъ [2]) передали по-русски вполнѣ точно. Подтверждается это тѣмъ, что въ хроникѣ Буссова говорится о погребеніи Басманова въ слѣдующихъ словахъ: «Des Baschmanoffs Stief-Bruder erlangte bey den Vornehmsten, dass er seines Brüders Cörper vom Marckte mögte abholen und begraben lassen» [3]). Равнымъ образомъ Петрей сообщаетъ, что: «weil aber Bosmanno von einem fürnemen Geschlecht und Familia war, und seinen Stieffbruder im Leben hatte, erlangte er bey den vornehmesten Fürsten und Herren so viel, dass er seinen Bruder von Marckt möchte weg holen und begraben lassen [4]).

Ни Буссовъ, ни Петрей не называютъ однако этого Stiefbruder'а Басманова княземъ Голицынымъ, и если фамилія Голицынъ находится въ лѣтописи Бера, то произошло это, несомнѣнно, по ошибкѣ. Признавъ, что кн. Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ сводный братъ Петра Ѳедоровича Басманова, необходимо признать или, что Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ († 1571 г.) былъ женатъ на вдовѣ кн. Василія Юрьевича Голицына († 1584 г.), а это, очевидно, невозможно, или, наоборотъ, что кн. В. Ю. Голицынъ былъ женатъ на вдовѣ Ѳ. А. Басманова, а это также невозможно.

Какъ показано выше, Варвара Васильевна Басманова отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, Петра и Ивана Басмановыхъ. Затѣмъ вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ, у котораго, по родословной, показанъ сынъ, князь Иванъ. Остается предположить, что онъ былъ сынъ князя Ивана Константиновича отъ перваго брака, или, другими словами, что кн. Иванъ Константиновичъ женился на Басмановой, будучи вдовцомъ, и что, слѣдовательно, Петръ Басмановъ и князь Иванъ Курлятевъ были сводные братья. Беръ, по незнанію, назвалъ кн. Курлятева [5]) княземъ Голицынымъ,—ошибка, для иноземца, возможная.

---

[1]) Второй сынъ кн. Юрія Васильевича.

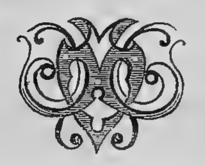
[2]) Сказанія современниковъ. Спб. 1831, I, 99. По Никоновской лѣтописи (VIII, 75), Петръ Басмановъ похороненъ былъ у Николы Мокраго.

[3]) Rerum Rossicarum Scriptores Exteri. Petropoli. 1851, I, 58.

[4]) Ibid., 193.

[5]) Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ въ спискѣ чиновъ 1605 г. названъ чашникомъ великимъ и присутствовалъ при свадьбѣ Лжедимитрія. Древ. Росс. Вивл., XIII, 119 и 121.

Между тѣмъ наши генеалоги, труды большинства которыхъ лишены исторической критики и, вслѣдствіе этого, представляютъ весьма малую научную цѣнность, приняли на вѣру показаніе хроники Бера, несомнѣнно ошибочное. Очевидно, что признаніе ими точнымъ показанія ошибочнаго, не подвергнутаго ими анализу, неизбѣжно должно было, въ свою очередь, привести къ новымъ ошибкамъ и, дѣйствительно, къ нимъ привело.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLIV [1]).

Взятіе французскихъ блокгаузовъ.—Принцесса Ангальтская.—Маршалъ Ней.— Сраженіе при Денневицѣ.—Полковникъ Лачиновъ.—Въ ожиданіи дуэли.— Баронъ Паленъ.

Я не заставилъ себя долго ждать; я былъ радъ служить подъ начальствомъ молодаго генерала, который уже успѣлъ заявить о себѣ, умѣлъ разсчитать свои движенія и пользоваться обстоятельствами.

Генералъ Чернышевъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ—не завидовать подчиненнымъ; напротивъ, онъ давалъ имъ случай отличиться, умѣлъ выставить ихъ заслуги и такъ какъ онъ пользовался благоволеніемъ при дворѣ, то награды сыпались на тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ.

Онъ сообщилъ мнѣ свой планъ атаковать одновременно всѣ аванпосты передъ Виттенбергомъ и поручилъ мнѣ командованіе его правымъ флангомъ и приказалъ мнѣ начать атаку.

Непріятель, находившійся у опушки лѣса, встрѣтилъ меня довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Чернышевъ пустилъ въ ходъ орудія и далъ мнѣ такимъ образомъ возможность обойти лѣсъ и взять одинъ блокгаузъ, который непріятель, застигнутый мною врасплохъ, тотчасъ покинулъ; я взялъ его, не потерявъ ни одного человѣка.

Послѣ того какъ блокгаузъ былъ взятъ, всѣ остальные, находившіеся на этой линіи блокгаузы были оставлены французами и заняты нашими войсками.

Мы никакъ не ожидали столь блестящаго результата, и когда объ немъ донесли королевскому принцу, то онъ не хотѣлъ вѣрить этому.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1901 г. августъ.

— Я считаю казаковъ способными на многое, сказалъ онъ, но все-таки не думаю, чтобы они могли брать блокгаузы, обороняемые французами.

Если подвигъ цѣнится по количеству потерянныхъ людей, то подвигъ, совершенный нами, былъ ничтоженъ, такъ какъ мы не потеряли при этомъ ни одного человѣка.

Наше движеніе было совершено смѣло и быстро; оно внушило страхъ непріятелю, который предполагалъ, вѣроятно, что за нами шла пѣхота и, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости, оставилъ эти блокгаузы, которые мы тотчасъ принялись разрушать; но это дѣло было не легкое, и намъ не удалось бы выполнить его безъ помощи крестьянъ, коимъ мы позволили взять всѣ деревянныя части зданій.

Послѣ этого Чернышевъ устроилъ свою главную квартиру въ Смилькендорфѣ и поручилъ мнѣ командованіе аванпостами.

Я обѣдалъ у него каждый день; обѣдъ присылался ему отъ принцессы Ангальтской, двоюродной сестры и современницы Екатерины II, которая жила въ Косвигѣ. Обѣдъ привозили въ фургонѣ, запряженномъ четверкою лошадей, и Чернышевъ получалъ его буквально горячимъ.

Въ числѣ приглашенныхъ находились обыкновенно Константинъ Бенкендорфъ и Шоппингъ (Schoppingh); изъ нихъ первый услаждалъ насъ игрою на гитарѣ, а второй—своимъ прекраснымъ голосомъ. Романсы и водевильные куплеты, которые я слушалъ, лежа на соломѣ и покуривая трубку, доставляли мнѣ болѣе удовольствія, нежели въ театрѣ.

Къ моимъ аванпостамъ пріѣхалъ адъютантъ королевскаго принца съ письмомъ отъ его королевскаго высочества къ маршалу Нею.

Это былъ графъ Лилленкровъ или Лилленкранцъ, обратившій общее вниманіе въ Парижѣ своей красивой наружностью и пріятнымъ обхожденіемъ; его сопровождало нѣсколько англичанъ, находившихся при главной квартирѣ принца.

Не дожидаясь появленія трубача, я приблизился къ французскимъ аванпостамъ и сдѣлалъ знакъ платкомъ, что я желаю говорить съ ними.

Мнѣ предложили подъѣхать ближе; между тѣмъ явился трубачъ, котораго я просилъ Чернышева прислать мнѣ; графъ Лилленкровъ также подъѣхалъ. Въ этотъ моментъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей.

Къ счастью никто, кромѣ моей бѣдной лошади, не былъ раненъ.

Однако, письмо надобно было передать во что бы то ни стало; поэтому приходилось вновь продѣлать тотъ же маневръ.

Этотъ разъ изъ предосторожности я приблизился къ французамъ пѣшкомъ и приказалъ трубить, что есть мочи.

Заслышавъ выстрѣлы, полковникъ выбѣжалъ изъ крѣпости; онъ подошелъ ко мнѣ и вѣжливо извинился, взялъ депешу изъ рукъ адъютанта, и мы возвратились на бивуакъ, довольные тѣмъ, что у насъ никто не былъ раненъ, хотя въ насъ и стрѣляли чуть не въ упоръ.

Однако, королевскій принцъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія своего адъютанта, написалъ маршалу Нею, прося его сдѣлать необходимыя распоряженія, дабы избѣжать повторенія фактовъ, столь противныхъ военнымъ обычаямъ и честности.

Маршалъ Ней извинился передъ нимъ, обѣщалъ, что виновные будутъ наказаны, присовокупивъ, что выстрѣлы были сдѣланы не французами, но поляками и что онъ ручается за то, что если принцъ пожелаетъ вести съ нимъ переговоры, то его парламентеры не будутъ подвергаться оскорбленіямъ.

Пока мы проводили время, истребляя вкусные обѣды принцессы Ангальтской, любуясь колокольнями Виттенберга и вспоминали неугомоннаго Лютера, который произвелъ изъ своей монашеской кельи такой переворотъ въ Европѣ. Начались приготовленія къ достопамятному сраженію при Денневицѣ.

Маршалъ Ней двинулъ свои войска къ Ютербоку. Королевскій принцъ перемѣнилъ фронтъ и нанесъ ему рѣшительное пораженіе.

Въ сраженіи принимала участіе часть корпуса Воронцова. Кавалерія барона Палена покрыла себя славою; ею были взяты первыя орудія. И этотъ разъ энергичнѣе всѣхъ дѣйствовали пруссаки.

Генералъ Чернышевъ отправилъ меня на лѣвый флангъ въ Лютербрунненъ, откуда я долженъ былъ оперировать на Цаане и Зейда.

Я прибылъ туда въ тотъ моментъ, когда началось бѣгство Нея; такъ какъ его сообщеніе съ Виттенбергомъ было прервано, то онъ былъ вынужденъ отступить къ Іоргау; это движеніе вызвало большое замѣшательство въ войскѣ; Ней потерялъ много людей, которые были взяты въ плѣнъ, и не мало орудій. Я, со своей стороны, взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, много повозокъ и резервныхъ парковъ.

Потерпѣвъ пораженіе, Ней перешелъ обратно Эльбу, чтобы реорганизовать свою армію, которая была почти вся истреблена.

Королевскій принцъ пошелъ на Косвигъ и Цербстъ.

Чернышевъ оставилъ меня одного у Виттенберга, чтобы наблюдать за непріятелемъ до прибытія графа Тауенцина, которому было поручено вести осаду Виттенберга и Торгау.

Я расположился на высотахъ Аполлендорфа, откуда могъ слѣдить за всѣми движеніями непріятеля. Вскорѣ прибылъ графъ Тауенцинъ (Tauensien), а я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе присоединиться къ нему на равнинахъ Цербста.

На этихъ плодоносныхъ равнинахъ была сосредоточена вся сѣверная армія, съ цѣлью приготовиться къ переправѣ черезъ Эльбу или двинуться на оборону Берлина и дать третье сраженіе въ случаѣ, если бы Наполеону вздумалось идти на эту столицу.

Я передалъ занятые мною посты пруссакамъ и уѣхалъ въ ту же

ночь; не останавливаясь въ Косвигѣ, переполненномъ шведами, я прибылъ рано утромъ въ Біацъ (Biaz), сборный пунктъ всѣхъ казацкихъ полковъ.

Въ самой деревнѣ стоялъ полковникъ Лачиновъ, командовавшій полкомъ калмыковъ; онъ собралъ, по приказанію генерала Стааля, весь бывшій въ этой деревнѣ фуражъ. Я попросилъ его подѣлиться со мною; онъ прикинулся глухимъ. Такъ какъ генерала Стааль не было, то мнѣ приходилось либо обойтись безъ фуража, либо взять его силою.

Мои лошади изнемогали отъ усталости, поэтому я не колебался. Я приказалъ казацкой сотнѣ сѣсть на лошадей и, взявъ вторую сотню для подкрѣпленія, отправился съ ними, чтобы взять силою то, что мнѣ не хотѣли дать добровольно.

Это надѣлало страшнаго шума; калмыки сбѣжались, чтобы защитить свои магазины; мои казаки угрожали имъ, держа пики на перевѣсъ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи связывали копны сѣна и увозили ихъ. Полковникъ былъ взбѣшенъ этимъ самоуправствомъ, которое произошло по его винѣ, и послалъ письменную жалобу графу Воронцову.

Тѣмъ временемъ мои лошади наѣлись всласть; я этого только и хотѣлъ и не заботился объ остальномъ, такъ какъ я чувствовалъ себя совершенно правымъ: я взялъ силою сѣно, которое было получено путемъ реквизиціи, а не было куплено за деньги.

Графъ Воронцовъ, который меня совершенно не зналъ, весьма естественно, повѣрилъ взведенному противъ меня обвиненію и писалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, съ соблюденіемъ должной вѣжливости. Оправдывать свой поступокъ письменно казалось мнѣ слишкомъ долго, поэтому я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ графу.

Дѣло было улажено въ пять минутъ.

Отказывая мнѣ въ сѣнѣ, полковникъ Лачиновъ сослался на пословицу: «всякій за себя, Богъ за всѣхъ»; на этомъ основаніи и я сказалъ графу Воронцову, что хотя мои лошади не были знакомы съ пословицами, но онѣ потребовали отъ меня того же и такъ какъ я исполнилъ ихъ просьбу, то могу выступить со своимъ отрядомъ минутъ черезъ пять, если онъ прикажетъ.

Графъ Воронцовъ не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ:

— Хотя вы и поступили самовольно, но, будь я на вашемъ мѣстѣ, я поступилъ бы точно такъ же: первая обязанность всякаго начальника заботиться о своемъ отрядѣ, къ тому же жители деревни были обязаны кормить всѣхъ. Полковникъ Лачиновъ не понялъ смысла приказанія, даннаго мною генералу Стаалю. Оставимте это дѣло; Лачиновъ также забудетъ о немъ; ваши лошади и люди имѣютъ все необходимое, поэтому вы можете сѣсть со мною въ коляску и отправиться въ глав-

ную квартиру: королевскій принцъ и генералъ Винценгероде имѣютъ въ васъ надобность.

Генералъ Винценгероде пригласилъ меня отобѣдать; онъ сказалъ мнѣ, что писалъ императору и просилъ о наградѣ для меня; я былъ польщенъ его пріемомъ и доволенъ тѣмъ, что онъ сулилъ мнѣ въ будущемъ.

Пригласивъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, онъ приказалъ мнѣ выступить два часа спустя, обѣщалъ дать мнѣ въ видѣ подкрѣпленія полкъ тверскихъ волонтеровъ и предписалъ переправиться черезъ Эльбу вплавь, занять мѣстность между Заалою и Мульдою, наблюдать за Магдебургомъ, запастись лодками и матеріалами, нужными для постройки моста черезъ Эльбу у Акена, собрать съ жителей контрибуцію и пройти впередъ какъ можно далѣе, прикрывая въ то же время движеніе генерала Чернышева на Кассель.

«Почему бы мнѣ не блокировать въ то же время и луну»? подумалъ я, но промолчалъ, что приходилось, къ сожалѣнію, дѣлать довольно часто, получая столь несообразныя приказанія.

И такъ я былъ снова предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ.

Эта самостоятельность сопряжена съ большою отвѣтственностью поэтому приходится немало волноваться и тревожиться, но зато пріобрѣтаешь въ одинъ годъ болѣе опытности, нежели служа въ арміи десять лѣтъ.

Привычка дѣлать многое на свою отвѣтственность вырабатываетъ твердость характера и сообразительность, необходимыя во всякомъ дѣлѣ.

На обратномъ пути я остановился на минутку на бивуакѣ, и приказавъ казакамъ сѣсть на лошадей, поѣхалъ далѣе. Мнѣ пришлось проѣхать черезъ деревню, занятую полковникомъ Лачиновымъ съ его калмыками. Нуждаясь въ проводникѣ, я просилъ сельскаго старосту дать мнѣ таковаго, но оказалось, что Лачиновъ уже забралъ всѣхъ людей, кои могли быть намъ полезны.

Пришлось снова вступить съ нимъ въ переговоры и просить его уступить мнѣ хотя одного человѣка; но полковникъ, разсерженный тѣмъ, что я взялъ у него силою магазинъ съ сѣномъ, отказалъ мнѣ въ этомъ наотрѣзъ. Я не сталъ спорить и удалился. Но какъ только онъ ушелъ къ себѣ, я вернулся и, благодаря моему знакомству съ нѣмецкимъ языкомъ, мнѣ удалось безъ труда за два экю соблазнить одного изъ его проводниковъ; ко мнѣ явились еще два молодца, перескочивъ черезъ заборъ со двора, гдѣ ихъ держали подъ присмотромъ.

Когда полковнику донесли объ этомъ, то онъ прибѣжалъ ко мнѣ взбѣшенный и потребовалъ объясненія. Я отвѣчалъ спокойно, что мой поступокъ былъ вызванъ крайнею необходимостью. Мнѣ нуженъ былъ

хорошій проводникъ, а онъ оставался на мѣстѣ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько проводниковъ.

Дрожа отъ гнѣва, онъ потребовалъ отъ меня удовлетворенія.

— Охотно,—отвѣчалъ я,—но не теперь; въ настоящее время я себѣ не принадлежу, я долженъ отправиться въ экспедицію, которую я не могу отложить. Въ первую же свободную минуту я буду къ вашимъ услугамъ и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ тогда въ проводникѣ на тотъ свѣтъ, котораго вы не хотѣли дать мнѣ на семъ свѣтѣ.

Онъ удовольствовался моимъ словомъ, хотя шутка, сказанная мною, вызвала съ его стороны маленькую гримасу; мы условились драться при первой же встрѣчѣ.

Къ несчастью для него и, быть можетъ, къ счастью для меня онъ былъ вскорѣ убитъ. Я искренно пожалѣлъ о немъ: хотя это былъ человѣкъ не далекій, но вполнѣ честный и порядочный; во всякомъ случаѣ дуэль въ военное время, по моему мнѣнію, вещь нелѣпая; каждый изъ насъ ежедневно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Покончивъ съ этимъ, я направился къ тому пункту, гдѣ я считалъ возможнымъ безъ особеннаго труда переправиться черезъ Эльбу.

Вскорѣ я встрѣтилъ графа Воронцова съ его начальникомъ штаба, генераломъ Понсэ (Poncet); онъ ѣхалъ въ дрожкахъ оттуда, гдѣ я долженъ былъ переправиться черезъ рѣку.

Мы долго говорили объ экспедиціи, которую мнѣ предстояло совершить; онъ увѣрялъ меня, что мнѣ нельзя будетъ переправиться черезъ рѣку иначе, какъ вплавь, что было не особенно пріятно.

Со своей очаровательной улыбкою, Воронцовъ сказалъ, что ему очень пріятно видѣть, какъ весело и беззаботно я иду на встрѣчу опасности.

— Да,—отвѣчалъ я,—но повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Меня уже пятый разъ посылаютъ развѣдать, что дѣлается въ тылу непріятельской арміи!

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что вашъ кувшинъ останется цѣлъ.

XLV.

Переправа через Эльбу вплавь.—Шведскій королевскій принцъ.—Графъ Лемарруа.—Камергеръ Вестфальскаго двора.—Генералъ Ланюссъ и казаки.—Воронцовъ и Дмитрій Нарышкинъ.—Бюллетень шведскаго королевскаго принца.—Генералъ Гиршфельдъ.—Полковники: Платенъ и Бойне.—Винценгероде и Бюловъ.—Занятіе Бернбурга.

Я присоединился къ генералу Чернышеву на самомъ берегу Эльбы, гдѣ онъ со своей обычной дѣятельностью успѣлъ уже соорудить небольшой плотъ и переправить на другой берегъ нѣсколько орудій и батальонъ гренадерскаго полка подполковника Бекера, который долженъ былъ прикрывать нашу переправу.

Лошади переправились вплавь; надъ водою выставлялись только ихъ ноздри и уши. Во время этой переправы шелъ проливной дождь, такъ что всѣмъ намъ, такъ или иначе, пришлось вымокнуть. Я потерялъ при этомъ только одну лошадь; всѣ остальныя переплыли рѣку благополучно.

Молодымъ офицерамъ, коимъ придется совершить когда-либо подобную переправу, могу дать слѣдующій совѣтъ: лошадей надобно ставить треугольникомъ, острымъ угломъ впередъ. Въ вершинѣ этого угла долженъ находиться хорошій и смѣлый пловецъ, а по обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ поставить смѣлыхъ людей, которые заставили бы лошадей войти въ воду. Какъ только онѣ будутъ въ водѣ, дѣло пойдетъ само собою; ни одна лошадь не повернетъ назадъ; ими руководитъ инстинктъ.

Вступивъ на лѣвый берегъ, промокши до костей, я тотчасъ отправился къ Заалѣ и расположился на ночлегъ на берегу этой рѣки въ замкѣ Розенбурга, принадлежащемъ шведскому королевскому принцу, и который былъ пожалованъ ему Наполеономъ, какъ французскому маршалу.

Помѣщеніе въ замкѣ было прекрасное, управляющій имъ г. Гоничъ оказался весьма любезнымъ, а его жена была хороша собою и очаровательна.

Я сушился передъ каминомъ, когда прибылъ адъютантъ генерала Чернышева, съ приказаніемъ прибыть къ нему.

Совершивъ переправу такъ же благополучно, какъ я, генералъ остановился въ разстояніи полуверсты отъ Розенберга.

Какъ мнѣ ни было досадно тащиться снова ночью, по дождю, но я не могъ отвѣчать отказомъ и поѣхалъ.

Генералъ сообщилъ мнѣ, что ему приказано вернуться: шведскому королевскому принцу донесли, что изъ Магдебурга выступилъ французскій отрядъ численностью въ 5.000 человѣкъ, чтобы занять Бернбургъ

и теченіе Заалы; поэтому можно было ожидать, что онъ атакуетъ насъ на слѣдующій день и такъ какъ мы были гораздо малочисленнѣе его и намъ некуда было отступить, то, по всей вѣроятности, мы утонули бы въ Эльбѣ. Поэтому принцъ приказалъ Чернышеву немедленно начать отступленіе. Генералъ предупредилъ меня, что онъ выполнитъ это движеніе въ ту же ночь, и совѣтовалъ послѣдовать за нимъ, такъ какъ и я, вѣроятно, незамедлю получить подобное же приказаніе.

Такъ какъ цѣль моей экспедиціи была совершенно иная и я былъ подчиненъ непосредственно графу Воронцову и поэтому долженъ былъ руководствоваться его приказаніями, то мнѣ слѣдовало выждать ихъ. Поэтому я отвѣчалъ, что не могу воспользоваться его совѣтомъ, и буду ожидать приказаній.

Генералъ дружески замѣтилъ мнѣ, что я подвергаю себя большой отвѣтственности; если его считали слишкомъ слабымъ, чтобы противустоять непріятелю, тѣмъ болѣе мнѣ нельзя было полагаться на мои незначительныя силы.

— Вамъ достаточно совѣта, который я вамъ даю,—присовокупилъ онъ.—Бываютъ обстоятельства, когда совѣтъ замѣняетъ непосредственное приказаніе.

Когда я попросилъ его изложить этотъ совѣтъ письменно, то онъ отвѣчалъ отказомъ; поэтому я рѣшилъ остаться.

— Предоставляю васъ судьбѣ,—сказалъ генералъ,—но не пеняйте на меня, если я не одобряю ваше рѣшеніе.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я,—за ваши добрые совѣты и за выказанное мнѣ участіе; вы не сомнѣваетесь, конечно, что мнѣ было бы пріятно исполнить ваше приказаніе, но въ настоящую минуту позвольте мнѣ поступить такъ, какъ повелѣваетъ долгъ.

Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и удалился.

Я разослалъ во всѣ стороны развѣдчиковъ, чтобы слѣдить за движеніемъ мнимаго 5.000 корпуса, такъ напугавшаго шведскаго королевскаго принца.

Одинъ прусскій офицеръ, поручикъ Клицингъ, зять хозяйки зáмка, пріѣхавшій туда тайкомъ для свиданія со своей молодой женою, переправился по моей просьбѣ черезъ Заалу. Какъ мѣстный житель, онъ выполнилъ возложенное на него порученіе такъ успѣшно, что возвратился три часа спустя со ста лошадьми, нагруженными овсомъ, водкою и съ 50 быками, коихъ гнали въ Магдебургъ и которыхъ онъ захватилъ близъ этой крѣпости.

Онъ увѣрилъ меня, что въ окрестностяхъ никто не слышалъ о появленіи непріятельской колонны.

Хотя я получилъ, въ свою очередь, отъ графа Воронцова приказаніе слѣдовать за генераломъ Чернышевымъ, но, будучи лучше его освѣ-

домленъ о положеніи дѣлъ, я рѣшилъ на свой страхъ не исполнять это приказаніе и отправилъ въ главную квартиру графа транспортъ, захваченный мною у самыхъ воротъ Магдебурга.

Я писалъ ему въ своемъ донесеніи, что такъ какъ приказаніе перейти обратно Эльбу было дано мнѣ вслѣдствіе распространившагося извѣстія о появленіи французскаго отряда, идущаго изъ Магдебурга, то я считаю долгомъ (такъ какъ этой колонны нигдѣ не видали) не оставлять занятой мною весьма выгодной позиціи, тѣмъ болѣе, что мнѣ уже удалось достать и спустить на рѣку лодки, находящіяся на Заалѣ. Я ручался головою за цѣлость моего отряда и выражалъ надежду, что графъ Воронцовъ оцѣнитъ мою рѣшимость остаться на лѣвомъ берегу Эльбы и извинитъ меня за неповиновеніе, принимая во вниманіе, какія важныя причины руководили моимъ рѣшеніемъ.

Графъ Воронцовъ, умѣвшій оцѣнить все то, что дѣлалось подъ вліяніемъ настоятельной необходимости, одобрилъ мое рѣшеніе, но возлагалъ на меня всю отвѣтственность за послѣдствія, какія оно могло имѣть. Онъ рѣшилъ, однако, просить королевскаго принца и генерала Винценгероде отмѣнить данное мнѣ приказаніе.

Дѣйствительно, мнѣ было разрѣшено продолжать мои операціи на Заалѣ; генералу Чернышеву велѣно было вторично перейти Эльбу и идти на Кассель. А мнѣ было поручено прикрывать его движеніе, наблюдать за Магдебургомъ и въ особенности за всѣми отрядами, какіе непріятель могъ выслать изъ этой крѣпости, тревожить его какъ можно болѣе, постараться дойти до Гальберштадта и Вольфенбюттеля и кружиться около Бернбурга, чтобы обезпечить отступленіе Чернышева, если бы ему пришлось совершить его въ этомъ направленіи.

Съ этой цѣлью, я немедленно переправился черезъ Заалу у Резенбурга, гдѣ едва не утонулъ. Послѣ этого я направился къ Барбы (Barby), откуда прогналъ эскадронъ конныхъ егерей; въ Гроссензальца (Grossensalza) также находился отрядъ егерей, которые, получивъ подкрѣпленіе, атаковали насъ, но были опрокинуты и оставили въ моихъ рукахъ до двадцати плѣнныхъ солдатъ и двухъ офицеровъ.

Оттуда я пошелъ на Шенебекъ, разославъ сильные отряды къ Фрозе, Фемерслебену и Оттенлебену.

Встревоживъ этими быстрыми движеніями всѣ непріятельскіе отряды, находившіеся внѣ стѣнъ Магдебурга, я вернулся обратно и остановился въ Кальбе, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, и въ тотъ же вечеръ отправился чрезъ Стасфуртъ (Stasfurth), чтобы ночевать въ Ашерслебенѣ (Aschersleben).

Бросивъ взглядъ на карту, всякій убѣдится, что подобные переѣзды могутъ быть совершены только на казацкихъ лошадяхъ. Всякая иная кавалерія совершенно выбилась бы изъ силъ.

Я имѣлъ при этомъ цѣлью заставить графа де-Лемарруа подумать, что вся Магдебургская равнина была наводнена нашими войсками: этотъ планъ удался вполнѣ, такъ какъ онъ приказалъ всѣмъ отрядамъ, находившимся въ этой мѣстности, отступить къ городу.

На слѣдующее утро я появился въ Гальберштадтѣ, къ великому удивленію жителей, и расположился лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ генералъ Чернышевъ столь блистательно взялъ въ плѣнъ генерала Окса и захватилъ 24 орудія.

Я былъ въ тотъ же день въ Вольфенбюттелѣ и узналъ, что Чернышевъ прошелъ черезъ Брауншвейгъ безпрепятственно и шелъ къ Касселю.

Желая доставить это пріятное извѣстіе какъ можно скорѣе въ главную квартиру, я повернулъ обратно, завладѣвъ, однако, предварительно всѣми вещами, принадлежавшими вестфальскому правительству, какъ-то: кассою, архивами и списками тайной полиціи, изъ коихъ мы узнали имена многихъ лицъ, служившихъ шпіонами, и могли такимъ образомъ остерегаться ихъ впредь.

Я воспользовался своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ этой мѣстности, чтобы обложить жителей довольно значительной контрибуціей въ видѣ овса, водки, быковъ и лошадей для артиллеріи, которые были препровождены въ Бернбургъ, гдѣ, по приказанію главной квартиры, я долженъ былъ занять позицію.

Чтобы обложить жителей контрибуціей какъ можно равномѣрнѣе, я созвалъ властей Гальберштадта, Вольфенбюттеля и Кведлинбурга и поручилъ имъ наблюдать за этимъ, но рѣшилъ, однако, со своей стороны, слѣдить за тѣмъ, чтобы мои приказанія были строго исполнены.

Всѣ лица, приглашенныя мною, явились въ назначенное время, понимая, какъ важно было ихъ присутствіе въ вопросѣ, имѣвшемъ такое огромное значеніе для страны.

Только одинъ бывшій камергеръ прусскаго двора, всецѣло преданный въ то время вестфальскому правительству, не явился лично, а прислалъ протестъ по поводу объявленной мною мѣры, которую онъ называлъ противузаконной. Такъ какъ мнѣ некогда было обсуждать вопросъ о законности, то я приказалъ двадцати казакамъ сѣсть на лошадей и привезти бывшаго камергера изъ его за́мка силою, что̀ и было исполнено. Я никогда не видалъ болѣе жалкой физіономіи.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ, я работалъ съ его коллегами; я приказалъ поставить ему стулъ въ углу въ той залѣ, гдѣ происходило наше совѣщаніе. Когда всѣ бумаги были изготовлены, то онъ подписалъ ихъ вмѣстѣ съ остальными, и его супруга, прибѣжавшая изъ за́мка, чтобы просить о его помилованіи, была очень удивлена, увидавъ его съ перомъ въ рукахъ, подписывавшаго, правда, не особенно охотно, актъ, который прочіе подписали добровольно.

Прибывъ въ Бернбургъ, я поспѣшилъ ознакомиться съ мѣстностью, будучи увѣренъ, что генералъ Лемаррyа не оставитъ меня въ покоѣ; я поставилъ двѣ сотни казаковъ въ Кальбе (Kalbe) и, не теряя времени, сталъ переправлять на другой берегъ лодки и матеріалы, необходимые для сооруженія моста, по которому Сѣверная армія должна была перейти Эльбу; всѣ эти матеріалы были сосредоточены генераломъ Александромъ Бенкендорфомъ въ Акенѣ.

Я нашелъ въ Ротенбургѣ очень большія барки, которыя доставили мнѣ немало хлопотъ, такъ какъ французы пустили ихъ ко дну. Но мнѣ удалось починить ихъ и отправить, куда слѣдуетъ, но графъ Лемаррyа, желая помѣшать этому, приказалъ генералу Ланюссу (Lanusse) атаковать меня. Мои аванпосты предупредили во-время о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи; я рѣшилъ защищать свою позицію, на сколько позволятъ мои средства и данныя обстоятельства. Дѣйствительно, вскорѣ показалась голова колонны, шедшей изъ Гаттерслебена.

Я отлично понималъ, что, не имѣя ни пѣхоты, ни артиллеріи, я не имѣлъ шансовъ на успѣхъ, но, не желая оставить позицію, не предпринявъ все возможное, чтобы сохранить ее, я сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Полкъ Попова былъ поставленъ передъ Бернбургомъ, въ оврагѣ, который тянулся параллельно большой дорогѣ, коей шелъ непріятель. Этотъ оврагъ скрывалъ устроенную противъ него засаду.

Я приказалъ полку пропустить пѣхоту и атаковать кавалерію, шедшую въ нѣкоторомъ разстояніи позади пѣхотной колонны. Надѣясь смѣшать непріятеля этимъ неожиданнымъ движеніемъ, я разсчитывалъ, что онъ остановится; а я всталъ съ полкомъ тверскихъ волонтеровъ на большой дорогѣ впереди Бернбурга.

Какъ только французская кавалерія выступила изъ деревни, я приказалъ атаковать ее, производя адскій шумъ; она не успѣла построиться. Считая себя въ совершенной безопасности, французы не приняли обычныхъ предосторожностей: поэтому кавалерія была опрокинута и отброшена къ пѣхотѣ, потерявъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ, взятыхъ нами въ плѣнъ.

Эта внезапная атака пріостановила, какъ я и ожидалъ, движеніе пѣхоты.

Генералъ Ланюссъ приказалъ выдвинуть орудія и открылъ по моему отряду сильный огонь. Благодаря тому, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ методично, я успѣлъ собрать полкъ Попова, который отступилъ къ занятой мною позиціи; а это было бы чрезвычайно трудно выполнить, если бы генералъ Ланюссъ быстро и энергично двинулся впередъ, что я, конечно, сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Я говорю это не для того, чтобы похвастать; я всегда дѣйствовалъ по вдохновенію, и опытъ показалъ

мнѣ, что это былъ наилучшій и зачастую самый безопасный образъ дѣйствій.

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то генералъ Ланюссъ убѣдился, что я просто-на-просто надулъ его. Тогда онъ двинулъ свое войско впередъ, велѣлъ бить атаку, осыпалъ меня картечью и заставилъ отступить.

Уланскій поручикъ Сонинъ, исполнявшій обязанности моего адъютанта, былъ контуженъ, и подъ нимъ была убита лошадь, но это не помѣшало ему поскакать во весь опоръ къ графу Воронцову, чтобы сказать ему отъ моего имени, что я не надѣюсь удержаться въ Бернбургѣ, хотя онъ находился еще въ моихъ рукахъ.

Французская колонна безъ труда проникла въ городъ; мы продолжали сражаться въ рукопашную на улицахъ Бернбурга.

Я приказалъ казачьей сотнѣ спѣшиться; эти превосходные стрѣлки, вооруженные хорошими ружьями, обороняли мостъ, который мнѣ вовсе не хотѣлось отдать непріятелю.

Въ этомъ пунктѣ происходила оживленная перестрѣлка до тѣхъ поръ, пока генералъ Ланюсъ не поставилъ двухъ орудій такъ, что они могли обстрѣливать мостъ въ длину, между тѣмъ какъ изъ двухъ другихъ орудій стрѣляли по немъ съ боку; такъ какъ весь берегъ былъ кромѣ того усѣянъ стрѣлками, то съ моей стороны было бы безуміемъ долѣе защищать мостъ и жертвовать напрасно моими храбрыми казаками. Поэтому я былъ вынужденъ оставить его, снявъ предварительно нѣсколько досокъ, чтобы непріятель не могъ преслѣдовать меня по пятамъ. Я занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Французы быстро починили мостъ и атаковали меня на моей позиціи. Ихъ поддерживали два эскадрона кирасиръ. Собравъ легкую кавалерію, съ которой я имѣлъ дѣло часъ тому назадъ, они вышли изъ города и вступили со мною въ бой, за ними шла пѣхота по узкой улицѣ, подававшейся довольно круто въ гору.

Я окружилъ кирасиръ и смѣло атаковалъ ихъ; они повернули обратно, но не смѣшались; однако, отступая, они опрокинули легкую кавалерію, которую я такъ хорошо проучилъ по утру, а она оттѣснила, въ свою очередь, пѣхоту; въ концѣ концовъ войско пришло въ замѣшательство и перешло обратно черезъ мостъ, коимъ я снова овладѣлъ.

Послѣ этой стычки, происшедшей на улицахъ города, мостъ и самый городъ остались во власти генерала Ланюсса, я же занялъ позицію позади маленькой рѣчки, въ четверти верстахъ отъ Бернбурга. Огонь прекратился, и мы разставили аванпосты въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Наши потери, которыя могли бы быть весьма значительны, соотвѣтственно тѣмъ усиліямъ, какія были употреблены нами, чтобы удер-

жать теченіе Заалы, оказались не особенно велики. Я взялъ у французовъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ.

Между прочимъ два казака, изъ полка Попова, увлекшись сраженіемъ на улицахъ Бернбурга, замѣтили слишкомъ поздно, что мною былъ данъ сигналъ къ отступленію и были окружены французами на самомъ мосту. Перила моста были сломаны; они этимъ воспользовались и смѣло соскочили съ моста на своихъ лошадяхъ съ высоты 8 — 10 саженей.

Такъ какъ французы заняли уже оба берега, то помочь имъ не было возможности; одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ въ рѣкѣ, а другой взятъ въ плѣнъ здравымъ и невредимымъ.

Доблестный генералъ Ланюссъ, бывшій свидѣтелемъ этого геройскаго поступка, приказалъ положить казака въ свою карету и отправилъ его вмѣстѣ съ товарищемъ къ губернатору Магдебурга, графу де-Лемаррура, наградивъ каждаго изъ нихъ наполеондоромъ.

Я узналъ объ этомъ изъ донесенія генерала Ланюсса, перехваченнаго моими развѣдчиками, и которое я препроводилъ чрезъ графа Воронцова къ шведскому королевскому принцу; онъ былъ въ восторгѣ. Изъ этого же донесенія онъ узналъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма энергично, за что онъ и выразилъ мнѣ благодарность въ дневномъ приказѣ.

Послѣ этого сраженія я провелъ ночь весьма тревожно на бивуакѣ.

Графъ Воронцовъ, слышавъ кононаду и узнавъ нѣкоторыя подробности отъ моего адъютанта, посылалъ своихъ офицеровъ узнать, въ какомъ я нахожусь положеніи. Онъ тревожился за работы, начатыя въ Акенѣ и Росславѣ (Rosslaw).

Я досадовалъ по поводу того, что мнѣ пришлось покинуть Бернбургъ, и рѣшилъ атаковать непріятеля на слѣдующій день и прогнать его во что бы то ни стало.

Я хотѣлъ добиться хитростью того, чего мнѣ не удалось достигнуть силою. Отъ преданныхъ мнѣ людей я получилъ самыя точныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля и о томъ, какія контрибуціи онъ собиралъ съ жителей.

Занявъ довольно выгодную позицію, въ четверти верстахъ отъ города, позади небольшой рѣчки съ весьма крутыми берегами, и имѣя для отступленія два каменныхъ моста, одинъ отъ другаго на разстояніи трехъ верстъ, я приказалъ охранять эти мосты сильными отрядами, и на слѣдующій день я надѣлалъ хлопотъ французамъ, непрестанно тревожа ихъ и подготовляя такимъ образомъ атаку.

Я хотѣлъ утомить французовъ, держа ихъ весь день въ тревогѣ. Чтобы скрыть отъ нихъ численность моихъ силъ, я спряталъ казаковъ позади деревни и приказалъ имъ, время отъ времени, бить въ един-

ственный бывшій въ моемъ распоряженіи барабанъ, чтобы они думали, что ко мнѣ подходитъ на помощь пѣхота.

Съ наступленіемъ ночи, я послалъ двѣ сотни, подъ командою прусскаго поручика Клицинга, прекрасно знакомаго съ мѣстностью, приказавъ ему переправиться черезъ Заалу вплавь, въ разстояніи одной мили отъ Бернбурга и появиться по ту сторону города, на Магдебургской дорогѣ, надѣлавъ болѣе шума, нежели причинивъ вреда непріятелю. Кромѣ того я намѣревался атаковать на разсвѣтѣ французскіе посты, опрокинуть ихъ и вступить въ городъ, смѣшавшись съ ними.

За часъ до восхода солнца, я атаковалъ одновременно всѣ аванпосты непріятеля. Счастье благопріятствовало мнѣ; ни одинъ человѣкъ не ускользнулъ отъ меня, всѣ были взяты въ плѣнъ. Я поскакалъ къ мосту, гдѣ французы не оказали мнѣ почти никакого сопротивленія; овладѣлъ имъ и вступилъ въ городъ.

По ту сторону города, мой отрядъ дѣйствовалъ такъ же успѣшно. Генералъ Ланюссъ, застигнутый буквально врасплохъ, приказалъ отступать и, собравъ своихъ солдатъ, оставилъ городъ. Намъ достались всѣ повозки, нагруженныя разными предметами, взятыми у жителей въ видѣ контрибуцій. Поручикъ Клицингъ преслѣдовалъ непріятеля верстъ съ десять, а я былъ безконечно радъ, имѣвъ возможность помѣтить свое донесеніе графу Воронцову изъ самаго Бернбурга.

Графъ Воронцовъ былъ весьма доволенъ достигнутымъ результатомъ, а шведскій королевскій принцъ, узнавъ обо всемъ изъ моего донесенія и въ особенности изъ донесенія, посланнаго генераломъ Ланюссомъ графу Лемарруа и перехваченнаго казаками, былъ такъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ крестъ (la croix militaire du glaive), и просилъ императора дать мнѣ Георгія. Я получилъ его, наконецъ, хотя мнѣ слѣдовало имѣть его, по представленію генерала Ермолова, за Бородинское сраженіе и по представленію генерала Милорадовича за пораженіе, нанесенное Нею; какъ бы то ни было, я получилъ, наконецъ, Георгія, это главное,

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ своего адъютанта, Дмитрія Нарышкина, съ копіей весьма лестнаго для меня бюллетеня шведскаго королевскаго принца, который казаки хранятъ, какъ доказательство ихъ славнаго подвига. Воспроизвожу здѣсь этотъ бюллетень:

Главная квартира у Дессау. 4-го октября 1813 года.

«Полковникъ баронъ Левенштернъ сражался, съ горстью казаковъ, противъ двухъ слишкомъ тысячъ человѣкъ непріятеля, на улицахъ Бернбурга.

«Послѣ 4 часоваго боя, когда къ непріятелю подошла артиллерія, городъ былъ оставленъ, но на слѣдующій день онъ взятъ обратно.

«Смѣтливость и храбрость, выказанныя казаками въ этомъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, дѣлаютъ имъ величайшую честь.

«Эти неустрашимые люди суть глаза арміи; они сражаются въ сомкнутомъ строю, разсѣиваютъ эскадроны, атакуютъ карре, переплываютъ рѣки и появляются въ тылу непріятельской арміи, внося въ нее ужасъ и смятеніе».

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ шесть серебряныхъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи наиболѣе отличившимся солдатамъ; мои офицеры также не были забыты.

Шведскій королевскій принцъ придавалъ большое значеніе сохраненію позиціи при Бернбургѣ; это было ясно изъ того, какія значительныя силы были предоставлены имъ въ мое распоряженіе послѣ этого дѣла. Онъ далъ мнѣ два прекрасныхъ шведскихъ батальона, съ двумя орудіями, подъ командою подполковниковъ Платена и Бойе (Boyé), одинъ батальонъ и два эскадрона прусскихъ уланъ, съ двумя орудіями подъ командою графа Шверина.

Шведскій королевскій принцъ писалъ 18-го октября 1818 г. графу Тауенцину изъ Брейтенфельдта нижеслѣдующее:

«Прикажите генералу Гиршфельдту оказать дѣятельную поддержку отряду, находящемуся въ Бернбургѣ, въ случаѣ если полковникъ Левенштернъ будетъ атакованъ непріятелемъ. Эта позиція имѣетъ весьма важное значеніе».

Въ другомъ дневномъ приказѣ, на имя генерала Бюлова, данномъ въ главной квартирѣ въ Цербстѣ 10-го октября 1813 г., говорилось:

«Его королевское высочество приказываетъ вамъ послать, по полученіи настоящаго приказа, въ Бернбургъ два батальона и два орудія, которые поступятъ въ распоряженіе полковника Левенштерна». Въ другомъ приказѣ на имя маршала Штединга (Stedingk), отъ 15-го октября, говорилось:

«По приказанію королевскаго принца, шведская кавалерія должна выдвинуться завтра въ 6 часовъ утра впередъ позиціи, занятой шведской арміей».

Вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій принцъ приказалъ, чтобы два орудія, одинъ батальонъ бригады Бойе и батальонъ Энгельбрехтена были посланы немедленно въ Бернбургъ, гдѣ они будутъ состоять, вмѣстѣ съ русскими и прусскими войсками, подъ начальствомъ полковника Левенштерна.

Наконецъ, въ дневномъ приказѣ, данномъ 16-го октября 1813 г., въ Гогентурнѣ на имя генераловъ Винценгероде и Бюлова, были указаны слѣдующія диспозиціи:

«По приказанію королевскаго принца, генералы Винценгероде и Бюловъ должны увѣдомлять генерала Гиршфельда и Левенштерна

о всякомъ движеніи непріятеля. Отъ нихъ зависятъ успѣшныя дѣйствія Сѣверной арміи».

Изъ этого видно, что занятіе Бернбурга имѣло цѣлью не только овладѣть этимъ городомъ и получить отъ мѣстныхъ жителей необходимое продовольствіе; значеніе его было гораздо важнѣе.

Одержавъ побѣду надъ непріятелемъ, я овладѣлъ снова обоими берегами Заалы и имѣлъ такимъ образомъ возможность препровождать по назначенію матеріалы, необходимые для постройки мостовъ черезъ Эльбу, безъ коихъ Сѣверная армія не могла бы совершить переправу черезъ рѣку.

Моя позиція служила въ то же время опорнымъ пунктомъ генералу Чернышеву, и я имѣлъ возможность поддерживать сообщеніе съ нимъ и съ арміей.

Но главной моей цѣлью было открыть Сѣверной арміи путь къ Эльбѣ и служить ей прикрытіемъ, чтобы гарнизонъ Магдебурга не могъ тревожить ее. Кромѣ того, владѣя всею мѣстностью, между Магдебургомъ и Заалою, я лишалъ генерала Лемарруа продовольствія и фуража, которые онъ могъ бы получить въ этой изобилующей всѣмъ мѣстности.

Шведскій королевскій принцъ, оцѣнивъ всѣ преимущества моей позиціи и понимая, какъ мнѣ трудно было удержать ее съ горстью казаковъ, не хотѣлъ болѣе подвергать меня опасности—встрѣтиться съ непріятелемъ съ неравными силами. Поэтому онъ прислалъ мнѣ вышепоименованныя подкрѣпленія. Такимъ образомъ, мой маленькій отрядъ состоялъ изъ русскихъ, шведовъ и пруссаковъ, которые жили между собою въ полномъ согласіи и горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Поручивъ мнѣ своихъ шведовъ, королевскій принцъ выказалъ этимъ особое довѣріе, такъ какъ, за исключеніемъ генерала Чернышева, никто до тѣхъ поръ не могъ похвастать, что у него былъ подъ командою хотя бы одинъ шведъ. Принцъ не расточалъ своихъ шведовъ и поступалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ правильно, такъ какъ Швеція не организуетъ и не содержитъ такихъ большихъ армій, какъ Россія, Франція, Пруссія и Австрія.

XLVI.

Намѣреніе Наполеона двинуться на Берлинъ.—Переправа шведскаго королевскаго принца на лѣвый берегъ р. Саалы. — Оставленіе французами с. Кальбе.—Движеніе Сѣверной арміи къ Лейпцигу.—Радость жителей по случаю побѣды, одержанной союзниками.—Балъ, данный Левенштерномъ.—Движеніе его отряда къ Эйслебену.—Охота.—Прибытіе въ Нордгаузенъ.—Контрибуція, собираемая съ жителей шведскимъ коммиссаромъ.

Сѣверная и силезская арміи выполняли предписанныя имъ движенія. Блюхеръ перешелъ Эльбу у Вартенбурга и двинулся къ Галле. Королевскій принцъ перешелъ эту рѣку у Акена и Росслава и остановился между Саалой и Мульдою.

Армія Блюхера измѣнила боевой порядокъ и стала вправо отъ Сѣверной арміи; что же касается королевскаго принца, то, опасаясь атаки со стороны Наполеона, онъ перешелъ Саалу у Ротенбурга, а Винценгероде у Альслебена; маршалъ Штедингъ у Бернбурга.

Тогда Наполеонъ отдалился на время отъ своей операціонной линіи по направленію къ Виттенбергу и Дессау, что̀ заставило предположить съ его стороны намѣреніе идти на Берлинъ, вслѣдствіе чего наше сообщеніе съ этою столицею было прервано, и королевскій принцъ и маршалъ Блюхеръ едва не были вынуждены перейти обратно Эльбу.

Въ то время говорили, что противъ этого энергично возсталъ самъ маршалъ и его ближайшіе совѣтники, между прочимъ Гейзенау и Мюффлингъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣли возможность принять участіе въ славномъ Лейпцигскомъ сраженіи только благодаря тому, что мы удержались на Саалѣ.

Переправа на лѣвый берегъ Саалы, совершенная королевскимъ принцемъ, объяснялась различно. Вотъ въ чемъ заключалась истинная причина этого движенія, какъ я это слышалъ изъ вѣрнаго источника.

Французскій отрядъ, перешедшій Эльбу у Виттенберга, разрушилъ мостъ у Росслава: это былъ авангардъ французской арміи. Наполеонъ имѣлъ намѣреніе переправить всю свою армію съ лѣваго на правый берегъ Эльбы и перенести такимъ образомъ театръ военныхъ дѣйствій изъ саксонскихъ провинцій, гдѣ онъ былъ почти окруженъ нами, въ Пруссію, бывшую очагомъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Наполеонъ могъ бы осуществить этотъ планъ, какъ только ему удалось бы переправиться черезъ Эльбу. Оба фланга его арміи и фронтъ были бы прикрыты съ одной стороны Дрезденомъ, Виттенбергомъ, Торгау и Магдебургомъ, а съ другой Глогау, Кюстриномъ и Штеттиномъ. Онъ могъ бы въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, снять блокаду съ крѣпостей, лежавшихъ по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ, взять

Штральзундъ, охраняемый весьма слабымъ гарнизономъ, вызвать еще разъ возстаніе въ Польшѣ, которая, ожидая къ тому указанія, поддерживала сношенія съ Франціей и съ Голландіей и, наконецъ, призвать на помощь маршала Даву и датскую армію.

Операціонный базисъ Наполеона былъ обезпеченъ, и сѣверная Германія была открыта для его военныхъ операцій, такъ какъ слабый корпусъ Вальмодина, входившій въ составъ арміи шведскаго королевскаго принца, очутившись между двухъ огней, былъ бы, вѣроятно, вынужденъ сложить оружіе.

Мосты черезъ Эльбу, находившіеся въ Іеркландѣ, Бойценбургѣ, между Гамбургомъ и Магдебургомъ, давали Наполеону возможность перенести войну въ Ганноверъ, Брауншвейгъ и курфиршество Гессенское и заключить такимъ образомъ союзниковъ между Дрезденомъ, крѣпостями на Эльбѣ, Одерѣ, Вислѣ и возставшей Польшей.

Таковъ былъ обширный стратегическій планъ, составленный Наполеономъ. Для выполненія его все уже было подготовлено; переправа черезъ Эльбу, совершенная у Виттенберга корпусомъ генерала Ренье, коего прикрывалъ маршалъ Ней, была первымъ шагомъ къ осуществленію этого плана.

Наполеону достаточно было опередить на одинъ или два перехода войска Шварценберга, прикрывъ свое движеніе однимъ армейскимъ корпусомъ, и онъ могъ бы направить свои главныя силы противъ сѣверо-германской и силезской армій, которыя, будучи подавлены его превосходными силами, оставили бы открытыми дороги на Берлинъ, Гамбургъ и Варшаву.

Шведскій королевскій принцъ угадалъ планъ своего противника и, понимая, насколько онъ могъ быть опасенъ для насъ въ случаѣ его удачи, постарался помѣшать его выполненію своими искусными и ловкими движеніями.

Съ одной стороны было большою смѣлостью преградить Наполеону переправу черезъ Эльбу, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, мы могли быть опрокинуты въ рѣку, не имѣя съ фланговъ ни крѣпостей, ни тетъ-де-поновъ. Перейти обратно на правый берегъ Эльбы было бы равносильно пожертвованію всѣми плодами побѣдъ, одержанныхъ Гросбеереnѣ и Денневицѣ. Имѣя же столь смѣлаго и отважнаго противника, владѣвшаго при томъ крѣпостями, значило поставить на карту всю дальнѣйшую участь похода.

Поэтому надобно было прибѣгнуть къ иному средству, взять храбростью, броситься на операціонную линію непріятеля въ тотъ моментъ, когда онъ угрожалъ нашей операціонной линіи, поддержать богемскую армію, соединить наши силы съ силами силезской арміи и разрушить такимъ образомъ планъ Наполеона.

Эта цѣль была вполнѣ достигнута переправою черезъ Саалу; маневръ былъ разсчитанъ безподобно.

Онъ помѣшалъ выполненію смѣлаго плана Наполеона, который, не имѣя уже возможности напасть на Сѣверную армію, или помѣшать ея соединенію съ силезской арміей, отказался отъ выполненія своего втораго обширнаго плана и потерялъ такимъ образомъ свободу дѣйствій, которую онъ все время старался сохранить. Этотъ маневръ привелъ къ Лейпцигскому сраженію.

Каждый обсуждалъ его въ то время со своей точки зрѣнія, но угадать намѣреніе противника и помѣшать осуществленію его плана было дѣломъ генераловъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ судьбы имперіи.

Бернадоттъ зналъ тактику своего противника, умѣлъ быстро схватить его мысль и такъ же быстро принять мѣры къ тому, чтобы разстроить его планы; поэтому онъ сосредоточилъ всѣ свои силы тамъ, гдѣ непріятель былъ всего слабѣе; въ этомъ и заключается все искусство веденія войны. Очутиться въ томъ пунктѣ, гдѣ непріятель не ожидаетъ вашего появленія, значитъ подготовить побѣду; это сдѣлалъ шведскій королевскій принцъ.

Вслѣдствіе этихъ новыхъ соображеній, маршалъ Штедингъ пришелъ съ шведской арміей въ Бернбургъ, чтобы переправиться въ этомъ пунктѣ черезъ Саалу, и устроилъ тутъ свою главную квартиру.

Я обѣдалъ у него въ то время, какъ одинъ казачій офицеръ доложилъ мнѣ, что изъ Магдебурга выступила сильная непріятельская колонна, которая направлялась на Кальбе, откуда она прогнала моихъ казаковъ; онъ прибавилъ, что, по всей вѣроятности, непріятель не замедлитъ явиться къ Бернбургу.

Маршалъ Штедингъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, опасаясь за свой правый флангъ, которому непріятель видимо угрожалъ. Я тотчасъ предложилъ ему встать съ моими двумя казачьими полками и съ двумя эскадронами прусскихъ уланъ на дорогѣ, соединявшей Магдебургъ съ Кальбе, отрѣзать такимъ образомъ французамъ отступленіе, устрашить ихъ, однимъ словомъ, въ то время какъ маршалъ атакуетъ французовъ съ фронта, мои батальоны нападутъ на ихъ тылъ.

Маршалъ одобрилъ мой планъ и, чтобы обезпечить мнѣ успѣхъ, приказалъ гусарскому полку Мернера, слѣдовать за мною и выполнить то же движеніе; онъ далъ мнѣ сверхъ того четыре орудія конной артиллеріи. Этотъ планъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе.

Мои казаки мигомъ были на лошадяхъ, и я ускакалъ съ ними, что очень удивило старика маршала. Онъ не могъ понять, что одного слова, сказаннаго мною казачьему офицеру, было достаточно для того, чтобы эти непоколебимые воины, какъ онъ ихъ называлъ, вскочили на лошадей и тронулись въ путь.

Я приказалъ шведскимъ гусарамъ слѣдовать за мною, какъ только они будутъ готовы, и эшелонироваться вслѣдъ за прусскими уланами, которые шли вмѣстѣ со мною.

Вся блестящая молодежь главной квартиры выразила желаніе сопровождать меня; каждый хотѣлъ участвовать въ экспедиціи; это была съ ихъ стороны своего рода овація, сдѣланная мнѣ. Но маршалъ разрѣшилъ это только нѣкоторымъ лицамъ; еслибы онъ отпустилъ всѣхъ, кто просился ѣхать со мною, то онъ остался бы одинъ.

Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ изъ силезской арміи мой братъ Георгій, капитанъ л. гв. Гусарскаго полка, адъютантъ генералъ-адъютанта барона Корфа. Онъ былъ свидѣтелемъ испытаннаго мною нѣсколько тщеславнаго чувства при видѣ того, что у меня была такая почетная свита. Я далъ ему превосходную лошадь, и его красный мундиръ, расшитый золотомъ, нисколько не портилъ общаго впечатлѣнія.

Въ то время какъ я разыгрывалъ такимъ образомъ роль главнокомандующаго въ миніатюрѣ, мои бородатые и немного грязненькіе казаки были уже довольно далеко.

Пришпоривъ лошадь, я вскорѣ былъ въ главѣ отряда, который былъ поставленъ мною по дорогѣ, идущей изъ Кальбе въ Магдебургъ; казакамъ было приказано не спѣшиваться.

Разсчитывая на содѣйствіе маршала Штединга, который, располагая цѣлой арміей, легко могъ защитить Бернбургъ, я послалъ мои батальоны вдоль рѣки по направленію къ Кальбе, приказавъ имъ однако не атаковать непріятеля, а ограничиться демонстраціею на его флангѣ.

Я рѣшилъ беречь, на сколько возможно, шведовъ, будучи увѣренъ, что королевскій принцъ будетъ признателенъ мнѣ за это; за то они должны были помочь мнѣ вытѣснить французовъ изъ Кальбе и погнать ихъ ко мнѣ на равнину, гдѣ я намѣревался встрѣтить ихъ, какъ подобаетъ. Я не располагалъ употребить въ дѣло гусаръ Мернера, полагая обойтись съ одними казаками и храбрыми прусскими уланами, но шведская конная артиллерія была мнѣ необходима для того, чтобы ослабить французскую колонну.

Жители деревень Глоте и Ценцъ (Glote et Zentz) должны были доставить продовольствіе моему отряду; розданные мною солдатамъ спиртные напитки заняли на нѣкоторое время этихъ молодцовъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть зрѣлище, которое обѣщало быть весьма интереснымъ и могло покрыть ихъ славою. Шведы страстно желали услышать свистъ пуль, что имъ рѣдко удавалось вслѣдствіе крайней осторожности Штединга и прекрасно разсчитанныхъ дѣйствій королевскаго принца. Эта осторожность входила въ намѣченный принцемъ планъ дѣйствій. Ему предстояло еще завоевать Норвегію, и поэтому

надобно было щадить армію; онъ не былъ простымъ главнокомандующимъ, которому даютъ новое войско, когда его армія погибла.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія шведовъ, но увидѣлъ на обширной равнинѣ только приближавшуюся ко мнѣ французскую колонну, которая была вынуждена оставить Кальбе вслѣдствіе движенія, совершеннаго моими батальонами. Я стоялъ на дорогѣ, по которой должна была пройти эта колонна, и былъ готовъ принять ее, но, увы, не было видно ни орудій, ни гусаръ.

Наконецъ, прискакалъ адъютантъ маршала Штединга и объявилъ, что гусары Мернера не будутъ посланы мнѣ на помощь; онъ передалъ мнѣ письмо маршала и копію съ полученнаго имъ приказанія, пожалѣлъ о томъ, что я поставленъ въ такое затруднительное положеніе, и выразилъ надежду, что я выйду изъ него со славою.

Вотъ дневной приказъ, данный маршаломъ Штедингомъ въ Ротенбургѣ 12-го октября 1813 г. на имя генерала Мернера:

«Его королевское высочество получилъ донесеніе вашего превосходительства относительно положенія шведской арміи подъ Бернбургомъ и въ его окрестностяхъ.

«Принцъ приказываетъ вамъ не разсѣевать ввѣренной вамъ кавалеріи, такъ какъ вы должны быть готовы къ выступленію. Предложите полковнику Левенштерну дѣйствовать, не ожидая посторонней помощи. Войска, данныя въ его распоряженіе генераломъ Путтлицомъ, должны остаться съ нимъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія даже тогда, когда вы уйдете съ позиціи.

«Вмѣсто того чтобы посылать разъѣзды въ Дессау, полковникъ Левенштернъ пошлетъ ихъ только по направленію къ Магдебургу и т. д.

Всѣ молодые шведы тотчасъ оставили меня, и я очутился въ очень печальномъ положеніи въ виду приближавшейся непріятельской колонны съ 8 орудіями во главѣ.

Я послалъ маршала Штединга ко всѣмъ чертямъ за то, что я потерялъ по его винѣ такой прекрасный случай показать ему, что можно сдѣлать, дѣйствуя энергично.

Его кавалерія успѣла бы возвратиться во-время, къ тому же появленіе непріятельской колонны, восьми орудій и двухъ генераловъ было достаточно вѣскимъ аргументомъ, чтобы оправдать его въ этомъ случаѣ, если бы его отрядъ запоздалъ часа на два; этого времени было бы вполнѣ достаточно, чтобы покончить дѣло; трофеи, которые достались бы намъ, разумѣется, успокоили бы гнѣвъ Бернадотта; шведамъ не мѣшало немного понюхать пороха, и они могли сдѣлать это ничѣмъ не рискуя.

Событія давали маршалу Штедингу возможность воспользоваться

тѣмъ, что графу Лемаруа (de Lemarrois) не было извѣстно о прибытіи шведской арміи на берега Саалы.

Французскій генералъ былъ слишкомъ опытный и хорошій воинъ, чтобы обречь 2.000 человѣкъ вѣрной гибели; поэтому если бы онъ только зналъ о присутствіи шведскихъ войскъ, то конечно не началъ бы дѣла: слѣдовало воспользоваться этимъ обстоятельствомъ! Графъ Воронцовъ такъ и сдѣлалъ бы; но старый посланникъ, пріятный и остроумный собесѣдникъ въ салонѣ, позабылъ уже свои блистательные подвиги во время финляндской войны. Онъ исполнилъ буквально приказаніе шведскаго королевскаго принца, который, находясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, не могъ правильно судить о нихъ.

Старикъ маршалъ лишилъ меня такимъ образомъ славнаго дѣла.

Однако надобно было что-нибудь предпринять въ виду этой проклятой колонны, которая подходила все ближе и ближе.

Впослѣдствіи, въ 1814 г., я былъ свидѣтелемъ того, какъ двѣ кавалерійскія дивизіи, генерала Корфа и Васильчикова, не могли прорвать колонну генерала Пактгода; только съ появленіемъ конной артиллеріи, приведенной самимъ императоромъ Александромъ, побѣда склонилась на сторону русскихъ.

Я находился, сравнительно говоря, въ подобномъ же положеніи, поэтому я отвѣчалъ отказомъ на настоянія храбраго графа Шверина, который умолялъ меня позволить ему атаковать французовъ съ его уланами; я поступилъ въ этомъ случаѣ отчасти инстинктивно, отчасти по зрѣломъ размышленіи.

Я имѣлъ основаніе не соглашаться на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что я былъ вполнѣ увѣренъ, что графъ Лемарруа навѣрно эшелонировалъ другой отрядъ, чтобы поддержать эту колонну. Чтобы быть своевременно увѣдомленнымъ объ этомъ, я послалъ 200 человѣкъ казаковъ на Магдебургскую дорогу.

Послѣ того какъ непріятель осыпалъ насъ ядрами и картечью, я подъѣхалъ къ французской колоннѣ одинъ съ трубачемъ и закричалъ, чтобы она сдалась: мнѣ отвѣчали насмѣшками и выстрѣлами. Это было вполнѣ справедливо.

Поневолѣ пришлось ограничиться дѣйствіями на флангѣ непріятеля и исполнять роль жандармовъ, подбирая французскихъ мародеровъ.

Отъ смѣшнаго по великаго одинъ шагъ.

Я пришелъ на эту позицію сіяя отъ радости, а вернулся въ Бернбургъ сконфуженнымъ; шведской арміи уже и слѣдъ простылъ, она ушла въ Ротенбургъ, чтобы соединиться съ шведскимъ королевскимъ принцемъ. Я не имѣлъ даже удовлетворенія сказать старому маршалу, что онъ пропустилъ блестящее дѣло и подвергъ меня безо всякой надобности большой опасности.

Мои шведскіе и прусскіе батальоны добросовѣстно исполнили свой долгъ, вытѣснивъ непріятеля изъ Кальбе и заставивъ его выйти на равнину.

Мой братъ, съ которымъ я не успѣлъ еще сказать ни слова, смѣялся надъ моимъ страннымъ гостепріимствомъ, говоря, что я угощаю гостей пулями и картечью.

Его веселость заставила меня позабыть свою неудачу. Мой способъ веденія войны нравился ему болѣе, нежели служба въ арміи, гдѣ приходилось рѣдко участвовать въ сраженіяхъ; поэтому онъ рѣшилъ остаться со мною, что доставило мнѣ несказанное удовольствіе.

Онъ разстался со мною только въ Ліэжѣ (Lièges), вступивъ въ отрядъ генерала Александра Бенкендорфа, съ коимъ онъ совершилъ блестящій походъ въ Голландію, позабывъ такимъ образомъ совершенно о существованіи генерала барона Корфа, съ которымъ онъ свидѣлся только въ Суассонѣ; генералъ съ удивительной снисходительностью простилъ ему его продолжительное и опасное свиданіе со мною.

Между тѣмъ армія начала свое большое движеніе на Лейпцигъ.

Въ дневномъ приказѣ королевскаго принца было сказано: «генералъ Гиршфельдтъ и полковникъ Левенштернъ первый въ Акенѣ, а второй въ Бернбургѣ должны оборонять свои позиціи до послѣдней крайности, чтобы обезпечить Сѣверной арміи возможность совершить наступательное движеніе; королевскій принцъ будетъ благодаренъ имъ за ихъ дѣйствія».

16-го, 17-го, 18-го и 19-го числа происходило сраженіе подъ Лейпцигомъ.

Сраженіе это настолько достопамятно и неоднократно описано такъ талантливо и въ такой подробности, что я не рѣшаюсь писать о немъ.

Трудно себѣ представить радость мѣстныхъ жителей, когда они узнали о благопріятномъ исходѣ Лейпцигскаго сраженія.

Я хотѣлъ принять участіе въ общей радости и дать мѣстнымъ дамамъ балъ, надѣясь, что генералъ Лемарруа не попрепятствуетъ этому послѣ сдѣланныхъ имъ безплодныхъ попытокъ вытѣснить меня изъ Бернбурга.

Герцогъ Ангальтъ Бернбургскій, жившій въ Бюттельштедтѣ (Büttelstedt), весьма любезно прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ камергеровъ, поручивъ ему заботиться о моемъ благополучіи во время моего пребыванія въ Бернбургѣ, поэтому у меня было вдоволь всякой дичи, плодовъ и превосходнаго вина.

У этого камергера была сумасшедшая жена, за которою ухаживала очень красивая и къ тому же очень кокетливая особа, которая замѣняла, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ хозяйку дома. Я сталъ ухаживать за нею, къ величайшему огорченію моего любезнаго камергера, и

когда мнѣ хотѣлось удалить его изъ дома, то я давалъ ему какое-либо порученіе къ герцогу, въ чемъ онъ не могъ мнѣ отказать. Такимъ образомъ я злоупотреблялъ немного моимъ положеніемъ.

Такъ какъ эта дама любила до страсти танцы, то я воспользовался всеобщимъ радостнымъ настроеніемъ и далъ для нея балъ, который обошелся мнѣ 200 луидоровъ.

Но еще мало было не жалѣть денегъ, надобно было организовать балъ сколько-нибудь сносно въ городѣ, гдѣ нельзя было достать самаго необходимаго и въ которомъ только что разсѣялся дымъ сраженія.

Мой братъ, неутомимый танцоръ, и нѣсколько шведскихъ офицеровъ любителей повеселиться, взяли на себя этотъ трудъ.

Приглашенія были разосланы всѣмъ значительнымъ лицамъ города и его окрестностей. Оказалось, что нѣкоторыя приглашеныя дамы жили въ районѣ, занятомъ французами; тѣмъ не менѣе, онѣ пріѣхали на балъ, выхлопотавъ на это разрѣшеніе у французскаго генерала, который просилъ ихъ передать мнѣ, что, не желая лишить дамъ удовольствія присутствовать на моемъ балу, онъ далъ имъ конвой, который сопровождалъ ихъ до нашихъ аванпостовъ, но такъ какъ этотъ балъ дается въ ознаменованіе побѣды подъ Лейпцигомъ, то онъ выговариваетъ себѣ право присутствовать на немъ.

Я понялъ ироническій смыслъ его словъ, но пренебрегъ его угрозою и не отмѣнилъ бала.

Домъ, нанятый мною для бала, находился на окраинѣ города, близъ нашихъ аванпостовъ; я удвоилъ число этихъ постовъ и поставилъ возлѣ дома двѣ заряженныя пушки и цѣлый батальонъ подъ ружьемъ, собираясь принять гостя достойнымъ образомъ, если бы ему вздумалось въ самомъ дѣлѣ пожаловать къ намъ.

Не малаго труда стоило составить сносный оркестръ. Капельмейстеръ явился ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ и заявилъ, что оркестръ будетъ хромать, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ два кларнета и первая скрипка, которые не могутъ выбраться изъ деревни, занятой непріятелемъ.

Я велѣлъ сдѣлать репетицію и убѣдился, къ величайшему моему ужасу, что получилось дѣйствительно нѣчто ужасное. Если бы къ этому оркестру прибавить нѣсколько кастрюль, то отъ этой музыки улетѣла бы изъ нашихъ степей вся саранча. Оставалось одно средство. Я спросилъ капельмейстера, рискнутъ ли музыканты уѣхать изъ деревни, если имъ будетъ обѣщано за это каждому по два луидора.

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

Тогда я приказалъ 150 казакамъ сѣсть на лошадей и послалъ съ ними моего неутомимаго и смѣлаго поручика Клицинга (пруссака) съ приказаніемъ вытѣснить изъ деревни непріятельскій отрядъ, имѣть на-

готовѣ трехъ лошадей и похитить музыкантовъ, разумѣется, съ ихъ инструментами и какъ можно скорѣе ускакать изъ деревни.

Поручикъ Клицингъ исполнилъ это порученіе безподобно, прогналъ непріятеля, увезъ моихъ виртуозовъ и не потерялъ при этомъ ни одного человѣка, такъ что эта шутка не доставила мнѣ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти.

Этотъ балъ, по разнообразному составу приглашенныхъ, могъ быть довольно натянутымъ, но вышло иначе. Всѣ были такъ рады избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними ига французовъ, что веселились отъ души; танцы затянулись до утра.

Французскій генералъ не пріѣхалъ на балъ, какъ онъ обѣщалъ, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ я принялъ бы его съ воинскими почестями.

Въ полночь ко мнѣ привели взятыхъ въ плѣнъ вахмистра и четырехъ конныхъ егерей. Я велѣлъ ввести ихъ въ зало; дамы немного испугались, но, видя, что эти господа были изумлены своимъ положеніемъ не менѣе ихъ, онѣ быстро успокоились. Я встрѣтилъ плѣнныхъ любезно и, зная, что всѣ французы умѣютъ танцовать, предложилъ имъ принять участіе въ вечерѣ, на что они согласились. Танцы и вино заставили ихъ скоро позабыть, что они находятся въ плѣну. Мои казаки, не желая отставать отъ своихъ изящныхъ и веселыхъ противниковъ, протанцовали казачка; такимъ образомъ всякій способствовалъ по мѣрѣ силъ оживленію праздника.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, въ Бернбургѣ не осталось и слѣда о нашемъ пребываніи.

Я получилъ ночью приказъ оставить позицію, которая послѣ Лейпцигскаго сраженія не имѣла уже никакого значенія: заботы о Магдебургѣ были предоставлены арміи Беннигсена.

Мнѣ велѣно было отправиться въ Эйслебенъ и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Графъ Воронцовъ шелъ на Кассель.

Шведскимъ баталіонамъ было приказано присоединиться къ арміи королевскаго принца, а пруссакамъ — къ корпусу генерала Гиршфельда.

Я былъ уже далеко отъ Бернбурга, когда проснулись прелестныя дамы, составлявшія украшеніе моего бала.

Генералъ Гиршфельдтъ потребовалъ, чтобы поручикъ Клицингъ вернулся къ нему. Такъ какъ онъ мнѣ былъ необходимъ, въ особенности въ Германіи, какъ нѣмецъ, то я обратился къ королю прусскому съ просьбою дозволить ему не возвращаться въ полкъ и остаться при мнѣ. Король разрѣшилъ это охотно.

Поручикъ Клицингъ былъ прекрасный, усердный, смышленый

и очень храбрый офицеръ. Поэтому я былъ очень доволенъ, что онъ остался со мною. Онъ отправился изъ Бернбурга въ Эйслебенъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ встрѣчу въ замкѣ, принадлежавшемъ его зятю.

Такъ какъ онъ зналъ мою страсть къ охотѣ, то его зять организовалъ таковую въ честь меня. Со мною всегда было шесть левретокъ; саксонскіе землевладѣльцы выходили изъ себя, видя, какъ много дичи я истребляю на ихъ землѣ и въ ихъ лѣсахъ, хотя въ этой мѣстности было множество зайцевъ.

Наши степные зайцы проворнѣе и имѣютъ болѣе сильныя ноги; надобно полагать, что въ Германіи зайцы заразились флегматичностью нѣмцевъ, такъ какъ мнѣ не случалось тутъ упустить ни одного зайца, тогда какъ на Украйнѣ они нерѣдко посрамляли моихъ собакъ.

Я составилъ свой конвой изъ тѣхъ казаковъ, которые лучше всего охотились на лисицъ и зайцевъ. Ихъ было пятнадцать человѣкъ; они не разставались со мною ни днемъ, ни ночью и носили гусарскіе мундиры, взятые ими въ бою. Всѣ остальные казаки добивались чести поступить въ этотъ конвой и поэтому не давали пощады французскимъ гусарамъ, такъ какъ, не имѣя гусарскаго мундира, снятаго съ плѣннаго, они не имѣли ни малѣйшей надежды попасть въ конвойные. Гусарскій мундиръ представлялъ еще то преимущество, что непріятель, видя въ нашихъ рядахъ мундиры регулярныхъ войскъ, думалъ, разумѣется, что въ нашемъ отрядѣ было также регулярное войско; это зачастую нагоняло на него страхъ.

Привилегію этого маленькаго отряда составляло то, что онъ всегда первый шелъ въ огонь и дѣйствовалъ на моихъ глазахъ, вслѣдствіе чего этимъ казакамъ легче было получить Георгія; кромѣ, того они освобождались отъ аванпостной и пикетной службы, ихъ лучше кормили, и они всегда имѣли по мѣрѣ возможности лучшее помѣщеніе, но за то подвергались бо̀льшей опасности. Кромѣ того, они исполняли при мнѣ роль жандармовъ или внутренней полиціи. Если кто-либо изъ казаковъ обвинялся въ кражѣ, то конвойнымъ поручалось раскрыть дѣло, и они исполняли это всегда успѣшно.

Согласно полученному мною приказанію, я остановился въ Эйслебенѣ и разставилъ казаковъ на хорошихъ квартирахъ.

Бургомистръ помѣстилъ меня въ плохонькой гостиницѣ.

Я отдохнулъ не болѣе 36 часовъ, какъ прискакалъ отъ генерала Винценгероде курьеръ съ приказаніемъ идти къ Гейлигенштадту и находиться въ распоряженіи маршала Штединга.

Я пріѣхалъ въ Нордгаузенъ поздно вечеромъ. Тамъ находился въ это время шведскій военный коммиссаръ, который обложилъ городъ

большой контрибуціей въ видѣ одежды, продовольствія, фуража и потребовалъ кромѣ того 10.000 луидоровъ.

Жители, выведенные изъ себя, прислали ко мнѣ депутацію, прося освободить ихъ отъ уплаты этой суммы, увѣряя, что они охотно доставятъ все остальное.

Я пригласилъ къ себѣ шведскаго коммиссара и потребовалъ, чтобы онъ предъявилъ мнѣ приказаніе начальства, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ. Онъ попросилъ меня пройти въ сосѣднюю комнату, служившую мнѣ кабинетомъ, и, когда мы остались одни, объявилъ, что онъ не имѣетъ письменнаго приказанія обложить жителей денежной контрибуціей, но что̀ маршалъ Штедингъ приказалъ ему словесно взять съ нихъ 10.000 луидоровъ и далъ въ его распоряженіе эскадронъ, чтобы поддержать это требованіе.

Я нашелъ, что словеснаго приказанія недостаточно, тѣмъ болѣе, что если бы почтенному маршалу пришла подобная мысль, то онъ, по всей вѣроятности, захотѣлъ бы принять на себя въ этомъ случаѣ отвѣтственность и слѣдовательно далъ бы коммиссару письменное приказаніе.

Шведскій военный коммиссаръ былъ въ отчаяніи и предложилъ мнѣ подѣлить контрибуцію; тогда я поспѣшно отворилъ дверь въ зало и сказалъ уполномоченнымъ отъ города, что я очень радъ тому, что имѣю возможность объявить имъ, что г. коммиссаръ не настаиваетъ болѣе на денежной контрибуціи, но что вещи должны быть немедленно доставлены, такъ какъ г. коммисаръ уѣзжаетъ изъ города въ тотъ же день.

Я постарался уладить дѣло какъ можно деликатнѣе: коммиссаръ ушелъ взбѣшенный.

Городъ прислалъ депутацію благодарить меня за то, что я избавилъ его отъ когтей этого шведскаго вампира, и поднесъ мнѣ великолѣпное ружье, сдѣланное въ Нордгаузенѣ. Я принялъ подарокъ и, полагаю, имѣлъ на это нравственное право.

Французскіе генералы составляли себѣ такимъ путемъ цѣлыя состоянія, да и самъ Наполеонъ пріобрѣлъ отель въ улицѣ Шантерэнъ и Мальмэзонъ не на капиталъ, доставшійся ему отъ отца. Надобно отдать честь русскимъ войскамъ: они вели себя съ 1813 и 1814 г.г. честно и не выказывали алчности.

Я уѣхалъ изъ Нордгаузена на слѣдующій день.

Въ Эйслебенѣ меня дотого восхитилъ оркестръ мѣстныхъ музыкантовъ, что я нанялъ ихъ на все время до окончанія военныхъ дѣйствій. Это обошлось довольно дорого, но я могъ доставить себѣ это удовольствіе послѣ всѣхъ понесенныхъ мною трудовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О благочиніи въ церквахъ.

Записка графа Аракчеева 23-го января 1816 г. № 50.

Государь императоръ, усматривая изъ получаемыхъ донесеній о происшествіяхъ нерѣдко происходящіе со стороны разнаго званія людей въ церквахъ предосудительные поступки, повелѣть мнѣ соизволилъ объявить комитету высочайшую волю, дабы повсемѣстно сдѣлано было подтвержденіе о соблюденіи въ церквахъ должнаго порядка и тишины и чтобы строжайше взыскиваемо было за всякій противный тому шагъ, ибо его величество считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушенія обязанностей благопочитанія и вѣроисповѣданія. Для чего въ особенности поручаетъ г. управляющему министерствомъ полиціи и министру юстиціи, первому имѣть строгій надзоръ черезъ полицію и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя соблюдаемы быть должны въ церквахъ, отсылать виновныхъ, не взирая ни на какое лицо, къ суду; а послѣднему наблюдать, чтобы не происходило медленности въ судопроизводствѣ по таковымъ дѣламъ и послабленія, но чтобы каждый неукоснительно получалъ достойное по законамъ воздаяніе.

Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ [1]).

19-го февраля давно уже считается у насъ знаменательнымъ днемъ, посвященнымъ воспоминанію о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—самой славной и свѣтлой страницѣ въ исторіи Россіи за вторую половину истекшаго столѣтія. Въ этотъ день происходитъ ежегодно, всегда отличающійся большой задушевностью, традиціонный обѣдъ участниковъ великой реформы.

Первоначально (именно съ 1862 г.) на обѣды эти собирался тѣсный кружокъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣятельности знаменитыхъ Редакціонныхъ Коммиссій или имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ дѣлу освобожденія крестьянъ, но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ ряды главныхъ дѣятелей крестьянской реформы постепенно рѣдѣли, къ участію въ обѣдахъ были привлечены лица, дѣйствовавшія по приведенію въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., а также старшіе дѣятели нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденій и, наконецъ, лица, согласно высочайшему повелѣнію 30-го августа 1898 г., имѣющія право на ношеніе по наслѣдству золотой медали за труды по освобожденію крестьянъ.

19-го февраля 1901 года, въ сорокалѣтнюю годовщину великой реформы, обѣдъ, происходившій въ ресторанѣ Донона, имѣлъ особенно сердечный характеръ и отличался многолюдствомъ [2]). Изъ

---

[1]) Редакція не могла помѣстить этой статьи ранѣе, такъ какъ она была поздно доставлена.

[2]) Участниками его были слѣдующія 32 лица: М. В. Арцимовичъ, сынъ В. А. Арцимовича, Н. А. Боровковъ, А. А. Герке, А. С. Дембовецкій, Г. А Евреиновъ, В. В. Калачовъ, графъ П. А. Капнистъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. Н. Колошинъ, баронъ П. Л. Корфъ, Е. А. Куровскій, Е. И. Ламанскій,

числа участниковъ обѣда только два, именно Е. И. Ламанскій и П. П. Семеновъ, принимали участіе, въ качествѣ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, въ подписаніи проекта Положенія 19-го февраля [1]), а П. А. Шульцъ и Н. Н. Колошинъ были совѣщательными членами Редакціонныхъ Коммиссій [2]).

Предсѣдательствовалъ на обѣдѣ П. П. Семеновъ, а обязанности распорядителя обѣда, за отсутствіемъ и по просьбѣ А. Н. Куломзина, исполнялъ графъ Я. Н. Ростовцовъ, внукъ Я. И. Ростовцова, главнаго и при томъ непосредственнаго сподвижника императора Александра II по крестьянской реформѣ.

Обычные на обѣдахъ 19-го февраля, освященные традиціей, тосты были провозглашены этотъ разъ слѣдующими лицами:

П. П. Семеновымъ за здоровье государя императора.

Имъ же въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго императора Александра II и завершившаго это дѣло императора Александра III.

Е. И. Ламанскимъ: за великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

П. А. Шульцемъ: за всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

Вслѣдъ за этимъ тостомъ, согласно общему единодушному желанію, была составлена и послана предсѣдателемъ телеграмма великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ съ благодарнымъ вспоминаніемъ о незабвенныхъ заслугахъ великаго князя Константина Николаевича въ крестьянскомъ дѣлѣ. На телеграмму эту полученъ былъ слѣдующій милостивый отвѣтъ ея императорскаго высочества:

«Меня глубоко трогаетъ добрая память славныхъ дѣятелей великаго дѣла 19-го февраля, бывшихъ сотрудниковъ моего незабвеннаго великаго князя въ осуществленіи великодушной воли Царя-Освободителя. Васъ, вашего брата и всѣхъ участниковъ телеграммы сердечно благодарю. Александра».

А. А. Мельниковъ, Ю. Н. Милютинъ, А. А. Нарышкинъ, А. И. Нератовъ, И. А. Новиковъ, князь А. Д. Оболенскій, А. И. Петровъ, графъ Я. Н. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ, А. П. Семеновъ, внукъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, А. С. Стишинскій, П. Е. Татариновъ, Ѳ. Г. Тернеръ, Л. П. Томара, Н. А. Тройницкій, Н. А. Хвостовъ, князь М. И. Хилковъ, князь П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ.

[1]) Третій изъ оставшихся въ живыхъ членовъ этихъ Коммиссій, Н. П. Семеновъ, не могъ, по болѣзни, присутствовать на обѣдѣ.

[2]) Изъ числа приглашенныхъ кромѣ Н. П. Семенова не могли участвовать на обѣдѣ по нездоровью или другимъ причинамъ: А. П. Брянчаниновъ, В. Г. Быховецъ, В. И. Вешняковъ, Н. П. Долгово-Сабуровъ, Я. Г. Есиповичъ, А. Ѳ. Копп, А. Н. Куломзинъ, П. Ѳ. Лиліенфельдъ-Тоаль, В. М. Маркусъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. И. Скребицкій, Н. П. Смирновъ, А. С. Танѣевъ.

Затѣмъ П. П. Семеновымъ былъ провозглашенъ молчаливый тостъ въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, при чемъ была почтена память перваго предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій Я. И. Ростовцова и всѣхъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ: Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и др.

Теплымъ словомъ предсѣдательствующій помянулъ вслѣдъ за этимъ скончавшихся въ прошломъ году дѣятелей по крестьянскому дѣлу, постоянныхъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля, бывшаго послѣдніе годы ихъ предсѣдателемъ Н. И. Стояновскаго, графа П. П. Шувалова, С. А. Мордвинова и Н. Н. Биппена.

Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ явился впервые виднымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу въ качествѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета, гдѣ онъ безусловно былъ горячимъ сторонникомъ крестьянъ. Призванный волею Царя-Освободителя къ участію въ качествѣ члена-эксперта въ составъ Редакціонныхъ Коммиссій, онъ очень скоро разошелся во взглядахъ съ большинствомъ коммиссіи, допуская только немедленное личное освобожденіе крестьянъ и настаивая на оставленіи на вѣчныя времена земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, въ собственности землевладѣльцевъ; при чемъ допускалъ дарованіе крестьянамъ, какъ онъ выражался, эмфитевтическаго права на пользованіе владѣемыми ими землями, за существующія повинности, съ переоброчкою ихъ по истеченіи каждыхъ 20 лѣтъ. Такая форма освобожденія крестьянъ, которую предсѣдатель Редакціонной Коммиссіи называлъ «птичьей свободою», не встрѣтила сочувствія въ средѣ Редакціонной Коммиссіи, и графъ П. П. Шуваловъ самъ пожелалъ оставить Редакціонныя Коммиссія, но, удержанный императоромъ Александромъ II въ ихъ составѣ, не принималъ однакоже дѣятельнаго участія въ ихъ трудахъ. Тѣмъ не менѣе члены Коммиссіи сохранили глубокое уваженіе къ личному характеру антагониста ихъ мнѣній, цѣня въ немъ не только честность и стойкость его убѣжденій, но и неизмѣнное сочувствіе къ дарованію немедленной личной свободы крѣпостнымъ крестьянамъ.

Н. И. Стояновскій собственно членомъ Редакціонныхъ Коммиссій не былъ. Когда по высочайше утвержденному положенію объ образованіи этихъ Коммиссій члены отъ правительства назначались отъ каждаго министерства по соглашенію ихъ министровъ съ предсѣдателемъ Коммиссіи, то Я. И. Ростовцовъ просилъ графа В. Н. Панина о назначеніи въ Коммиссіи просвѣщенныхъ и извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ оберъ-прокуроровъ Сената М. Н. Любощинскаго и Н. И. Стояновскаго. На назначеніе Любощинскаго графъ Панинъ немедленно согласился, но вмѣсто Н. И. Стояновскаго назначилъ, въ видѣ особаго, деликатнаго вниманія къ Я. И. Ростовцову, Н. П. Семенова.

Но и Н. И. Стояновскій обойденъ не былъ и нѣсколько позже былъ назначенъ графомъ Панинымъ членомъ отъ министерства юстиціи въ административную, такъ называемую губернаторскую, коммиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, выработавшую, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, первоначальный проектъ мировыхъ судей, разсмотрѣнный и значительно видоизмѣненный Редакціонными Коммиссіями. Члены этой административной коммиссіи, работавшіе параллельно и въ связи съ Редакціонными Коммиссіями, получили также золотыя медали за труды по освобожденію крестьянъ. Впослѣдствіи Н. И. Стояновскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по судебной реформѣ и до конца дней своихъ не переставалъ трудиться на пользу Россіи въ средѣ Государственнаго Совѣта, въ особенности по пересмотру нашего гражданскаго законодательства. Добрую память оставилъ по себѣ Н. И. Стояновскій и въ тѣсномъ дружескомъ кругѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ великихъ реформахъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

С. А. Мордвиновъ тоже не былъ членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, но, по близости своихъ отношеній къ Н. А. Милютину, на сестрѣ котораго былъ женатъ, стоялъ вблизи ко всему ходу дѣлъ освобожденія крестьянъ, а впослѣдствіи принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., въ качествѣ члена отъ правительства въ Псковскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Вѣрнымъ своимъ гуманнымъ и широкимъ взглядамъ остался С. А. Мордвиновъ и въ своей позднѣйшей дѣятельности въ средѣ Государственнаго Совѣта.

Сенаторъ Н. Н. Биппенъ въ эпоху освобожденія крестьянъ былъ сначала мировымъ посредникомъ, а потомъ астраханскимъ вице-губернаторомъ, еще въ то время, когда въ Астраханской губерніи завершалась крестьянская реформа.

Обычный тостъ за благоденствіе Россіи былъ провозглашенъ Н. П. Щепкинымъ. Отъ имени отсутствующаго Н. П. Семенова прочтено было кн. П. Н. Цертелевымъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти А. С. Пушкина.

Памяти А. С. Пушкина въ день 26 мая 1899 года.

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?
А. Пушкинъ.

Надъ Пушкинымъ святую тризну
Его рожденья въ сотый годъ,
Свершаетъ, любящій отчизну,
Россіи доблестный народъ.

И слава вѣщаго поэта
Бѣжитъ теперь изъ края въ край,
И отъ заботъ ничтожныхъ свѣта
Уноситъ насъ въ волшебный рай.
Отнынѣ слѣдъ неизгладимый
Оставленъ русскимъ торжествомъ
Пусть знаетъ міръ, что нашъ любимый
Поэтъ насъ близилъ съ Божествомъ;
Что онъ народу сталъ любезенъ
Своей великою душой,
Что былъ отечеству полезенъ,
Ставъ путеводной въ немъ звѣздой.
Ее затмить вздымались козни:
Пошли мы гибельнымъ путемъ.
Не замѣчая въ нашей розни,
Какой стезею мы идемъ.
Въ народномъ чувствѣ нѣтъ двоенья:
И такъ, покинемъ путь чужой,
Пойдемъ, отвергнувъ заблужденья,
Пѣвца дорогою прямой.
Онъ нашъ пророкъ, онъ русскій геній
Въ своихъ возвышенныхъ мечтахъ,
Въ изящной прелести твореній,
Въ неподражаемыхъ стихахъ.
Къ нему любовь есть наша сила:
Пока въ насъ духъ его живетъ,
Не разлучитъ насъ и могила:
Идемъ смѣлѣй за нимъ впередъ!
Достигли рабства мы паденья
По мановенію Царя.
Свободы, мира, просвѣщенья
Восходитъ новая заря!

Николай Семеновъ,
бывшій воспитанникъ Императорскаго
Царскосельскаго Лицея 12-го выпуска.

Вслѣдъ за этимъ пили за здоровье Н. П. Семенова, одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій и историка крестьянской реформы. По общему желанію ему была отправлена телеграмма, подписанная всѣми присутствовавшими на обѣдѣ. Такая же телеграмма была послана и отсутствовавшему постоянному распорядителю обѣдовъ 19-го февраля А. Н. Куломзину вслѣдъ за тостомъ за его здоровье. Особо пили здоровье предсѣдателя обѣдовъ 19-го февраля бывшаго члена-завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ коммиссій П. П. Семенова, распорядителя нынѣшняго обѣда графа Я. Н. Ростовцова, а также Ю. Н. Милютина, сына извѣстнаго государственнаго дѣятеля и самаго выдающагося труженика по крестьянской реформѣ Н. А. Милютина. При этомъ предсѣдателемъ были по-

вторены слѣдующія прекрасныя слова, посвященныя памяти Н. А. Милютина покойнымъ предсѣдателемъ обѣдовъ 19-го февраля и также извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ П. А. Заблоцкимъ-Десятовскимъ:

«Да будетъ же честно и славно имя Николая Алексѣевича; да будетъ благословенна среди насъ его память; да благословится она и послѣ того, когда тотъ изъ насъ, кому судьба пошлетъ справить послѣдній обѣдъ, 19-го февраля, благословитъ имя Николая Алексѣевича въ послѣдній разъ отъ имени Редакціонныхъ Коммиссій» [1].

Въ заключеніе Н. А. Боровковымъ была прочитана безсмертная рѣчь императора Александра II въ предсѣдательствуемомъ имъ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта при внесеніи въ него проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ.

Среди всѣхъ этихъ рѣчей и тостовъ общимъ сочувствіемъ была встрѣчена депутація земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, которая, по обыкновенію, справляла обѣдъ 19-го февраля въ томъ же ресторанѣ Донона; нѣкоторые изъ присутствующихъ составили отвѣтную депутацію.

Товарищескіе обѣды участниковъ великаго дѣла 19-го февраля 1861 г. происходятъ въ этотъ день неизмѣнно съ 1862 г. Первымъ предсѣдателемъ до самой своей кончины (въ 1881 г.) былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы А. П. Заблоцкій-Десятовскій; позже его замѣнилъ К. К. Гротъ, бывшій до того неизмѣннымъ распорядителемъ обѣдовъ; послѣ смерти К. К. Грота предсѣдательство на обѣдахъ перешло къ Н. И. Стояновскому, а затѣмъ — къ П. П. Семенову. Вотъ завѣтъ, высказанный на первомъ же обѣдѣ 19-го февраля Н. А. Милютинымъ и всѣми тогда единодушно принятый: «Отнынѣ ежегодно, въ великій день 19-го февраля, собираться членамъ Редакціонныхъ Коммиссій для чествованія сего дня. И когда, одинъ за однимъ, сойдутъ въ могилу члены Редакціонныхъ Коммиссій, а останется въ живыхъ хоть одинъ изъ нихъ, — да подыметъ онъ, въ день 19-го февраля, бокалъ въ память своихъ сотоварищей и выпьетъ за благоденствіе Россіи и за великое дѣло, совершенное 19-го февраля 1861 года. И только этотъ обѣдъ да будетъ послѣднимъ обѣдомъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ» [2].

Будемъ надѣяться, что память объ этомъ великомъ дѣлѣ будетъ чтиться всегда такъ же сердечно и свято, а всѣ традиціи знаменательныхъ обѣдовъ 19-го февраля будутъ незыблемы среди отмѣченныхъ высочайшимъ вниманіемъ наслѣдниковъ славныхъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“, т. XLI, 1884, стр. 693.
[2]) См. „Русская Старина“, т. XLI, 1884, стр. 672.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

отъ трактира; когда стоишь противъ: есть тонкой тихо падающій паръ и тихой шумъ обыкновеннаго ручья; когда подойдешь, видишь: облако дыма слетаетъ тихо и разбивается, потомъ образуются водяныя струи, льющіяся по камнямъ въ водоемъ, въ которомъ мало воды. Самый ручей прелестенъ, и окрестность очаровательна: клены [и] вязы; маленькая ольховая роща, въ которой вьется ручей и не видимъ водопадъ; прелестно-тихая картина. [Послѣ обѣда въ четыре часа къ камню: тамъ захожденіе солнца; оттуда къ Штаубаху]. Послѣ обѣда дождь. Гер(цогиня) Рагузская; прямо скачутъ къ водопаду, который только принадлежность долины: главное сама долина. Спѣшатъ къ главному предмету и теряютъ промежутки. День дождливый. Ввечеру туманная прогулка: гдѣ Юнгфрау, тамъ свѣтлый магазинъ облаковъ; безпрестанно оттуда туманы въ разныхъ видахъ, словно привидѣнія по бокамъ утесовъ; каскадъ изъ облака облачною полосою; потомъ черезъ долину огромное облако [какъ привидѣніе къ каскаду], какъ двѣ руки. [Не дождался, и ушелъ. Я не знаю, что всегда меня торопитъ; это въ моемъ характерѣ]. Когда я возвратился, вышла луна.

11, [вторникъ]. Полуясное утро. Магдалина Михель. Staubbach: легкая тѣнь, падающая вмѣстѣ съ водопадомъ. Ручей въ олешникѣ при свѣтѣ солнца; радуга въ водоемѣ, исчезающая и являющаяся; водопадъ кажется гуще при солнцѣ. Легкая струя дыма сбоку; освѣщенные утесы; верхняя часть сука; струйка черноблестящая [1]); Spiesbach блеститъ и извивается; Buchbach струйка дыму. Шумъ отъ Лучины. Впереди Шмадрибахъ; назади наклоненная долина, зеленые Альпы, красноватые утесы, дно, кудрявые ольхи и вязы; инде [2]) хижины; удивительно милый видъ. Долина расширяется; два ужасныхъ утеса, какъ ворота, въ срединѣ равнина съ хижинами и деревьями, одно [дерево] на огромномъ отвалившемся камнѣ. [Солнце между двумя утесами; Schilthorn и Mönch; подъ нимъ Gletscher]. Вдали глетшеры и Шмадрибахъ. Мальчикъ. Agertenbach, Murrenbach, Ruffibach, Mattenbach, входъ въ Севилучинен-Thal [3]). Зонтикъ; дождь. Trümmelbach. [Возвратъ]. Цвѣтникъ на камнѣ. Весь день дождикъ — [усиленный Штаубахъ]. [Путешественники]. — Вечеръ; прогулка къ Staubbach: свѣтлые утесы; отъ нихъ не такъ виденъ водопадъ. [Нельзя было видѣть: блескъ отъ того, что лучи противъ]. Выходъ луны изъ-за утесовъ, словно голова на огромномъ туловищѣ [4]). Прелестный ручей [5]), образуемый Штаубахомъ: листья, блестящіе отъ дождя; камни; тѣнь деревъ на серебреной пѣнѣ; капли съ деревъ; ки-

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „нить черноблестящая“.
[2]) Тамъ же: „кое-гдѣ“.
[3]) Т. е. Sefinen-Lütschinenthal. Въ черновомъ дневникѣ: „Sefilutchine“.
[4]) Въ черновомъ дневникѣ: „словно лице“.
[5]) Тамъ же: „Лучше всего ручей“.

пѣнье воды въ свѣтѣ [1]) и въ полусвѣтѣ. Сквозь рѣшетку листьевъ (Манфредъ) [—звено надъ жерломъ Штаубаха—] черные стволы деревъ; трепетъ листьевъ; одно огромное дерево, какъ призракъ [2]) съ раскинутыми руками. Вершина Юнгфрау и Манфредъ. Разные виды тумана. Сквозь вершины деревъ верхняя часть водопада. Потомъ нижняя дымная. Ручей въ тѣни, свѣтлыя пятна. Выходъ: дорога, чистое небо. Съ правой стороны во 100 шагахъ водопадъ лучше; весь огромный утесъ, удивительно освѣщенная вершина Юнгфрау и тихая свѣтлая долина съ деревьями и хижинами. Видъ сбоку еще лучше: утесы чернѣе; серебреный густой дымъ; ясно одна тонкая полоса отдѣляется. Другой каскадъ въ темной впадинѣ, инкогнито [3]). Дно долины: туманъ, деревья какъ острова [въ бѣломъ морѣ]; блестящія кровли хижинъ, серебреная струя рѣки, тѣнь утесовъ на бѣломъ дымѣ. Другая половина долины: рѣка въ тѣни, рѣка въ свѣтѣ; вдали Штаубахъ какъ Kahlborn! Юнгфрау все доминируетъ; съ другой стороны отверстіе утесовъ безъ перспективы: Медвѣдица.

12, [среда]. Выходъ въ $^3/_4$ четвертаго. Юнгфрау и Blümlisalp освѣщенные луною; [трудный всходъ]; долина въ тѣни; облако тумана надъ Унтерзееномъ; блѣдность вершинъ; пламя солнца на Blümlisalp; Staubbach. Murren. Ясность Юнгфрау и Эйгеръ. Огромность. Внизу Trümmelbach. Постепенное освѣщеніе Юнгфрау. Пустые Альпы. Видъ съ Scheideck [4]): Веттерхорнъ; Большой Эйгеръ; оживленные Альпы и дымъ отъ хижинъ. Освѣщеніе долины, блескъ церкви, Унтервальденскіе блестящіе [5]) Альпы. Двѣ лавины съ Веттергорна. Картина долины Гриндельвальдъ. Обѣдъ за table d'hôte: разсказъ о Муронѣ изъ Вевея, священникъ въ Ивердонѣ; обрушился въ глетшеръ; попытка его достать. Христіанъ Бургнеръ. (Ходъ на море; осторожность; камень; пропасть; палка; одинокъ; женитьба). Къ глетшеру; видъ на несущихъ [6]). Постель. Дурная ночь.

13, [четвергъ]. Путешествіе на глетшеръ. (Перемѣна плана отъ дождя). Ужасная лавина съ дымящагося Веттергорна: какъ растопленная мѣдь, только бѣлая. Дорога на глетшеръ мимо свѣжей могилы Мурона; видъ того мѣста, гдѣ погибъ: маленькій холмикъ и ужасная громада и темное облако надъ мѣстомъ несчастія; видъ глетшера между рощами еловой и ольховой: точно видъ горъ снѣжныхъ за лѣсомъ en mignature [7]). [Жаль,

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „на свѣтѣ".

[2]) Тамъ же: „Одно большое дерево, какъ привидѣніе".

[3]) Тамъ же: „Въ темной впадинѣ другой, въ тѣни".

[4]) Т. е. Scheidegg.

[5]) Въ черновомъ дневникѣ: „сіяющіе".

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „Обрушился въ глетшеръ; берегомъ; наклонился; le guide; камни; палка; одинокъ; женитьба. Къ глетшеру. Ожидалъ и смотрѣлъ, какъ шли съ Мурономъ (Христіанъ Бургнеръ)".

[7]) Тамъ же: „словно снѣжныя горы en mignature".

что не видалъ вчера при свѣтѣ]. Всходъ на глетшеръ: нѣсколько отверстій голубыхъ пирамиды; журчаніе; [прекрасный] видъ внутри: туманное жилище между льдистыми скалами; прелестный видъ оттуда на долину зеленую. Возвратъ. Дождь. Характеръ долины особенный отъ прочихъ: отъ широко(й) долины огромность горъ полная [1]). Долина со всѣхъ сторонъ окружена зелеными пажитями; по рединѣ луга́ и плодовитыя деревья, вязы, липы; хижины, пестрящія долину. Съ другой стороны, [смотря] отъ одной Шейдекъ къ другой, три колосса: Эйгеръ, Меттенгорнъ и Веттергорнъ и въ промежуткахъ [льдистые] глетшеры посреди темной зелени елей и яркой зелени пажитей; прелестно-голубой цвѣтъ трещинъ и капли, падающія въ скважины; дно льдистыхъ пещеръ. Дорога отъ Гриндельвальда къ Интерлакену. Дождь; но онъ перешелъ, не доѣзжая къ Унтерзеену. Прелестный Гштейгъ и равнина, усаженная плодовитыми деревьями, и лугъ, черезъ который дорога. Дождь и снѣгъ на вершинахъ горъ. Ахъ, М[агдалина Михель]! [2]).

14 сентября. Унтерзеенъ. Прогулка въ Бенингенъ [3]) черезъ Hoheweg [4]), Matten и Gsteig. Дорога, осѣненная большими деревьями, идетъ лугомъ и садомъ [5]). Изъ-за деревьевъ вершины горъ; нѣкоторыя покрытыя свѣжимъ снѣгомъ; свѣжесть и теплота; хижины между деревьевъ и вымощенныя дорожки [6]) по яркой зелени; дымъ, тихо подымающійся, стукъ цѣповъ, шумъ Аара. [Встрѣча съ путешественниками]. [Прелестный] обширный лугъ, обсаженный липами и вязами, по серединѣ дорога; со всѣхъ сторонъ зеленыя огромныя горы съ недавно оснѣженными вершинами; Юнгфрау и Blümelisalp въ промежуткахъ. Стадо овецъ. Kl(ein) Rügen посреди, какъ зеленый островъ. Bönigen; домы посреди плодовитыхъ деревьевъ; домъ Michel'а въ 1785 и 6 въ Интерлакенѣ; оберамтманъ Тиль. Угощеніе Павла и императрицы. Прогулка и завтракъ Пав(ла) въ Бён(игенѣ) у Михеля. Имп(ераторъ) подарилъ бут(ылку) токайскаго вина [7]). Портретъ. Деревня Бёнигенъ большой садъ

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Здѣсь высокость горъ во всей огромности отъ ширины долины".

[2]) Въ бѣловомъ дневникѣ стоитъ только: „Ахъ, М.!". О Магдалинѣ Михель упоминается выше подъ 11-мъ сентября.

[3]) Т. е. Бёнигенъ (Bönigen).

[4]) Т. е. Höheweg.

[5]) Въ черновомъ дневникѣ: „садами".

[6]) Тамъ же: „освѣщенныя дорожки".

[7]) Въ черновомъ дневникѣ это мѣсто читается такъ: „1785 и 86, Michel. Въ Интерлакенѣ у оберамтмана Тиль, и угощалъ Павла и импер(атрицу), и они прогуливались и завтракали въ Бенингенѣ у Михеля, который былъ та(мъ); императоръ подарилъ бутылку токайскаго вина".—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Θеодоровна посѣтили нѣкоторыя мѣста Швейцаріи, во время своего заграничнаго путешествія, въ 1782 году.

*

сливъ и грушъ съ живописными домами; большая дорога; множество дѣтей; домъ Михеля, Mütterchen, Nichte, [козацкая лошадь], Ерлахъ и Штейгеръ [1]). Озеро Бріенцское [весьма] однообразное; съ обѣихъ сторонъ два хребта горъ; даль со стороны Интерл(акена) живописна, со ст(ороны) Бріенца одинъ утесъ Энги прерываетъ однообразіе. Подъѣзжая, слышишь шумъ водопада и видишь его послѣднее паденіе. Гисбахъ; уступы. Мостъ. Тихое озеро [2]). Деревья. Видъ на нижній уступъ [3]). Лучшій изъ всѣхъ каскадовъ. Взглядъ на живое паденіе, кипѣніе воды, ровность деревьевъ, тихость озера, огромность неподвижныхъ горъ и освѣщеніе сквозь облака. Всходъ (бѣда отъ проводника). Видъ отъ сидѣлки на весь каскадъ; нижній уступъ весь въ виду; верхній только виденъ изъ-за деревьевъ; солнце; освѣщеніе уступовъ и пѣны; мѣсто надъ самымъ паденіемъ; нѣсколько деревьевъ къ безднѣ воды [4]). Сходъ внизъ, и озеро безпрестанно открывающееся. Хижина школьнаго мастера и прекрасный способъ брать деньги: хоръ дѣтей послѣ хора природы [5]). Видъ озера [6]): оба берега туманны, обѣ крайнія стороны въ свѣту; [надъ Рюгеномъ дивное облако]; озеро молочно-бирюзоваго цвѣта [7]). Бріенцъ въ тѣни. Церковь на холмѣ. Освѣщенный зеленый берегъ и весь Гисбахъ [8]). Въ Трахтѣ англичане. Маріанна. Изъ Трахта въ Бріенцъ: [высокое] мѣсто подлѣ церкви: видъ на все озеро въ длину и ширину; влѣвѣ церковь, скрытая деревомъ, и Бріенцъ (не живописный сверху, но съ озера своими каменными терассами), три каскада, весь Гисбахъ, весь Планальпбахъ и сбоку О(л)тшибахъ. Планальпбахъ одна полоса, разбивающаяся внизу на нѣсколько [короткихъ]; озеро тихое; надъ Интерлакеномъ дождь, и сквозь него озлащенныя облака и вечернее золотое небо [9]). Ввечеру прекрасное тріо.

15. Ссора съ Саломономъ. Отъѣздъ изъ Бріенца на лодкѣ: пѣсня егаря, пѣсня тирольская, прекрасно при туманномъ небѣ. Пріятная дорога въ Бріенцъ. Дождь. Прогулка къ Альпбахъ и къ развалинамъ [10]).

---

[1]) Извѣстные швейцарскіе государственные и военные дѣятели: Карлъ-Лудвигъ Ерлахъ (р. 1746 † 1798) и Николай-Фридрихъ Штейгеръ (р. 1729 † 1799).

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Тихость озера".

[3]) Тамъ же: „Видъ на верхній уступъ".

[4]) Тамъ же: „Нѣсколько деревьевъ и бездна воды".

[5]) Тамъ же: „Хижина шульмейстера и хоръ дѣтей послѣ хора природы прекрасный способъ брать деньги".

[6]) Тамъ же: „Видъ на озеро".

[7]) Тамъ же: „цвѣтъ озера молочно-бирюзовый".

[8]) Тамъ же: „Освѣщенный зеленый берегъ и Мюлибахъ".

[9]) Тамъ же: „озлащенныя облака и горы; осенній облачный золотой вечеръ".

[10]) Тамъ же: „Прогулка на Dorfbach и къ развалинѣ".

Resti: могила преступника; видъ на долину Гасли со стѣны: прекрасное дѣйствіе дождевыхъ облаковъ при захожденіи солнца; свѣжая зелень долины; синія горы; туманные призраки и какъ будто городъ въ дали; церковь и деревня внизу и пять водопадовъ въ виду. Милое сосѣдство: [пріятные] голоса, хохотъ, и скучный товарищъ.

16. Рисовалъ на стѣнѣ. [Отъѣздъ сосѣдокъ]. Путешествіе на Рейхенбахъ. Съ Саломономъ до Швенди. Вкруть къ домику. Двѣ никсы [1]). Паденье между широкихъ скалъ. [Прелестныя проводницы. Встрѣча съ прекрасными бѣлоликими]. (Встрѣча съ толпами богомольцевъ, костюмы, физіономіи). Первое паденье вкось сквозь утесы въ жерло. Второе мѣсто отъ Швенди: видно три уступа; мѣсто надъ самою пропастью, два дерева, каскадъ на двѣ полосы: одна тихо, и дно видно, изрытое водами [2]); другая, сжатая въ утесахъ, бросается въ сторону зеленоватою струею, по бокамъ которой жемчужная пѣна; ужасное кипѣніе внизу; видишь [весь] каскадъ, бѣгущій внизъ, и верхнее паденіе; солнце: радуги надъ [бѣлою] пѣною, на утесѣ и на зелени; въ жерлѣ пѣна совсѣмъ бѣлая; на переломѣ крупныя льдины, освѣщенныя солнцемъ. Спуститься: колонна, бѣгущая въ жерло; подъ [3]) ногами прорывы, и въ нихъ солнце, а внизу прелестная долина Гасли. Третье паденіе въ два уступа: въ жерло и потомъ дугою въ другое, такъ что подъ ревущею полосою воды черная пустота и темная бездна, въ которыхъ громъ и кипѣнье [4]). Разнообразныя фигуры впадинъ и трещинъ, вырытыхъ [5]) водою въ камняхъ. 4 паденье подъ мостъ: верхъ, освѣщенный солнцемъ; коза; мальчикъ; видъ съ камней. Послѣднее паденіе самое великолѣпное; самое живописное подъ мостъ; самое разительное съ нагнувшейся [6]) скалы; самое быстрое первое и второе. [Двѣ милыя дѣвочки проводницы]. Видъ на долину отъ Zwirgi; Hasli im Grund, двѣ горки Kirchet; долина Гасли, каскады Dorf-Alp- и Mühlibach. Alpbach разрушитель, полоса камней и дрязгу посреди прелестной зелени луговъ [7]). Утесы Фаллеренъ и Ballenberg разнообразятъ долину; нѣтъ разительнаго въ цѣломъ: красота; но множество прелестныхъ частей, такъ что безпрестанно можно дѣлать открытія [8]). [При солнцѣ должно быть несравненно].

17. Поутру рано на стѣну: несравненное утро: видъ на долину и на

---

[1]) Nixe—русалка.

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „изрытое силою воды“.

[3]) Тамъ же: „передъ ногами“.

[4]) Тамъ же: „въ жерло и изъ жерла въ круть, такъ что вся струя бѣжитъ черезъ темную бездну, въ которой громъ и кипѣнье“.

[5]) Тамъ же: „Разнообразіе фигуръ и впадинъ и трещинъ, сдѣланныхъ водою“.

[6]) Тамъ же: „съ темной скалы“.

[7]) Тамъ же: „посреди прелестныхъ луговъ“.

[8]) Тамъ же: „нѣтъ разительнаго, но много прелести“.

разоблаченіе Веттергорна; Rosenlawi [1]). Переходъ черезъ Брюнигъ: дорога въ тѣни; вся долина Гасли въ свѣту. Виды сквозь деревья; видъ отъ сидѣлки. Живописные камни съ деревьями. Деревня Brünig въ долинѣ. Чудесная зелень. Ручей на солнцѣ. Вахта. Видъ и—[2]). Долины зеленыя; буки, вязы, осины; [долины], окруженныя холмами[3]) и лѣсистыми горками, изъ-за которыхъ высокія горы Оберланда. Крутой сходъ по ступенямъ. Видъ на Лунгернское озеро. [Голодъ]. Переѣздъ черезъ озеро. [Сравненіе затменія горъ съ смертью]. Дорога до Zollhaus: церковь Гизвильская и прелестная долина. Дорога по берегу Сарнскаго озера [4]): огромные буки и дубы; необыкновенное изобиліе яблокъ и грушъ: словно виноградъ. Обервиль и Саксельнъ [5]). Идешь $1/_4$ часа деревнею до трактира. Въ Саксельнѣ церковь съ колоннами изъ дикаго мрамора [6]): гробъ Клауса [7]); его скелетъ на колѣняхъ, кости обвернуты жемчугомъ; множество даровъ: глаза, уши, ноги, руки, младенцы серебреные; Клаусово платье. Въ Ранфтъ: въ Мельхталѣ [прекрасная], глубокая долина съ удивительно зелеными буками, липами; дно занимаетъ рѣчка Мельха(а) [8]); Клаусова келья: камень, окно изрѣзанное, окно въ часовню; мостъ; другая часовня [въ уединенномъ мѣстѣ]; всходъ по чрезвычайно крутой и склизкой дорогѣ [9]); видъ на долину; видъ на озеро, [на] Сарненъ и Кернсъ. Дорога отъ Кернса чрезвычайно живописна: особенно плѣнительная зелень луговъ и деревьевъ. [Прекрасная], живописная церковь въ Кернсѣ. Дорога черезъ долину, окруженную высокими горами: Блумальпъ, Пилатъ и пр. Ничего, кромѣ зеленаго луга [10]). [Шоссе]. Пляска въ трактирѣ. Въ Станцъ ночью.

18. Станцъ. Rathhaus. Картина Vollmar [11]): Клаусъ, прощающійся съ семействомъ. Церковь; колонны мраморныя; дыры отъ пули; застрѣленный священникъ Lüssi. На площади статуя Винкельрида [12]) съ копья-

---

[1]) Т. е. глетчеръ Rosenlaui.

[2]) Одно слово при печати выпущено.

[3]) Въ черновомъ дневникѣ: „окруженныя лѣсомъ и лѣсистыми горами".

[4]) Тамъ же: „берегомъ Сарнскаго озера".

[5]) Въ черновомъ дневникѣ названіе мѣстечка написано правильно: Саксельнъ; въ бѣловомъ же ошибочно: Сакслень.

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „въ Саксельнѣ церковь; обыкновенная архитектура, но колонны изъ дикаго мрамора".

[7]) Блаженный Klaus или Nikolaus von der Flühe († 1487), весьма почитаемый въ сѣверной Швейцаріи.

[8]) Въ черновомъ дневникѣ названіе рѣки написано правильно: Мельха (а); въ бѣловомъ же дневникѣ по опискѣ стоитъ: Мельхталь.

[9]) Въ черновомъ дневникѣ: „Всходъ по чрезвычайно крутой дорожкѣ".

[10]) Тамъ же: „Дорога черезъ долину, окруженную высокими горами (Блумальпъ, Пилатъ и пр.) и состоящую изъ ровнаго зеленаго луга".

[11]) Живописца Іоганна-Георга Vollmar'а.

[12]) Арнольдъ фонъ Винкельридъ (Winkelried) палъ геройскою смертью,

ми. Путешествіе водою через Станцстадъ въ Луцернъ. Прогулка на Hofbrücke. Видъ на Луцернъ и горы при захожденіи солнца; Пилатъ и Риги въ тучахъ; западъ въ розовомъ пламени.

19. Луцернъ. Цѣлый день дождь; но мое счастіе меня не покинуло: [поутру ходилъ смотрѣть] Пфифферовъ рельефъ [1]) (его палка, башмаки и портретъ). [Былъ] у Мейера [2]). Келлерова [весьма посредственная] панорама. [Послѣ обѣда ко Льву [3])]. Левъ и Пфифферъ: инвалидъ въ красномъ мундирѣ, утесы, трещины; отраженіе въ водѣ. [На] Allenwinden; едва ли не лучшій видъ во всей Швейцаріи; несравненныя окрестности Луцерна [4]). Проклятой англичанинъ.

20. Луцернъ. Дождь. Къ обѣду ясно. Въ кабинетъ Рейнгарда [5]): костюмы, [негодное] мазанье, но выраженіе [лицъ прекрасно]; рисунки перомъ жены [лучше]. Въ арсеналъ: кольчуга Леопольда [6]), топоръ и мечъ Цвингли, ошейники, писанныя стекла. Гутшъ. [Прекрасный видъ, но хуже, нежели Allenwinden]. Послѣ обѣда прелестная прогулка берегомъ Рейссы; крестъ; старикъ и лодка; на мосту несравненное захожденіе солнца; зеленая роща въ огнѣ; Риги фіолетовый и красный; утесы и Кларида долго угасающіе. (Утки, рыбакъ, тростникъ).

21. Прекрасное утро. Большая лодка съ скотиною и пѣсни. Утесы выдавшіеся Меггенгорна, соотвѣтствующіе противуположному берегу. Часовня св. Николая. Альтстатъ и памятникъ Реналя(?) [7]). Прекрасный видъ на Пилатъ и Станцстадъ. Веггисъ обѣтованная земля Люцерна; италіанская вегетація; [зеленый холмистый] берегъ, покрытый пышными плодовитыми деревьями и обложенный [8]) камнями; часовня на мысу; дымъ на берегу и по озеру; солнце полосами; восточныя горы въ пару. Церковь Веггиса и трактиръ. Всходъ. Встрѣча съ англича-

---

пронзенный копьями, въ 1386 году, въ сраженіи швейцарцевъ съ австрійцами при Семпахѣ.

[1]) Рельефъ центральной Швейцаріи, исполненный извѣстнымъ топографомъ Карломъ-Людвигомъ Пфифферомъ (Pfyffer, р. 1716 † 1802).

[2]) Въ его діорамѣ Риги и Пилата.

[3]) Извѣстному памятнику Льва, исполненному по модели Торвальдсена, въ память швейцарцевъ, убитыхъ въ августѣ 1792 года при защитѣ Тюильри.

[4]) Въ черновомъ дневникѣ: „едва ли не лучше всѣхъ, какіе я встрѣтилъ. Окрестности Люцерна несравненны“.

[5]) Живописца Іосифа Рейнгарда (Reinhard, † 1810); имъ были исполнены, въ краскахъ, изображенія знаменитыхъ швейцарцевъ, а также рисунки швейцарскихъ костюмовъ.

[6]) Австрійскаго герцога Леопольда, разбитаго швейцарцами въ 1315 году въ сраженіи при Моргартенѣ.

[7]) Слово написано не слишкомъ разборчиво; въ черновомъ дневникѣ стоитъ просто: „памятникъ“.

[8]) Тамъ же: „обкладенный“.

нами. Пустыня: прелестный видъ на озеро [1]); кухня; горница; спальня: крестъ, бумажные образа; часы, вмѣсто гирь камень и молотокъ; подъ часами клѣть для птицъ; нѣсколько гнилыхъ яблокъ; черныя тряпки въ углу [2]); все смрадно и нечисто; Gebetbuch; Biblische Geschichte für Kinder. Подлѣ утесы стѣною, источникъ и живописный мостъ. Kaltbad. Обвалившійся утесъ. Больной. Видъ съ Риги безъ солнца какъ карта географическая, хорошо иллюминованная [3]); холодъ на Кульмѣ. Этотъ видъ требуетъ самой ясной погоды, или полнолунія, или пышнаго облачнаго неба съ солнцемъ; безъ того онъ болѣе печаленъ [4]): ровное мѣсто, не иное что, какъ темное пространство [5]) съ зелеными пятнами и нитями, озера точно зеленыя тинистыя лужи стоячей воды, а горы какъ мертвыя развалины; неоживленный хаосъ развалинъ первобытныхъ и еще не населенныхъ. [Но] солнце, заходящее здѣсь въ ясности, должно быть несравненно; Богъ покидаетъ на время видимое твореніе [6]); а восхожденіе еще величественнѣе. Когда солнце зашло, была чудесная минута: западъ пылалъ и Лу(цернское) озеро вмѣстѣ съ нимъ [7]); въ немъ отражались темныя башни Луцерна, и на всемъ противуположномъ небѣ, надъ снѣжными и мертвыми горами [8]), розовыя и віолетовыя облака, и вѣтеръ въ развалинахъ [9]).

22. Восходъ солнца на Риги. Облака. Надъ горами темно-віолетовыя тучи; на этомъ фонѣ загорѣлись всѣ Оберландскія горы, Ротштокъ, Титлисъ и еще нѣкоторыя, и летучія облака. Но востокъ изчезъ [10]). Облака какъ вата надъ Гольдау и Артомъ. Видя угасающую природу [11]), приходитъ въ мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее тѣлу [12]), а высшее; пока онѣ въ немъ, по тѣхъ поръ и красота; удалились,—формы тѣ же, но красоты уже нѣтъ; ничто такъ не говоритъ о

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Въ пустынѣ; удивительный видъ на озеро".

[2]) Тамъ же: „черное платье въ углу".

[3]) Тамъ же: „Видъ съ Риги былъ картою географическою, хорошо иллюминованною".

[4]) Тамъ же: „Этотъ видъ требуетъ самой ясной атмосферы и тихой погоды, свѣтлой лунной ночи, или яснаго утра, или живописнаго облачнаго неба съ солнцемъ; безъ того онъ печаленъ".

[5]) Тамъ же: „ровныя мѣста, не иное что, какъ черныя пространства".

[6]) Тамъ же: „Богъ покидаетъ на время твореніе, видимое передъ глазами".

[7]) Тамъ же: „западъ пылалъ, и огонь струился въ Люц(ернскомъ) озерѣ".

[8]) Тамъ же: „надъ снѣжными и мертвыми вершинами".

[9]) Тамъ же: „вѣтеръ надъ развалинами".

[10]) Тамъ же: „Но облако все задернуло".

[11]) Тамъ же: „Видя угасающія горы".

[12]) Въ черновомъ дневникѣ находится правильное чтеніе: „не принадлежащее тѣлу", въ бѣловомъ же дневникѣ читается: „не принадлежащее мѣсту".

смерти въ величественномъ смыслѣ, какъ угасающія горы. Сходъ съ Риги; мои спутники впередъ. Приключеніе шляпы. Веггисъ; италіанская природа [1]): орѣхи, каштаны, акаціи. [Студенты на Риги; одинъ грозный]. Плаваніе отъ Веггиса къ Киснахту: К(иснахтское) озеро не столь живописно, но есть милыя картины: справа рыбачья хижина и пристань [передъ двумя холмами]; узкая долина между холмами и видъ сквозь отверстіе на дальнія высокія горы. Кюснахтъ: прекрасное кладбище. Hohle Gasse и часовня: Le comte Guillaume de Lisio proscrit, condamné à mort pour la sainte envie de la liberté [2]), s'est reposé ici le 18 7-bre 1821 [3]). Immensee. Прелестное озеро Цугское, особливо послѣ величественныхъ явленій горной Швейцаріи; смѣсь величественнаго съ простымъ безъ однообразія. Величественное просто: Rigi, Zugberg; нѣтъ угловъ и трещинъ; прекрасная зелень; только Пилатъ въ пару (Hat Pilatus ein Hut, so ist das Wetter gut) [4]). Простое живописно: низкіе дальніе берега; смѣсь полей, холмовъ, рощъ; надъ ними цѣпь невысокихъ горъ, Альбисъ, Утли [5]), стѣна Юры; Цугъ и прелестная каменная церковь надъ рощами. (Въ то время, какъ маленькой народецъ [6]) сражается за честь и свободу, что дѣлаютъ могучія, полныя силы и славы державы? Высматриваютъ, какъ бы посчитаться и не дать другому выгодъ. Простѣе бы искренно, безкорыстно и дружно стать за великое: это помирило бы государей съ народомъ). Особенно пріятенъ берегъ Цугскаго озера отъ Обервиля до Цуга и далѣе: низкія полугоры, всѣ въ плодовитыхъ деревьяхъ, порою виноградъ на италіанскій образецъ, орѣхи, буки, липы, вязы, въ прелестномъ разнообразіи. Тишина озера несравненная. Солнце въ туманѣ тонкомъ осеннемъ; на берегу домики бѣлые съ красными кровлями, шпицъ церкви, иногда звонъ. Zug. Входъ нунція. Kommen sie nieder [7]).

23, воскресеніе. Выходъ въ шесть часовъ; до Бара большою дорогою; потомъ тропинкою [8]); дорога садъ: орѣхи, груши, яблони на лугахъ, которые два раза были скошены и покрыты высокою травою. День пестрой. Встрѣча съ идущими къ обѣдни въ Цугъ и стрѣльба въ Цугѣ.

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „италіанская вегетація".

[2]) Тамъ же: „pour la cause sainte de la liberté".

[3]) Т. е. графъ Вильгельмъ Лизіо, изгнанникъ, присужденный къ смерти за святое стремленіе къ свободѣ (въ черновомъ дневникѣ: за святое дѣло свободы), почилъ здѣсь 18 сентября 1821 года.

[4]) Т. е. примѣта: Если Пилатъ покрытъ облакомъ, то погода будетъ хорошая.

[5]) Т. е. Uetli.

[6]) Т. е. греки.

[7]) Т. е. сходите.

[8]) Въ черновомъ дневникѣ: „потомъ въ Барѣ вправо тропинка".

Silbruck [1]); пограничная деревня между Zug и Zürich [2]). [Сказка о трехъ домахъ. Красота не въ природѣ, а въ душѣ человѣка; свѣтъ и душа; революціи и горы]. (О грекахъ говорятъ: ils sont vils; oui, mais c'est contre la cause, qui les rend vils, qu'ils combattent; délivrez les, et ils seront autres. Ont ils été vils les Grecs de Salamine; ont ils été vils les malheureuses victimes, la fleur de la Grèce d'aujourd'hui? Le grec est coquin parcequ'il a beaucoup d'esprit [3]) et est esclave; il use de sa force. [Rendez le libre, il sera héros; faites le esclave, il vous trompera. Il est toujours le plus fort]. Les ultras et les libéraux sont tous les deux ennemis de l'ordre; les uns [4]) veulent pour leur profit maintenir le désordre existant, les autres veulent le remplacer par un autre désordre qui leur profite. Il vaut mieux attendre que mal commencer, car recommencer est [presque] impossible) [5]). Видъ на озеро, подходя къ Горгену. Прекрасная деревня; домъ пастора въ три этажа; церковь.

[Mein Wandel soll im Himmel sein,
Obschon ich leb' auf Erden;
Ein Pilger bin ich hier allein,
Dort hoff' ich Bürger werden [6])—

надпись у дома человѣка, который не далъ мнѣ вина]. Здѣсь обѣдалъ. Дорога прекрасная виноградникомъ. Ау. Богатство домовъ. Chaussée и тропинки. Пилъ вино у крестьянина; чистота; около стѣнъ дубовые шкапы; печь кафельная; чайныя чашки; книги: Gebetbuch, Gartenbuch, Chronica. Wädenschweil [7]): огромная деревня съ церковью; много купцовъ. Видъ отъ [оберамтманова] замка на озеро: U(e)tli, Рапперсвиль, Уфнау. Прогулка по озеру при захожденіи солнца; прекрас-

---

[1]) Т. е. Sihlbrugg.

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „между Zug'омъ и Цирихомъ".

[3]) Тамъ же: „trop d'esprit".

[4]) Тамъ же: „Les premiers".

[5]) Т. е. они (греки) презрѣнны; да, но противъ причины, которая ихъ дѣлаетъ презрѣнными, они и сражаются; дайте имъ свободу, и они станутъ другими. Были ли презрѣнны греки Саламина, были ли презрѣнны несчастныя жертвы, цвѣтъ нынѣшней Греціи? Грекъ плутъ, потому что у него много (въ черновомъ дневникѣ: слишкомъ много) ума и что онъ рабъ; онъ пользуется своею силою. Дайте ему свободу, онъ будетъ героемъ; сдѣлайте его рабомъ, онъ васъ обманетъ. Перевѣсъ всегда на его сторонѣ. Крайніе и либералы одинаково враги порядка; первые для собственныхъ выгодъ хотятъ сохранить существующій безпорядокъ, вторые хотятъ замѣнить его другимъ безпорядкомъ, который имъ былъ бы выгоденъ. Лучше ждать, чѣмъ дурно начать, потому что начать съизнова почти невозможно.

[6]) Т. е.—Мой путь долженъ быть на небѣ, хотя я живу на землѣ; здѣсь я только странникъ, тамъ я надѣюсь стать гражданиномъ.

[7]) Т. е. Wädensweil.

ное освѣщеніе противнаго берега, тѣмъ болѣе, что все довольно близко и озеро кажется оживленнымъ. Вообще большая опрятность, дѣятельность; выраженіе физіономій честное. Трактиръ Вѣнца и трактирщикъ [съ своею жадною учтивостью]. Дѣвочки на терассѣ замка и плутовство. Стрѣльба. Въ Вед(еншвейлѣ) много фабрикъ: суконныя, кожевенныя и особенно соломенныя.

24, понедѣльникъ. Prupbacher Strohfabrik für Arme [1]). Теперь 103 старыхъ и молодыхъ работаютъ, получаютъ кормъ, обѣдаютъ и живутъ. Учатся читать и писать и счету. [Въ Веденшвейлѣ] Lesegesellschaft, Musikgesellschaft. Трактирщикъ Höhn знакомъ съ Беккеромъ и его сестрою [2]). Плаванье въ дождь съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ. Шумъ дождя и отъ разрѣзыванья волнъ лодкою. Впереди волны надуваются, иногда рвы, изрѣдка пѣна; сзади какъ будто преслѣдуютъ и большія струи пѣны [3]). Сзади дождь; впереди пристань; сбоку небо! Колыханье. (Въ сильный вѣтеръ [и въ бурю] весло и руль [4]), но, когда все напрасно, брось все: есть доска. Il y a du sublime à être debout sur une nacelle et s'avancer au milieu des vagues) [5]). Приближеніе къ Цириху. Начало проясняться [6]), и волны отъ свѣта сдѣлались виднѣе; пѣна и верхи заблистали, морщины темнѣе; горы показались; всѣ рощи и берегъ синіе; часть горъ еще за дождемъ, другія виднѣе и вершины покрыты свѣжимъ снѣгомъ; волны изъ дымныхъ обратились въ желѣзноцвѣтныя съ отблескомъ; приближаясь къ Цириху, солнце и городъ, блестящій на темнотѣ волнъ. Горы. Сзади кипящія серебреныя волны, впереди только вспрядывающая блестящая пѣна. Прелесть утиханія. Струя пѣны, бросающаяся въ сторону отъ носа иногда ребромъ, иногда плескомъ. Къ Гагебуху [7]).

25, [вторникъ]. Дождь. Обѣдалъ у Гагебуха. Пріятный разговоръ съ Фисли [8]). Послѣ обѣда [выборъ картинъ]. Въ театрѣ: отрывокъ изъ Hagestolzen [9]).

26, [середа]. Поутру [дома]. Къ Вецелю [10]): его эскизы. Къ Фисли [11]):

[1]) Въ бѣловомъ дневникѣ: „Strohfabrik для бѣдныхъ".

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Трактиръ Короны; хозяинъ Höhn".

[3]) Тамъ же: „сзади какъ будто преслѣдуютъ сильныя волны и пѣна".

[4]) Тамъ же: „руль и корма".

[5]) Т. е. Есть что-то величественное, когда стоишь въ лодкѣ и двигаешься среди волнъ.

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „При приближеніи къ Цириху начало прояснивать".

[7]) См. выше, стр. 124, прим. 4-е.

[8]) См. выше, стр. 124, прим. 3-е.

[9]) Пьеса Ифланда (см. выше, стр. 117, прим. 1-е).

[10]) См. выше, стр. 124, прим. 5-е.

[11]) Къ Гансу-Генриху Фюсли (р. 1744 † 1832), швейцарскому историку; этотъ именно Фюсли зналъ Винкельмана; познакомились они въ Италіи.

его связь съ Винкельманомъ [1]). Извѣстіе о смерти Винкельмана. Обѣдалъ за table d'hôte. Ссора нѣмца съ французомъ. У M-elle Tobler [2]). У Эбеля [3]): Арнимъ [4]). [О довѣренности къ импер(атору) Алек(сандру)]. Katze [5]). Несравненный вечеръ при сліяніи Силя съ Лимматою [у Геснерова [6]) памятника].

27, [четвергъ]. [Поутру]. Завтракалъ съ Вецелемъ и Гаг(ебухомъ) [дома]. У Фисли съ картинами [7]); его милая дочь. [Обѣдалъ дома]. Послѣ обѣда на Wikkinger Berg съ Вецелемъ. Вечеръ съ Эбелемъ у меня.

28. Знакомство съ Фогелемъ [8]); его картины: Праздникъ во Фрибургѣ; Возвращеніе послѣ Моргартенской побѣды; Цвингли въ Цирихѣ. Картина Овербека [9]): Марія, Мареа и Христосъ. Геснеровы гуаши и гравюры.

29. Въ Шафгаузенъ. Эглисау. Мостъ.

30. Паденіе Рейна: 1) Видъ съ подмостковъ. Чудеснѣе въ пасмурную погоду. Три [бугр(истыхъ)] утеса. Брыз(г)и. Формы дыма. Быстрыя перемѣны. Неподвижность утесовъ. Листья. Солнце. Радуга; 2) Въ павильонѣ [10]): [прекрасно, но не чудесно]; вся рѣка; тишина теченія; прорытые утесы; [тишина паденья]; бугры пѣны; 3) Видъ съ воды; 4) [Видъ] въ камеробскуру; 5) [Видъ] съ мельницы [11]).—Энгенъ. Видъ на развалины и на озеро Констанцское.

1 (октября н. ст.). Hi(l)zingen, гдѣ пилъ кофе. Дорога до Энгена пріятная; открытыя мѣста; пашни. Утесы Hohentwiel и Hohenstaufen. Engen. [Подлѣ огромный утесъ съ развалинами замка. Площадь съ фон-

---

[1]) Знаменитымъ нѣмецкимъ археологомъ и историкомъ искусствъ († 1768).

[2]) Вѣроятно, у той M-elle Tobler, которая была раньше воспитательницею въ русскихъ семействахъ (см. „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу" (Лейпцигъ. 1872), стр. 152).

[3]) См. выше, стр. 124, прим. 12-е.

[4]) Графъ Генрихъ-Александръ Арнимъ (р. 1791 † 1859), прусскій дипломатъ (въ то время состоявшій при прусской миссіи въ Швейцаріи), впослѣдствіи бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ.

[5]) Die Katze—„возвышенное мѣсто, изъ старыхъ укрѣпленій уцѣлѣвшее, усаженное деревьями"—читаемъ въ одномъ изъ писемъ А. И. Тургенева къ его брату Н. И. Тургеневу—„Ай да кошка! Это лучшій видъ па Цюрихское озеро; ибо почти не поворачиваясь можно видѣть и все озеро и окрестности онаго" („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 153).

[6]) См. выше, стр. 125, прим. 3-е.

[7]) Въ черновомъ дневникѣ: „У Фисли съ Мюнхенскою галлереею" (т. е. съ изданіемъ картинъ Мюнхенской галлереи).

[8]) См. выше, стр. 124, прим. 7-е.

[9]) Живописца Фридриха Овербека (р. 1789 † 1869).

[10]) Въ черновомъ дневникѣ: „Съ павильона".

[11]) Тамъ же: „Видъ отъ мельницы".

таномъ. Дьявольская свадебная музыка. Впереди дудка, кларнетистъ, скрипка и басъ. Ужасное разстройство] [1]). Спутникъ до Stut(t)gard [2]). Третья лошадь. Пасмурное время [3]). Видъ на Констанцское озеро и послѣдній взглядъ на Швейцарію. Tuttlingen. Прекрасное мѣстоположеніе въ широкой [зеленой] долинѣ. Надъ городомъ высокій холмъ съ развалившимся замкомъ. Tuttlingen чистый городокъ. Katharinens-Hospital. Трактиръ на почтовомъ дворѣ. Дорога [отъ Tuttlingen] до Alttingen [4]) [прекрасною] широкою долиною, которая вьется между холмами, которыхъ бока вспаханы [5]), а вершины покрыты кудрявымъ лѣсомъ. Зеленый лугъ на днѣ долины, стада, дороги, деревни: стѣны известковыя, а крыши черепичатыя. Осеннее облачное небо съ синимъ отливомъ; яркое солнце; сіяніе солнечнаго свѣта на лугахъ и холмахъ; [голубой дымъ]: совсѣмъ новая картина послѣ Швейцаріи. Отдыхаешь послѣ высокости [6]) посреди простоты. (Сравненіе Швейцаріи съ простою природою) [7]). Мой товарищъ [честной отецъ семейства]; разсказы о Гольдау. Разговоръ двухъ отцовъ на козлахъ [и зависть].

2. Балингенъ. Дорога гористая [8]). [Ужасно сильный вѣтеръ]. Видъ на Гогенцоллернъ. Прекрасная шоссе; нечистота и нищенство въ католицкихъ деревняхъ. Странной костюмъ [9]). [Прекрасная погода]. Положеніе Гогенцоллерна [10]): осыпающіеся камни; тѣни по равнинѣ; вѣтеръ; рѣшетки и цѣпь; двое воротъ; часовня; арсеналъ, [двуголовый барсукъ]; имя [Вильгельма] кронпринца 16 іюля 1819. Tübingen. Видъ на Тюбингенъ. Заходящее солнце. Waldenbuch: Евва.

3. Туманное утро. Видъ на Штутгардъ: на днѣ долины, окруженный виноградными холмами. Нѣтъ великолѣпія, но большая опрятность. Трактиръ Waldhorn [11]) Königsstrasse. Къ Боассере [12]). Въ театрѣ: Der Türke in Italien [13]).

---

[1]) Въ бѣловомъ дневникѣ стоитъ только: „Engen. Свадьба".

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Товарищъ до Duttlingen".

[3]) Тамъ же: „Время пасмурно-ясное. Chaussée".

[4]) Т. е. Aldingen.

[5]) Въ черновомъ дневникѣ: „которыхъ отлогости вспаханы".

[6]) Тамъ же: „отдыхаешь отъ высокости".

[7]) Тамъ же: „Сравненіе швейцарской природы съ обыкновенною".

[8]) Тамъ же: „Дорога до Балингена гориста".

[9]) Тамъ же: „Странная уродливость костюма".

[10]) Тамъ же: „Гогенцоллернъ. Обширное мѣстоположеніе".

[11]) Тамъ же: „Трактиръ Валторны".

[12]) Братья Сюльписъ (р. 1783 † 1854) и Мельхіоръ (р. 1786 † 1851) Буассерѐ (Boisserée), составившіе богатое собраніе картинъ преимущественно старинной нѣмецкой школы. Въ 1827 году ихъ картинная галлерея была куплена для королевскаго музея въ Мюнхенѣ.

[13]) Въ черновомъ дневникѣ читается слѣдующее: „Les frères Boisserée;

4. У священника; веселыя горницы, чистота, эстампы. Церковь. Стулъ Екатерины [1]). [Благословенные образа: Александръ Невскій и Спаситель; на послѣднемъ радуга и дворецъ] [2]). Екатерина мученица благословеніе Екатерины [3]). [Порядокъ въ церкви].

Картины Буассере. [№ 1. Большая горница. Надъ дверью портретъ]. 1) St. Bernard prêchant la croisade devant Conrad (III). Симеонъ, Лазарь, Іоакимъ и Іосифъ, Албр(ехта) Дюрера. Положеніе во гробъ, Албр(ехта Дюрера). St. Norbert prêchant l'Évangile, de Bernhard van Orley ou de Brussel. 2) Женщина съ вѣткою, Coxis. 3) Потопъ, van Mandeer. Полная исторія Страстей Господ(нихъ), v(on) Mabuse. Марія и Іосифъ, Patteniег. Ландшафтъ съ Георгіемъ, Altdorfer de Ratisbonne. Семейство Маріи, de Mabuse. 5) Богоматерь, кормящая Христа, Schoreel. 6) Карлъ V, Heimskerk. 7) Святые на золотѣ. École de Cologne. Влѣво отъ входа: 1) Богоматерь съ Младенцемъ, Dick de Harlem. Портретъ мужчины съ письмомъ, [de Walch]. 2) Богоматерь съ Младенцемъ, Francia. 3) Христосъ, коронующій Богоматерь. Св. Вероника [École de Cologne]. 4) С(вятой) Антоній, покоряющій дьявола. 5) Святыя Варвара, Маргарита, Сесилія, Лукаса Лейденскаго.

[Боковая горница]. Главныя картины: 1) Успеніе, Schoreel. Б о г о м а т е р ь: бѣл(ая) подушка; бѣлое покрывало; зеленоватое платье; рукава съ опушкой; покровъ к(р)асной. І о а н н ъ: свѣтло-зеленое платье. П е т р ъ: золотая риза, бѣлое платье. Д в о е с ъ с л о ж е н н ы м и р у к а м и: зеленоватое платье. С ъ п а н и к а д и л о м ъ: цв(ѣтъ) кирпичный. Р а з д у в а ю щ і й: зеленое, воротъ красный. Д в а с ъ с о с у д о м ъ: ближайшій къ Богом(атери): зеленая мантія, пюсовое платье; другой:

входъ; толпа. Шоллерово (sic). Успеніе; боковыя фигуры. Ванъ Эйково Поклоненіе Христу; Филиппъ Добрый и Карлъ Смѣлый, Георгій, Діонисій; боковыя картины: Благовѣщеніе и Обрѣзаніе. Эммелинково Рождество. Эммелинкова Манна. Христофоръ, Іоаннъ. Спасителева голова. Мабузъ. Албрехтъ Дюреръ. Лукасъ фонъ Лейденъ: Апостолы. Расположеніе". — Въ бѣловомъ дневникѣ замѣтки Жуковскаго о нѣкоторыхъ картинахъ изъ собранія Буассерѐ помѣщены подъ 4-мъ числомъ.

[1]) Королевы Виртембергской Екатерины Павловны († 1819).

[2]) Въ бѣловомъ дневникѣ стоитъ только: „Образъ Александра Невскаго".

[3]) Въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній къ своей элегіи „На кончину ея величества королевы виртембергской" (Екатерины Павловны) Жуковскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ штутгартской русской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось, какъ было при ней; кресла ея стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Нельзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь императоръ: на немъ изображенъ святой Александръ Невскій, виды Нева, Зимній дворецъ, и надъ ними радуга — свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба" (см. Стихотворенія В. А. Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 44).

пюсовое, рукава желтые съ красн(ымъ) отливомъ. Паркетъ. Балдахинъ красный, зеленая и золотая бахрома и кисти. 1 бок(овая картина): Oratoir(e) ранжевый съ краснымъ ковромъ. Двѣ молящихся: на одной черный бархатъ съ мѣховымъ подбоемъ, на другой темнокоричневый съ мѣховымъ же подбое(мъ). Святая съ жерновомъ: зеленое платье съ золотымъ шитьемъ и пурпурная мантія; съ фонаремъ: оранжевое платье, сверхъ дымка и хвосты на шеѣ. 2 бок(овая) кар(тина): Рыцарь въ латахъ: коверъ. Св. Діонисій: бѣлое нижнее платье и пурпуровая бархатная мантія съ золотомъ; шапка красная съ золотомъ и перьями. С(вятой) Георгій: золотыя латы, рукава голубые съ краснымъ. NB. Воздухъ. Небо безоблачное, но солнце затуманено. Лице раздувающаго. Отворенное окно и свѣтъ сквозь круглыя точеныя стекла. Отверстіе надъ дверью. Мужественныя лица отца и сына и особое богомольство въ каждомъ. Отдѣлка подробностей. Ландшафтъ. Спокойствіе въ окрестности. Рука Богоматери и четки. Люди въ домѣ. Разныя выраженія лица: Іоаннъ, два читающ(іе), Петръ, съ одной; лице Богоматери. Полуоткрытыя уста. Переходъ отъ боковыхъ карт(инъ) ко зрителямъ.

II. Поклоненіе маговъ [1]), V(an) Eyk. Боков(ыя) картины: Благовѣщеніе и Обрѣзаніе. Богоматерь: голубое платье. Филиппъ: пюсовое бархатное съ опушкою; верхнее красное съ бѣлымъ мѣхомъ; рукава красные и желтые; золотое короткое платье съ жемчугомъ и камнями; красная шапка съ короною. Другой: синее суконное платье съ золотымъ шитьемъ; красная мантія; зеленая шапка. Карлъ: золотое платье съ краснымъ бархатнымъ узоромъ и горностаями: голубая шапка. Іосифъ: кирпичнаго цвѣта платье. Датель: черное съ опушкою. Б л а г о в ѣ щ е н і е. Богоматерь: свѣтло-синее; ангелъ: бѣлое съ золотомъ; постель, алый балдахинъ, алый покровъ, золотой подбой съ бархатн(ымъ) алымъ узоромъ; зеленая бахрома; подушка ранжевая, узоръ бѣлой; коверъ свѣтло-оливковый съ темно-оливковымъ узоромъ. О б р ѣ з а н і е. Богоматерь: синее пл(атье). Іосифъ: красное. Держ(ащій) голубей: зеленое платье, подбой зеленоватый съ фіолетовымъ отливомъ, тоже на головѣ; рукава шеколадные. Держащій Христа: темно-фіолетовое верхнее платье съ краснымъ капишономъ; нижнее золотое съ чернымъ бархатнымъ узоромъ; внутр(енность) храма планшевая, узорныя окна. NB. Яркость свѣта между колоннами, въ трещинахъ. Зеленой ландшафтъ. Чувствуется легкость воздуха. Ясной безоблачный день. Особливо въ окнѣ картины Благовѣщенія: точно влетающій ангелъ; скромное, нѣсколько робкое положеніе внимающей Богоматери. Во второмъ спокойствіе занятой матери. Въ третьемъ важное размышленіе и знач(ительный) взглядъ. Тишина

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Adoration des mages“.

ясной природы. Набожность въ Іосифѣ, въ Филиппѣ, въ Карлѣ, въ ангелѣ. Разные характеры любопытства.

III. С(вятой) Лука, пишущій Богоматерь. Манна Hemmelink. Le sacrifice de Melchisédeck, idem. Благовѣщеніе.

1) Богоматерь: нижнее платье парча, вышитая бѣлая; верхнее пюсовое съ золотомъ; синяя мантія. Лука: лиловая шапка, яркое карминовое платье съ опушкою. Коверъ и балдахинъ золотой съ алымъ бар-х(атнымъ) узоромъ. NB. Лице Богоматери, дающей грудь Младенцу; нѣтъ занятія, простое выраженіе матери, полуулыбка. Млад(енецъ), гляд(ящій) на Луку, голова прекрасная, все прочее младенчески несовершенное. Руки Богоматери сухи. Внимаю(щій) Лука, ищущій взоръ. Руки апостола. Даль: городъ, заливъ съ излучиною, вдали острова, одинъ за другимъ, улица. Воздухъ между колоннами, прозрачное окно писанное, отворенная дверь въ горницу: свѣтъ въ окно и въ стекла. Стѣна съ зубцами и смотрящій со стѣны.

IV. Поклоненіе маговъ. Іоаннъ Креститель [1]). С(вятой) Христофоръ, Эммелинковы—Голова Спасителя, Жизнь Богоматери. (Всего на все 77 картинъ).

1. Богоматерь: синее платье; красная подушка. Іосифъ: зеленая мантія; темно-синее платье. Одинъ магъ: красное платье, пюсовая шапка; другой: синее бархатное, сверху золот(ое) съ красн(ымъ) бар-х(атнымъ) узоромъ. Дательникъ: темно-пюсовое. С(вятой) Христофоръ: синее нижнее платье, красная мантія; красновато-пюсовое платье. Синяя осенняя даль. Облака синія и свѣтло-лиловыя. Разсѣяніе свѣта по волнамъ. І(оаннъ) Креститель: пюсовая мантія.

Ж и т і е Б о г о м а т е р и. Храмъ посреди. Путешествіе волхво(въ). Три на горѣ. Ѣдущіе. Встрѣча у моста. У Ирода. Поклоненіе. Отъѣздъ. Отплытіе. Справа Благовѣщеніе. Рождество. Возвѣщеніе пастухамъ. Поклоненіе пастуховъ. Бѣгство во Египетъ. Убіеніе младенцевъ. Преслѣдованіе. Извѣщеніе Ироду. Воскресеніе. Магдалина. Христосъ во Иммаусѣ. Сошествіе Св. Духа. Успеніе.

У Буассере. [Разговоръ съ Буассере]. Мнѣніе Кановы [2]) о картинахъ вдали и вблизи; дать списать живописцу; Гёте о природѣ; [о картинѣ Эммелинка] [3]). Рисунки и планы Кельнскаго собора [4]); оригинальный

---

[1]) Въ бѣловомъ дневникѣ описка: „Іюнъ Крести". Исправлено по черновому дневнику, гдѣ читается слѣдующее: „Adoration. St. Jean. Christoph(e). Jésus Christ d'Hemmelink. La vie de la S(ainte) Vierge d'Hemmelink".

[2]) Знаменитый итальянскій скульпторъ (р. 1757 † 1822).

[3]) Фламандскій живописецъ Гансъ Мемлингъ (Memling, † 1495), или какъ прежде неправильно писали Hemling или Hemmelink (поэтому и Жуковскій пишетъ его фамилію Эммелинкъ или Геммелинкъ).

[4]) Въ черновомъ дневникѣ: „Кельнской церкви".

планъ на пергаминѣ. Прогулка послѣ обѣда въ саду; запахъ резеды, [какъ будто воспоминаніе]; [большой] прудъ; черные лебеди [1]). По бокамъ пруда тополи и saules pleureurs. Прекрасная картина: два лебедя спящихъ и плавающихъ, закинувъ головы, и тихо кружащіеся [2]). Луна и стѣны [наклонившихся] saules pleureurs. [Опрятность города и непріятная вонь на улицахъ; тротуары, прекрасная мостовая и вездѣ потоки нечистотъ [3])].

5. Къ Бенкендорфу [4]): разгов(оръ) о М(аріи) Павловнѣ [5]). La princesse fille du prince Paul [6]). О здѣшней конституціи. Къ М-[elle] Dr(o)ust: разсказы о смерти королевы [7]); о королѣ [8]): [добрый отецъ]; завтр(акаетъ) и обѣд(аетъ) у дѣтей. Марія и Софія [9]); младшая похожа на мать. M-elle Kachoffsky. На ея мѣсто молодая M-elle Savent. [Kachoffsky въ Рюдесгеймѣ у доктора Hoffman съ Madame Wasmuth]. [Встрѣча съ Турномъ [10]); обѣдъ у него съ его секретаремъ [11])]. Его стихи [на Психею] [12]) о душѣ безъ души. Даннекеръ [13]): его Спаситель [14]); его

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „и два черныхъ лебедя".

[2]) Тамъ же: „два спящихъ лебедя, тихо кружащіеся по водѣ, закинувъ головы за крылья".

[3]) Въ бѣловомъ дневникѣ: „Опрятность города и вонь на улицахъ; тротуары и стоки нечистотъ".

[4]) Генералъ-маіоръ, потомъ генералъ-адъютантъ Петръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1785 † 1829), посланникъ въ Штутгартѣ и Карлсруэ.

[5]) О герцогинѣ Саксенъ-Веймарской Маріи Павловнѣ.

[6]) Дочь герцога Павла Виртембергскаго, принцесса Фридерика-Шарлотта-Марія, будущая великая княгиня Елена Павловна; бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ состоялось въ 1824 году.

[7]) Королевы Виртембергской Екатерины Павловны († 1819).

[8]) О Виртембергскомъ королѣ Вильгельмѣ I (р. 1781 † 1864).

[9]) Дочери короля Вильгельма отъ брака его съ великою княгинею Екатериною Павловною; изъ нихъ принцесса Марія была потомъ въ замужествѣ за Альфредомъ-Карломъ-Францемъ, принцемъ Нейпергскимъ, а принцесса Софія за королемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ.

[10]) Графъ Георгъ von Thurn und Valsassina (р. 1788 † 1866), австрійскій офицеръ, потомъ одно время перешедшій на дипломатическое поприще (между прочимъ былъ секретаремъ австрійскаго посольства въ Петербургѣ и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ тамъ же, а въ 1820—1825 гг. австрійскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ), а затѣмъ снова вернувшійся въ военную службу и умершій въ должности фельдцейхмейстера.

[11]) Въ бѣловомъ дневникѣ запись короче: „Турнъ. Обѣдъ у него".

[12]) На статую Даннеккера „Психею".

[13]) Извѣстный скульпторъ Іоганнъ-Генрихъ Даннеккеръ (Dannecker, р. 1758 † 1851).

[14]) Даннеккерова статуя Спасителя, какъ извѣстно, была пріобрѣтена въ 1824 году императрицею Маріею Ѳеодоровною и находится въ Царскомъ Селѣ.

Психея и Аріадна. Анекдоты о статуѣ [1]): сонъ два раза; дѣвочка: Es ist unser Heiland, es ist einzig. Мать съ мальчикомъ въ день его рожденія. Schade, dass er weg kommt! Was bezahlen! Dort muss es bezahlt sein! Mein guter Heiland, ich will mich [dort] recht gut aufführen [2]). [Шиллеровъ бюстъ]; Элгиновы [3]) и Эгинскіе слѣпки; разсматриваніе при свѣтѣ. Къ священнику [4]). Буассере у меня: [разговоръ] о живописи, о Бейронѣ, [о] Клингерѣ [5]), Тикѣ [6]), Шиллерѣ [7]).

6. Къ Буассере. Къ M-elle Dr(o)ust: съ нею вверхъ. Принцессы. [Сходство въ физіономіяхъ; младшая на королеву, и она скорѣе ко мнѣ подошла; Марія болѣе дичилась. Начались вопросы: Was macht der Onkel Kaiser, die Grossmama, Onkel N(icolai), Tante, O(nkel) Konstantin, Michel? Warst in Luisburg [8]), wo war die Grossmama? [9]). О медвѣдяхъ и волкахъ. Здоровье и веселость. Обѣдали. Гуляли въ Wyl. Послѣ обѣда чай къ M-elle Droust] [10]). Гр(афиня) Берольдингенъ [11]). M-elle Sovent. Домой. Къ Буассере: Геммелинкова большая картина [12]). [Къ Даннекеру]. Обѣд(алъ) у Бенкендорфа: Спиридовъ [13]), Гассе [14]),

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Анекдотъ о Спасителѣ“.

[2]) Т. е. Это нашъ Спаситель; это изумительно. Жаль, что онъ уходитъ! Что заплатить! За это должно быть заплачено тамъ. Мой дорогой Спаситель, я тамъ стану себя вести отлично.

[3]) См. выше, стр. 118, прим. 10-е.

[4]) Въ черновомъ дневникѣ: „Посѣщеніе священника“.

[5]) Фридрихѣ-Максимиліанѣ (Өедорѣ Ивановичѣ) Клингерѣ (р. 1752 † 1831), писателѣ, другѣ Гёте. Въ 1780 году Клингеръ вступилъ въ русскую службу; онъ занималъ должности директора 1-го кадетскаго корпуса, главноначальствующаго Пажескаго корпуса и попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Въ 1820 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, онъ вышелъ въ отставку.

[6]) Извѣстномъ писателѣ Лудвигѣ Тикѣ (р. 1773 † 1853).

[7]) Въ черновомъ дневникѣ вмѣсто: „Шиллерѣ“ стоитъ: „Шлегелѣ“ (см. выше, стр. 89, прим. 2-е).

[8]) Т. е. Ludwigsburg.

[9]) Т. е. Какъ поживаютъ дядя-государь (Александръ Павловичъ), бабушка (императрица Марія Өеодоровна), дядя Николай, тетушка (великая княгиня Александра Өеодоровна), дядя Константинъ и Михаилъ? Были ли вы въ Лудвигсбургѣ, гдѣ жила бабушка?

[10]) Въ бѣловомъ дневникѣ это мѣсто изложено короче: „Принцессы. Вопросы. Дикость. О медвѣдяхъ“.

[11]) Въ черновомъ дневникѣ: „M-e Beroldingen“.

[12]) Тамъ же: „Къ Буассере: картина жизни с(вятой) Дѣвы“.

[13]) Быть можетъ, И. М. Спиридовъ, женатый на сестрѣ В. Д. Олсуфьева, Софьѣ Дмитріевнѣ Олсуфьевой.

[14]) Александръ Ивановичъ Гассе, секретарь нашего посольства въ Штутгартѣ.

нашъ священникъ, Дан(н)екеръ, Буассере, [italianецъ]. — Докторъ Лудвигъ [1]).

7. [Просидѣлъ дома въ худомъ расположеніи съ болѣзнію [2]). 2 день]. Бенкендорфъ.

8. Штутгардъ. 3 день болѣзни.

9. Штутгардъ. 4 день болѣзни. Дан(н)екеръ.

10, 11, 12. 5, 6, 7 (день) болѣзни.

13, 14. 8 и 9 день болѣзни [3]).

13. Брей [4]). [К(нязь)] Горчаковъ [5]). Прогулка въ Sillerburg [6]).

[14. Поутру рисовалъ. Къ Даннекеру: сравненіе Ельгиновыхъ марморовъ [7]) съ Лаокономъ [8]); мысли о Лаоконѣ; радъ, что не умеръ. Идеалъ есть истина. Къ Боассере. Рисованье на камнѣ. Домой. Въ театръ; архитектура: галлереи, надъ ними каріатиды, мелкія колонны, куполъ, занавѣсъ: Музы въ рамахъ; ложи прекрасны. Опера: Вейгелевъ [9]) Даніилъ во рвѣ львиномъ. Мало величественнаго и глупый сюжетъ. M-e Stern: искусство безъ пріятности; мужскихъ голосовъ нѣтъ хорошихъ].

15. Гассе [10]). Съ нимъ у Залуччи [11]). Къ M-elle Droust и съ нею къ принцессамъ: [завтракъ; упрямство]. У Даннекера; Бенкендорфъ. Съ

---

[1]) Пользовавшійся извѣстностью въ Штутгартѣ докторъ Вильгельмъ-Фридрихъ Лудвигъ (р. 1790 † 1865); онъ принималъ участіе въ походѣ Наполеона на Россію; при Березинѣ былъ взятъ въ плѣнъ и, въ качествѣ плѣннаго, жилъ нѣкоторое время въ Россіи.

[2]) Въ бѣловомъ дневникѣ: „Дома съ болѣзнію".

[3]) Въ бѣловомъ дневникѣ имѣется за 8—14 числа лишь такая запись „8—14. Болѣзнь".

[4]) Графъ Францъ-Габріель де Брей (de Bray, р. 1765 † 1832), дважды: бывшій баварскимъ посланникомъ въ Россіи (въ 1808—1812 и въ 1814—1819 гг). Онъ былъ женатъ на лифляндкѣ Левенштернъ. Въ 1817 году въ Дерптѣ былъ изданъ его трудъ „Essai critique sur l'histoire de la Livonie". Въ Дерптѣ же познакомился съ Бреемъ и Жуковскій (см. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 164).

[5]) Вѣроятно, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (будущій канцлеръ); въ 1820—1822 гг. онъ состоялъ при графѣ Нессельроде, а въ 1822 г. былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ.

[6]) Т. е. въ Silberburg-Garten.

[7]) См. выше, стр. 118, прим. 10-е.

[8]) Съ находящеюся въ Ватиканѣ знаменитою мраморною группою, изображающею Лаокоона.

[9]) Композиторъ Іосифъ Вейгль (Weigl, р. 1766 † 1846).

[10]) См. выше, стр. 162, прим. 14-е.

[11]) Johann de Salucci, виртембергскій придворный архитекторъ; имъ, между прочимъ, выстроена церковь въ Ротенбергѣ, въ которой похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна.

Даннекеромъ къ Буассере: слово императрицы [1]): j'ai vu deux printemps, [un dans la nature, l'autre ici] [2]). Сказать Модену [3]) о великомъ князѣ и Залуччи. Въ Ротенбергъ [4]): ротонда съ колоннами, обширный видъ, сводъ, четыре мѣста и четыре отверстія для свѣта. Ввечеру у Гассе. У меня Буассере.

16. Въ 9 часовъ выѣздъ. Аллея до Ludwigsburg. Дрянной садъ. Замокъ и куклы. Мостъ императрицы (4 окт(ября) 1818). Прекрасные виды отъ Лауфена. Некаръ, извивающійся вокругъ равнины; дорога по горѣ; поля. Видъ на Гейлбронъ. Городъ: кладбище съ Дан(н)екеровымъ памятникомъ; крестъ 1543 года; башня Геца фонъ Берлихингена [5]); на верху цвѣтникъ; [видъ съ верху на городъ и Некаръ; тополи]; каналъ; часы городскіе: ангелъ, пѣтухъ, бараны; музыка на башнѣ.

17, середа. Гейлбронъ. Дождь. Fürfeld. Некаргемюндъ [6]): ворота, лодки. Гейдельбергъ: замокъ, ворота Елизаветы, Gesprengter Thurm [7]), Capelle, [8-eckiger Thurm], Rittersaal, [Roth(er) Thurm, Ri(ese) Thurm]. Вечеръ на развалинахъ. Заходящее солнце. Видъ на золотой Königsstuhl. [Stückgarten]. Освѣщенная башня. Другая башня съ золотымъ деревомъ; и темная внутренность и свѣтозарное дерево]. Солнце сквозь развалины. [Внутренность]. Терасса. Рвы съ березами [8]). Досадный французъ [9]). Не поэтическія развалины. Чистота Гейдельберга. Мостъ.

18, четвергъ. Живописный туманъ надъ развалинами Гейдельберга. Bergstrasse. Лучшій видъ отъ Weinheim. Замокъ Виндекъ; башня изъ облаковъ [10]). Дорога идетъ у подошвы виноградниковъ. [Слѣва] равнина необозримая, усѣянная плодовитыми деревьями. Геппенгеймъ и замокъ. Мелибокусъ. [Станція Bickenbach]. Дармштатъ; прекрасно выстроенный городъ; широкая улица, ведущая во дворецъ [11]). Садъ за городомъ.

---

[1]) Маріи Θеодоровны.

[2]) Т. е. Я видѣла двѣ весны, одну въ природѣ, другую здѣсь.

[3]) См. выше, стр. 57, прим. 9-е.

[4]) Гдѣ похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна.

[5]) Въ черновомъ дневникѣ: „башня, въ которой былъ запертъ и умеръ Гетцъ фонъ Берлихингенъ“ (извѣстный рыцарь († 1562), герой трагедіи Гёте подъ тѣмъ же названіемъ).

[6]) Такъ написано правильно въ черновомъ дневникѣ; въ бѣловомъ дневникѣ описка: „Nec(k)argmund“.

[7]) Такъ правильно въ черновомъ дневникѣ; въ бѣловомъ описка: „Gespren(g)te Thor“.

[8]) Въ черновомъ дневникѣ: „Рвы и березы“.

[9]) Тамъ же: „досадный архитекторъ“.

[10]) Тамъ же: „башня и тынъ ея“.

[11]) Тамъ же: „къ дворцу“.

Удивительное захожденіе осенняго солнца [1]). [Станція Langen]. Ночью во Франкфуртъ. [Буковый] лѣсъ.

19. Франкфуртъ на Майнѣ. У Горчакова. Мостъ на Майнѣ. Прогулка за городъ и политическій разговоръ. У Анштета [2]). [Писалъ] письма. У Вильмана. [Рёмеръ] [3]).

20, [суббота]. Письма. Къ Горчакову. Деньги. [50 талеровъ]. [Въ Майнцъ. Въ Рюдесгеймъ]. Въ Рюдесгеймъ черезъ Висбаденъ.

21, [воскресенье]. Восхожденіе солнца. Viereckige Schloss, принад(лежащій) графу Ingelheim: [видъ съ башни]. Burgverliess [4]), дверь, кабинетъ [черезъ спальни], зеркало, Rittersaal, терасса на башнѣ.—Brömsers Stammhaus, кровать, шкафъ, портреты, часовня, рога, цѣпи. Niederwald: Tempel, Jägerhaus, die Rossel. Въ Асма(нс)гаузенъ. Rheinreise [полуудавшаяся] до Боппарта. [Дымъ. Ночевалъ въ Боппартѣ].

22. [Утромъ въ Кобленцъ. Дождь. Видъ на Кобленцъ. Осмотрщики. Возвратный путь берегомъ. Разъ на минуту солнце. Ночь въ Бингенѣ] [5]).

23. Бингенъ. Ro(c)huscapelle. Niederingelheim. Остатки дворца. Видъ отъ памятника. Майнцъ. Каѳедральная церковь. Возвращеніе во Франкфуртъ. Стрѣльба.

24. Франкфуртъ. Картины Вильмана [6]), [Евердингена] [7]) и [копіи] Моргенштерна [8]). Даннекерова Аріадна въ музеумѣ Бетмана [9]). У Горчакова, у Гонтара, у Анштета. Ночевалъ въ Ганау.

25. Ганау. Чистый городокъ. Площадь и колодцы. Между Ганау и Гельнгаузеномъ лѣсъ; дубы. [Langeseelwald]. Прекрасные сельскіе виды съ дороги; большіе дубы, разсыпанные по равнинѣ. [Рощи на зеленыхъ холмахъ]. Пасмурная погода [10]). [Виноградники Блуменберга]. Гельнгаузенъ. Церковь съ наклоненною колокольнею [11]); равнина съ прекрас-

---

[1]) Въ черновомъ дневникѣ: „Удивительный вечеръ: вечерняя заря à la Friedrichs“.

[2]) У барона Ивана Осиповича Анштета (р. 1766 † 1835), нашего посланника во Франкфуртѣ.

[3]) Знаменитое зданіе городской думы.

[4]) Т. е. подземная темница въ замкѣ.

[5]) Въ бѣловомъ дневникѣ подъ 22-мъ числомъ запись короче: „Переѣздъ до Кобленца и оттуда возвратный путь до Бингена“.

[6]) Живописецъ Михаилъ-Вильгельмъ Вильманъ (Willmann) (р. 1630 † 1706).

[7]) Allart von Everdingen, голландскій пейзажистъ (р. 1621 † 1675).

[8]) Живописецъ Іоганнъ-Фридрихъ Моргенштернъ (р. 1777 † 1844), нарисовавшій, между прочимъ, панораму Франкфурта.

[9]) Симонъ-Морицъ Бетманъ (р. 1768 † 1826), банкиръ, устроитель музея его имени, въ которомъ, между прочимъ, находится и „Аріадна“ Даннеккера.

[10]) Въ черновомъ дневникѣ: „Жаль, что пасмурно“.

[11]) Тамъ же: „Гельнгаузенъ подъ горою; церковь съ тремя башнями“.

ными рощами и холмами; развалины замка: головы, ворота, die Halle, тронъ, Burgverliess, церковь; памятникъ Массенбаха. [Wertheim. Offenbach]. Живописная дорога (луга, холмы, рощи, деревни, [виды между горъ]) до Фульды. [Во все время перемѣнный дождь]. [Фульда].

26. Фульда: [замокъ]. Hünefeld [1]). Wach [2]): женскіе костюмы изъ пестрой набойки: [плащи], [одна] пола на плечо. Marksuhl. Kirchweil: липа, вальсы. Живописная дорога до Эйзенаха. Утесы Mönch und die Nonne—двѣ головы, слитыя въ одну.

27. Эйзенахъ. Туманъ [и холодъ]. Потомъ ясный день. Прелестная равнина до Готы, справа T(h)üringer-Wald. Прелестный видъ на Готу. Дворецъ четвероугольный съ двумя башнями [старинный]. Видъ съ терассы. Дорога до Эрфурта въ такомъ же родѣ, какъ до Готы. Замки Глейхенъ и необозримая равнина. Эрфуртъ. Крѣпость и живописныя улицы [3]).

28. Эрфуртъ. Все утро просидѣлъ на квартирѣ [4]). [Хотѣлъ было итти, но холодъ помѣшалъ]. Грустный день. Entbehrung [5])—вотъ мудрость [6]). [Учишься во всемъ себѣ отказывать, чтобы не отказаться отъ уваженія къ самому себѣ. Поздно—ужасное слово]. Веймаръ [7]).

29. Веймаръ. Штруве [8]). Въ библіотеку: портреты курфирстовъ. Л(укасъ) Кранахъ. Въ к(аѳедральную) церковь: картина Лукаса Кранахъ; портретъ Лютера; гробъ Бернгарда [9]). Домъ Гёте: лѣстница; бюсты и гипсы; Salve; длинная горница: Юпитеръ Олимпійскій и Ахиллъ; музеумъ. Бюсты Шиллера, Гердера, [Гёте]; древнихъ и новыхъ. Садъ. Внукъ Гёте. Длинная гостиная; [рисунки]; [софа; надъ нею задернутая картина] Les noces d'Aldobrandini; Мадонна. Горница, гдѣ портфели и антики. Къ в(еликой) княгинѣ [10]): о грекахъ, о Кругѣ [11]); наслѣдный

---

[1]) Т. е. Hünfeld.

[2]) Т. е. Vacha.

[3]) Въ черновомъ дневникѣ подъ этимъ числомъ написаны еще главы II—V „Шильонскаго узника".

[4]) Тамъ же: „Просидѣлъ все утро не сходя съ мѣста".

[5]) Т. е. лишенія.

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „Entbehrung — въ одномъ словѣ вся мудрость!".

[7]) Въ черновомъ дневникѣ подъ этимъ числомъ написана еще VI глава „Шильонскаго узника".

[8]) Секретарь нашего посольства въ Дрезденѣ и Веймарѣ Іоганнъ-Георгъ Струве.

[9]) Герцога Саксенъ-Веймарскаго Бернгарда (р. 1604 † 1639), участника Тридцатилѣтней войны.

[10]) Къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, въ то время супругѣ наслѣднаго принца Саксенъ-Веймарскаго (впослѣдствіи великаго герцога) Карла-Фридриха (р. 1783 † 1853).

[11]) Въ Лейпцигскомъ университетѣ въ это время былъ профессоромъ фи-

принцъ [1]); хлопоты о Гёте. Паркъ. Встрѣча съ в(еликою) к(нягинею) и ея дочерью [2]). Обѣдъ у Штруве. Дорога въ Ену. Schneckenberg, Mühlthal. Живописное положеніе Ены. Гёте: французскій языкъ; столъ; планъ Рима; бюстъ; шкапъ съ минералами; о Mährchen; Alles ist Wahrheit; Wahrheit und Dichtung [3]). Жалкая помѣха [4]).

30. [У] Штруве. Въ Бертуховъ Industrieanstalt [5]). Домъ Виланда [6]). Нашъ священникъ: [о нашихъ монахахъ]. [Домъ бѣдный] Шиллера; [домъ Гёте]. Отъѣздъ въ Лейпцигъ. Ночевалъ въ Наумбургѣ.

31. Лютценъ; камень Г(устава)-Адольфа [7]). Лейпцигъ. Садъ Рей-

лософіи Вильгельмъ-Трауготтъ Кругъ (р. 1770 † 1842). А, можетъ быть, рѣчь шла объ академикѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ Филиппѣ Ивановичѣ Кругѣ (р. 1764 † 1844), изслѣдователѣ русской исторіи и древности.

[1]) См. выше, стр. 166, прим. 10-е. Въ черновомъ дневникѣ: „герцогъ".

[2]) У великой княгини Маріи Павловны были двѣ дочери: принцесса Марія-Луиза-Александрина (р. 1808), бывшая впослѣдствіи замужемъ за принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Прусскимъ, и принцесса Марія-Луиза-Августа-Екатерина (р. 1811), впослѣдствіи бывшая замужемъ за принцемъ Фридрихомъ-Лудвигомъ Прусскимъ.

[3]) Т. е. о сказкѣ; все правда; правда и вымыселъ.

[4]) Вотъ, что писалъ Жуковскій великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (въ письмѣ отъ 1 (13) ноября 1821 года) о своемъ посѣщеніи Гёте: „Отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣлъ счастіе представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и чтобъ я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта. Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ ласкою". Недѣли двѣ спустя послѣ свиданія Жуковскаго съ Гёте, послѣдній отправилъ (16 ноября н. ст. 1821 г.) нашему поэту любезное письмо (напеч. въ Goethe-Jahrbuch, herausgegeben von Ludwig Geiger, Vierter Band (Frankfurt am Main, 1883), стр. 177). Выразивъ сожалѣніе по поводу краткости ихъ свиданія, Гёте писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее: „Wenn ein unerwartet hereintretender, schnell entwickelter neuer Freund sogleich sich wieder entfernt, überdenken wir erst was wir hätten sagen, wonach wir uns erkundigen, was mittheilen sollen. Dass dieses doppelt und dreyfach der Fall gewesen als Sie und Jhr werther Geleitsmann mich in der stillen nächtlichen Einsiedeley zurückliessen, darf ich nicht betheuren; indessen nehmen Sie gegenwärtiges Blatt als wiederholtes Willkommen und Lebewohl". Отвѣтное письмо Жуковскаго Гёте (на французскомъ языкѣ), отъ 25 февраля (9 марта) 1822 г., см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 450—451 (гдѣ оно перепечатано изъ „Русскаго Архива" 1870 года). Въ августѣ 1827 года Жуковскій снова былъ въ Веймарѣ, провелъ тамъ пять дней и ближе познакомился съ Гёте.

[5]) Фридрихъ-Юстинъ Бертухъ (р. 1747 † 1825), писатель и переводчикъ, основавшій въ 1791 году издательскую фирму Landesindustrieanstalt.

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „Въ домѣ Виланда".

[7]) Такъ называемый Schwedenstein (памятникъ - гранитная глыба) на

хеля. Видъ съ башни Плейссенбургъ. Садъ Рейхенбаха. Памятникъ и мѣсто погибели Понятовскаго [1]). Въ театрѣ: Das Leben ein Traum [2]). [Stern].

1 (ноября н. ст.). Мейссенъ. [Музыка].

2. Дрезденъ. [Въ Stadt Berlin [3]]). Батюшковъ [4]). Löwenstern. Тикъ [5]): разговоръ о Гёте.

3. У Бибикова. У Фридриха [6]): его большая картина. Въ католицкой церкви. У Бруно [7]). У Аникѣевой: скотина мужъ. Обѣд(алъ) у Левенштернъ: M-e Weihrauch [8]). У Тика; чтеніе Гамлета.

4. У M-e Weihrauch. У Левенштернъ, портретъ; [разговоръ о немъ]. [Домой]. Съ Батюшковымъ въ Плаунъ: хочу [9]) заключенія(?). [Раздраніе писаннаго; надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось]: Тассъ, Брутъ, Вѣчный жидъ, Описаніе Неаполя [10]). Вечеръ дома.

5, 6, 7. Въ дорогѣ. Берлинъ. Вечеръ съ Германомъ [11]).

8—13 [5 дней] дома.

14. Поутру у короля: о грекахъ. Лукаду [12]). Къ принцессѣ Алексан-

---

томъ мѣстѣ, гдѣ палъ въ сраженіи подъ Люценомъ (въ 1632 г.) шведскій король Густавъ-Адольфъ.

[1]) Князя Іосифа Понятовскаго (р. 1762 † 1813), главнокомандующаго польскими войсками и маршала Наполеона; прикрывая отступленіе французской арміи подъ Лейпцигомъ, онъ утонулъ въ Эльстерѣ.

[2]) Драма Кальдерона. Существуетъ нѣсколько переводовъ этой драмы на нѣмецкій языкъ.

[3]) Названіе отеля.

[4]) К. Н. Батюшковъ страдалъ уже въ то время умственнымъ разстройствомъ и лѣчился въ Дрезденѣ.

[5]) См. выше, стр. 162, прим. 6-е.

[6]) См. выше, стр. 74, прим. 3-е.

[7]) См. выше, стр. 119 и 121.

[8]) Быть можетъ, дерптская знакомая Жуковскаго (ср. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 162).

[9]) Въ приводимыхъ Жуковскимъ словахъ Батюшкова второе слово написано какъ въ черновомъ, такъ и въ бѣловомъ дневникѣ не вполнѣ разборчиво; въ послѣднемъ оно не дописано до конца. Скорѣе всего слѣдуетъ читать: „заключенія". Ср. слова Батюшкова Д. А. Кавелину въ началѣ 1823 года: „Si on m'avait enfermé, enchainé, je serais peut-être plus utile" (см. Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и сочиненія, Спб. 1887, стр. 322). Л. Н. Майковъ (тамъ же, стр. 293—294) читалъ эти слова такъ: „хочу занниматься". Но чтеніе это не можетъ быть принято: подлинная рукопись дневника Жуковскаго не даетъ къ тому основанія.

[10]) По всему вѣроятію, перечень произведеній Батюшкова, имъ разодранныхъ.

[11]) См. выше, стр. 75, прим. 3-е.

[12]) Флигель-адъютантъ короля прусскаго Францъ-Іоганнъ фонъ Лукаду (Lucadou), съ 1817 по конецъ 1821 года состоявшій при прусскомъ посоль-

дринѣ [1]): о моихъ рисункахъ; къ принцессѣ Луизѣ: [ея лицо]. Къ Карлу: огромная собака, [шакалъ]. Къ Альбрехту: рисунки Ніенштета. Къ кронпринцу. Къ гр(афинѣ) Трухзесъ. Къ пр(инцу) Вильгельму. Къ принцу Вильгельму брату. Къ M-elle Wildermeth: исторія Шуваловой. Обѣдъ у принца Вильгельма. [Послѣ обѣда] разговоръ у камина о в(еликой) кн(ягинѣ); о Фридрихѣ; о картинѣ [у] короля: Мадонна Гольбейна. Горницы: двойной столъ; ширмъ: Георгій и Сесилія; большія кресла; Мадонна Рафаелева; писанныя окна. Вечеръ дома; [разговоръ съ Montégu].

15. Обѣдъ у короля: принцессы Вильгельмъ, Александрина и Луиза, и пр. [кронпр(инцъ), Вильг(ельмъ), Карлъ, Вильдерметъ, M-e Truchses, Kleist, Ancillon]. За столомъ подлѣ Ансильона. Вечеръ у кронпринца: Ансильонъ, Брюль, Гуфландъ, Шинкель, [герцогъ] Карлъ, [принцъ] Вильгельмъ. Рисунки; малахитъ. Горница: сводъ съ рѣзьбою [2]). Кельнская Мадонна; Преображеніе; бюсты великой к(нягини) и матери. [Разговоръ о грекахъ. Ссора съ Вильгельмомъ].

16. У пр(инцессы) Александрины съ рисунками. У граф(ини) Бранденбургъ: о кронпринцѣ (la princesse de Bavière) [3]); [о великой княгинѣ [4]); сравн(еніе) двухъ велик(ихъ) князей] [5]). У Брюля: о кронпр(инцѣ); о его пылкости; исторія Спонтини. У M-e Kleist: [M-e Berg], Радзивилъ, M-elle Wildermeth, M-e Stegemann, Бернсдорфъ. Чтеніе J. Cezar [6]). Рисунки Lulu [7]), пѣніе.

17. Визиты поутру. Обѣд(алъ) у Алопеуса. Вечеръ у Гуфланда, семейный: [Термштетъ [8]); Раухъ и его дочь; двѣ красавицы]. Ужинъ.

18. Визиты. Рожд(еніе) Лулу. [День дома]. Вечеръ у M-e Kleist. Комедія. Madame Thürschmidt, Lauer; полякъ, [Montaigu] [9]).

ствѣ въ Петербургѣ (см. Bailleu, Briefwechsel König Friedrich-Wilhelm's III mit Kaiser Alexander I, Leipzig. 1900, стр. 288 и 314).

[1]) О большей части лицъ, съ которыми встрѣчаешься въ дневникѣ Жуковскаго далѣе, за время пребыванія его въ Берлинѣ на обратномъ его пути въ Россію, упоминалось въ дневникѣ уже ранѣе (см. стр. 75—120 и примѣчанія къ этимъ страницамъ).

[2]) Въ черновомъ дневникѣ: „Горница съ сводомъ и золотою рѣзьбою".

[3]) Въ черновомъ дневникѣ: „Пр(инцесса) Баварск(ая)". Рѣчь шла о предстоявшемъ бракѣ кронпринца Фридриха-Вильгельма съ принцессою Елизаветою Баварскою. Бракосочетаніе ихъ состоялось въ 1823 году.

[4]) О великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ.

[5]) Великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

[6]) Вѣроятно, трагедія Шекспира „Юлій Цезарь".

[7]) Неизвѣстно, кто носилъ это прозвище.

[8]) Вѣроятно, докторъ Сигизмундъ Гермбштедтъ (Hermbstädt, р. 1760 † 1833), профессоръ химіи въ Берлинскомъ университетѣ, находившійся въ родствѣ съ Гуфеландомъ (ср. выше, стр. 106, прим. 2-е).

[9]) Ср. выше, подъ 14-мъ числомъ этого же мѣсяца; тамъ фамилія этого лица написана Жуковскимъ иначе (Montégu).

19. Утро. Визиты. У гр(афини) Трухзесъ. У M-elle Wildermeth: о гр(афинѣ) Шуваловой, о гр(афинѣ) Трухзесъ. Обѣдъ съ M-e Kleist и Лулу.

20. Визиты. Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: Die drei Gefangene.

21. Въ книжной лавкѣ. Обѣдъ и вечеръ у M-e Kleist. [Чтеніе] Prinz von Homburg [1]). [Картины].

22. Утро у M-e Kleist. Чтеніе Simple histoire [2]). У Kohlrausch. Обѣдъ и вечеръ дома. Стр(ашный) Судъ M(ichel) Ange [3]).

23 (ноября н. ст.)—12 (декабря н. ст.). У M-elle Вильдерметъ съ кронпринцемъ: Лулу, M-e Kleist, Adolf, Wild(ermeth) [4]). [Въ другой разъ] у M-elle Вильдерметъ съ кронпринцемъ: тѣ же и скоро M-e Berg, Stegemann, Nienstäd, Schack. Вечеръ у Шака. [Ужиналъ у Гуфланда. Чтеніе S(imple) histoire]. Утро у кронпринца съ рисунками. Балъ во дворцѣ [и Ифигенія]. Завтракъ у герцога [5]). Обѣдъ у при(нца) Альбрехта. Разговоръ съ M-elle Wildermeth о Лулу. Утро у Шинкеля; его рисунки и картины. Обѣдъ съ Глогеромъ. Обѣдъ у Роза. У Солли [6]): Мадонна съ спящимъ Младенцемъ, Philippo Lippi; Троица; Св. Катерина, Francesco Francia; Абраамъ de Fra Bartolomeo; Présentation au temple, Mantengo [7]); Крещеніе, Andr(ea) del Sarto; Van Eik: 1) Марія на колѣняхъ и ангелъ; пѣвцы и Сесилія; 2) На колѣняхъ; Пустынникъ и рыцарь; Эммелинка Распятіе; Голова Спасителя Ванъ Ейка; портретъ Гольбей(н)а и Тиціана; Рафаелева Мадонна; Anna Boulen, Гольбей(на).—Hedwig. Утро у M-e Humbolt: списокъ съ Рафаелева Положенія во гробъ.

13. [Обѣд(алъ)] у M-elle Wildermeth съ M-e Kleist. Jungfrau von Orleans. Вечеръ у M-e Kleist. Tieck.

14. У меня Вильдерметъ. [Показывалъ Вильдерм(ету) рисунки]. [Стихи . . . . .] [8]). У M-e Kleist; Châteaux en Espagne [9]); ея разсказы о себѣ. Обѣдъ у короля: разговоръ съ Шлифеномъ. Вечеръ у герцог(ини) Кумберландской: кронпринцъ, Вильгельмъ, [принц.] Сольмсъ [съ

---

[1]) Драма Генриха Клейста (р. 1777 † 1811).

[2]) См. выше, стр. 68, прим. 10-е.

[3]) Т. е. Микель Анджело.

[4]) Молодой офицеръ, родственникъ M-elle Wildermeth.

[5]) Герцога Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго.

[6]) Вѣроятно, у Джузеппе-Марія Соли (Soli), итальянскаго архитектора и живописца (р. 1745 † 1822).

[7]) Фамилія этого итальянскаго живописца написана Жуковскимъ ошибочно; слѣдуетъ читать: Mantegna.

[8]) Одно слово (фамилія лица, которому были написаны стихи) написано неразборчиво.

[9]) Комедія французскаго писателя Collin d'Harleville (р. 1755 † 1806).

cousin], [принцъ] Гогенцоллернъ, гр[афиня) Бернсторфъ, Гумбольтъ [съ женою] и дочерью]. [Рисунки].

15, [суббота]. Обѣд(алъ) дома. [У меня Вильдерметъ]. Вечеръ у М-е Kleist. Картины Кольрауша. [Тикъ]. Чтеніе Гофмана. За столомъ [между Лулу и Тикомъ] [1]).

16. У Вильдермета поутру. [У пр(инца) Альбрехта]. Вечеръ у Гнезена(у): М-е Helwig [2]), М-е Klausewitz, [Humbolt], Grollmann [3]), Hohenhausen, [Kleist], дочери Гнезенау. [Игры]. За столомъ между М-е Savigny и Hohenhausen.

17. [Дома. W. Scott] [4]). Въ Шарлоттенбургѣ.

18. У М-е Kleist: М-е Thürschmidt. Обѣд(алъ) у короля: подлѣ М-е Truchsess. Брей [5]). Бюстъ [пр(инцессы)] Александрины. Извѣстіе о турка(хъ) [6]). [Дома. Мальтицъ]. Вечеръ у Гуфланда: [о грекахъ и Россіи].

19. Обѣд(алъ) у Mad(ame) Kleist съ M-elle Wildermeth и Адольф(омъ). Скучное чтеніе.

20. Письмо къ Батюшк(ову) и Гагенбуху [7]). Обѣд(алъ) у кронпринца: Шинкель, Ансильонъ, Ліанбо, Кнезебекъ, Шакъ. Разгов(оръ) о грекахъ, испанцахъ и Шатобріанѣ. Послѣ обѣда визитъ къ Алопеусу. Вечеръ у M-elle Wildermeth: Лулу, Адольфъ. М-е Castillon и ея дочь М-е Laurent, Вильдерметъ. Пѣніе. Домой въ каретѣ съ Лулу и Ад(ольфомъ).

21. Весь день дома. Въ театрѣ: Олимпія [8]). Вечеръ дома. Тюменъ.

22. Поутру у М-е Kleist: разговоръ о в(еликой) кн(ягинѣ); чтеніе Шатобріана; Монтегю. Обѣдъ у Алопеуса; птичка [9]). У Гуфланда: разсматр(иванье) картинъ.

23. Обѣд(алъ) у M-elle Wildermeth (М-е Kleist, Lulu, Adolf, Вильдерм(етъ). Въ театрѣ въ ложѣ Брюля: Freischütz [10]). Вечеръ у М-е Kleist: чтеніе Princesse de Clèves [11]).

---

[1]) Въ бѣловомъ дневникѣ: „За столомъ подлѣ Лулу".

[2]) Писательница Амалія фонъ Гельвигъ (Helvig, р. 1776 † 1831), жена прусскаго генералъ-лейтенанта Карла-Готфрида фонъ Гельвига.

[3]) Жена прусскаго генерала Карла-Вильгельма-Георга фонъ Грольмана (р. 1777 † 1843).

[4]) Т. е. читалъ Вальтеръ-Скотта.

[5]) См. выше, стр. 163, прим. 4-е.

[6]) Въ черновомъ дневникѣ: „Извѣстіе о грекахъ".

[7]) Ср. выше, стр. 124, прим. 4-е.

[8]) Опера Спонтини.

[9]) Ср. ниже, запись подъ 1 января (н. ст.) 1822 г.

[10]) Опера Вебера; въ Берлинѣ она шла въ первый разъ 18 іюня н. ст. 1821 года.

[11]) Романъ М-е de La Fayette (р. 1634 † 1693).

24. Дома.—[1]). Читалъ В(альтера) Скотта.

25. Дома.

26. Вечеръ у M-e Kleist съ генераломъ [2]). M-elle Stegemann: о Тикѣ и Шиллерѣ.

27. Обѣд(алъ) дома. Поутру у Гельвигъ [3]), у Клаузевицъ. У Гнезенау: Cosmelly.

28. Поутру у M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. Вечеръ у M-elle Wildermeth.

29. Поутру къ M-e Kleist. Тамъ M-elle Wildermeth. Гулялъ въ Thiergarten. Обѣд(алъ) у Алопеуса: Фуль [4]) и Тимовскій [5]). У короля Wei(h)nachtsabend [6]). Столъ Луизы: платья; серебреная лахань; перламутр(овая) коробочка; крестъ изъ бирюзы; ожерелье; альбомъ. Столъ Александрины: бронзовая штучка для вѣшанья; корзина; кронпр(инцевы) браслеты; платья и картина короля; портфель съ рисункомъ; портретъ лошади. Столъ короля: transparent; чашки принц(ессы) Вильгельмъ; сервизъ; вазы кристальныя. Столъ кронпринца: перламутровая штучка; стекла; Boisseré(e) [7]); бронзовыя вещи. Столъ Вильгельма: ларчикъ; рисунки; подсвѣчники и чашки. Карла: nécessaire; тарелка; кристальныя вещи. Альбрехта: пушки; ружье; Waldteufel; сани; альбомъ, ружье; (его книжки). Пр(инцессы) Вильгельмъ: часы, ширмы. Герц(ога) Кумберл(андскаго): трубка; табакерка; круглый столъ. Ужинъ.

30. До 7 часовъ дома клеилъ. Вечеръ у Madame Kleist. Полк(овникъ) Беловъ. Шакъ съ женою. Клейстъ съ женою. Фельдмаршалъ Клейстъ [8]): весельчакъ добрый. Лулу: о снахъ; о обществѣ; о Гедвигъ; извиненіе; о фонарѣ.

31. Поутру у граф(а) Бранденбурга: о королѣ; бюстъ. У M-e Гель-

---

[1]) Выпущена фраза, относящаяся до состоянія здоровья Жуковскаго.

[2]) Для фамиліи генерала въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

[3]) См. выше, стр. 171, прим. 2-е.

[4]) Вѣроятно, генералъ Карлъ-Лудвигъ-Августъ (Карлъ Лудвиговичъ) Фуллъ (von Phull, р. 1757 † 1826), служившій сначала въ прусской службѣ, а въ 1806 г. перешедшій на русскую службу. Во время Отечественной войны 1812 года онъ, какъ извѣстно, предложилъ императору Александру завлечь Наполеона внутрь Россіи. Съ 1814 по 1821 годъ онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Гаагѣ.

[5]) Быть можетъ, камергеръ Іосифъ Игнатьевичъ Тымовскій (р. 1791†1871), служившій въ канцеляріи статсъ-секретаріата Царства Польскаго, впослѣдствіи (1856—1862 гг.) министръ и статсъ-секретарь Царства Польскаго, а потомъ членъ Государственнаго Совѣта.

[6]) Т. е. елка.

[7]) Вѣроятно, какое-нибудь изданіе Буассерè (см. выше, стр. 157, прим. 12-е).

[8]) Фельдмаршалъ графъ Фридрихъ-Фердинандъ-Генрихъ фонъ Клейстъ, участвовавшій въ войнахъ противъ Наполеона (р. 1762 † 1823).

вигъ: Кнезебекъ съ женою; ея рисунки, о Солліевой галлереѣ [1]). Обѣд(алъ) дома. Послѣ обѣда у Гуфланда, у М-е Kleist, у M-elle Wildermeth: M-elles Kleist, Stegmann, M-e Scha(c)k, Gröben; Wildermeth, Kleist. Лотерея. Разгов(оръ) съ М. St(egmann) о Бейронѣ и пр.

1 (января н. ст. 1822). Поутру. У М-е Kleist: M-elle Wildermeth; у Брюля; у Гнезенау; у М-е Humbolt (M-e Hedemann, Nicolovius [2]), Caroline, Wildermeth). У Снарскаго. Обѣд(алъ) у Алопеуса: чижикъ [3]); Rechberg [4]). У Гуфланда: планъ.

Узрѣвъ черты сіи плѣнительно-живыя,
Какъ можно тайну угадать!
Всякъ скажетъ: двѣ сестры прелестно-молодыя!
Никто не скажетъ: дочь и мать! [5]).

2, середа. Поутру у переплетчика. У М-е Kleist обѣдалъ. Въ Freischütz: Голицынъ съ женою. У М-е Kleist: Henzi, Lauer. Чтеніе Château de Vaflan (?) [6]).

3, четвергъ. Поутру. У гр(афини) Трухзесъ: не засталъ. У Рауха. У Тика. У Шлезингера [7]). Домой обѣд(ать): Тимовскій, Снарскій, Фурманъ. Вечеръ у М-е Kleist: чтеніе М-е Genlis.

4, пятница. У M-elle Bischofswerder. Обѣдалъ у Клаузевица. Въ театрѣ Schweizerfamilie [8]). У Брюля.

5. У кронпринца. Гувальдъ. У М-е Berg. Обѣд(алъ) у кронпринца. Вечеръ у Гуфланда.

6. Поутру. У гр(афини) Трухзесъ. M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. Freischütz. Веселый вечеръ у М-е Kleist съ Тикомъ и Мольеромъ [9]).

7, понедѣльникъ. У гр(афини) Трухзесъ. У M-elle Bischofswerder. У М-е Kleist. Wildermeth. У М-е Kleist за обѣдомъ.

8, вторникъ. У Шинкеля. У Бранденбурга. У Перпоншѐ. Фогелева картина [10]). У Гуфланда. Брюль, Спонтини и Корфъ. Об(ѣдалъ) у Ало-

---

[1]) См. выше, стр. 170, прим. 6-е.

[2]) Георгъ-Генрихъ-Лудвигъ Николовіусъ (р. 1767 † 1839), прусскій государственный дѣятель, бывшій директоромъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

[3]) Ср. выше запись подъ 22 декабря н. ст. и на стр. 76 отзывъ о наружности Алопеуса.

[4]) Графъ Іосифъ-Марія Рехбергъ (р. 1769 † 1833), баварскій посланникъ въ Берлинѣ.

[5]) Это четверостишіе напечатано въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго, стр. 11, и въ Стихотвореніяхъ В. А. Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 560.

[6]) Послѣднее слово написано неразборчиво.

[7]) Было нѣсколько живописцевъ въ Берлинѣ съ этою фамиліею.

[8]) См. выше, стр. 95, прим. 7-е.

[9]) Т. е. на вечерѣ читали что-либо изъ Тика и Мольера.

[10]) См. выше, стр. 124, прим. 7-е.

пеуса. Вечеръ у М-е Kleist: Марвицъ, М-е Förster [1]), Turschmidt [2]), М-е Blanc, M-elle Stegemann, Tieck, Rauch, Kleist.

9, середа. Молостовъ [3]). Къ кронпринцу. Визиты. Обѣд(алъ) у Брюля. Вечеръ у кронпринца: Бутманъ [4]), Ансильонъ, Раухъ, Шинкель, гра(фъ) Штольбергъ.

10. Поутру визиты: къ королю, къ Луизѣ, Александр(инѣ), Альбрехту. Къ гр(афинѣ) Трухзесъ, къ Грёбену. Обѣд(алъ) у короля: Витгенштейнъ [5]), гр(афъ) Шуленбургъ. Вечеръ у М-е Kleist. Генералъ Марвицъ. Чтеніе писемъ Гумбол(ьта). Книги.

11, пятница. Брюлево несчастье. Визитъ къ Ансильону. M-elle Wildermeth. Домой обѣдать. Вечеръ у М-е Kleist: М-е Stegemann, Klemm, Лауеръ, Тикъ, M-elle Wildermeth. Споръ.

12. Утро(мъ) съ М-е Kleist въ панораму. Обѣд(алъ) дома съ Молостовымъ [6]). Вечеръ у M-elle Wildermeth.

1822.

13 (1 января 1822 г.), воскресенье. Поутру у посланника, у обѣдни, у M-elle Wildermeth. Въ Потсдамъ. Въ театрѣ. Танцовщицы. Ужинъ. Въ $^1/_2$ перваго конецъ.

14 (2). На Brauhausberg. Въ Берлинъ. Вечеръ у М-е Клейстъ. Лауеръ. Альбомъ въ бархатѣ. Картина Дюрера [7]).

---

[1]) Быть можетъ, жена историка и поэта Фридриха-Христофора Фёрстера (р. 1791 † 1868), бывшаго въ 1821—1823 гг. редакторомъ „Neue Berliner Monatsschrift“.

[2]) Такъ стоитъ въ дневникѣ; вѣроятно, это описка, и слѣдуетъ читать Thürschmidt (см. выше, стр. 171).

[3]) Такъ написана фамилія этого лица и ниже, подъ 12-мъ числомъ. Не слѣдуетъ ли читать: Молоствовъ? Памфамиръ Христофоровичъ Молоствовъ (р. 1793 † 1828) былъ офицеръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ принималъ участіе въ заграничныхъ походахъ 1813 и 1814 гг.; съ нимъ былъ знакомъ и Пушкинъ (см. Сочиненія Пушкина, академич. изданіе, т. I (изданіе второе), стр. 370—371).

[4]) Извѣстный филологъ Филиппъ Бутманъ (Buthmann, р. 1764 † 1829); онъ былъ библіотекаремъ кронпринца прусскаго (будущаго короля Фридриха-Вильгельма IV) и преподавалъ ему древніе языки.

[5]) Князь Витгенштейнъ, министръ прусскаго двора (см. выше, стр. 75, прим. 8-е).

[6]) См. выше, прим. 3-е.

[7]) Знаменитаго Альбрехта Дюрера.

15 (3), вторникъ. У принцессы Луизы. Обѣд(алъ) у Алопеуса. Ввечеру у Штегеманъ: чтеніе Тасса [1]), и Мальтицъ. Скучный вечеръ (Клаузевицъ, Савиньи, М-е Helwig [2]), Тикъ, Клейстъ, M-elle Wildermeth).

16 (4), середа. У Гнезенау. У принца Карла. У принцессы Вильгельмъ. Въ альбомъ. У M-elle Wildermeth. У M-me Kleist. Чтеніе Амфитріона [3]).

17 (5), четвергъ. Утро у М-е Kleist. У гр(афини) Трухзесъ. У M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. У Гуфланда; не засталъ. Помолвка. У Алопеуса.

18 (6), пятница. Поутру у пр(инцессы) Вильгельмъ: je ne suis pas le noeud [4]). У кронпринца: люблю; пр(инцесса) Радзивилъ. Къ M-elle Wildermeth. Домой. Къ М-е Kleist обѣд(ать). M-elle Stegemann: о путешествіи, о характерахъ. Ужинъ у кронпринца. Жаркой споръ съ Ансильономъ о грекахъ. Вспыльчивость.

19 (7), суббота. У Брюля. У Гуфланда. Помолвка.

20 (8), воскресенье. Во дворцѣ съ Шинкелемъ. Въ Domkirche. Обѣд(алъ) во дворцѣ. Съ Штегеманомъ. Проходящіе. Радзивилъ. Вечеръ въ театрѣ: Freischütz [5]), въ ложѣ у Алопеуса. Потомъ къ пр(инцессѣ) Радзивилъ: письмо в(еликой) княгини. Гумбольтъ. Неаль. М-е Sartoris. Pery.

21 (9), понедѣльникъ. У М-е Kleist: о трехъ невѣстахъ. У M-elle Wildermeth. Обѣдъ у Радзивила. Между ни(мъ) и дочерью. О в(еликой) княгинѣ. Грёбенъ. Гуфландъ. М-е Zummt (?) [6]). Въ театрѣ Iphigeni(e) en Tauride. У М-е Kleist. Wildermeth.

[10], вторникъ. Къ кронпринцу (Röder). Къ M-elle Wildermeth. Къ Рауху и Тику. Къ Гнезенау. Къ М-е de Berg. Къ Снарскому. Къ Гумбольту. Къ M-elle Wildermeth. Домой. Къ королю (о панталонахъ, о Маріенбургѣ, подарокъ). Gräf(in) Schulenburg, Haak, Berg, M-elle Kameke, Bock, Viereck. Бояновскій, Мальцанъ, Шильденъ. Бранденбургъ съ женою. Къ Алопеусу: М-е Faisan. Письмо къ пр(инцессѣ) Вильгельмъ. Къ М-е Kleist: der Vetter will den Kato nicht spielen [7]). Къ герцогинѣ Кумберл(андской): кронпринцъ [8]). Кронпринцъ, принцъ

---

[1]) Вѣроятно, драмы Гёте „Торквато Тассо“.
[2]) См. выше, стр. 171, прим. 2-е.
[3]) Комедія Мольера.
[4]) Въ подлинникѣ написано: neux. Т. е. Не я центръ.
[5]) См. выше, стр. 171, прим. 10-е.
[6]) Фамилія написана неразборчиво.
[7]) Т. е. двоюродный братъ не хочетъ играть Катона.
[8]) Далѣе одна фраза при печати выпущена.

Вильгельмъ. Къ принцессѣ Радзивилъ: разсказы о музыкѣ къ Фаусту [1]). Куклы Неаля [2]). Комната маленька(я) внизу: канапе, подлѣ него бюро; столикъ съ альбомами, столикъ въ окнѣ, зеркало. Три ступени; зеленые завѣсы; свѣтлозеленые стулья; дверь въ дѣвичью. Графиня Бранденбургъ.

[11], середа. У кронпринца. У Гнезенау: Гедвигъ. У Рауха и Тика. У Алопеуса: портретъ, слезы, Александрина. У Крафта. У графини Бранденбургъ: бѣлыя головы. У принцессы Радзивилъ: книга. Домой. Къ M-e Kleist. Лулу спиною; M-e Thürschmidt, M-elle Wildermeth, Hedwig. За столомъ смѣхъ: la sensibilité est la gourmandise de l'âme [3]). Послѣ обѣда Лауеръ. Домой. Вечеръ. Кронпринцъ. Пѣніе. Прощанье.

[12], четвергъ. Записка къ M-e Kleist и ея отвѣтъ. Къ молебну. Завтракъ къ Ягору. Къ M-e Kleist: темная горница. Проводы. Vogelsdorf. Mühlberg. Seelow. Küstrin.

Пятница, 13 (25). Balz. Ночевалъ въ Landsberg. Первый снѣгъ, и начинается бойкая дорога.

14 (26), суббота. Friedeberg. Woldenberg. Hochzeit. Schloppe.

15 (27), воскресенье. Ruschendorf. D(eutsch)-Krone (нѣтъ фортопьяно; анекдотъ о государѣ). Freudenfier. Jastrow. Красавица Роза. Peterswalde; ночевалъ.

16 (28), понедѣльникъ. Schlochau. Konitz. Tuchel. Junkerdorf [4]). Osche (бѣда съ коляскою). Plochozin. Къ утру въ Neuenburg (оттепель).

17 (29), вторникъ. Весь день въ Нейенбургѣ за починкою коляски. Оттепель. Здѣсь кончится бойкая дорога.

18 (30). Маріенвердеръ (потеря сундука). Riesenburg. Pr(eussische). Mark. Reichenbach. P(reussische) Holland. Ночевалъ; дымный каминъ.

19 (31). Мильгаузенъ. Толстый почтмейстеръ и двѣ дочери. Браунсбергъ. Гоппенбрухъ. Бранденбургъ; на станціи чай; ужасныя рожи. Кенигсбергъ: толстая гадкая дѣвка.

20 (1 февраля н. ст.), пятница. Мерзкая погода. Весь день въ Кенигсбергѣ. Жидъ. Ввечеру въ театрѣ: Die Gastrollen—глупѣйшая изъ фарсъ. Глупыя картины. Мелодрама: Der Müller und seine Gesellen. Одинъ порядочный актеръ. Театръ: странная архитектура. Эстрада, ложи крестомъ, два зеркала и часы прозрачные.

2 (февраля н. ст.), суббота. Штрандъ. Ночевалъ въ Нидденѣ. Горница съ сараемъ.

---

[1]) Музыка была написана княземъ Радзивилломъ (см. выше, стр. 119, прим. 7-е).

[2]) Сн. выше, подъ 20-мъ числомъ.

[3]) Т. е. чувствительность есть жадность души.

[4]) Такъ написано ошибочно въ дневникѣ; слѣдуетъ читать: Junkerhof.

петъ, цѣнахъ на товары, о продажѣ съ публичнаго торга; но политическихъ извѣстій помѣщать издателю не было дозволено; для нуждъ мѣстныхъ жителей печатались извѣстія о пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ изъ Одессы и нѣкоторыя замѣтки о театрѣ, музыкѣ и увеселеніяхъ. Цѣна газеты была довольно высока для того времени: годовая—45 руб. ассигнаціями, полугодовая—25 руб.

Компанія издателей газеты «Messager» состояла изъ слѣдующихъ лицъ: А. В. Гибаля, дворянина Петербургской губерніи, кончившаго курсъ въ Мецскомъ университетѣ и бывшаго учителемъ французскаго языка въ одесской коммерческой гимназіи и институтѣ; г. Сорона — содержателя французской книжной лавки; Л. Л. Элкана, по происхожденію еврея, питомца Кёнигсбергскаго университета, занимавшагося педагогическою дѣятельностью и впослѣдствіи бывшаго директоромъ одесской коммерческой гимназіи; І. Ф. Феррарини, питомца Палестринскаго университета, преподававшаго итальянскій языкъ въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своемъ письмѣ графу М. С. Воронцову г. Даваллонъ сообщаетъ о себѣ слѣдующее: уроженецъ Ліона, онъ въ 1786 г. пріѣхалъ въ Лондонъ, вступилъ въ англійское подданство, былъ гражданиномъ Лондона, негоціантомъ, главнымъ секретаремъ комитета по дѣламъ о взятыхъ въ войнѣ съ Франціей плѣнныхъ, совѣтниковъ французскаго консульства. Вернувшись во Францію, онъ былъ редакторомъ «Обозрѣнія торговли и статистики», былъ затѣмъ секретаремъ коммиссіи по продажѣ шерсти въ Байоннѣ, кассиромъ этой коммиссіи; потомъ былъ директоромъ склада и общественнаго заведенія для мытья шерсти въ Парижѣ и офицеромъ національной гвардіи. По приглашенію герцога де-Ришелье, Даваллонъ въ 1816 г. пріѣхалъ въ Россію. «Я первый ввелъ въ здѣшнемъ краѣ,—продолжаетъ онъ свою автобіографію,— способъ приготовленія шерсти, сдѣлавъ ее годной для вывоза и выдѣлки суконъ; я построилъ на Барабоѣ заведеніе съ новымъ приспособленіемъ для мытья шерсти, а до моего пріѣзда въ Одессу эта отрасль промышленности была здѣсь неизвѣстна; я первый предпринялъ изданіе коммерческой газеты»...

Компаньоны принялись за дѣло энергично, и 1-го апрѣля 1820 г. вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ газеты на французскомъ языкѣ. Редакція «Messager» два раза пыталась выпустить газету на русскомъ языкѣ, и первый русскій нумеръ ея вышелъ 1-го іюня 1821 г., подъ редакціей Гибаля; онъ носилъ названіе «Вѣстника Южной Россіи». Опытъ не удался: число подписчиковъ на это изданіе достигло всего семи, и газета, тѣмъ не менѣе, издавалась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; при вторичной попыткѣ въ 1822 г. издавать газету на русскомъ языкѣ, нашлось всего пять человѣкъ, желавшихъ получить эту газету. Что же касается французскаго изданія, то оно пользовалось нѣкоторымъ вниманіемъ публики; ее выписывали въ разныхъ мѣстахъ Европы и получали даже въ Филадельфіи.

Одними торговыми извѣстіями газетѣ довольствоваться было трудно, и предпріимчивый Даваллонъ обратился къ графу Воронцову съ просьбой разрѣшить печатать въ «Messager» политическія статьи, извлеченныя изъ журналовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Позволеніе было дано 18-го сентября 1823 г. Но пользовался этимъ правомъ Даваллонъ очень не долго. 10-го октября того же года въ прибавленіи къ своей газетѣ онъ напечаталъ кое-какія сообщенія, которыхъ печатать не имѣлъ права. Это и было поводомъ къ прекращенію изданія газеты. Графъ Воронцовъ, наказывая издателя лишеніемъ дарованнаго недавно позволенія, хотѣлъ не только сдѣлать наказаніе это болѣе ощутительнымъ, но и довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія черезъ то же изданіе и написалъ объ этомъ своемъ рѣшеніи слѣдующую замѣтку для газеты: «Замѣтка для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ «Messager de la Russie Méridionale». Одесса, 13-го октября 1823 г.

«Въ виду того, что редакція этого листка напечатала въ прибавленіи къ 80 № одну статью, еще неопубликованную въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, и нарушила этимъ тѣ точныя условія, на которыхъ было разрѣшено печатать, кромѣ торговыхъ, еще другія статьи, то это разрѣшеніе у нея отнято; ей запрещено отнынѣ впредь до новаго распоряженія печатать статьи какого бы то ни было содержанія, если онѣ не относятся къ торговлѣ Одессы, и она должна руководствоваться тѣми правилами, которыя были въ силѣ до 18-го сентября сего года».

Эта замѣтка была вручена г. Даваллону, который отказался ее напечатать. Вслѣдъ за отказомъ Даваллона напечатать набросанныя графомъ Воронцовымъ строки, послѣдовало въ скоромъ времени прекращеніе выпуска газеты. 17-го ноября того же года начала выходить новая газета «Journal d'Odessa ou Courrier Commercial de la Nouvelle Russie», причемъ графъ Воронцовъ исходатайствовалъ для нея разрѣшеніе печатать политическія извѣстія и метеорологическія наблюденія. Редакторомъ и издателемъ ея былъ Карлъ-Морицъ Сейтцъ, завѣдывавшій городской типографіей. Въ 1827 г. это изданіе было преобразовано въ двойную русско-французскую газету — «Journal d'Odessa» или «Одесскій Вѣстникъ».

Такимъ образомъ, первая одесская газета просуществовала всего $3^1/_2$ года. Ея краткое существованіе нѣсколько выяснило тѣ задачи, которыя должна была преслѣдовать тогдашняя одесская печать, и ея преемникъ, «Одесскій Вѣстникъ» явился лучшимъ періодическимъ изданіемъ на югѣ Россіи.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мельс и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. —V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

